

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Сборник научных трудов кафедр социально-
гуманитарных наук

Выпуск II

Брест 2005

ББК 66+60,5

УДК 301+327

Серия основана в 2004 г.

Научный редактор: доктор философских наук, профессор Яскевич Я.С.

Редакционный совет:

С.П. Винокурова, д. филос. н., проф., (председатель), И.И. Акинчиц, д. филос. н., проф., С.В. Лапина, д. социол. н., проф., Титаренко Л.Г., д. социол. н., проф., Томчонек Софья д. хабит., проф., Грибов Г.М., к. филос. н., доцент.

Рецензенты: Земляков Л.Е., д. полит. н., проф., зав. кафедрой идеологии и политических наук Академии управления при Президенте РБ;

Ротман Д. Г., д. социол. н., проф., зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета, директор Центра социологических и политических исследований БГУ.

Славянские страны в условиях системной трансформации и европейской интеграции: Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск II. – Брест: издательство БГТУ. - 2005.

ББК 66+60,5
УДК 301+327

ISBN 985-493-016-5

© Издательство БГТУ, 2005

I. СИСТЭМНАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ І ІНТЭГРАЦЫЯ ГРАМАДСТВА І ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫ, САЦЫЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТЫ

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

Яскевич Я.С.

Институт социально-гуманитарного образования Белорусского государственного
экономического университета, г. Минск, Беларусь

Современный мир уже невозможно представить вне диалога отдельных культур, «встречи цивилизаций», вне коммуникационно-понимающей трактовки цивилизаций, устойчивого и определяющего взаимодействия и равноправия. Глобальное взаимодействие культур, не оставляющее иллюзий о сохранении «чистых» цивилизационных образований в их первозданном этническом и социокультурном изоляционизме, приводит к становлению в XXI столетии глобальной культуры, единой планетарной цивилизации с новой шкалой общечеловеческих ценностей. Становится ясно, что при всей уникальности и неустраимости различий между отдельными цивилизациями — западной, исламской, индийской, африканской, китайской и других, при всем их культурном, этническом, социальном плюрализме, тезис о единстве мировой цивилизации уже не кажется ложной концепцией, а рассмотрение современного мира сквозь призму европоцентристского, рационального, западного видения не отвечает духу времени и глобальному планетарному мировосприятию. В этом процессе глобального взаимодействия и взаимовлияния различных культур и цивилизаций, их диалога, важное место занимает славянский мир, как особая цивилизация с присущими ей специфическими свойствами, расположенная на соответствующей территории и в определенный момент ее истории. Для ответа на вопрос о судьбе славянского мира в целом, а также белорусского государства в современных условиях, надо рассмотреть, что собой представляет процесс глобализации и геополитические реалии современного мирового сообщества. Глубокие изменения в геополитических стратегиях, трансформация социально-политических систем позволяют говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития.

Концепция глобализма утверждает, что современное общество — это целостный и взаимосвязанный мир, постоянно сталкивающийся с необходимостью культурного плюрализма при решении глобальных проблем современности (установление международного порядка на принципах равноправия и взаимовыгодного сотрудничества; развитие экономической интеграции; проблема предотвращения мировой ракетно-ядерной войны; экологические проблемы во всех проявлениях; демографические, энергетические, продовольственные проблемы; проблема использования космоса; субглобальные проблемы социокультурного, гуманитарного ряда, связанные с ликвидацией эксплуатации, нищеты и других форм социального неравенства).

Феномен глобализации выходит за чисто экономические рамки и охватывает практически все сферы общественной деятельности, включая политику, идеологию, культуру, образ жизни, а также сами условия существования человечества. На рубеже XXI века происходит заметное расширение и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей.

как людей, так и государств, что выражается в процессах формирования мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, планетарного информационного пространства, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности, социокультурном и духовном взаимодействии. Глобализация выражается также в усилении стандартизации образа жизни, сознания и поведения людей, образования, в повышении роли наднациональных и транснациональных структур.

Многие исследователи отмечают, что глобализационные процессы в экономике тесно связаны с ужесточением на мировом рынке конкурентной борьбы за контроль над природными ресурсами и информационным пространством через использование новейших технологий. Наряду с дестабилизацией финансовой сферы глобализация ведет к усилению диспропорций в мировой экономике и к нарастанию социальной поляризации, к одновременному выделению высокодинамичных систем и расширению числа стагнирующих. Происходит обострение и социально-политических проблем, причем не только в развивающихся, но и в развитых благополучных странах, что связано с притоком дешевой рабочей силы на их рынок труда, и как следствие, осложнением межэтнических отношений и ростом национализма в этих странах. Откровенный национализм и религиозная нетерпимость во все более опасных масштабах становится в XXI веке ответной реакцией тех представителей мирового сообщества, которые оказались не в состоянии преодолеть психологический шок глобализационных процессов. Глобальные масштабы приобретает экологическая проблематика, вызванная деградацией жизненно важной для здоровья человека природной среды, разрушительным техногенным влиянием на биосферу, необратимыми потерями в генофонде планеты, усиливающим воздействием парникового эффекта на климат планеты. Процесс глобализации проявляется, к сожалению, в том, что те природные ресурсы, которые ранее были вне сферы рыночных отношений, теперь включаются в нее; экологический кризис используется для создания мировой технократии, управляющей ресурсами и экологическими рисками; социальные связи и отношения сводятся к рыночным транзакциям и попадают в сферу частных интересов, а понятия солидарности, нравственности, гуманности и социальной справедливости нивелируются. Борьба идет не только по вопросам регламентации и установления экологических стандартов. По существу это борьба за контроль над природными ресурсами планеты, включая воздух, воду, землю.

Динамичный процесс глобализации мировой истории повышает значимость географического положения страны как ее природно-экономического ресурса. Если ранее оно оценивалось главным образом с позиций геостратегии, то в настоящее время большую роль приобретают такие его новые компоненты, как уникальность экосистем и их значимость для глобальных природных систем жизнеобеспечения; близость к мировым научно-техническим и финансовым центрам, международным транспортным потокам и т.п.

Такое междисциплинарное научное направление, как геополитика изучает зависимость внешней политики государств и характера международных отношений от системы политических, экономических и военных стратегий, обусловленных географическим положением страны (региона) и рядом природно-экономико-географических факторов (климатом, природными ресурсами, расселением и т.д.), а также естественно-культурной спецификой страны. Сегодня для Республики Беларусь исключительное значение приобретают способность выработать свое геополитическое мышление и собственную геополитическую стратегию, самостоятельно распорядиться своими природно-сырьевыми, интеллектуально-профессиональными и технологическими ресурсами, видеть хозяйственно-политическую перспективу.

Все геополитические концепции имеют две основы: природно-географическую и культурную. Природно-географическая основа определяется через географическое положение государства, набор соседей, добрососедство или конфликтность отношений стран, физико-географические особенности государственной территории. Культурная или духовная основа геополитики во многом определяется политической культурой государства и проявляется в каждом народе, как и в белорусском народе, через его национальный характер, историческое развитие в различных формах этнокультурной мозаики и цивилизационной изменчивости; через концептуальную основу геополитической идеи.

Постклассические геополитические сюжеты основываются в своих основных подходах на том, чтобы геополитический субъект сочетал при создании различных моделей мирового развития универсальный (мировой), региональный (цивилизационный) и страны (государственный) вектор безопасности. Ясно, что национальные интересы государства представлены достаточно фундаментально на национально-государственном уровне. Как решить проблему соотношения безопасности на трех названных уровнях при учете цивилизационно-культурологической динамики и общечеловеческих интересов — такого рода вопросы требуют от современного геополитического субъекта и рационально-взвешенной позиции в духе идей глобальной единой мировой истории, и определенной интуиции, и навыков рискованного поведения.

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования. Наибольшее внимание политологов, экономистов и других специалистов в настоящее время привлекает внимание вопрос о судьбе и функциях конкретных государств в условиях глобализации. Утверждения о неминувом отмирании национальных государств представляются сомнительными. Координация политики государств в области правового регулирования информационного пространства, экологии, борьбы с терроризмом, наркобизнесом и преступностью, не ослабляет внешнеполитическую роль современного государства, требует усиления института государственной власти в области как международного сотрудничества, так и изменений в функциях государства внутри страны. Процессы глобализации усиливают функциональное значение «национального ромба» (М.Портер), так как по мере их развития увеличивается роль главного ресурса в современной экономике — интеллектуального, профессионального и организационного потенциала общества. За этим стоит способность общества объединиться, мобилизовать свои материальные и духовные возможности ради достижения общих, надличностных целей. В отрыве от своей социальной и духовной базы этот главный ресурс не может развиваться только за счет расширения внешних связей и интеграции в глобальные сети. Здесь важен принцип субсидиарности (дополнительности), предусматривающий многоуровневую систему принятия управленческо-государственных решений, как это характерно, например, для Европейского союза: коммунальный, региональный, национальный и наднациональный. Интеграция при этом сочетается с федерализацией, а решение каждой конкретной проблемы относится к компетенции той власти, которая обеспечивает ее оптимальное решение. Отличительной особенностью оптимальной стратегии государства в условиях глобализации является то, что оно все более тесно кооперируется с обществом, делегируя ему часть своих полномочий и тем самым способствует его консолидации, развитию творческих сил нации и решению возникающих социальных проблем, контролируя действия бюрократического аппарата и борясь с коррупцией. Все это спо-

способствует успешной интеграции национального общества. Возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что чем богаче и крепче внутренние связи общества, чем больше уровень его экономической и социальной консолидации и выше значение системы «национального ромба», который графически выражает взаимосвязь и взаимодействие компонентов саморазвивающейся национальной экономической системы (производственных факторов, внутреннего спроса, уровня межотраслевой кооперации, стратегии банков и фирм), тем успешнее оно использует преимуществва интеграционных связей в условиях глобализации.

Какую роль в этом глобализационном процессе могут сыграть славянские традиции духовной культуры, сформированные в глубине веков богатой и порою трагической истории? Будут ли они востребованы мировой цивилизацией в условиях ее глобализации?

Сравнивая общеславянские духовные ценности с менталитетом западного человека, исследователи называют такие традиционные качества славян, как святость и добродетель, коллективизм и соборность, веру в идеал, служение обществу, в противоположность таким ценностям, как агрессивность, уверенность в себе, умение владеть собой, прагматизм; характерным для западного общества. При исследовании различных черт общеславянских духовных ценностей в литературе часто подчеркивается некоторая их сопоставимость с западноевропейскими и американскими типами ментальности. Это позволяет выделить такие альтернативы, как христианская мудрость и рационализм, свобода и рабство, добродетель и агрессивность и т.п.

Духовные ценности белорусов несомненно формировались в контексте восточнославянского менталитета, традиционно испытывая трудности существования между Востоком и Западом и осуществляя поиск собственного пути развития. Белорусская ментальность впитала в себя и униатскую склонность к компромиссам, и героизм католицизма, и строгую воздержанность вместе с индивидуализмом протестантизма. Многие исследователи отмечают, что белорусы миролюбивы, для них нехарактерно чувство национального превосходства над другими национальностями. Говоря о толерантности белорусской нации, обычно выделяют такие черты, как рассудительность и поиск справедливости без насилия, стремление к разумному компромиссу, терпимость, чуткость, уважение людей с иным мировосприятием и стилем мышления.

В последнее время все чаще слышен призыв к единению славян, который зародился в глубине веков. Объединительная программа всех славян, т.е. восточных, южных и западных (европейских), католиков, православных и др., именуется панславизмом. О необходимости единения славян говорили представители многих славянских народов. Сторонниками единения славянства были, например, К. Леонтьев, Н. Данилевский, примыкавшие к протестантизму мыслители Великого княжества Литовского С. Будный, Л. Зизаний, М. Смотрицкий, католики из этого же княжества Я. Веслицкий, Н. Гусовский, Я. Длугаш и др.

На рубеже XX - XXI столетий одновременно с интеграцией западноевропейских стран происходит процесс дезинтеграции славянского мира. Славянские духовные ценности, как проявление особой человеческой цивилизации и ментальности исторически уникальны и во многом самодостаточны. В наши дни разъединения славян и славянской трагедии на Балканах особенно актуально звучит призыв Н. Данилевского к мужеству, единодушию, твердой вере в величие славянских народов.

Ни для кого не является секретом, что процесс формирования единой глобальной космополитической цивилизации, о которой мечтал еще И. Кант, считая, что она будет представлять государство народов, устроенное по принципу всемирной федерации, в современных синергетических версиях модернизации видится как обустройство всего человечества по западной модели. В свете теории модернизации ведущее место в динамике чело-

вечества к универсалистским ценностям отводится Западу, как локомотиву цивилизованного поворота; остальные же элементы синергетической планетной системы, в том числе, и славянский мир, должны рационализировать свои традиционные ценности и жизнеустройство по западным стандартам, поворачивая свои вагоны-цивилизации вслед за локомотивом прогресса. Резкая поляризация между индустриальным ядром и периферией, автоматическое превращение оставших в резервуар для сбыта товаров и услуг, производимых в техногенном ядре, вызывают тревогу не у представителей западной модели глобальной модернизации человечества, а лишь у тех лидеров, которые осознают последствия ориентации на чисто западные ценности. В Докладе о развитии человека говорится о том, что мир становится более поляризованным, и пропасть между богатыми и бедными становится все шире. Перенос таких ценностей, по которым развивался западный социум, как индивидуализм, конкуренция, право на выживание сильного, культ накопления в традиционные общества дает печальные результаты.

Славянскому миру западными идеологами отводится важное место в стратегии противодействия самобытным цивилизациям. Своё отношение к иным типам цивилизации профессор американского университета Джона Гопкинса З. Бжезинский четко определил одним понятием - гегемония. «Гегемония стара, как мир, - пишет он, - однако современная гегемония Америки отличается стремительностью своего утверждения, своим глобальным характером, а также средствами своей реализации. В течение одного столетия Америка трансформировалась - не без динамики международного развития - из страны, изолированной в западном полушарии, в державу, беспрецедентную по своему влиянию и масштабам». Если такие политики, как Г. Трумэн, Дж. Буш, Р. Рейган, гегемонию США выводили из ее военного и экономического могущества («России следует показать железный кулак», - заявлял в самом начале холодной войны против СССР Г. Трумэн), то З. Бжезинский дополняет этот перечень таким компонентом, как культурная гегемония, выделяя при этом ее привлекательность среди молодежи. Развивая по сути дела известную концепцию С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, он учит, что в возможном конфликте двух основных цивилизаций XXI века - западной (атлантической) и конфуцианско-буддистской (восточной), в связи с чем славянский регион необходимо использовать как противовес усиления исламского фактора и для недопущения «конфуцианско-мусульманской» связи.

Вместе с тем, Бжезинский видит и трудности формирования из славянской цивилизации противовеса конфуцианству и исламскому миру в том случае, если славянство, восстановив свою мощь, может оторваться от Запада и установить тесные связи со странами, способными играть роль цивилизационных или региональных центров: Турцией, Ираном, Китаем. Восстановление «имперской мощи» славянства не вписывается в антураж стратегии атлантизма, для чего и прорабатывается тактика расчленения восточного славянства на самостоятельные анклав.

Как ответит на этот вызов времени славянский мир, как сохранить и умножить славянские духовные ценности и единство славян на рубеже веков, каковы приоритеты дальнейшего развития человечества? Эти вопросы призывают современные славянские народы к их величию, мужеству и твердой вере в свою историческую миссию единения различных народов, национальностей, конфессий, культур в контексте глобализации мировой истории и сохранения национальных интересов и приоритетов.

Важно понять, что даже в условиях глобализации при повышении роли транснациональных компаний в мировой политической системе, отдельные страны, в том числе и славянские, со своими национальными интересами остаются важнейшим фактором регулирования международных отношений, ибо иной формы управления обществом еще не придумано. Национальные государства не стали пережитком прошлого, а напротив, они остаются краеугольным камнем всех интеграционных процессов, в том числе и интеграции в Европе.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ И РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ ПО СОЗДАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Гиль С.В.

Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, г. Минск

Россия и Беларусь прошли большой путь к интеграции и единению двух славянских народов, путь от Сообщества к Союзному государству. В этом процессе важны как слаженная и согласованная работа всех органов Союзного государства, так и тесное взаимодействие и сотрудничество государственных органов наших стран. Естественно, не остались в стороне от этого процесса и органы законодательной власти Беларуси и России - Национальное Собрание и Федеральное Собрание. Они всеми доступными парламентскими средствами участвуют в развитии интеграционных процессов наших государств.

Развитие российско-белорусского единения требует прочного правового фундамента. И такой фундамент уже заложен, в том числе и благодаря Парламентам.

Так, парламентарии осуществляют активную последовательную работу по обеспечению унификации и гармонизации законодательств России и Беларуси. Уже давно пришло осознание того, что унификация - это не просто заимствование положений тех или иных законов страны-партнера. Она должна быть двусторонней и осуществляться с учетом международного опыта. И, конечно же, важна взаимосогласованность мер по унификации законодательства одного государства с аналогичными мерами со стороны другого государства.

Одной из форм унификации наших законодательств являются международные договоры. Понимая их значимость и исключительную важность, Национальное собрание вносит существенный вклад в формирование международной правовой базы. Белорусским Парламентом ратифицировано около 20 международных договоров, заключенных Республикой Беларусь и Российской Федерацией в рамках Союзного государства. Среди последних можно назвать межправительственные Соглашения о взаимодействии при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов, расположенных на территории Беларуси, принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг, о совместном тыловом обеспечении региональной группировки войск (сил) Вооруженных сил Беларуси и Вооруженных сил России и многие другие.

Интеграция наших государств требует согласованной работы и в процессе совершенствования национального законодательства. Принимая законы во всех сферах, Национальное собрание не забывает о важности и необходимости их унификации с соответствующими законами России. Так, в основном унифицированы положения гражданских кодексов Беларуси и России, Арбитражного процессуального кодекса России и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, принятого недавно в новой редакции. Значительные продвижения по унификации произошли в области налоговой политики. В частности, с положениями первой части Налогового кодекса России во многом унифицирована Общая часть Налогового кодекса Республики Беларусь. В качестве примеров унифицированных законодательных актов можно привести также Кодекс торгового мореплавания, Кодекс внутреннего водного транспорта, законы "О гражданстве Республики Беларусь", "О дорожном движении", "О естественных монополиях", "О газоснабжении", "О валютном регулировании и валютном контроле", "Об установлении и порядке повышения размера минимальной заработной платы", "О почтовой связи", новые редакции законов "О пограничных войсках Республики Беларусь", "Об охране окру-

жающей среды"; ряд изменений и дополнений Таможенного, Инвестиционного кодексов и многие другие. В них использовались общие подходы к правовому регулированию общественных отношений, общие концепции, структура, терминология законов и даже общие отдельные нормы.

Одним из направлений унификации и гармонизации наших законодательств является их приведение в соответствие с требованиями Всемирной торговой организации. Мы стремимся к синхронному присоединению Беларуси и России к ВТО, отстаиванию общих торгово-экономических интересов на международном рынке. Несмотря на то, что Россия в этом направлении находится несколько переди Беларуси, нами также уже принят целый блок соответствующих законов. Последними из них являются законы "О драгоценных металлах и драгоценных камнях", "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности", "О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами", "О техническом нормировании и стандартизации" и другие.

Кроме того, сейчас на рассмотрении в Палате представителей Национального собрания находится ряд законопроектов, направленных на унификацию с российским законодательством. Это, в частности, проекты законов "О лекарственных средствах", "Об объединениях нанимателей", "О гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей", о внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье, в Воздушный кодекс, в законы "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера", "Об охране историко-культурного наследия" и другие.

Все это свидетельствует о том, что парламентарии, осуществляя законодательную деятельность в национальных парламентах, активно влияют на развитие интеграционных процессов наших государств. Но не меньшей активности и ответственного подхода требует работа депутатов, входящих в состав Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. Здесь для них также представлены большие возможности для участия в союзном строительстве.

Парламентское Собрание вносит значительный вклад в выработку стратегии создания Союзного государства. От того, насколько дееспособен этот межгосударственный орган, во многом зависит решение вопросов формирования полноценной правовой базы интеграционных процессов.

Реализуя представленные полномочия по принятию нормативных правовых актов, имеющих статус законодательных рекомендаций, Парламентское Собрание приняло ряд таких актов. Некоторые из них стали основой для национальных законов. Так принятый Парламентским Собранием проект Закона "О финансово-промышленных группах" в последующем был положен в основу Закона Республики Беларусь "О финансово-промышленных группах". Проект Закона "О гидрометеорологической деятельности" был трансформирован в аналогичный национальный Закон. Кроме того, впоследствии он был направлен в Межпарламентскую Ассамблею государств-участников СНГ, которая приняла его в качестве модельного закона. А некоторые парламенты государств-участников СНГ приняли на его базе национальные законы.

Важнейшим звеном для эффективного развития Союзного государства является формирование и выполнение Союзного бюджета. Бюджет призван обеспечить функционирование различных программ, проектов и мероприятий Союзного государства, расходы на содержание его органов. Именно он во многом характеризует деятельность Союзного государства. Поэтому принятие бюджета Союзного государства, заслушивание от-

четов об его исполнении неизменно остается одной из ключевых и весомых функций Парламентского Собрания. В ближайшее время Парламентскому Собранию предстоит рассмотреть бюджет Союзного государства на 2005 год, внести в него в случае необходимости поправки и принять качественный сбалансированный документ. Здесь парламентариям предстоит большая и серьезная работа. И чем раньше она будет завершена, тем скорее смогут быть профинансированы новые программы и мероприятия, утвержденные Советом Министров.

Неоспоримо важна для формирования Союзного государства и активная международная деятельность Парламентского Собрания. Взаимодействие и сотрудничество с парламентами иностранных государств и другими международными парламентскими организациями направлено на укрепление международного авторитета Союзного государства, усиление его позиций в мировом сообществе.

Парламентское Собрание имеет статус постоянного наблюдателя при Межпарламентском Союзе, Парламентской Ассамблее Черноморского экономического сотрудничества, Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ, Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, поддерживает устойчивые отношения с этими межпарламентскими организациями. Большое значение для содержательного наполнения сотрудничества на международной арене имеют регулярные встречи парламентариев и представителей общественности.

Нельзя не отметить и роль различных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, проведенных Парламентским Собранием или с его участием. Ведь это не только возможность обменяться идеями, но и форма влияния на процесс союзного строительства.

Депутаты Парламентского Собрания постоянно ведут работу по строительству союзного государства и на местах. Встречаясь со своими избирателями, они стремятся поделиться с ними информацией об этапах союзного строительства и заручиться поддержкой широкой общественности в деле по созданию Союзного государства.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Крусъ П.П.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест

Среди множества важных духовных явлений современного общества можно выделить и процессы трансформации экологического сознания. Стремление к изменению присуще любой сфере действительности, однако, актуальность, сложность и динамичность эволюции представлений о взаимодействии человека и природы позволяют относить ее к числу приоритетных моментов цивилизационного развития. Особую значимость экологические проблемы приобрели в нашем полесском регионе, пострадавшем от невиданной техногенной катастрофы.

Практическое решение задач по защите природы, в конечном счете, зависит от состояния теоретического уровня экологического сознания, который определяет и направляет политические, экономические и нравственные стороны общественной деятельности. Правда, сам путь от теории к практике еще довольно долг и извилист, он требует специального, тщательного исследования и поэтому здесь мы ограничимся перечислением только некоторых теоретических моментов становления экологического сознания.

До сих пор не существует единого понимания предмета экологического познания, его рамок и возможностей. Сложна и запутана классификация экологических дисциплин; в которой постоянно возникают все новые и новые виды. Выделяют экологию человека и экологию животных; экологию вида и экологию души и т.д. Подобное разнообразие вызывает затруднения при систематизации и обобщении данных, используемых для создания целостных экологических картин природных и человеческих сообществ.

Особое место занимает проблема взаимодействия различных наук как естественного, так и гуманитарного характера. Так, например, своей "гуманизацией" экология обязана чикагской социологической школе, где в 20-е годы ушедшего столетия разрабатывалась стратегия создания гармоничных отношений человека и городской (урбанистической) среды обитания. Именно отсюда берет свое начало экология как гуманитарная дисциплина.

За это время экология претерпела сложный путь развития и достигла такого состояния, когда самым серьезным образом обсуждается возможность существования самостоятельного экологического мировоззрения. В этой связи вполне понятен накал полемики о наиболее значимых проблемах становления и развития экологического сознания. Приведем некоторые важнейшие аспекты этой полемики.

Во-первых, большую часть своей истории экология функционирует в рамках биологических наук, то есть, теоретическая биология определяет суть и методологическое основание всей совокупности экологических дисциплин. Так считают многие ведущие специалисты и с этим трудно спорить. Вместе с тем, хорошо известно, что биологические подходы к изучению человека в определенной мере ограничены, уже хотя бы потому, что человек в своей специфике является существом социальным. Приведем ряд важнейших аспектов биологии человека, имеющих особую значимость для глубокого понимания специфики экологических проблем. Речь идет об исследованиях характера биологических изменений современного человека, их места и значения в адаптогенезе и эволюционно-экологическом прогрессе.

В настоящее время широко обсуждается вопрос об общенаучном статусе понятия "адаптация", при этом часто случается механическое перенесение биологического значения этого термина на ряд технических, кибернетических и социальных систем.

Такое распространение значения понятия правомерно, вероятно, лишь, в смысле адаптивности как одной из многообразных сторон явления адаптации. Если взять понятие "социальная адаптация", то следует отметить принципиальные различия в способах достижения адаптационного результата в биологических и социальных системах: социальные системы преобразуют окружающую среду в соответствии со своими целями, а биологические - приспосабливаются, обычно посредством перестройки своей внутренней организации.

Относительно биологических изменений, существенно влияющих на экологию человека, выработаны в теоретической биологии следующие важнейшие положения:

1. Накоплены и систематизированы многочисленные сведения; свидетельствующие о закономерных сдвигах в различных неметрических (условно-качественных) и метрических (количественных) признаках современного человека под влиянием целого комплекса генетических, географических, биотических, абиотических, социальных факторов;

2. Ускорение полового созревания; увеличение размеров тела и другие процессы, выражаемые обычно общим понятием "акселерация", не носят прямого или линейного характера, как это предполагалось раньше, следует отметить, что механизмы акселерации во многом остаются еще не вскрытыми;

3. Преобладают два основных типа биологической пластичности современного человека: к первому типу можно отнести изменения которые, в той или иной степени, выражают адаптационные процессы как самого организма, так и популяции в целом: второй тип определяют сдвиги, полученные в результате взаимодействия различных факторов (в том числе вызванных социальными процессами) и не детерминирующие каких-либо адаптивных свойств человека;

4. Социальные факторы могут воздействовать на некоторые стороны биологии человека только в опосредованной форме.

Во-вторых, даже чисто биологическая сторона человеческой жизнедеятельности, если ее, конечно, можно отделить от общественной, связана с рядом палеоэволюционных проблем: взять хотя бы стиль мышления. Долгое время, как известно, в этой науке господствовал так называемый организмоцентризм, методологическая несостоятельность которого уже давно ни у кого не вызывает сомнений.

Значительно позднее был осуществлен популяционный подход как универсальный метод изучения всех форм и сторон жизни. Он сразу же был перенесен на исследования человеческих сообществ; что, само по себе, составило предмет громких дебатов в теоретической биологии. Например, можно привести обсуждение введения в антропологию термина "человеческая популяция" и его общенаучного статуса.

Остановимся на этом подробнее. В рамках гуманистического мировоззрения основополагающим является тезис о самоценности каждой человеческой личности. Но эта самоценность должна рассматриваться диалектически. Нельзя признать безоговорочно биологически позитивным все, что исходит от отдельного индивида. Индивидуально-номиналистический подход может быть заменен изучением жизни человека в историческом и социально-функциональном измерениях, то есть, как звено в цепи смены поколений и как элемент социальной системы. Именно на пересечении этих двух важнейших координат человеческой деятельности и располагается понятие "популяция человека". Популяцию человека следует определить как конкретно-историческую систему отношений между индивидами, существенно детерминированную типом способа общественного производства, в рамках которого осуществляется вся совокупность биологически значимой деятельности людей. Популяция является мобильной и динамичной структурной единицей вида *Homo sapiens*, отличающейся отсутствием четких границ и ареалов обитания.

Теоретические проблемы исследований биологических изменений современного человека тесно связаны с методологией научного познания и с философской рефлексией.

Сложная и опосредованная система субъектно-объектных отношений, в форме которой моделируется структура биологических процессов применительно к человеку, требует для своего отображения глубокого методологического анализа.

В качестве начала подобного рода исследования как раз наиболее эффективно использовать понятие "популяция человека", несущее в себе, в снятом виде, поистине огромный объем знания, и которое, при соответствующих обстоятельствах, может послужить основанием комплексных теоретических систем. Подходы подобного рода уже давно практикуются и демонстрируют в целом свою плодотворность. Достаточно назвать, например, изучение экологических проблем, акселерации (разумеется, не только в физическом смысле), глобальных проблем, в том числе социального и медицинского характера.

Популяционный подход позволяет не просто связать все перечисленные проблемы воедино, но и подвести под них соответствующий методологический и мировоззренческий фундамент. Он потребует корректировки всей системы ценностей, сложившейся в современном человекознании, преодоления той узкой ориентации на

жизнедеятельность отдельного единичного индивида, которая значительно ограничила познание природы человека.

Популяционный подход составляет фундамент познания самого эволюционного процесса и его факторов. Эволюционная теория в ее современном синтетическом варианте выступает сейчас системообразующей концепцией не только теоретической биологии, но и экологии.

Одним из основных моментов для обоснования биологической микроэволюции человека выступает рассмотрение особенностей важнейших эволюционных факторов и прежде всего специфики проявления естественного отбора в человеческих популяциях. В настоящее время большинство авторов признали наличие естественного отбора у человека в стабилизирующей форме. Стабилизирующий отбор действует, как правило, на поддержание видовой адаптивной нормы. Существует в литературе мнение и о принципиальном ослаблении действия отбора благодаря значительным социальным успехам в развитии человечества.

По нашему мнению, такое утверждение нуждается в некоторой корректировке. Речь в данном случае может идти не об ослаблении действия отбора как такового, а об ослаблении его негативных для человечества результатов (например, детская смертность, врожденная слепота и т.д.). Сам же отбор, как атрибут эволюционного развития всех биологических систем, включая человека, продолжает действовать, однако, это действие направлено не на общественную жизнь, а на биологическую природу человека. Конечно, эти уровни в определенной степени взаимосвязаны и одним из основных механизмов, с помощью которого осуществляется некоторое влияние биологических закономерностей на общественного человека, является процесс развития и вменения структуры человеческих заболеваний. Каждому историческому этапу в развитии общества, как правило, соответствует конкретная структура болезней. Происходит это прежде всего потому, что, вмешиваясь в действие отбора, который чаще всего ориентирован на совершенствование или сохранение адаптивной нормы вида, человек, зачастую неосознанно, может изменить его направление в совсем другую сторону, что нередко ведет к серьезным и непредсказуемым последствиям.

Таким образом, стоит еще раз отметить, что стратегия научного поиска должна быть направлена не на иллюзию о якобы затухающем действии естественного отбора у человека (ведь избавиться от него можно лишь в случае избавления и от своей биологической природы), а на управление отбором, что, в конечном счете, может привести к настоящему контролю над наследственными заболеваниями, устранению некоторых из них и обозначит тем самым еще один этап на пути возвышения человеческого рода.

Наконец, следует помнить, что сама эволюционная теория, хотя и является доминирующей среди общих биологических доктрин, все-таки еще не приобрела статуса окончательного обоснованного и теоретического учения. Антидарвинизм еще не сложил своего оружия и борьба за методологическое лидерство в биологии продолжается.

Таким образом, мы вынуждены признать серьезные методологические и гносеологические проблемы внутри самого биологического знания.

Определенную трудность представляют попытки создания механизма интегративного взаимодействия между естественнонаучными (биологическими) и социальными методами познания человека. Эта проблема по существу не может решаться в рамках какой-либо отдельной естественной науки и, поэтому, в настоящем вопросе наиболее четко прослеживается междисциплинарный ценностно-мировоззренческий характер экологического знания. Если говорить более определенно, то следует признать данную проблему комплексной и мировоззренческой.

Сказанное вовсе не уменьшает значения естественнонаучных оснований экологической науки. Наоборот, прошлое, настоящее и будущее любого мировоззрения всегда жестко зависит от качества научного фундамента, на котором оно строится. Речь идет лишь о том, что все естественные положения и факты должны располагаться системно, в рамках целостного знания, определяемого, как показывает исторический опыт науки, сущностью того мировоззрения, в рамках которого они интерпретируются.

Так, например, высшей ценностью в экофилософии, с начала ее возникновения и до настоящего времени, выступает благополучие человека, реализуемое через определенное взаимодействие с окружающей средой. Это главная детерминанта всей экофилософии. Однако начинает созревать и проблема изменения понимания высших экологических ценностей. Суть этой проблемы в следующем вопросе: "...а так ли уж непогрешим антропоцентризм в экологии, и нельзя ли его трансформировать в "натурцентризм"?". Главной проблемой "натурцентризма" станет вопрос о том, насколько человек ценен для природы, а не только природа для человека и, поэтому, как он должен поступать, чтобы соответствовать законам развития природы, а значит, в конечном счете, и своим собственным человеческим законам.

Речь, следовательно, может идти о качестве развития гуманизма, одной из опор которого будет выступать современное экологическое сознание. Серьезное обсуждение данной проблемы, безусловно, дело ближайшего будущего и основания для подобного подхода уже хорошо прослеживаются в реалиях духовной и материальной деятельности государства.

Следует подчеркнуть, что данный процесс уже осуществляется. Он оказывает глубокое и многостороннее влияние не только на установление более гармоничных отношений человека с природой, но и становится решающим фактором прогрессивной трансформации различных сторон жизнедеятельности современного общества.

PARTICIPATING IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION IN THEORY AND PRACTICE A HUMAN-RIGHTS-ORIENTED DIDACTICAL CONCEPT FOR ENTERING INTERDISCIPLINARY AND INTERCULTURAL EXCHANGE AND COOPERATION

Hans Walz

Hochschule Ravensburg-Weingarten, University of Applied Sciences, Germany

1. A basic perspective for interlinking glo-cal processes

Many of our professionally challenging tasks have, besides the specific professional part, a minimum of three relevant dimensions, namely ecological, economic and social. Further perspectives may be necessary or useful, e.g. political, institutional, organisational, geographical or artistic.¹ To find suitable ways of dealing with these complex tasks, it is necessary to have interdisciplinary cooperation. Looking at the increasingly 'glo-cal' (Robertson 1998; Beck 1998, 88-96) interlinking of our life references requires forming intercultural competences, like intercultural/inter-religious² cooperation.

¹ e.g. In the international research project 'Policity', supported by the EU Research Commission, architects, physicians, engineers, city-planners, sociologists and economists are cooperating in the perspective of Sustainable Development, to plan and build three new housing estates in selected cities in Spain, Italy and Germany with a concept of sustainable energy-technology. In this project the technical possibilities to save and renew energy will be researched and applied, as well as the lifestyles of the inhabitants, who will be made aware of energy-saving behaviour (see: www.zafh.net/html/pressemitteilungPOLICITY.html).

² See 2.2

Both the interdisciplinary and the intercultural/inter-religious competences are developing increasingly towards their own key qualifications. One requirement is that all participants orientate themselves with respect to different specialist and culturally ideological orientations of a 'basic perspective' which can be noted in their professional discourse. This basic perspective can be facilitated through the concept of 'Human Rights-Orientated Sustainable Development'.

In the starting phase, interdisciplinary and intercultural intended studies and project groups should be stimulated and motivated to reach a knowledge-based, worldwide accepted and communicable value-based decision. Each learning step is developed through experience and interaction with graphics; in part, worked out through multi-media learning methods, so that language problems can be dealt with.

2. Theoretical grounds for treatment and application

2.1 The ethical challenge of globalization

The growing together of countless towns and cities in the so called first, second and third world towards a world-society means that people of the world are within each other's reach and following this all their activities are affected. Facing these global relations, no-one and also no social, professional or national groups can be indifferent to how the ecological, economic and technological, and socio-cultural globalization processes take place. Those who do not respect, in their activities or business, the interdependence between ecological, social and economic dimensions, are not acting responsibly for themselves, interpersonally, and for following generations and all living beings.

2.2 Humanistic and authoritarian ethical/religious concepts

To get the real world orientation of each person, in view of their way of life, we need to look at the fundamental values and attitudes underpinning their activities and business. In the view of the sociologist Thomas Luckmann (1967, 48; 1991; Bergmann/Luckmann 1999, 113-17) these values and attitudes are 'religious', because they affect our everyday behaviour. In this way, every person is, in a broad sense, religious as well as ethical.³ Luckmann as a sociologist has a functional understanding of ethics and religion. This means, that in this sociological view there is no value judgement regarding which ethical or religious concept is 'good' or 'bad'. This functional definition of religion is helpful when regarding religious phenomena as 'social constructions of reality' (Berger/Luckmann 1966) without judgement.

But when viewing humans living together, we need a qualitative understanding of ethics and religion. Such a perspective is found in Erich Fromm's study of Psychoanalysis and Religion (1950). Fromm denotes religion, like Luckmann, as a "general human phenomenon". He defines religion as "any system of thought and action shared by a group which gives the individual a framework of orientation and an object of devotion." (l.c.; 20) On the basis of this formal definition Fromm goes in the direction of a central qualitative perspective with the following ethical key points:

"The question is not *religion or not*, but *which kind of religion*, whether it is one furthering man's development, the releasing of his specially human power, or one paralyzing them." (l.c., 26). According to these two possibilities Fromm denotes there may be "only one distinction" for all different ethical or religious orientations, theistic or atheistic, that is the distinction between "*authoritarian and humanistic*" religions. This distinction "cuts

³The organism ... becomes a Self by embarking with others upon the construction of an 'objective' and moral universe of meaning. Thereby the organism transcends its biological nature." (Luckmann 1967, 48f)

across nontheistic and theistic religions." (l.c.). Fromm gives us the following description for any authoritarian and humanistic orientation:⁴

"The essential element in **authoritarian religion** and in the authoritarian religious experience is the surrender to a power transcending man. The main virtue of this type of religion is obedience; its cardinal sin is disobedience. Just as the deity is conceived as omnipotent or omniscient, man is conceived as being powerless and insignificant. Only as he gains grace or help from the deity by complete surrender can he feel strength. Submission to a powerful authority is one of the avenues by which man escapes from his feeling of aloneness and limitation. In the act of surrender he loses his independence and integrity as an individual but he gains the feeling of being protected by an awe-inspiring power of which, he becomes a part." (l.c., 35)

"**Humanistic religion**, on the contrary, is centred around man and his strength. Man must develop his power of reason in order to understand himself, in relationship to his fellow men and his position in the universe. He must recognize the truth, both with the regard to his limitations and his potentialities. He must develop his power of love for others as well as for himself and experience the solidarity of all living beings. He must have principles and norms to guide him in this aim. Religious experience in this kind of religion is the experience of oneness with the All, based on one's relatedness to the world as it is grasped with thought and with love. Man's aim in humanistic religion is to achieve the greatest strength, not the greatest powerlessness; virtue is self-realization, not obedience. Faith is certainty of conviction based on one's experience of thought and feeling, not assent to propositions on credit of the proposer. The prevailing mood is that of joy, while the prevailing mood in authoritarian religion is that of sorrow and guilt. In as much, as humanistic religions are theistic, God is a symbol of '*man's*' own power which he tries to realize in his life, and is not a symbol for force and domination, having *power of man*." (l.c., 37).

Looking at our everyday inter-religious exchanges it could be misleading, to say, a certain religion, for example Christianity, is more authoritarian and another religion, for example Buddhism, is more humanistic. In view of this, Fromm emphasizes:

"The distinction between authoritarian and humanistic religion not only cuts across various religions; it can exist within the same religion. Our own traditions⁵ is one of the best illustrations of this point." (l.c., 42).

In view of our conscious or unconscious, in any case, real participation in ecological, economic and social globalization processes, we can derive from Fromm's ethical concept, these two alternatives:

- Globalization at the expense of others
- Globalization with human dignity and sustainable justice

2.3 Human Rights combined with Sustainable Development

The ethical basis for a globally orientated, living together, exchange and cooperation in theory and practice must fulfil the following four requirements:

1. In an ethical respect: Justice and participation for all current and future generations.
2. In a scientific respect: A strong scientific basis; if this is insufficient, then at least a theory based on scientific knowledge.

⁴ In the following quotations of Fromm's text from as early as 1950, we note his use of 'man' generically. However, the current, more gender sensitive use of language, prefers the use of plural forms (like 'their' or 'people') or gender-specific words like 'he' and 'she', which is more equal to males and females.

⁵ In the background of Fromm's biography and environment maybe he is referring to the Jewish and Christian traditions.

3. In a communicable respect: Globally political acceptable and easy to communicate.
4. In a legal respect: Worldwide political assurance to develop the ethical perspective as much as possible for local, national and global legal claims

Many universal concepts concentrate on ethical requirements, e.g.

- Immanuel Kant's 'Categorical Imperative'⁶;
- Albert Schweizer's 'Reverence for Life'⁷;
- Political theories regarding developed and undeveloped world economies and social systems⁸;
- Pedagogic approaches for global learning⁹;
- Joseph Buys' concept of 'Social Plastic' and developed from this perspective Roland Geitmann's appropriately 'anthroposophical' concept of 'Social Moulding' as educational concepts; (Buys o.J.; Geitmann 2001);
- Alfons Auer's ethical concept of the 'Autonomous Moral' (Auer 1975, 1995);
- Hans Küng's concept 'World Ethos' (Küng 1992)
- and many more.

Only the interworking¹⁰ of the anthropological concept of Human Rights with the ecological concept of Sustainable Development presently offers in theory, and in practice, a knowledge-based, widely accepted, legal and communicable ethical perspective for the global social moulding of our living spaces.

The anthropological concept of Human Rights consists of such fundamental humanistic values as dignity, self-determination and justice. These values have been articulated in several historical documents over a minimum of two thousand years not only in Western, but also in Eastern countries, (see Walz 1998: p.25-6). These documents can be regarded as the roots of the development of Human Rights. The scientist of religion, Hubertus Halbfas (1983:p.37), enumerates only three Eastern roots¹¹ and seven Western roots¹² of

⁶See: Kant 1964: Critique of Practical Reason, § 7: "Act only according to that maxim through which you can at the same time will that it should become a universal law" Im deutschen Originaltext: Kritik der praktischen Vernunft § 7: "Handle so, daß die Maxime deines Willens jederzeit zugleich als Prinzip einer allgemeinen Gesetzgebung gelten kann."

⁷ Schweizer 1936: REVERENCE FOR LIFE:

"I am life which wills to live, in the midst of life which wills to live. As in my own will-to-live there is a longing for wider life and pleasure, with dread of annihilation and pain; so is it also in the will-to-live all around me, whether it can express itself before me or remains dumb. The will-to-live is everywhere present, even as in me. If I am a thinking being, I must regard life other than my own with equal reverence, for I shall know that it longs for fullness and development as deeply as I do myself. Therefore, I see that evil is what annihilates, hampers, or hinders life. And this holds true whether I regard it physically or spiritually. Goodness, by the same token, is the saving or helping of life, the enabling of whatever life I can to attain its highest development... Ethics consist in my experiencing the compulsion to show to all will-to-live the same reverence as I do my own. A man is truly ethical only when he obeys the compulsion to help... The principle of reverence for life is nonetheless universal and absolute..." www.schweitzer.org/english/ase/aseref.htm; also available in français, deutsch, italiano, dutch.

⁸ See e.g.: Beck 1998

⁹ See e.g.: Bühler 1996

¹⁰ See Walz 2000; André/Walz 2003,8.

¹¹ King Hammurabi (2nd millennium BC), Edict of the Buddhist King Ashoka (3rd century BC), Mahatma Gandhi's program of non-violence (1893/1948).

¹² The 'Decalogue' in the Jewish-Christian Bible (Exodus 20); Laws of Solon in Athens (640-520 BC); Jesus's Sermon on the Mount in the Christian Bible (Mathew 5-7); Writing "About the peace of religion" by Nicolaus Cusanus (15th century); American Declaration of Human Rights (1776); Declaration of Human Rights in the French Revolution (1789); Communist Manifesto (1847/48).

Human Rights. This inequality is not proof, that in the East, there are less roots than in the West. It is a sign, firstly, that in the West, we are not conscious of the roots in the East and secondly, that, maybe in the East, there are other relevant perspectives for evaluating Human Rights. In this light we can understand the following comments of Eu-Jeung Lee (1998), a South Korean political scientist:

"Even if the authoritarian politicians in Eastern-Asia want to deny it: Human dignity and criticism of power are central components of Confucian's doctrine". According to Lee a discussion between East and West is necessary, held with empathy about the respective traditions to democracy and Human Rights. As a consequence of this aspect, she gives the following comment:

The "simplified black-white perspective between East and West has been predominant up to these days. This view hinders us from developing a real Western-Eastern dialogue of Human Rights. As long as Human Rights and democracy are propagated only as Western values, the West plays the role of a master. This reminds us of the colonial past when particularly the West violated Human Rights and democracy. In the mind of the people in Eastern Asia the humiliation still lingers on... In eastern Asia the process of modern rediscovery of democratic Confucian traditions hasn't finished, yet. A correctly understood dialogue could support this effectively."

Human Rights are not to be understood as a fixed, dogmatic block of articles. Rather their basic ethical demands have to be developed; they must be made global in actual manifestations. More and more we become aware of the perspective of the right not to be excluded (intercultural dimension) and the right to have the best living conditions (environmental dimension). It concerns the collective rights – the Human Rights of the third generation.

The postulate of a necessary development of Human Rights can better be emphasized by talking about being 'human-rights-orientated' (which is a more dynamic and attitude-orientated term) rather than by talking about "orientating oneself to Human Rights" (which sounds more static and more content-orientated).

So the development could happen if we confront the pillars of Human Rights, i.e. dignity, self-determination and justice, with the global and regional circumstances of human co-existence. Consequent to this co-existence is the need that all human beings take responsibility for building their future through participation and co-operation in their development.

Our living conditions include three important dimensions, namely ecology, social life and economy. The significance of these collective dimensions for our common future was proclaimed in 1992 at the UN Conference in Rio de Janeiro, where the majority of world states (178 in total) committed themselves to developing the concept of 'Sustainable Development'. This concept is also called 'Agenda 21', because it deals with the most important worldwide tasks in the 21st Century. The essential message of 'Sustainable Development' was already expressed in the so-called 'Brundtland-Report' from 1987 with the classical phrase:

Sustainable Development "meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs."

This principle guidance was taken-up in principle 3 of the Rio-Declaration with the following demand: The right of development has to be realized in a way that the needs of today's and future generations to development and environment will be fulfilled justly.

In this perspective it seems necessary, to develop the concept of the Human Rights according to the needs of all human beings worldwide. Considering that most tasks in our professional life are so complex that they can only be solved by interdisciplinary/inter-professional and intercultural co-operation, and that most sciences and professions (e. g. technicians, economists, lawyers, architects, except social workers) are more orientated to the concept of Sustainable Development than to the Human Rights, it seems necessary to

combine the anthropologically emphasized concept of Human-Rights-Orientated with the more future orientated ecological, social and economical dimensions of Agenda 21.

The connection between these two concepts to the principal guidance of "Human-Rights-orientated Sustainable Development" (Walz 2000) can be a scientific basis for interprofessional and intercultural co-operation on a global, local and 'glo-cal' scale.¹³

3. The didactical concept for teaching 'Human-Rights-orientated Sustainable Development'

3.1 The concept of Social Work as a Human Rights Profession

In 1992, from the UNO's International Association of Schools of Social Work (IASSW) and the International Federation of Social Workers (IFSW) brought out a handbook under the title "Human Rights and Social Work" for the study and practice of social work and in it, proclaimed social work as a worldwide, human rights profession.

The basic messages of this concept are:¹⁴

1. That Human Rights are universal, because they are founded in the basic biological, physical and social needs of people.¹⁵ These can be described scientifically, through which a science-based explanation of Human Rights with its ethical perspectives is possible. Consequently, a science-based explanation of Human Rights has been developed in 1992 called 'Social Work as a Human Rights Profession'.

2. On the basis of every different living condition (e.g. climate, agricultural conditions) and worldview, we develop in our local environment our present and future lifestyle in a way that secures satisfaction of our needs. In this way, we have developed out of a universal need, a many-sided cultural reality which caters for the basic requirements to live in our societies, e.g. a tent, igloo, chapel, crypt, house, church, temple, or even as a skyscraper.

3. The code of behaviour comes directly from the basic needs of affected people right through to professionals or volunteers. It can also come more indirectly from all professional institutions. Nevertheless, all professionals derive at least part of their professional ethic code from the needs of their clients¹⁶. This means, that these institutions or organisations have to ensure in our societies, professional, financial and organisational fulfilment of the appropriate basic needs.

3.2 The learning steps for developing an understanding of Human Rights-Orientated Sustainable

Development in detail (see appendix 1)

The basic statements mentioned above can be translated into the six steps show below:

Step 1: Take a worldview of Human Rights

There are various views that can be taken, e.g. colonialist versus one-world-view.

Step 2: Look at different environments in terms of Human Rights issues, namely communal, local, regional, national, continental and global, as well as glo-cal.

Step 3: Identify the basic biological, physiological and social needs as the universal basis of Human Rights.

¹³ Some examples you can find noticed in André/Walz 2003, p.:8; Reasons for the interlinking of these two concepts you can also find in a study from Wolfgang Sachs on the ecological Wuppertal-Institut;

www.wupperinst.org

¹⁴ See Staub-Bernasconi 1995; 2002, 317-322 Walz 1998; André/Walz 2003.

¹⁵ See: Obrecht, 1999; Galtung 1955; both authors develop the theory of Human Rights on the base of the needs.

¹⁶ In the view of Human Rights the affected people should not be seen as a 'client' or 'customer' but as a 'social citizen' ('Sozial-BürgerInnen; see Staub-Bernasconi 2000:p.161-6).

Step 4: Explore the cultural and religious systems formed to enable the fulfilment of needs under the conditions of the environment.

Step 5: Build guiding principles for deciding which cultural characteristics are humane or inhumane in terms of the theory of Human-Rights-Orientated Sustainable Development.

In steps 1-5 the basic steps of the didactic concept of Human Rights-oriented sustainable development have been worked on. This then prepares the ground for:

Step 6: The realization, that is to say, the damage to Human Rights and Sustainable Development through examples of the experiences of participants who should then reflect and/or to work through the above-mentioned model.

3.3 Number of participants, time and materials needed

This didactic model can be carried out with a minimum of nine and a maximum of 50 participants within a minimum of three hours. Here the steps studied can be looked at in detail, and interesting areas can be reflected and explored in more depth. For example, I have conducted a workshop with 45 people which took place over two days.

A detailed, contextual and methodological description of the concepts in German and English is available. The detailed learning steps are also available in German, French, English and Portuguese.

Figures

See the appendix

References

André, Graça/ Walz, Hans: The concept of 'Human Rights-Orientated Sustainable Development' in Social Work Education, in: Social Work in Europe Vol. 10, Nr. 2, 2003 pp:2-10. (Ed.: David Crimmens/ Karen Lyons, Russel House Publishin Ltd, Lyme Regis, UK).

Auer, Alfons: Ein Modell theologisch-ethischer Argumentation: 'Autonome Moral', in: Alfons Auer/ Albert Biesinger/ Herbert Gutschera (Ed.) Moralerziehung im Religionsunterricht, Herder Verlag, Freiburg – Basel – Wien 1975, 27 – 57.

Auer, Alfons: Zur Theologie der Ethik. Das Weltethos im theologischen Diskurs. Studien zur theologischen Ethik. Universitätsverlag Freiburg/ Schweiz / Verlag Herder, Freiburg – Wien 1995.

Beck, Ulrich: Was ist Globalisierung. Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main (4.) 1997.

Beck, Ulrich (Ed.): Politik der Globalisierung, Suhrkamp 1998.

Berger, Peter L./ Luckmann, Thomas: The Social Construction of Reality, Doubleday, Inc. Garden City, New York 1966. German: Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Mit einer Einleitung zur deutschen Ausgabe von Hellmut Plessner, S. Fischer Verlag, (4.) 19974.

Bergmann Jörg/ Luckmann, Thomas: Moral und Kommunikation, in: Bergmann/Luckmann (Ed.): Kommunikative Konstruktion von Moral, Vol.1, Westdeutscher Verlag GmbH, Opladen / Wiesbaden 1999,13-34.

Beuys, Joseph: Ein kurzes erstes Bild von dem konkreten Wirkungsfelde der Sozialen Kunst, FIU Verlag, Wangen im Allgäu, (o.J.).

Bühler, Hans: Perspektivenwechsel? – unterwegs zu ‚globalem Lernen‘, IKO Verlag, Frankfurt am Main 1996.

Galtung, Johan: Menschenrechte – anders gesehen, Suhrkamp Taschenbuch, Frankfurt am Main 1994.

Geitmann, Roland: Sozialgestaltung als Bildungsauftrag. Acht Thesen zu einer sozialen ‚Hebammenkunst‘, in: EthikMagazin 3(2001)1,46-51.

Fromm, Erich: Psychoanalysis and Religion, New Heaven, Yale University Press 1950.

Deutsch: Psychoanalyse und Religion. Gesamtausgabe. Völ. VI., (ed.: Rainer Funk), Deutscher Taschenbuch Verlag, München 1989.

Lee, Eun-Jeung: Menschenrechte in Asien, in: Publik Forum 1998, Nr. 5.

Kant, Immanuel: Werke, Akademie Textausgabe in 9 Bänden, de Gruyter, 1968 (Nachdruck der Akademieausgabe, Berlin 1902 ff); Werke in 12 Bänden, Theorie Werkausgabe, Frankfurt/ M. (Suhrkamp) 1968.

Kant, Immanuel, Kritik der praktischen Vernunft, Phil. Bibl. Meiner, Hamburg 1974 (Erstausgabe: 1788).

English: Groundwork of the Metaphysics of Morals, New York, Harper Row 1964; Critique of Practical Reason, Hackett Classic Series, Werner S. Pluhar.

Küng, Hans: Projekt Weltethos, Piper Verlag, München – Zürich 1992;

see also: http://www.weltethos.org/dat_eng/index_e.htm

Luckmann, Thomas: The Invisible Religion, New York 1967. Deutsch: Die unsichtbare Religion. Mit einem Vorwort von Hubert Knoblauch, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main 1991.

Obrecht, Werner: Umriss einer biopsychosozialen Theorie menschlicher Bedürfnisse. Geschichte, Probleme, Struktur, Funktion. Manuskript, Hochschule für Soziale Arbeit Zürich 1999.

Reichert, Elisabeth: Social Work and Human Rights. A foundation of Policy and Practice. Columbia University Press, New York 2003.

Schweitzer, Albert: Reference for life; the inspiring words of a great humanitarian, Hallmark editions 1971, ISBN: 0875292038; www.schweitzer.org/english/ase/aserfef.htm

Staub-Bernasconi, Silvia: Das fachliche Selbstverständnis sozialer Arbeit - Wege aus der Bescheidenheit. Soziale Arbeit als "Human Rights Profession", in: Wolf Rainer Wendt (Hrsg.): Soziale Arbeit im Wandel ihres Selbstverständnisses. Beruf und Identität, Lambertus Verlag, Freiburg/Br. 1995, 57-104.

Staub-Bernasconi, Silvia: Sozialrechte – Restgröße der Menschenrechte?, in: Udo Wilken (Hrsg.): Soziale Arbeit zwischen Ethik und Ökonomie, Lambertus Verlag, Freiburg/Br. 2000, 151-174.

Staub, Bernasconi, Silvia: Silvia Staub-Bernasconi * 12.5.1936 (an autobiographical contribution) in: Heitkamp, Hermann/ Plewa, Alfred (ed.): Soziale Arbeit in Selbstzeugnissen, Band 2, Lambertus Verlag, Freiburg im Breisgau 2002, 273-326.

Robertson, Roland: Globalisierung Homogenität und Heterogenität in Raum und Zeit, in: Ulrich Beck (Ed.): Perspektiven der Weltgesellschaft, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main 1998, 192-220.

Sachs, Wolfgang: Environment and Human Rights, Wuppertal Papers No 137, Nov. 2003, ISSN 0949-6266. www.wupperinst.org

United Nations, Centre for Human Rights, Geneva/ International Federation of Social Workers/ International Association of Schools of Social Work: Human Rights and Social Work. A Manual for Schools of Social Work and the Social Work Profession. Professional training Series No 1, New York/ Geneva (2.)1994.

German:

Vereinte Nationen. Zentrum für Menschenrechte et. al.: Menschenrechte und Soziale Arbeit. Ein Handbuch für Ausbildungsstätten der Sozialen Arbeit und für den Sozialarbeitsberuf. Übersetzung: Michael Moravek. FH Ravensburg-Weingarten (5.) 2002. (This translation - also a copy of the english original - can be ordered at: Fachhochschule Ravensburg-Weingarten. Postfach 1241, D-88241 Weingarten.

Portuguese:

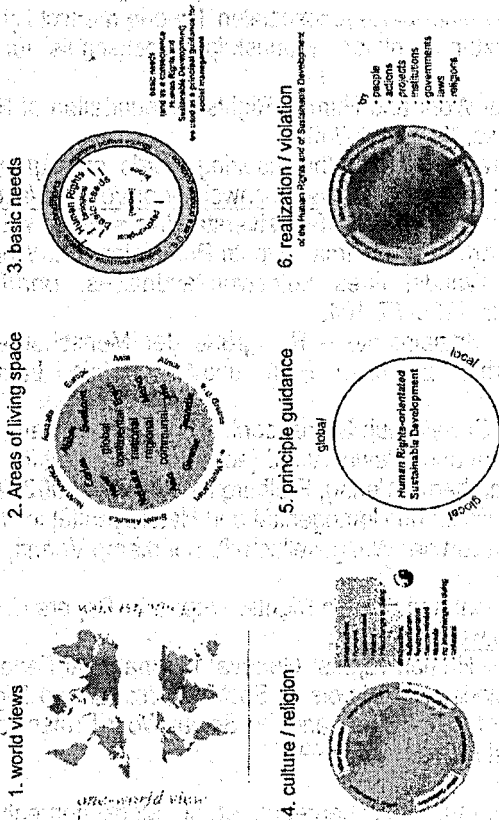
Organizacao das Nações Unidas. Serie Formação Profissional N° 1: Direitos Humanos e Serviço Social. Manual para Escolas e Profissionais de Serviço Social. ISSS – Departamento Editorial, Rue Bernardo Lima, 3 – 1150 – 074 Lisboa 1999.

Walz, Hans: Soziale Arbeit als Menschenrechts-Beruf, in: Soziale Arbeit 21(1998),17-28.

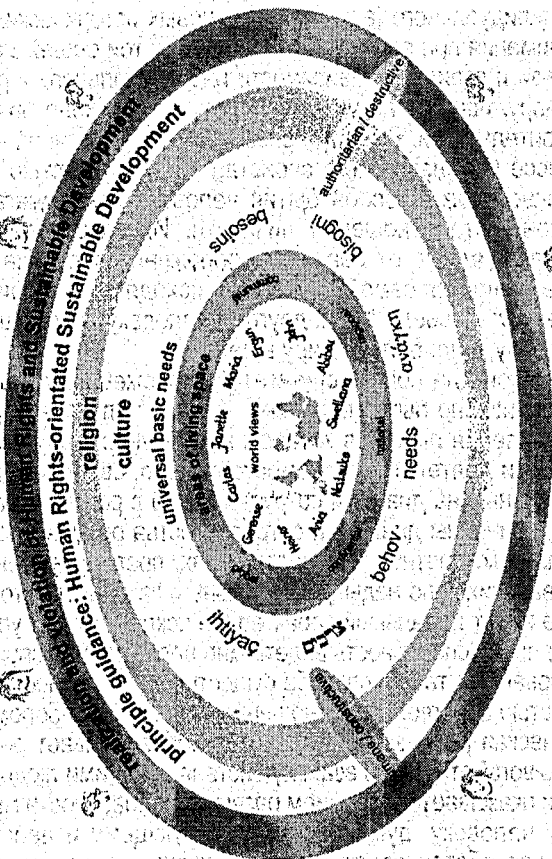
Walz, Hans: Menschenrechtsorientierte nachhaltige Entwicklung, in: EthikMagazin 2000/21:pp23-27.

Walz, Hans: Multiculturalism in Europe and Human Rights, Speech on the conference: "Social Work in the European Union", held on 18th – 19th November 2004 at the Licentatura em Serviço Social (School of Social Work), Universidade Lusófona de Humanidades e Tecnologias, Departamento de Ciências Sociais e Humanas, Manuscript, Hochschule Weingarten, 2004.

Human Rights-orientated Sustainable Development

**Steps of an interactive learning process
about the principle guidance of
Human Rights-orientated Sustainable Development**

21 by Jirina Welle, Fachhochschule Rheinberg-Management

**ЛИЧНОСТНЫЙ СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

Смягликова М.В.
Институт философии НАНБ, г. Минск

Сегодня, когда процесс трансформации оснований человеческого общежития идет не только на уровне отдельных локальных обществ, но и в глобальном масштабе, новую актуальность приобрело разрешение традиционных вопросов: "Каким будет мир людей в

будущем?”, “Будет ли этот мир человеческим миром?”, “Какая сила может быть движущей для сохранения и развития человечности мира людей?” Для того, чтобы дать ответ на эти вопросы, необходимо переосмысление взаимосвязи общечеловеческого (всеобщего) и индивидуального (единичного) в новых исторических обстоятельствах. В сфере особого внимания при этом оказывается поиск той общей меры, которая образуется из взаимосвязи и взаимной зависимости индивидуального и родового в человеческом бытии и обнаруживается на уровне особенного – в ходе личностного выявления человека в действительности. В центре рассмотрения – интенция наличных отношений человека в процессе реализации его свойства “быть личностью”. Отсюда определение сущности личностного способа бытия человека предполагает вычленение содержательного контекста отношений личности. Их качественная определенность сохраняет свою зависимость от реального положения человека в современном обществе, но устанавливается самой личностью, исходя из критериев личного отношения человека к иному: к своему “Я”, к другому человеку, к сообществам людей, к государству, к обществу, к природе, к миру в целом.

Исходной посылкой для поиска служит предположение: установление общества, основой которого призвано быть творческое начало человека, связано с определенным способом выявления людей, в котором ключевую роль играют ценностные ориентиры их сознания и деятельности, самостоятельно, свободно и осознанно выбранные ими и направленные на диалог и сотрудничество в решении своих жизненных проблем. Безусловно, принципы диалога и сотрудничества реализуются личностью в исторически и ситуативно конкретных обстоятельствах, предопределенных ей с момента рождения и развивающихся по надьиндивидуальным законам. В этой связи их воплощение на практике не носит идеальный характер, не исключает отступлений. Но главное в том, что индивидуальная способность видеть мир целостно и воспринимать его критически выступает основанием такого способа существования личности, который определяется: а) осознанностью собственного отношения к иному; б) выбором тех принципов деятельности, практическая реализация которых, преобразовывает реальную жизнь человека в процессе “живого” открытого взаимодействия с другими людьми, в котором обмен своими свойствами оказывается условием развития человечности мира людей.

Современному человеку, думающему, чувствующему и действующему в интенсивно изменяющихся обстоятельствах своей жизни, нельзя отказать в том, что он разумен в своих повседневных действиях, так как он понимает и осознает свои интересы, цели и условия их достижения. Однако в целом оказывается, что мир людей находится на грани антропологической катастрофы. А сама постановка вопроса о целевой переориентации человеческого развития зачастую признается абсурдной. Во всем этом можно усмотреть результат разрушительного воздействия вещной тотальности в мире человеческого, торжества технологической формы организации социального бытия человека, предавшей социальному забвению творческую самостоятельность единично-конечного человека. Однако в основании критической ситуации современных форм человеческого существования в интенсивно меняющемся мире лежит более глубокое противоречие. Вслед за Я. Сабуро, его суть можно определить как столкновение родового и конкретно-исторического обстоятельства человеческого бытия: “Родовая особенность существования человека состоит в том, что люди нуждаются друг в друге и живут совместно, освобождаясь от всевозможных ограничений. Поэтому отчуждение человека от жизни рода приводит к тому, что люди начинают относиться друг к другу только как к средству, отрываются друг от друга, утрачивают общность своей жизни” [1, С. 45]. Процесс отчуждения человеческой сущности отра-

жает антагонизм родового и конкретно-исторического начал в формировании личности современного человека.

Материалистическое понимание сущности проблемы личностного существования современного человека раскрывает очевидность того, что необходимость и потребность для индивида "быть личностью", как и само содержание этой потребности, обуславливается свойствами "обработанного человеческим трудом окружающего мира" [1, С. 45]. Форма реализации этой потребности (как личностный или "псевдоличностный" способ существования) зависит от тех условий, в которых живет человек, и, которые, в свою очередь, определяются стадией исторического развития общества. Однако "неблагоприятный" отчуждающий характер внешних обстоятельств жизни не лишает личность возможности развивать мир за счет целевого применения своих субъективных свойств, закладывая непрерывность точечных актов по изменению этого мира. Более того, такого рода внешние условия человеческой жизни превращают эту возможность в необходимость "чувственно-человеческой деятельности" (К. Маркс): в практическую потребность человечества изучать и развивать мир не только в форме объекта, но субъективно, акцентируя внимание на качестве отношений реально живущих людей. Во внутреннем мире человека эта объективная нужда в качественно ином содержании мира людей в снятом виде составляет основу потребности личности в самопознании и утверждении своей индивидуальности, а внешне - находит выражение в реальных поступках, отражающих содержание цели и принципов индивидуальной жизнедеятельности. При целевой установке личности на активное участие в жизни эта потребность реализуется в оценочной позиции человека по отношению к своей деятельности. В центре внимания при этом оказывается не результат, а сами реальные отношения личности, из совокупности которых складывается то или иное реальное достижение человека. Личностный способ существования, таким образом, представляет собой реальные отношения человека, осуществляемые на основе понимания естественной обусловленности человечности своей жизни определенным содержанием своих отношений с другими людьми и их отношений друг к другу.

В контексте метафизического видения сущности личности начало личностного способа существования обращено к надбытийной основе ее проявлений в действительности и отталкивается от понимания человека как переходного, неполного, "незаконченного существа". Началом творческого, позитивного для других людей существования личности для представителей русской идеалистической философии выступает отношение человека к Богу, закладывающее в основание его реальных отношений принцип любви. В работе "Религия любви" С. Франк, говоря об общей установке человеческой души, замечает, что это личностное любовное отношение к людям не имеет ничего общего ни со свойственной западному рационализму терпимостью "в смысле признания субъективных прав другого и подчинения его собственному поведению правовому порядку, обеспечивающему эти права... Оно лишь моральное ограничение и самообуздание эгоистической воли, а не произвольное, радостное, активное движение навстречу жизни и живым существам" [2, С. 410], ни с буддийским усмотрением наличности собственного "я" во всем сущем [2, С. 411]. Но есть "живое, положительное принятие "ты", как усмотрение близкого мне "ты" во всех". Отсюда, "первоисточник самого нашего бытия - "есть любовь", т. е. сила, преодолевающая ограниченность, замкнутость отъединенность нашей души и все ее субъективные пристрастия, - сила, открывающая душу и дающая ей сознать себя не как "монаду без окон", а как исконный и неотрывный член всеобъемлющего единства, помогающая ей усматривать в любовной солидарности со всем сущим основу

ее собственной жизни" [2, С. 412]. Таким образом, личностное показано сущностно связанным с содержательной стороной отношения человека к другим людям, определяемой постижением глубины божественной любви к человеку, "созерцанием сердцем". "Не удивляйся, мой милый, – пишет в своем письме к сыну И. Ильин, – безверию и маловерию западных народов: они приняли от римской церкви неверный религиозный акт, начинающийся с воли и завершающийся рассудочной мыслью, и, приняв его, пренебрегли сердцем и утратили его созерцание" [2, С. 399]. Вместе с тем, жизнь "подобна огромному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несет нас с собою. Нельзя жить всем, что он несет; нельзя отдаваться этому крутящемуся хаосу содержаний. ... надо выбирать: отказываться от очень многого ради сравнительно немногого; это немногое надо привлекать, беречь, ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность" [2, С. 398].

Оригинальное различение начал личностного и "псевдоличностного" способов существования человека в мире обнаруживается в рассуждениях П. Флоренского о *лице* и *вещи* как критериях жизнепонимания. В частности, в своей работе "Столп и Утверждение истины" он замечает: "... рационалистическое же жизнепонимание решительно не различает, да и не способно различать *лицо* и *вещь*, или, точнее говоря, оно владеет только одной категорией, категорией вещиности, и потому все, что ни есть, включая сюда и лицо, овеществляется им и берется как вещь..." [2, С. 289].

В чем же противоположность вещи и лица как критериев понимания мира и отношения в нем? Оказывается в том, "что вещь характеризуется через свое внешнее единство, то есть через единство суммы признаков, тогда как лицо имеет свой существенный характер в единстве внутреннем, то есть в единстве деятельности самопостроения, – в том самом самоположении "Я", о котором говорил Фихте. Следовательно, тождество вещей устанавливается через тождество понятий, а тождество личностей – через единство самопострояющей или самополагающей ее деятельности" [2, С. 289]. Мысль о зависимости полноты бытия человека от того, на каком качественном основании выстраиваются его отношения к другим людям, оригинально представлена также В. Соловьевым в его работе "Смысл любви". Он пишет: "Если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т. е. во взаимном исключении существ друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа" [2, С. 73].

На основании рассмотренного выше можно сделать вывод о том, что характерным признаком личностного существования для русских философов к. XIX – н. XX веков является открытое отношение человека к другим людям, смысл которого отождествляется со способностью любить, возникающей и развивающейся в человеке по мере постижения им Бога. Таким образом, обращается внимание на содержание внутреннего мира человека, выступающее предпосылкой иного качества отношений человека в мире, чем предзаданное ему обстоятельствами. Обнаруживается принципиально важный момент в сущности личностного способа существования как фактора развития человека и общества – содержательная определенность человеческих отношений различного уровня. И если внешний план личностного способа существования связывает позитивную реализацию личностного начала человека с реальной практикой его жизни, с усилием воли человека, которая есть не что иное как мысль, воплощенная в действительность (К. Маркс), то внутренний план – открывает нам позитивную мощь энергии сознательно коллективной деятельности людей. В ее основании оказываются взаимосвязанными две формы свободы человека: осознанной необходимости "быть личностью" как оборотной стороны сознательного преодоления необходимости "быть обезличенным" действительностью.

Итак, субъективным условием преобразования неоднозначных обстоятельств современной социальной жизни соразмерно потенциалу человеческого начала является личностный способ существования людей в конкретном обществе. Определяющим признаком этого способа выступает ценностный ориентир отношений и связей конкретной личности.

На рубеже XX – XXI веков, когда трансформационные процессы охватили не только общества бывшего единого советского пространства, но глубоко затронули все сферы коллективного бытия людей в глобальном масштабе, особую жизненную значимость приобретают вопросы о том, каким путем пойдет дальнейшее развитие мира людей, какая форма изменения человеческой истории (революция или эволюция) будет определяющей, а также, какая сила будет основой этого движения. Поэтому выяснение связи личностного способа существования человека с определенной формой переустройства жизни людей в современном мире представляет особый интерес.

В разные исторические эпохи в революционной форме преобразований общественного бытия мыслящие люди усматривали различные симптомы того, какой может быть человеческая история. Так, для И. Канта, жизнь и творчество которого принадлежит эпохе Нового времени, факт способности человечества к прогрессу обнаружила свершившаяся Великая французская революция. Это событие оказалось для него важным "историческим симптомом" тенденции поступательного движения мира людей на основе их сознательных, нравственных в своей основе, действий. Вместе с тем, И. Кант не усматривает в революционной форме изменения общественного бытия во Франции универсально-необходимого средства разумного развития человеческого сообщества. Исходя из обстоятельств жизни в Германии конца XVIII века, в своих теоретических построениях он обращается к иному механизму разумных изменений – эволюционному. Он соединяет практическую возможность сознательного творения человечеством своей истории с сущностью человека как свободного существа, связывающего себя через свой разум безусловными законами и именно поэтому не нуждающегося ни в идее о другом существе над ним, ни в других мотивах, кроме самого этого закона. В силу того, что объективно практическая реальность есть поле сочетания "целесообразности из свободы" с "целесообразностью природы", а высший моральный закон "желает, чтобы высшее возможное через нас благо было осуществлено...", принципиальное значение для разумного развития совместной жизни людей имеет революция в образе мыслей человека "через новое творение... и изменение в сердце". В контексте современного положения человека, характеризующегося сочетанием интенсивно развивающейся высокотехнологичной цивилизации на фоне глубокого духовного кризиса, представляются важными две обобщающие идеи И. Канта: о возможности "быть добрым" для человека, испорченного в основании, за счет постоянного созидания; и о связи присутствия высшего блага в мире с разумностью конечного человека, для которого характерна революция в мысли и эволюция в чувствовании. Современного человека, при наличии определенных оговорок, пользуясь терминологией И. Канта, можно назвать "человеком, испорченным в основании своих максим". Согласно немецкому классику такой человек может быть добрым человеком только в непрерывной деятельности и созидании, так как "революция необходима для образа мыслей, а для образа чувств (который препятствует ей) необходима постепенная реформа" [3, С. 51].

Осмысление революционной формы разумного преобразования общества на живом историческом материале начала XX века обнаруживает новые стороны ее практического воплощения. Так, революция 1905 года в России в кругу русской философской интеллигенции в значительно меньшей степени рассматривается в связи с сознательными нравственными целями человеческого развития. Факты, сопутствующие этому событию, стали для нее свидетельством того, что практическая реа-

лизация революционных идей может приводить к неожиданным последствиям, имеющим мало общего с разумной, нравственной деятельностью человеческого существа. "Нравственное вырождение, которым кончилась революция 1905 г., нанесло некоторый удар престижу революционной морали, пишет, например, Н.А. Бердяев, — и ореол революционной святости потускнел. Но действительного излечения, на которое некоторые надеялись, не произошло" [4, С. 287]. Подобное умонастроение большого круга лиц — представителей мыслящей России того времени, проявилось также и в последующей критической оценке Великой Октябрьской революции, что в не меньшей степени было обусловлено теми последствиями, которые возникли по факту *столкновения в революционной практике рациональных усилий и неразумной чувственной стихии человеческого начала*. Так, например, А.С. Изгоев замечает: "...в русскую жизнь пришел даже не индивидуализм — законный и в известных пределах для нас необходимый, а противообщественный солипсизм, разрушающий социальные связи. Лозунги говорили о всеобщем братстве и равенстве, а в действительности всякий "социалист" действовал по правилу: каждый для себя, рви что можешь и где можешь" [4, С. 381]. Значительно позже С. Московичи определит природу возникновения этой непредсказуемой силы как феномен "психологии толп", в основании которого толпа выступает как "странное явление: аккумуляция разнородных элементов, не знакомых друг с другом" [6, С. 450]. Разрушительная сила этого явления проявляла себя и в период Великой Французской революции, и позже. Наблюдается она и в наши дни, сопровождая "освободительную миссию" США в Ираке, Югославии, Афганистане. В этом фиксируемом и повторяющемся в истории феномене, вырастающем из противоречия между "разумностью" усилий по изменению обстоятельств жизни людей и "неразумностью" стихии, вызванной разрушением привычной системы социальной, экономической, политической организации окружающего людей мира, в критические моменты истории, когда происходит смена оснований развития совместного бытия людей, обнаруживается наиболее ярко и остро социальный смысл содержательной стороны отношений людей в обществе. Проблема оказывается сконцентрированной вокруг систематизирующего критерия социальной связи людей, на основе которого понимание действительности и практическая деятельность реального человека способствует поступательному воплощению позитивных форм общественной жизни. В основании механизма этого движения находится осознанный выбор личностью цели и принципов проявления своей индивидуальности в общественных отношениях различного уровня. Таким образом, понимание не только фактической действительности и своего положения в ней, но и социальной основы реального осуществления своей индивидуальности — важное условие противостояния стихийности "века толп", образующихся, согласно С. Московичи, из "массы людей, порвавших нити традиций и верований, потерявших всякий контакт с местными установлениями и всякую связь со своим сообществом. Людей которые обнаруживают себя одинокими и безмянными. Вырванные из своей общественной ткани, они вовлечены в круг медиа и потребления в соответствии с моделью, назовем ее американской, которая им чужда" [7, С. 449]. Природу этого явления, как и противоположного ему — крайней индивидуализации человека, когда содержание его личности определяется предельным эгоизмом, предвосхитил еще К. Маркс. Он показал ее как результат таких исторических условий, в которых человеческое развитие проходит в обстоятельствах отчуждения человека от продуктов его деятельности и сопряжено с объективной невозможностью для индивида распредечивать необходимые родовые человеческие свойства, формирующие индивидуальное лицо его собственной человечности. И связано это с тем, что условия для реализации этой возможности лежат за пределами того про-

странства повседневной жизни человека, которое определяется основным экономическим законом капиталистической формы хозяйствования. Положения К. Маркса об отчуждении человека во многом объясняют нам причины современного разрушения целостной силы субъективного фактора развития общества и поляризации этой распавшейся силы на крайних точках своего проявления: эгоизм крайнего индивидуалиста – "безликость" и "безумие" человека массы. Можно ли найти выход из создавшегося положения? Если за основу преобразований обстоятельств существования современного человека взять реформационный путь развития общества, то очевидно, что для того, чтобы достичь существенных изменений в настоящем необходимо единство цели действий, предпринимаемых как со стороны общества, так и со стороны личности. Важным является формирование определенного содержания личностного начала человека. Поэтому успех изменений в обществе предполагает согласованность усилий социального и индивидуального порядка по формированию целостной личности, ориентированной на определенные критерии своих отношений с другими людьми. Таким образом, обнаруживается социальный контекст личностного способа существования, в основе которого принцип социальной связи, организующий людей в единый социальный организм, объединенный целями созидательной деятельности, и предрасполагающий их к прогрессивным преобразованиям в обществе.

Итак, личностный способ существования – это творческая жизнедеятельность человека, в процессе которой важно не только создание им чего-то нового предметно, но имеет значение нравственный смысл его активности. В современных исторических условиях внешние предпосылки для формирования и расширения принципа личностного способа существования человека до масштабов всего общества будут вырабатываться преимущественно локально, то есть в пределах тех социумов, которые ориентированы на прогрессивный гуманистический вектор исторического движения и реализуют эту ориентацию на практике в социальной, экономической, политической и других сферах общественной жизни. Подход, характерный для современной политической и экономической деятельности США, будучи направленным на утверждение экономических интересов собственной элиты в масштабах всего мира, на самом деле вносит деструктивный модус в социальную целостность человечества. Причина в том, что в основе "гуманистических" целей деятельности этой страны лежит экономический закон, низводящий индивидуальное в человеке, в культуре или в общении людей до уровня несущественного, безразличного, и замещающий личностное индивидуальным.

Вместе с тем, определяющим моментом социального смысла личностного способа существования является гуманистическая коллективистская ориентированность жизнедеятельности конкретной личности, что, по своей сути, позволяет видеть в нем субъективную основу формирования коллективной исторической силы постиндустриального развития мира – народа как общности, объективной основой единства которого является совокупная созидательная деятельность людей во всем их индивидуальном многообразии. Именно личностная основа общей активности, выраженная в исторической деятельности народа, позволяет видеть в личностном способе существования единичного человека элемент той социальной силы, которая сегодня действительно способна противостоять и мощной силе стихии толпы, и безликой власти массового общества. И это чрезвычайно важный момент. Достаточно вспомнить недавние события в странах, где с помощью политических технологий и экономического подкупа произошли "бархатные революции": Чехия (ноябрь 1989 г.), Югославия (сентябрь-октябрь 2000 г.), Грузия (ноябрь 2003 г.), Аджария (май 2004 г.). Их "успех" во многом связан с умелым применением силы толпы, дестабилизирующее значение которой из сопутствующей в период социальных революций прошлого превратилось в силу, определяющую ситуацию в событиях настоящего.

Итак, личностный способ существования человека, будучи рассмотренным как технология гуманистически ориентированного отношения человека к себе и другим людям, отражает качество связей и отношений людей друг к другу, обнаруживая при этом предназначающую роль ценностного признака отношений реального человека с окружающими его людьми. При этом логика социального воспроизводства раскрывается во взаимосвязи и взаимозависимости от конкретно-исторической доминанты ядра ценностей, определяющих отношения людей друг к другу в пределах конкретного общества. Обнаруживается определенная обусловленность социального воспроизводства и развития общества масштабом и степенью согласованности активности людей, его составляющих, в действиях которых находит свою реализацию человеческая способность выстраивать собственную программу личного развития, и, осуществляя свой собственный выбор, отвечать за него перед другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Сабуро Я. Философские размышления о природе человека: К вопросу о теории отчуждения К. Маркса // Японские материалисты. - М., 1985.
- [2]. Русский Эрос, или философия любви в России. - М., 1991.
- [3]. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Сочинения: В 6-ти тт. - Т. 4 Ч. 2.
- [4]. Вехи. Из глубины. - М., 1991.
- [5]. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. - М., 1998.
- [6]. Московичи С. Век толп. - М., 1989.
- [7]. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М., 2002.

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ»

Лапина С.В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что сформировавшееся еще в прошлом столетии информационное общество – это упрощенный вариант социального устройства, в котором технологии создания, трансляции и потребления информации стали играть роль главного фактора социальной динамики. В XXI веке отчетливо проявились тенденции, которые еще не в полной мере проанализированы, но их реализация уже получила название – общество знания (Knowledge Society).

Состоявшийся 9-11 марта 2005 г. в Брюсселе Форум "Science in Society" обозначил основные направления деятельности научного сообщества в новых социальных реалиях в названиях своих сессий.

1 сессия – **Наука, общество и Лиссабонская стратегия** посвящалась анализу целей развития объединенной Европы в соответствии с планами развития до 2010 г., определенными в Лиссабонской стратегии по устойчивому развитию. Суть Лиссабонской стратегии состоит в создании в объединенной Европе самой конкурентоспособной в мире, динамичной наукоемкой экономики, способной к устойчивому росту на основе создания новых рабочих мест и роста социальной солидарности.

2 сессия – **Наука, технология и демократия** была посвящена анализу путей взаимодействия науки с высшими государственными чиновниками, принимающими решения в демократическом обществе, особенно на уровне Евросоюза.

3 сессия – **К культуре научной коммуникации**. Эта сессия рассматривала проблемы влияния быстроразвивающейся науки на технологии нашего жизнеобес-

печения. На этой сессии анализировались причины недостаточного уровня развития культуры научных коммуникаций. В связи с этим ставился вопрос создания обучающих программ для «научных посредников», рассматривались проблемы учреждения в Европе новых научно-популярных изданий.

4 сессия – поставила перед участниками вопрос **Как стимулировать вовлечение в науку представителей разных социальных групп?** (Так и называлась эта сессия)

На сессии речь шла о включении в научную деятельность представителей разных социокультурных, в т.ч. этнических групп, что позволяет рационально использовать преимущества поликультурного общества.

На этой же сессии особо рассматривались вопросы о недостатке молодых ученых, а также анализировались проблемы формирования профессиональной научной карьеры женщин. В итоговом документе Форума была высказана серьезная озабоченность социальными трансформациями, происходящими в современном обществе и затрагивающими права и свободы каждой отдельно взятой личности. В связи с этим было принято решение о создании электронной сети с базой научных знаний, которые таким образом становились бы доступными для высших чиновников, принимающих решения. Эта база знаний (экспертная система) получила название **SINAPSE (Scientific Information for Policy Support in Europe)**, т.е. в переводе с английского языка – *Научная Информация для Поддержки Политики в Европе*.

Созданная база знаний является инструментом обмена знаниями между научной общественностью и лицами, принимающими решения. Это должно обеспечить интерактивный процесс обмена научными мнениями и рекомендациями в целях предвидения потенциальных кризисов в общественном развитии и может способствовать лучшему пониманию важных научных проблем.

Решение о создании интерактивной программы было принято на итоговом заседании Форума в Брюсселе 9 марта 2005 года в присутствии более чем 1000 участников.

По мнению создателей SINAPS, он будет гарантировать то, что знание и экспертиза, которые являются иногда труднодоступными для лиц, принимающих решения, станут для них открытыми. Больше чем 150 организаций, университетов и отдельных представителей уже дали согласие на участие в «Желтых страницах для научной экспертизы». Участие новых членов приветствуется в целях создания как можно более широкого научного ядра. Участие является открытым и бесплатным для всех.

SINAPSE - только один пример проекта, который Европейская Комиссия разрабатывает в рамках программы «Наука и программа действий общества».

Предпринимаемые в рамках европейского научного сообщества мероприятия представляют задуматься над особенностями функционирования науки как социального института в современном обществе знаний. Очевидно, что в условиях инновационной политики, основанной на использовании наукоемких технологий, наука как социальный институт становится все более интегрированной в общественные структуры. Эта интеграция предполагает профессионализацию научной деятельности и становление особой формы трудовых отношений, основанных на специфике научного труда.

Профессионализация в условиях государственной организации социальной жизни предполагает наличие социального диалога как особой институциональной формы трудовых отношений. Социальный диалог в официальной интерпретации Международной организации труда интерпретируется одновременно и как средство и как результат достижения социального согласия в обществе.

Социальный диалог в этом своем двустороннем качестве включает различные типы переговоров, консультаций и обмена информацией между представителями правительства (органами государственного управления) и разными категориями работников. В конечном итоге социальный диалог направлен на поиск общих

интересов в рамках социальной политики, реализуемой государством. В заключении, как отмечается на официальном сайте Международной организации труда, определение и содержательное наполнение социального диалога варьируется в зависимости от конкретных условий каждой отдельно взятой страны.

К этому следует добавить, что социальный диалог как форма социальной коммуникации изменяется не только в связи с региональными политическими особенностями. Анализ современных тенденций общественного развития позволяет сделать вывод, что изменения в содержании социального диалога приобретают глобальный или хотя бы «паневропейский характер», что связано с общими социальными трансформациями, переводящими общество в новое качественное состояние, в котором уже не только информация, но информация определенным образом организованная, превращает современное общество в общество знания. Традиционные же формы социального диалога, сложившиеся в индустриальном обществе и в определенной степени отвечавшие тенденциям развития постиндустриального общества на первых этапах его развития, сегодня требуют адекватных модификаций.

Это связано с тем, что социальная структура, формируемая под воздействием внедрения науки в широкую социальную практику, претерпела значительные изменения. Ученые, включаясь в социальную структуру в качестве особой социальной группы, привнесли в нее особые характеристики, отличающие ее от традиционных работников – рабочих и служащих. Научная деятельность, являясь специфическим видом деятельности, не вписывается по своим параметрам в какой-либо исключительно один вид человеческой деятельности, относящийся к его основным видам.

Известно, что таковыми являются труд, игра и обучение. Не вдаваясь в подробный анализ различий этих основных видов человеческой деятельности, нельзя не заметить, что научная деятельность по своим социальным и социально-психологическим характеристикам входит во все вышеназванные виды. Более того, научная деятельность, познавательная практика, связанная с моделированием и экспериментом, становится особой формой целостного существования человека. Жизнедеятельность ученого не подразделяется на время до и после работы, в связи с этим стандартная форма трудовых соглашений становится не совсем адекватной сложившимся ранее формам социального диалога между государством и учеными как работниками.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что будущее общества знаний зависит от научного прогресса, который, в свою очередь, строго коррелируется с условиями, которые создаются в обществе для развития и использования его научного потенциала.

Современное же общество в глобальном масштабе обеспокоено тем, что молодые люди – сегодняшние школьники и студенты – не проявляют высокого уровня заинтересованности к занятиям научной деятельностью. Так, в одном из докладов Еврокомиссии (Генеральный директорат по образованию и культуре), отмечалось, что исследования, проведенные среди школьников в 50 развитых странах мира, демонстрируют низкий уровень их мотивации к научной карьере. Европейское сообщество очень обеспокоено по этому поводу и предлагает ученым включиться в деятельность по формированию и развитию интереса у молодых людей к занятиям наукой.¹¹¹ Иначе будущее общества знания ставится под серьезное сомнение.

Что касается современного белорусского общества, то можно отметить, что специальных исследований такого рода среди старшеклассников не проводилось. Однако есть другие настораживающие факты – это «старение» научных кадров, которое для нас является чрезвычайно актуальной. Средний возраст доктора наук среди белорусских ученых перевалил за планку 63 года и не обнаруживает тенденции к снижению. Каковы причины такого рода явлений?

На этом фоне особый интерес вызывают данные социологического исследования «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи Беларуси (в сравнении со студенческой молодежью других стран)»: По данным опроса среди ценностных ориентаций как белорусских студентов, так и студентов Польши и Германии «образование» входит в тройку наиболее значимых ценностей.

Следует оговориться, что и в русской, и в белорусской, и в польской лексике «наука», «навука» и «паўка» означает не только занятия научно-исследовательской деятельностью, но и обучение, образование, получение знаний. Поэтому интерес к получению образования может интерпретироваться как интерес к очень важной, но все-таки не единственной стороне научной деятельности. Наука – это не только усвоение, трансляция, но и получение научных знаний в самостоятельном поиске. Эта же сфера научно-практической деятельности, превращающая сегодняшнего студента в завтрашнего научного работника, как показывает практика, не в полной мере привлекает молодых людей, обучающихся в вузах.

Стало привычным причину такого положения дел искать в рамках системы образования, подвергая ее постоянному реформированию либо совершенствованию. Но система образования – это открытая система. И все, что в ней и с ней происходит – это результат ее включения в более широкий социальный контекст. Это тоже социальный диалог, но уже в новом измерении. Есть смысл заняться его исследованием сегодня для того, чтобы завтра общество знания стало реальностью.

ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

С.Н. Зайцева

Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

Самоопределение (англ. selfdetermination) представляет собой «процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни».¹

С самого начала своей истории человеку приходится определяться в мире, самому выбирать свой жизненный путь и тем самым творить, создавать самого себя, потому что в отличие от животных у него нет заданной жизненной программы. В век современных технологий, автоматизации, кибернетики человек сам решает свою судьбу во всех отношениях, он уже вырвался из царства необходимости в царство свободы. Действительно, процесс самоопределения можно рассматривать как составную часть творческого развития личности. Ведь проблема личности в философии – это разрешение вопроса о том, какое место занимает человек в мире, «чем человек может стать, то есть может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь».²

Необходимо отметить, что в системе связей «человек – мир» наиболее существенными являются те из них, которые отражаются во взаимосвязи «человек – общество». Уже Аристотель своим утверждением о том, что «человек по своей природе есть существо политическое» указывает на этот факт, утверждая приоритет социальности над индивидуальностью. То, каков характер этой взаимосвязи, видится мыслителями по-разному, что определяется различием философских систем и самой общественно-исторической практикой.

Общественные условия и обстоятельства, объективируясь по отношению к тем, кто их создал, становятся той социальной средой, в которой живет человек. Детер-

минация обществом и социальными условиями процесса самоопределения личности не вызывает сомнения. Суть методологического подхода к данному вопросу выразил еще К. Маркс: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в которой люди творят обстоятельства».³ Диалектика связи человека и общества находит свое выражение в том, что развитие человека есть следствие развития общества, и в то же время именно в человеке следует видеть причины общественных перемен. Человек, его мир является одновременно объектом, продуктом общественных отношений и субъектом, творцом как своих собственных поступков, так и исторического процесса.

Принимая во внимание всю сложность процесса самоопределения личности, подчеркнем, что все же определяющими для него являются общественные условия и обстоятельства. Однако возникает закономерный вопрос: почему в одинаковых условиях формируются разные люди, даже с противоположными взглядами и убеждениями? Здесь необходимо отметить, что на оценку индивидом ситуации, на его выбор, на готовность к тому или иному поступку, на активность в осуществлении решения влияют такие факторы, как индивидуальный жизненный опыт, природные качества, отношения с другими людьми, внутреннее состояние индивида в момент выбора решения.

Для понимания различий индивидуального поведения важное значение имеет постановка вопроса о микросреде, то есть непосредственном окружении человека. Именно в ней содержатся условия, формирующие неповторимое индивидуальное своеобразие личности, находится ключ к объяснению поступков человека.

Актуальность исследования проблемы самоопределения личности обусловлена следующим. Современная история характеризуется кардинальным преобразованием человеческого бытия, формированием новой системы ценностных ориентаций. В связи с этим для обществознания характерно усиление интереса к человеку, различным аспектам его взаимодействия с природной и общественной средой. Проблема самоопределения личности, как проявление суверенности общественного человека в различных сферах жизнедеятельности, в этом контексте является одной из центральных. Обращение к ней способствует проникновению в сущность процесса формирования личности, а также активизации ее сущностных сил. Ведь сущность человека состоит в сущности тех общественных явлений, которые он усваивает в процессе своей жизнедеятельности, и которая становится содержанием его собственной сущности, отражаясь в его свойствах, деятельности, поведении. Поэтому существенные изменения общественной жизни всегда находят персонифицированное выражение в деятельности конкретных людей, в их общих свойствах, социальных типах.

Теоретический интерес к данной проблеме обусловлен необходимостью определения понятия «самоопределение личности» в теории, так как данная проблематика раскрывает связь объективных законов общественного развития с сознательной деятельностью человека. Ведь сущностью личностного самоопределения выступает осознание человеком самого себя, определение своего собственного существования, а тем самым своего места в жизни и обществе.

С практической точки зрения интерес диктуется необходимостью проведения комплексных философских и психолого-социологических исследований по вопросам самоопределения личности и выработки научно-обоснованных рекомендаций для таких социальных институтов как школа, семья, вузы и др. Особенно актуальной данная проблема является для того периода, который переживает сейчас современное белорусское общество. Процесс самоопределения личности играет чрезвычайно важную роль в условиях обновления всех сфер жизнедеятельности общества, особенно духовной. В трансформирующемся обществе каждый человек должен чувст-

вывать ответственность за происходящее как в его стране, так и в мире; и осознавать свою сопричастность к этим процессам.

Понятие «трансформация» означает преобразование, смену образа, формы. Трансформация предполагает переход от одной формы общественного устройства к другой, смену принципов организации общества. Согласно А. Данилову, это понятие фиксирует качественно новое состояние общественной организации.⁴ Академик Е.М. Бабосов, говоря о трансформационных социальных изменениях, указывает, что они происходят в кризисные эпохи и охватывают все сферы общества, все его социальные структуры, деятельность всех социальных институтов и носят в связи с этим системный характер: «В эту многогранную систему социальных трансформаций входят изменения политической и государственной системы, преобразования централизованно управляемой и планируемой экономики в экономику рыночного типа. Появляются новые социальные слои (предприниматели, фермеры, менеджеры, лица свободных профессий), возникают новые правовые механизмы социально-государственного регулирования; происходит замена старой иерархии ценностей и смысложизненных ориентаций новыми типами ценностей и стандартов поведения».⁵

Какие же перемены произошли в белорусском обществе и как они отразились на положении различных групп населения? Социально-политические изменения повлекли за собой демократизацию общества. Социально-экономические привели к складыванию новой системы социальной стратификации, появлению новых социальных типов личности. Однако трансформация общества – это целостный процесс, затрагивающий не только политическую и экономическую сферы общественной жизни, но и состояние общественного сознания. Если оценивать эти изменения с качественной точки зрения, то можно говорить о формировании новой философии жизни. Трансформирующееся общество создает адекватного себе человека. Смена основ общественного развития; становление рыночных отношений привело к тому, что в мотивации деятельности населения на первый план выдвигается получение прибыли, выгоды, денежного вознаграждения; достижение личного успеха. Во взаимоотношениях людей исчезает коллективизм и все более утверждается индивидуализм. Для различных групп населения характерным является состояние расколотости. Если представители старших поколений ориентируются на прошлое, то молодые люди придерживаются рыночной стратегии поведения. Они положительно относятся к происходящим в обществе переменам, если изменения способствуют раскрытию личностных задатков. Они стремятся реализовать себя в различных сферах жизни общества, позитивно оценивая переход к рыночной экономике, построение правового государства и гражданского общества. Эти тенденции свидетельствуют о том, что в соответствии с изменившимися социальными условиями происходит смена жизненных ориентаций населения.

Особенно актуальной проблема самоопределения является для молодежи. В изменившихся социальных условиях, последствия которых еще предстоит осознать, молодым людям приходится адаптироваться к действительности, делать выбор своих жизненных ориентиров, организовывать свою жизнь и нести ответственность за нее. Жизненное самоопределение молодежи рассматривается как одна из основных форм включения в социальную структуру общества. Детерминирован этот процесс особенностями социальной среды, однако все-таки он является внутренним процессом самой личности, а потому не может рассматриваться вне личностных особенностей индивида и мотивации его жизнедеятельности.

Современная действительность подтверждает данное К. Марксом определение сущности человека как совокупности всех общественных отношений. Личность не может

существовать вне социума, вне истории: «В этом смысле личность всегда конкретно-исторична, она – продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих веки истории общества и собственного жизненного пути».⁶

Самоопределение выступает как одна из характеристик человека – субъекта общественной жизни. Одним из механизмов самоопределения личности является самоидентификация, в процессе которой приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли представителей социальных групп, к которым она принадлежит. Отсюда смысл самоопределения – включение в систему ценностей, с которыми идентифицирует себя человек, соответственно которым выбирает свой жизненный путь. Идентификация подразумевает отождествление с той или иной человеческой общностью, что ведет к прояснению своего места в мировом целом. П. Риккер полагает, что сам генезис человека осуществляется через идентификацию. Отвечая «Я молодой человек», «Я студент», «Я интеллигент» человек, идентифицируясь с «такими же, как Я», удостоверяется в своем собственном бытии. Даже на подсознательном уровне человек ощущает смысложизненную важность такого рода ответа. Отсюда проблема отдельных людей, а также целых групп, которые не могут идентифицироваться. Поэтому в сложившейся ситуации особую значимость приобретают такие виды самоопределения, как ценностное и ролевое.

С какими же ценностями идентифицирует себя студенческая молодежь? Некоторые выводы позволяют сделать результаты исследования, проведенного Социологической учебно-методической лабораторией БрГУ имени А.С.Пушкина. Было опрошено 323 студента 4-х курсов всех факультетов университета. Если проанализировать мотивы поступления в ВУЗ, то только 39,9% респондентов имели целью получить знания и стать человеком высокой культуры, а 58,5% поступили с целью повысить свой социальный статус. Интересен тот факт, что средством достижения жизненного успеха, по мнению 53,9% респондентов, является деловая хватка, прагматизм, расчетливость: 48,3% будущих специалистов отдают предпочтение наличию влиятельных друзей и связей по сравнению с 36,8% предпочитающих трудолюбие. Такие качества, как честность, порядочность оказались на последнем месте – 17,3%, а 18,9% респондентов готовы использовать для достижения цели любые средства. Таким образом, наблюдается несоответствие идеалов прошлого и современной действительности. Те качества, которые превалировали у советского человека, оказались невостребованными. У молодых людей прослеживается тенденция предпочтения личной выгоды нравственным ценностям. Тем самым утрачивается сама человеческая сущность, предназначение человека, стирается грань между человеком и животным, живущим согласно природным инстинктам.

Таким образом, трансформационные процессы в различных сферах общественной жизни оказывают влияние не только на макросоциальные процессы, но и сказываются на индивидуальной жизни людей, изменяя ценности, нормы, культуру, ценностные ориентации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший философский словарь. – Мн., 1998. С. 593.
2. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 314.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1955. Т. 3. С. 37.
4. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн., 1997. С. 9.
5. Бабосов Е. Общая социология. – Мн., 2002. С. 345.
6. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб., 2001. С. 233.

НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Медиченко Л.Е.

Брестский государственный технический университет, г. Брест

В период трансформации общества возникает острая необходимость самоидентификации человека в мире и социуме. Личность и культура - это две различные абстракции одного и того же явления (1); и изменения личности в первую очередь связаны с культурными изменениями. Культура в современном мире выступает мощным средством социализации личности, и человек, вследствие активного взаимодействия разных культур, с помощью массовой информации идентифицирует себя не только с общностями "здесь и теперь", но также "там", в прошлом и обозримом будущем. Таким способом личность включается в глобальную систему социального пространства. В общественном развитии культура первична; на каждом этапе развитие культуры связано с борьбой идей, то есть с выдвиганием альтернатив, их обсуждением и активной поддержкой, либо с пассивным признанием одной из них в качестве объективно правильной. Став фактически действенной, эта альтернатива через посредство поведения, ориентированного на ее поддержку, превращается из объективно правильной в просто объективную, то есть в жесткий социальный факт, не переставая при этом быть фактом культуры. "Культура, - пишет современный немецкий философ Ф.Тенбрук, является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием"(2). Культура в данном контексте понимается как репрезентативный феномен, следовательно, репрезентативная культура становится основой действий личности. Если мировоззрение репрезентирует общество в сознании его членов и становится основной социальных действий, то общество оказывается именно таким; каким оно репрезентировано в сознании.

Будучи понятой как репрезентативная, культура перестает быть феноменом, пассивно "сопровождающим" общественные явления, которые при этом протекают как бы вне и помимо культуры, объективно и независимо от нее. Репрезентативная культура представляет (репрезентирует) в сознании членов общества все и любые факты, которые что-то означают для действующих индивидов. И означают для них именно то и только то, что дано в культурной репрезентации. Только это существует для членов общества и только в этом, то есть в культурной репрезентации, и существует общество.

С точки зрения Л.Иониной, социокультурную историю любого общества можно разделить на две глобальные фазы - моностилистической и полистилистической культурной репрезентации. Интегрирующая общественную систему, т.е. репрезентативная культура является моностилистической в том случае, если ее элементы, обладая внутренней связанностью, активно разделяются или пассивно принимаются всеми членами общества. Такого рода культурные системы "не просто служат орудием интерпретации феноменов, но как бы определяют форму и способ их явления в обществе" (3). Моностилистическая культурная репрезентация чрезвычайно выпукло просматривалась в тексте социокультурной истории нашего самого недавнего прошлого - в культуре Союза.

Социальная и культурная идентичность личности в советском обществе отождествлялась преимущественно с государственно-гражданской. Это находило свое выражение в безусловном требовании принимать официальную идеологию и систему ценностей

"советского человека", безоговорочном признании и демонстрации государственно одобряемых верований и суждений, оценок; в ритуализированных схемах всенародного энтузиазма; в совокупности символов признания индивидуального успеха со стороны государства и иных бюрократических структур; наконец, в идеологии осуждения "врагов народа" и инакомыслящих, т.е. тех, кто отвергал свою идентичность с тоталитарно-государственной системой (4).

Но, по мнению западных социологов, в информационном или постмодернистском обществе происходят следующие социокультурные изменения: представителю современной западной постмодернистской культуры свойственна "биографизация поведения", его жизненные планы уже не сводятся в основном к профессиональной деятельности, а ориентированы на личностную реализацию. Резко возросла социальная мобильность, следствием чего является индивидуализация жизненного пути личности. Индивид стал склонен изменять свою жизнь самостоятельно, не ориентируясь на определенную социальную группу. В результате вышеизложенного наблюдается плюрализация жизненных стилей, выражающаяся в распаде традиционных коллективных жизненных форм, и на место сословно-классового жизненного мира приходит мозаика индивидуальных жизненных миров (5).

Что же происходит с белорусской культурой сегодня? Нынешняя культурная ситуация имеет следующие особенности: советская культура как система представлений распалась, но продолжает существовать в виде отдельных фрагментов; активно распространяются представления, характерные для современной западной культуры; усиливается влияние русско-православного менталитета. Из этих разрозненных элементов складывается характерная для нашего общества репрезентативная культура, основными чертами которой, как и для западного постмодерна, являются полистилистичность, неомогенность.

Беларусь постепенно становится полистилистической, что, собственно, и детерминирует логику всех теперешних изменений. Полистилистическое состояние культуры общества характеризуется противоположным набором свойств. Смещение социокультурных жанров и стилей в обществе приводит к деканонизации. Реализация культурных явлений осуществляется неупорядоченно, и культура лишается какого-либо видимого и воспринимаемого единства, т.е. происходит ее постепенная детотализация. Существенно изменяется система взаимодействия между культурными стилями и жанрами. На смену социокультурным исключениям и упрощению приходят включение и диверсификация. На смену официозу - приходит эзотеричность стилей, культурных форм и культурных групп. В результате в масштабах всего общества может наблюдаться тенденция к отрицанию культурно-значимого канонического целеполагания.

Если принять эту гипотезу, то можно предположить, что вся последующая логика социокультурного развития Беларуси будет подчинена борьбе между всевозможными культурными формами (идеологиями, мировоззрениями, эзотеричными культурными проектами и т.п.) и, соответственно, если в этой борьбе не обнаружится один победитель, то рано или поздно в полистилистическом культурном пространстве окончательно исчезнет сама основа для обретения обществом своей устойчивой идентичности.

Еще раз обратимся к словам Л.Г.Ионина: "Гибель культуры предполагает 2 следствия... Во-первых, распад привычного образа мира влечет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровнях, а также на уровне общества в целом... Во-вторых, немедленно начинается поиск новых культурных моделей, призванных восстановить мир как целое, пусть иное, чем раньше, но равным образом понятное и упорядоченное"(6).

Сегодня же человек вынужден обретать свою личностно-социальную идентификацию: мужчина/ женщина, собственник / наемный работник, владелец собственной

судьбы: Сегодня Беларусь переживает становление новой социальной субъективности. Массовый характер приобрела ресоциализация всех поколений белорусского общества. Происходит сдвиг от ясности социальных идентификаций советского типа ("мы - это народ, открывающий миру и перспективы братства и солидарности всех трудящихся") к групповым солидарностям "постмодернистского" типа, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было вектора. Возможно, поэтому сегодня как результат поиска культурных моделей населением оказалась востребована массовая культура и, в том числе, массовая литература. Она играет не последнюю роль самоидентификации человека в мире и социуме; и бурное развитие рынка данной культурной продукции характеризует ресоциализационные процессы, поскольку именно культура выступает мощным средством социализации. Стремительное распространение массовой культуры и литературы, отвечающей чрезвычайно сильной тенденции дегероизации повседневности, усиления ориентации на сферу частного, повседневного, бытового, деидеологизированного существования прослеживается в самых разных сферах жизни. Массовая культура и литература, теле, радио-, видеокультура переживает буиный расцвет. Ее функция, по Л.Гудкову (7), - через фиксационную игру воображения внести новые актуальные представления о ценностях современного модернизированного общества (индивидуалистической этике, включая трудовую мораль и достиженческие мотивы, гедонистические ценности). Это зачастую является откровениями для постсоветского культурного пространства, в коем находится и Беларусь. Бурное распространение подобной продукции способствует усвоению новых типов и горизонтов социальности: психологическая колонизация душевного мира - расширение сенсуальности; эротика как основа нерепрессивной социальности и порядка; принятие литературных образцов толерантности (этнической, национальной терпимости) к социальному неравенству, идеологическому безразличию или "инаковости".

Массовая литература - дамские романы, мелодрама, фантастика, боевики и пр., а также телесериалы ("мыльные оперы"), важнейшая составляющая которых заключается в трансляции фоновых значений другой повседневности, другого мира, - оказывает огромное воздействие на культуру повседневности, в том числе и на рафинирование потребления, ритуалы социальности, основанные на культивации непосредственности, комфорта, домашности, отказе от коллективного миссионерства и коллективных ценностей. Ее дух в целом отвечает общему направлению наиболее значительных трансформаций постсоветского общества. Основные из них - усиление ориентаций на дом, семью, частное существование в неформальной сфере, рост потребительских интересов и ценностей свободного времени. Эта мысль звучит во многих работах: "В настоящее время упал интерес к политике, и человек интуитивно, подсознательно ищет пути к своей частной жизни". В рамках концепции полистилистической культуры, формирующейся в белорусском обществе в ходе трансформации социально-экономической и культурной среды, предполагается формирование разнообразных, отличающихся индивидуально или по группам, стилевых конфигураций в рамках этого "поиска путей к своей частной жизни".

Результатом подобного культурного скрещивания, по мнению американского социолога Р. Парка, будет лишь расщепление сознания, формирование маргинального человека. Но, по мнению Э. Стоунквиста, возможна адаптация маргинального человека к существованию в обеих культурах и формирование в итоге личности с новыми свойствами. Но для этого необходима "выборочная диффузия": критическое и осторожное заимствование чужих культурных ценностей (8).

Проблема, возникающая при трансформации традиционного общества в модернизированное, заключается в том, чтобы перевести наиболее естественным путем все богат-

ство культурных форм, что было накоплено всеми предыдущими поколениями, в новые нормативные и ценностные системы. Одновременно с этим меняется и сам тип культуры: из моностилистической она трансформируется в полистилистическую. Современную ситуацию на постсоветском пространстве можно охарактеризовать как ситуацию перманентного культурного взаимодействия, постоянного обогащения репрезентативной культуры новыми представлениями. вполне допустимо сосуществование представлений, характерных для различных культур, и формирование на этой основе новой репрезентативной культуры, которая отнюдь не обязана быть системной и может сочетать в себе противоречащие друг другу представления. Такая активно взаимодействующая культура обладает большим потенциалом и является залогом, фундаментом дальнейшего культурного развития, и помешать этому может лишь искусственная изоляция, ориентация на какой-либо один тип культурных представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кисинг Р.М., Кисинг Ф.М. Новые перспективы культурной антропологии // "Современная зарубежная этнопсихология" РС, - М., 1979. - С.65.
2. Цит. по: Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 1996. - С.246-247.
3. Там же. - С.7.
4. См.: "Советский простой человек"/Под ред. Ю.А. Левады.- М.: Мировой океан, 1993. - С.49-65.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 1996. - С.246-247.
6. Там же. - С.252.
7. Гудков Л. Д. «Культура повседневности» в новейших социологических теориях. - М., 1988. - С.79-80.
8. Медиченко Л.Е. Культурологический анализ некоторых тенденций развития белорусского общества //Вестник БГТУ. Гуманитарные науки. 2003. № 6. - С.17-19.

О ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕНТРА И ФЕНОМЕНЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Снытко Н.И.

Институт философии НАН, г. Минск

Социально-политические перемены европейского региона конца XX - начала XXI столетий отразились на духовно-культурной переориентации славянских обществ. В таком контексте наибольшую трансформацию, на наш взгляд, претерпевает понятие «центр». В связи с этим актуальным является всестороннее осмысление процессов распада и конструирования центров, а также самого понятия «центр». Центр – это средоточие космических и жизненных энергий и сил, точка их связей и пересечений, точка истока и притяжения духовной энергии. Центр воплощает образную целостность духовного единства, управляет реальной жизнью, временем, пространством, миропорядком, обладает реальной символикой. Какой бы области жизни мы не коснулись - везде существует большой или малый центр духовного начала, духовной энергии, имманентно присущей человеку, направляющей его. Уход из центра и возвращение к «центру» - неотъемлемая составляющая духовного самоопределения человека - обусловлены потребностью человека в (де)конструировании традиции своего духа как наивысшего проявления природного начала в человеке, что является признаком самоопределения его мысли. Благодаря возвращению к символическому центру осуществляется воссоединение человека с реальностью. Трансформация структуры центра - это всегда потеря сложившейся гар-

монии, ломка границ, изменение качества отношений. Между тем, процесс центрообразования имеет универсальный характер, благодаря ряду общих во всех ситуациях черт.

Образно сущность гармоничного центра может быть рассмотрена на примере природного явления: капля дождя, падая в воду, образует знакомый всем отчетливый эффект — центр и расходящиеся от него круги, которые выстраивают иерархию периферических отношений. Расходясь от центра, круги постепенно угасают, нисходят, теряя выразительную значимость. Явление само по себе знакомое и простое, но выразительное и убедительное, есть не что иное, как модель центра. Целостность сущая, но недолговечная. Рядом падающая капля создает тот же эффект. Следующая капля вносит разлад, сталкивая периферийные волны, передвигает центры, смещает их, нарушая стройную гармонию, образуя перемежевания, перекрестки; структурируя хаос и механические, перекрестные центры уже нового негармоничного пространства. Такой процесс перманентен в активном поле дождя — процесс образования множества центров в единстве их движения, творения и диссипации.

Когда дождь как связующая нить неба и земли заканчивается, мир остается открытым своему природному естеству и гармонии, центр которых условен и произволен; модель которого завуалирована и неотчетлива. Здесь центр есть везде и нигде. Гармония и дисгармония природы уже иного, макромасштаба репрезентируют модальности иной целостности; подвластной лишь метасозерцанию. Такое отношение более постоянно, но не статично; оно более архетипично, но менее познаваемо. По сути, естественная природа во множестве своих проявлений содержит целостную совершенную модель императива и субординации и во всяком отдельно взятом временно и условно статичном пространстве, но пространство естественной среды более многозначно и ограничивается космосом.

Выразительность модели естественного центра поддерживается прежде всего, но не только; геометрическими соответствиями. Гармоничность и ненавязчивость линейной иерархии, структурная упорядоченность сочетаний и совершенная подчиненность обязательно подкреплена качественными параметрами, в частности, фактурой материала. Большое значение имеют такие свойства, как гибкость, обтекаемость, пластичность естественных конструктов-волн. Несомненным значением обладает фактор свето-цветового обеспечения: пронизанность небесным светом способствует выразительности центроконструкции, флуктуации свето-теневого движения содействуют его отчетливости. Переходы цвета, игра цвета, его сочетаемость со средовым окружением является признаком естественной гармонии и ее целостной связанности. Безусловным преимуществом естественного неосознанного центрообразования является мера. Как только границы центрогармонии нарушаются; начинается процесс децентрализации.

Рассмотренные природные процессы универсальны и могут быть транслированы на социальную среду; т.е. аналогичные процессы децентрализации характерны и для второй природы — социальной. Особенно важным моментом представляется трансформация духовно-политических центров и идентификация своего статуса. Так, социально-политическая трансформация европейских обществ в 90-х годах XX столетия привела к распаду сложившихся ранее западно- и восточноевропейских центров и создала славянским странам возможности для уточнения своей к ним принадлежности.

Практика духовного движения в славянских странах показывает неоднозначность движения духа: спросом у славян преимущественно пользуется западно-европейский центр. Присоединение славянских народов к нему совпало с многовековой мечтой Европы об интеграции. Но сегодня эта интеграция преследует специфические явные и неявные цели. К явным можно отнести: европейское единение как системное центро-

образование и создание целостности нового духовного единства на принципе секулярного и рационального сознания, консолидация политического и экономического влияния на окружающий мир как идеологического центра. Сегодня интеграция – это вопрос о реставрации и конструировании высокотехнологичного интеллектуального единства, восстановление престижного образовательного и культурного центра мира. К латентным целям можно отнести санацию социально-демографической ситуации. Дело в том, что старение населения Европы – один из самых неблагоприятных процессов XX столетия – можно квалифицировать как одну из главных причин интеграции Европы. Расширение европейской интеграции преследует цель возрождения духовного потенциала региона посредством привлечения более молодых в демографическом отношении стран, их интеллектуальной энергии на интеграцию и укрепление европейского потенциала. Но сегодня такой подход к конструированию целостности духа, основанный на центробежной силе механического единения, таит в себе немало завуалированных демографических, а значит и идеологических угроз для успешного функционирования европейского центра.

Восточная интеграция, т.е. присоединение славянских стран к восточно-европейским влиятельным центрам носит преимущественно экономический характер. Однако следует признать в этом направлении активную работу религиозного духа и конструирование новых религиозных центров с преимущественным влиянием стран Дальнего Востока. Провосточная линия обращена к конструированию традиции иррационально-рациональной целостности, на признание духовно-культурных целостных несекуляризированных связей и отношений. Там, где подобные религиозные центры находят развитие, возможно культивирование универсального характера буддийской культуры, преимущества которого состоят в ее органичном соответствии с духовно-культурными проблемами современности. Она утверждает единство Сознания и Материи и артикулирует сущность социальной этики как служение человечеству как единому, целому, укрепляющему духовное единство масс населения, направляет сознание на нивелирование социальных и интеллектуальных барьеров и утверждение нового принципа отношений – принципа благородного, бесстрашного стремления к свободе мысли. Такой подход способствует совершенствованию межгосударственных отношений с помощью вечных, культурных ценностей – восприятию культуры и искусства, науки и образования, восприятию культурного наследия как основы общенационального самоопределения и целостности, воспитывает новый вид творчества – нереакционного, неагрессивного, неподавляющего, мирного.

Восточно-славянская диссипация, с одной стороны, и европейская интеграция с другой обозначились как равно энергетические центры для славянских стран, которые забыли или сознательно исключили возможность нейтральных территорий – нейтральных пограничных центров, разрезающих духовное пространство по отношению к Западу и Востоку. Если первые, упомянутые выше центры, обладают сегодня императивной энергией, то потенциально нейтральные центры – недостаточной национальной энергетической активностью по самоидентификации и осознанию своей роли в духовно-культурном пространстве Европы.

В целом процесс славянского центроопределения носит безусловно идеолого-политический характер. Идеологически обусловлен и процесс формирования и движения социально-урбанистической среды. Фактически ее состояние является символом материализации тех или иных идеологических пристрастий. И здесь феномен (де)централизации присущ разным аспектам общественной жизни. Организованная по принципу концентрации и соотношения различного рода пространства и строений, искусственная природа – социально-экологическая среда – детерминируется также и про-

цессом социально-экономического развития. У древних людей небесные центры были сущностью мифологического сознания, которое проецировало небесные архетипы на земное бытие. Обусловленное мифологическим сознанием мирское пространство устранилось посредством символического центра, когда любой храм, любая постройка становилась центром мифологического пространства. Ритуал возведения постройки также отвечал космогоническому акту и выражался в подражании архетипу.

Современная социальная-экологическая картина мира уже менее совершенна, т.к. обусловлена несовершенством ее творящей человеческой природы. Для нее характерна дискретность, непоследовательность, безмерность. Поэтому конструирование социально-урбанизированного пространства отмечено преимущественно характеристиками дисгармонии. Лишь там, где принцип естественной целостности выдержан, наблюдается гармония природного и социального пространства. Погружение в рационализацию сознания, абстрагирование от единства с природно-космическим миром нашло выражение в хаотической геометрии, разрыве линий, крике цвета или отсутствии света и меры. Гипертрофированные полисы и мегаполисы с трудом удерживают центральный баланс. Современные гипергорода страдают патологией атаксии – нескоординированностью деятельности по развитию. Это касается проблемы и транспортных линий, и загрязнения воды, и перенаселения. Дисгармония касается не только городских секторов в целом, но и дисгармонии между различными его частями, касается связи частей с центром. Концентрация и деконцентрация оказывают существенное влияние на качество городской жизни. Осознавая проблемность развития, правительство Японии, например, взяло курс на децентрализацию токийского ареала. Но решение этого вопроса касается проблем как идеологии, так и практики, поскольку затрагивает внутренний конфликт между общественностью и частными интересами, проблемы вторжения государства как арбитра в процесс корректировки несовершенного рыночного механизма.

Децентрализация затрагивает вопрос политических и административных функций центра страны - столицы, а также вопрос экономической децентрализации, смежные проблемы эффективности городских коммуникаций. А решение экономических вопросов неотрывно от социальных проблем города. Дискретный городской пейзаж, главное отличие текущего времени, является продуктом торжествующей рациональности, символом искажения духовного центра. Раздробленное сознание продуцирует не стройность и преемственность линии, не поиск гармонии, но кричащее возвышение одного центра над другим, творение безликого стандарта или поиск искусственных форм, способных удивить, разделить, но не объединить мир. В этом и состоит трагедия текущего момента, трагедия духовного плана.

Обращение же к проблеме понимания центра сегодня связано с проблемой целостности сознания современного человека. Символом этого нового сознания видится созидание биоцентров как признаков наивысшей гармонии в социуме, как демонстрация культуры человек-природа-общественных отношений. В отличие от таких сегодняшних плавающих европейских центров культуры, как Лион, Корк, делающих акцент на поддержании материального культурного наследия, биоцентры обладают безусловным преимуществом статичности и постоянства, направлены на поддержание и развитие нематериального культурного богатства.

В русле таких мыслительных настроений актуальной становится идея творения биополиса, включающая биомодели со сбалансированными проектами городского планирования, подчиненными византийскому закону апопсии, где в первую очередь внимание закона обращено на взаимосвязь построек города друг с другом и с природой. На аналогичном философском суждении о том, что каждый новый дом в го-

роде влияет на облик города в целом; базировалось и древнерусское градостроительство. Новый дом должен быть «социален», т.е. не конкурировать с прежней застройкой ни по высоте, ни по прочим архитектурным модулям, но демонстрировать чувство плеча, чувство ансамбля и чувство эстетических идеалов. Данное правило должно распространяться и в случае планирования центров. Возвращение к композициям, когда постройки починаются ансамблевому эстетическому принципу с учетом естественной среды и есть начало биоцентров будущего. Над этим вопросом уже задумываются и архитекторы. В современной архитектуре он называется бионикой - возвращение к природе через подражание ее естественным сооружениям и признакам. Учет природы естественной должен помочь восстановлению утерянного человеком равновесия. Данная работа требует систематической целостной связи пространства, связывания застроенных территорий, пространств, которые поддерживают биос и способствуют его развитию, что невозможно без конструирования социо-экологической иерархии и гармонии – конструирования биоцентра. И обеспечить возврат к гармоничному строительству возможно через признание того факта, что сохранение культурной среды не менее важно, чем сохранение окружающей среды; посредством различения экологии биологической и экологии культурной; ведь несоблюдение законов природной экологии может убить человека, равно как и несоблюдение законов экологии культурной может убить человека нравственно. В такой ситуации, безусловно, требуется работа над новыми подходами и новым сознанием, но новое сознание и новые подходы в организации новых моделей центра требуют возврата к мифическому, атемпоральному целостному сознанию.

Интродукция целостного биоэтического сознания смогла бы способствовать разрешению проблемы (де)централизации. Необходимость соблюдения в обществе принципов социально-экологической ответственности и экологической культуры, их включения в формулирование политики и идеологии государства смогли бы закрепить и направить данный процесс в практическое русло. Результатом такой бы политики стало бы перенесение социально-экономически ориентированной идеологии в плоскость значительно менее конфликтной биоидеологии, которая бы способствовала концентрации общественного сознания на конструировании биоцентров. Возвращение к сознанию утверждающему единство социального мира, стало бы существенным прорывом в международных отношениях, основой нового биоэтического пути мышления, новой биокультуры – культуры демонстрации человеческого достоинства, культурой поддержания жизни и мира на Земле.

Стремление переключения славянского сознания в плоскость биоэтики, способствовало бы достойному разрешению проблемы центриденфикации, решению многих конфликтных проблем государственного и межгосударственного характера.

ECONOMICAL AND CULTURAL VALUES

Valdas PRUSKUS

Department of Philosophy and Political Theory, Vilnius Gediminas Technical University

There exist two main fields for human activity, without which the state can not manage – economy and culture. The result of the human activity in these fields create economical and cultural values (outputs). Namely through this values societies and single individuals presents themselves to the World. Usually economically well developed countries presents themselves through economical values (high quality products and goods), less developed – through cultural

values. (1) Though the creation of economical values can hardly be imaginable without cultural ones. It is obvious that in the all-embracing space of the market is tried to overcome everything (or almost everything) with the level of economic profit. The same concerns cultural values (products and services) which differ from the economical ones.

The sense of the difference is that cultural goods exist like personal items, which are least influenced by the market prices, however, at the same time they are taken in as a social (public) property, though the benefit received from them is not obvious. Cultural products and services have characteristics of individual and public item at the same time. In another words, cultural product always is privately personal but at the same time it is significant not only for certain person who owns the item but also to all society. Cultural products have similar functions as any other goods. Their prices are defined by the market. (5) However, this products have additional qualification, which is not determined by the specific of their use. Cultural good very often needs specific user ready to understand and accept it. It requires from individual not only wish but also readiness and ability to accept it i.e. to satisfy cultural needs, which should be developed more than material ones. Therefore, cultural good at the same time are products and its usage. They could hardly exist one without another. (4) Having it in mind, main differences between economical and cultural values could be defined. (6) Economical values have:

- objectives clearly defined and named according to the generally acceptable and equally understandable standards;
- these objectives are directed to the obtaining of (material) profit (worth of economical value is directly related to the obtained profit);
- profit really exist and is acknowledged by everyone. No doubts or arguments appear concerning its quality and features (exists common settlement);

Meanwhile cultural value:

- it is not defined and named according to the generally agreed and acceptable for everyone's standards;
- it is not (directly) related to the material profit;
- it is not understandable by everyone in a same way and permanent discussions are held concerning it.

Difference between cultural and economical values partly predetermines not equal acceptance of their worth. (9) If economical values have components which can be clearly measured (by appropriate indicators) generally agreed by everyone, then cultural values have no clear and defined shape of existence (exist like subjective perception of the individual) and the main problem lies in the fact that there are not enough objectives, clear and unmeasured indicators (measures), which would enable to find out real worth. This worth to cultural value is given to it by its user.

In spite of it namely cultural values form cultural capital, without which creation and increasing of economical values could hardly be imaginable as well as economical capital.

Basic principle of cultural capital is that it helps to create economical values. Cultural capital could be imagined like tree – trunk with branches. Trunk reflects totality of many existing "capitals" (cultural products and goods); which can be quantitatively measured and evaluated (naming their price). This trunk of cultural capital feeds branches – certain cultural services provided to the society, which in turn can be used for creation of other services and wealth (e.g. material). Cultural capital exist in two shapes – tangible (it can be experienced like really existing, it speaks to us in shape of art pieces) and intangible. (11) This form is understandable like intelligent capital – ideas, faith, values disposed of individuals or groups of people having their own interpretation, which reflects through their created peaces of art, music, literature, which can inspire institutionalization in various ar-

areas of human activities. Therefore, cultural capital existence in tangible and intangible shapes is considerable as a particular property, which provides "food" for inside consumption (in culturing of certain individual) and can be used for creation of not only cultural but also economical values.

Cultural capital stimulating change of human thinking and understanding, changing conscious, rational and ecologically motivated consumption attitude has an influence for economical activity of individual and different social groups. Culture influences economy in three ways. First of all, culture stimulates productivity of economy (efficiency, effectiveness). It happens due to the fact that values fostered by the group of individuals are expanded (beamed) into separate processes of management and manufacturing of production. If cultural values followed by individuals help to make more effective decisions, to accept innovations easier, it stimulates also the development of productivity, finally financial incomes will increase, growing economy will result in increasing of living standards. Secondly, culture may promote to reach for the realisation of justice. Thirdly, culture may have positive influence in seeking for objective basis for economical and social commitment between various social groups. In all three mentioned cases the influence of the culture to the behaviour of individual (social group) is perceptible and can be relatively named due to the clear result.

In general in macroeconomics level this influence of culture to the individual (group) can be observed on the basis of two types of indicators – productivity (efficiency) and justice. Indicator of productivity covers increase of Gross national product (GNP), degree of assimilation of new technologies, level of unemployment, structural and management changes, etc. Indicators of justice covers fairness of distribution (and redistribution) of incomes among various sectors of economics, implementation of social welfare programmes (care about socially supported and enable persons, etc.), existence of communities and social services, etc.

Both groups of criteria are based on the values. Recognising importance of economic values at the same time it is understandable that they are only means (instruments) for creation of appropriate quality of life, which in turn requires appropriate cultural assimilation enabling further development. Therefore, economical level of development still has to be culturally accepted, recognised and expressed. It could be said in other words: economical and cultural values form two main components of economical development. As ecosystems support biosphere, cultural infrastructure supports social universum (stable society) at the same time forming conditions for development of economical powers. From this point of view culture and its values are supporters of essential economical development.

Economical and cultural values ignoring peculiarity of their expression are the result of the creativeness of individual. (10) The creativeness is identical for businessman as for creator of economical values as well as for artist as for creator of cultural values (products and services). The creativeness comprises from three components: 1) imagination; 2) sobriety; 3) taste. The expression of these components in activities of businessman and artist has own particularities.

Imagination helps the artist to concentrate his ideas and try to find the relations among them and in such a way to create formations of new ideas in order latter to materialise them in words, sounds or imagery. Businessman using its imagination may try to guess what kind of goods or services are missing in the market (or in separate area of the market) in order to provide them to the users. But if the artist does not limit his imagination (allows free expression), since he does not have preliminary order to satisfy one or another user of cultural value (it is more matter of the user to accept proposed piece of art (product or service) or not) then a businessman should ground his imagination much more. His imagination is always based on the reality: he has in front the real persons with real possi-

bilities to accept proposed products (innovations). In this sense imagination of the businessman producing economical values is always more realistic than of the artist. (7)

For the artist the sobriety is an instrument (possibility) to control the play of imagination, to keep it in certain frames, not allow to cross them, since otherwise it is risky to loose all relations with reality. For the businessman sobriety means not only that he should not to louse touch with understanding of users needs, but also to be able to satisfy his needs in way understandable and acceptable for him, having in mind his nature, education, etc. as well as to estimate and control his expenditures and incomes with the satisfaction of users needs in order to avoid bankrupt. While artist, though such risk exists (to be not recognised by the user of cultural values and to remain not bought), always has hope to be recognized in future. (8)

Taste for artist is internal feeling, which is followed in distinguishing good and evil, lie and truth and to show this difference in creation. This difference is accepted or not accepted by the user of cultural values. This way it always remains as one of many proposals for the user of cultural values. Meanwhile, taste for a businessman is inside feeling saying what is needed here and now. Therefore for him is more important not "taste of art" (as it is in case of artist) but taste of user. Therefore, most important is, to guess taste of user and to turn it into concrete proposal (good or service). Namely this is main concern of a businessman. Therefore market much more frames activities of the creator of economical values (businessmen) than of artist. (12)

It is not wonder, that actions of the businessman has more rationality. Therefore this not always guaranty success. More, that decision of an individual regarding the choose of goods are influenced by the factors of different levels:

- emotional favour for the good (value)
- comparability of good (value) with task and objectives (importance and necessity of the value for the certain moment in reaching defined tasks)
- attitude of the society to the value (degree of social recognition of the value).

Our activities in respect of good (value) might be motivated variously, however they are always purposeful, rational because of reaching of the result, which would give a satisfaction.

References

1. Gordon D. F. 1968. "Labour theory of value", in *International Encyclopedia of Social Sciences* 16, D.L.Sills ed. New York: Macmilann, p.279-283.
2. Sherburne J. C. 1972. *John Ruskin or the Ambiguities of abundance. A Study in Social and Economic Criticism*. Cambridge: Harvard University Press.
3. Bentham J. 1993. *Works*. Ed. J. Bowring. Edinburg.
4. Clark, C. M.A. 1992. *From natural value to social value*. Chicago: The Free Press.
5. Thompson, B.J., Throsby, C.D., Withers, G.A. 1993. *Measuring Community Benefits from "The Arts"*, *Research Paper 261*, School of economic and financial studies. Sidney: Maquarie University.
6. Connor St. 1992. *Theory and cultural value*. Oxford: Blacwell.
7. Wintle, M. 1996. *Culture and Identity in Europe: Perceptions of Divergence and Unity in past and present*. Adelrshot: Averbury.
8. Smith, T. 1999. *Value and form: formations of value in economics, art and architecture*. Duke University Press, 1999.
9. Throsby, D. 2001. *Economics and Culture*. Cambridge University Press.
10. Meiland J. 1993. "Originals, copies and easthetic value", in Duton D. (ed) *The Forger's Art, Forgery and Philosophy of Art*. Berkeley University Press, p.115-130.
11. Becer, G.S., Murhy, K., Tamura R. 1999. "Human capital, fertility and economic growth", *Journal of political Economy* 98 (Supplement) No.5, p.12-37.
12. Frey, B. 2000. *Art and Economics*. Heidelberg: Springer - Vergal.

MEDIALNE MANIPULACJE ŻYCIA GLOBALNEGO

Acewicz Mirosław

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Znamieniem cywilizacji medialnej jest podatność na manipulacje. Odnoszą się one do takich mechanizmów wpływu psychospołecznego, w trakcie których uruchamiane są procesy pozwalające na kontrolowanie przebiegu myśli, sterowanie przeżywanymi emocjami czy realizowanymi działaniami. Dostępne w literaturze określenia manipulacji odróżniają ją jednak od pojęcia wpływu społecznego. Jest szczególnym rodzajem wpływu społecznego, wiąże się bowiem z wykorzystaniem określonej grupy technik, które przy spełnieniu pewnych warunków mogą przekształcić się w metody manipulacyjne. Manipulacja jest takim rodzajem oddziaływania, w którym nadawca wykorzystuje swoją wiedzę (świadomie) o regułach zachowania się ludzi i stara się wywrzeć pożądaną i korzystny dla siebie wpływ na inną osobę lub grupę ludzi w taki sposób, aby nie zdawali sobie sprawy z tego, iż podlegają celowemu zabiegowi. Jest więc relacją, w której osoba wywierająca wpływ najczęściej nie liczy się z interesem osoby, na którą ten wpływ jest wywierany. Ważna jest dla niej jedynie własna korzyść. Jednak pojęcie wpływu społecznego swoim zakresem wykracza poza pojęcie manipulacji. Wpływ społeczny jest bowiem procesem, w wyniku którego dochodzi do zmian w szeroko rozumianych zachowaniach (postawach, doświadczanych emocjach czy stanach motywacyjnych) pod wpływem rzeczywistego bądź tylko wyobrażonego nacisku innej osoby czy grupy osób. Takie ujęcie odróżnia zarazem wpływ od perswazji jako oddziaływań mających na celu jedynie zmianę przekonań i postaw.¹⁷ Jako intencyjne komunikacje i działanie manipulacje historycznie kojarzą się z polityką, wprost z agitacją czy propagandą, dziś najczęściej dyskutowane są w szeroko rozumianym życiu kultury medialnej. Zidentyfikowane manipulacje powszechnie wywołują oceny zdecydowanie negatywne. Z jednej strony budzą sceptyczne, silnie nacechowane emocjonalnie, przekonanie, że to po prostu niemożliwe, z drugiej skutkują wręcz przerażeniem. W jednym i drugim przypadku ich podstawą zazwyczaj jest brak wiedzy i niewiara w możliwość realnego zaistnienia procesów społecznej utraty kontroli nad własnym postępowaniem.

1. Kultura mass mediów

Współcześnie manipulacja jest zjawiskiem zestawianym przede wszystkim z mediami jako środkami masowego przekazu.¹⁸ Rozwój, zasięg, możliwości i dotychczasowe doświadczanie prasy, radia i telewizji czy Internetu stały się podstawą kreacji nowej wręcz płaszczyzny rzeczywistości.

Dzieckiem masowych mediów jest kultura popularna. Nie jest ona identyfikowana jako dzieło elity (artystów), nie jest też podobna do kultury ludowej, będącej przedmiotem tak wielkiego zachwyty od XVIII wieku. W ramach swojej „popularności” nie odróżnia już gustów „wysokich” od przeciętnych, ponieważ niemal każdy człowiek jest jej odbiorcą. Jest więc nietradycyjalna, nieelitarna, masowo produkowana, komercyjna, zhomogenizowana¹⁹. Charakteryzuje ją nowy, powszechny język komunikacji społecznej, wspólny i nie zróżnicowany w zależności od uwarstwienia społecznego, nowy sposób odnoszenia

¹⁷ D. T. Kenrick, S. L. Neuberg, R. B. Cialdini, *Psychologia społeczna. Rozwiązane tajemnice*, Gdańsk 2002, s. 285.

¹⁸ Ich rozwój był między innymi przyczyną przewrotu nazistowskiego w Niemczech i ich dojścia do władzy. Do swych celów Hitler wykorzystał nowo skonstruowany środek masowego przekazu, jakim w latach trzydziestych było radio. Za pomocą radia oraz prasy udało się, poprzez manipulację zastosowaną do sterowania dużymi zbiorowościami, stworzyć naród o wspólnym sposobie myślenia.

¹⁹ T. Globan-Klas, *Media i komunikowanie masowe. Teorie i analizy prasy, radia, telewizji i Internetu*, Warszawa-Kraków, 2000, s. 134.

się do elementów rzeczywistości społecznej jako efekt uformowania się nowej świadomości społeczeństwa postindustrialnego, („świadomość obrazkowa”) oraz traktowanie informacji jako wartości ekonomicznej²⁰. Tradycyjne formy kulturalne jak teatr, koncert, film ze względu na globalny rynek odbiorców podlegają procesowi standaryzacji swoich produktów i odwrotnie, ich konsument staje się także coraz bardziej jednolity w swoich oczekiwaniach i zachowaniach. Popularność mass mediów spycha w przeszłość kulturę słowa, czego wyrazem jest zmniejszająca się ilość czytelników literatury pięknej i zalew rynku wydawniczego poradnikami i bestsellerami bazującymi na popularnych filmach czy literaturą erotyczną. Czytelnictwo staje się reliktem. Wobec zjawiska globalizacji medialnej, objawiającego się w ponadnarodowej formie i skali działania, problemem staje się też zachowanie tożsamości kulturalnej i przetrwania istniejących systemów organizacji społeczeństwa. Medialne produkty masowe nie tylko przenikają do kultury europejskiej i krajów Trzeciego Świata (jak dotąd w krajach Azji dość pilnie strzeże się odrębności kulturowej), ale i ją istotnie modyfikują. Niegdyś na przykład ambitne kino europejskie pod wpływem produkcji hollywoodzkiej i azjatyckiej bazuje na krawędzi istnienia. „Hegemonia amerykańskich filmów na światowym rynku wyprzedza przywództwo Amerykanów we wszystkich innych dziedzinach.”²¹ Telewizja i komputery dostarczają obrazy migające na ekranach z taką szybkością, która nie pozostawia zbyt wiele czasu na refleksje i rozważne przemyślenia. Kultura obrazkowa - kosztem wizualnej atrakcyjności podawanych informacji - traci cechy opowiadania, jakie posiadała w połączeniu z wypowiedzianym słowem i wraz z możliwością dostępu do niemalże nieograniczonych zbiorów informacji, bez wyposażenia w umiejętność ich selekcjonowania i weryfikowania wytwarza się jakby nowy typ świadomości masowego odbiorcy.

Medialny świat dźwięków i obrazów bez problemu przyciąga powszechną uwagę słuchaczy i widzów oraz wpływa na ich sposób myślenia i zachowania. A samo działanie mediów mierzy się stopniem zasięgu kształtowania świadomości odbiorcy. W efekcie człowiek dokonuje wyboru, postępując zgodnie z zaprogramowanymi celami nadawcy komunikatu medialnego. Odbiorca informacji jest przeswiadczony o tym, że zna świat i rządzące nim reguły. Tymczasem ludzie myślą według podsunętych im umiejętnie wzorców, działają zgodnie z ustalonymi przez decydentów schematami. Obiektem będącym ofiarą tego rodzaju oddziaływania może być jednostka, grupa, a nawet całe społeczeństwo.

Ważnym elementem tego nowego stanu świadomości jest brzmienie wypowiedzianych przez nią tekstów. Wysokość dźwięków w dużym stopniu wpływa na odbiór i wiarygodność transmitowanych treści. Manipulowanie językiem mówionym ma na celu wyculic świadomość odbiorcy na przekaz, ale bez zwrócenia na to jego uwagi. Badania psychologiczne opublikowane przez N. Millera, G. Maruyne, R.J. Bearbera i K. Valone'a (1976 r.) wykazały, że przyspieszone o około 30% komunikaty słowne mają większą siłę przekonywania, a jednocześnie są atrakcyjniejsze i łatwiej zapamiętywane, niż komunikaty od nich wolnie-

²⁰ P. Napieracz, *Obraz rzeczywistości społecznej w telewizji - aspekt kulturowy*, w: Wiesław Dudek, *Radio, telewizja: informacja, kultura, polityka*, Katowice 2000, s. 192.

²¹ B.R. Barber, *Dżihad kontra McŚwiat*, Warszawa 1997, s. 120.

Barber demaskuje wszelkiego rodzaju zjawiska składające się na proces globalizacji, a jednocześnie z polemyczną pasją przeciwstawia temu procesowi tendencje separatystyczne (*Dżihad*). Niepokoi go jednakowoż odkrywana w amerykańskich filmach oraz wplyw telewizji, a zwłaszcza MTV, które nazywa „halaśliwą duszą McŚwiata”. Barber krytykuje amerykańskie kino za infantylizm, uniformizację, a Hollywood za sekularyzm, konsumeryzm, dominację. Mc Świat określa jako „jedne wielkie rozrywkowe zakupy”. Domy towarowe, multipleksy, parki tematyczne (Disneyland), stadiony sportowe, sieci restauracji szybkiej obsługi (np. McDonald's, gdzie odbywa się wiązana sprzedaż filmowych gadżetów) oraz telewizja, z licznymi telesklepami to wszystko łączy się w jedno ogromne przedsiębiorstwo, które w pogoni za zyskiem przekształca ludzkie dusze.

jsze.²² Przeciętny człowiek wypowiada około 145 słów na minutę, a jest w stanie zrozumieć mowę wypowiadaną z prędkością do około 280 słów na minutę. W wyniku przyspieszenia do około 200 słów na minutę wypowiadane teksty medialne nabierają wyrazistości i klarowności, dzięki czemu łatwiej wywierają wpływ na odbiorcę. Większa siła przekonywania przyspieszonego przekazu słownego bierze się bowiem stąd, że odbiorca nie ma czasu na formułowanie kontrargumentów wobec tego, co słyszy. Nie ma też czasu na tworzenie argumentów "za". Ogranicza to w dużym stopniu zdolność formułowania własnych sądów. Poza tym informacje zapamiętywane są mechanicznie i mają bardzo niewielki wpływ na tworzenie świadomości problemu u odbiorcy. Innym zabiegiem manipulacyjnym jest samo zwiększanie głośności, znacznie powyżej standardowego natężenia dźwięku albo sztuczne zniekształcanie słów poprzez np. zwiększanie w nich liczby spółgłosek, co przyciąga uwagę odbiorcy albo elektroniczne przetwarzanie dźwięków mowy, które wraz z towarzyszącymi im efektami akustycznymi mieszczą się w przedziale częstotliwości 2-6 KHz, a sam dźwięk ulega wzmocnieniu w uchu i nie jest zakłócany przez niskie tony.

2. Świat reklamy

Obecnie coraz częściej manipulacja jest dostrzegana jako fakt życia gospodarczego. Jej najbardziej czytelny obraz ujawnia się w warunkach wewnątrzfirmowych, w sytuacjach negocjacji handlowych oraz sferze reklamy. Przykładem manipulacji występujących w niektórych przedsiębiorstwach mogą być obowiązkowe weekendowe seminaria, nastawione na wyzwolenie jeszcze większej lojalności pracowników wobec firmy. Oczywiście odbywa się to jakimś kosztem, jest nim najczęściej spadek stopnia zobowiązań wobec własnej rodziny. Ale odwrotny układ manipulacyjny również się zdarza. Podczas rekrutacji do pracy kandydat może manipulować przekonując pracodawcę, że ma jakieś zdolności bądź umiejętności, których faktycznie nie posiada lub posiada je w stopniu niewspółmiernym do tego, jaki sugeruje. Manipulacje opierające się w znacznej mierze na wykorzystaniu mechanizmów związanych ze sferą psychiczną i intelektualną człowieka mają także miejsce w związkach partnerskich i rodzinach (należy mieć nadzieję, że jedynie w takich, w których występuje przemoc psychiczna). W negocjacjach mamy do czynienia z próbą dojścia do porozumienia. Ich nieodzownym czynnikiem jest przekonywanie. Obie strony, starając się zrozumieć swoje interesy i wynikające z nich stanowiska, poprzez wzajemne ustępstwa mogą wypracować najbardziej zadowalające porozumienie. Niekiedy jednak jedna ze stron stara się wpłynąć na drugą w sposób nieuczciwy, przy zastosowaniu technik manipulacyjnych. W tym celu zazwyczaj stosowane są ataki personalne, tworzenie sytuacji stresowych bądź relaksacyjnych oraz inne techniki, które pozwolą za wszelką cenę osiągnąć cel manipulującemu. Strona przeciwna nie zdaje sobie sprawy z tego rodzaju faktu i podejmuje decyzje nie zawsze zgodne z jej wcześniejszymi założeniami. Manipulacyjne techniki negocjacyjne stosowane są też w handlu. Najczęściej przywoływane odnoszą się do czasu i miejsca negocjacji, nieuczciwego posługiwania się informacją czy wykorzystywania metody ataków personalnych.²³ Zazwyczaj mają one na celu jednorazową zmianę w zachowaniu, rzadko zmianę postawy, chociaż powszechnie przekonuje się innych co do słuszności swoich nastawień. Sprzedający na przykład niejednokrotnie doradnie wykorzystują podstawowe mechanizmy zmian zachowania oparte na emocjach, stereotypach czy konformizmie w imię bezpośrednio uzyskiwanego celu. Ofiarą takich działań w handlu jest konsument, który dopiero zazwyczaj po fakcie transakcji staje się świadomy zaistniałej sytuacji. Kwalifikowana jako oszustwo budzi niesmak i rozczarowanie.

²² <http://www.reklama.cad.pl/jezyk.html>

²³ S. Borkowska, *Negocjacje zbiorowe*, Warszawa 1997, s. 213-214.

Znaczny wzrost zainteresowania sposobami wpływania na myślenie, postawy i zachowania obserwuje się współcześnie przede wszystkim w reklamie. Reklama jest istotnym elementem wolnego rynku i konkurencji. Jej rozwój bezpośrednio warunkowany jest wzrostem podaży, pośrednio o jej konieczności decydują bariery popytowe i ciągle narastających trudności zbytu. Reklama, oparta na potrzebie skutecznego wywierania wpływu na konsumenta i wykorzystująca potężne nośniki współczesnych mediów, jako „komunikacja manipulacyjna” jest z zachęcaniem, kuszeniem i apelowaniem (zwroty typu *pozwól sobie na przyjemność i kup zachwalany towar*) do ego odbiorcy i w konsekwencji skłaniającym go.²⁴ Reklamowany produkt w takim kontekście schodzi jakby na plan dalszy, a sprawą najważniejszą staje się sposób przekonywania i przekonanie potencjalnego klienta. Dzieje się to niejednokrotnie za pomocą środków bezpośrednio z produktem nie związanych, dlatego niejednokrotnie uzasadnionym jest powiedzenie, że reklama nie jest reklamą produktu w ścisłym znaczeniu tego terminu, ale jest ona raczej reklamą potrzeb i pragnień. I to dopiero jest kojarzone z produktem. Nie sprzedaje się zatem produktu, ale tzw. wartość dodaną, która za pomocą reklamy i opakowania obiecywana jest konsumentowi. Kupuje się nie produkt, ale skojarzone z nim pragnienia i uczucia. Założenie, że odbiorca samodzielnie podejmuje decyzje o kupnie konkretnego produktu, teza decydująca o stosowaniu konkretnych technik perswazyjnych, jest już tylko obowiązującą ideologią marketingową i to jedynie projektu reklamy. Celem jest przekonanie konsumenta do nabycia reklamowanego produktu poprzez przekaz subtelny, częściej nachalny, a na pewno taki, który ujawnia na poziomie myślenia i zachowania mechanizmy, wobec których jednostka jest bezbronna.

W takim kontekście reklama staje się swoistą pułapką na swojego odbiorcę. Element informacyjny przekazu reklamowego schodzi na plan dalszy. Nakłaniający, który przekonując wręcz osacza, wykorzystuje w swoich kampaniach reklamowych szereg technik wpływu manipulacyjnego. Do najczęściej stosowanych należą: fałszywa obietnica, czyli taka, która nie może być spełniona (na przykład obietnica opóźnienia starzenia, czy zapewnienie zdrowia), niepełna informacja, gdy reklama ujawnia tylko część prawdy o produkcie, przemilczając informacje kluczowe, odnoszące się do materiału, z którego został wytworzony lub wytrzymałości, wszelkiego rodzaju żwoniczów albo wprost fałszywe porównania (*twardy jak diament* lub *potrzebny jak chleb*) albo porównywania reklamowanego wyrobu z produktem, którego klienci nie znają (ma to miejsce w przypadku proszków do prania, gdzie jeden proszek porównuje się do innego, bliżej nie określonego), manipulacja ofertą, czyli przyciągnięcie do sklepu klientów zainteresowanych niską ceną wyrobu, a następnie podsuwanie innych, droższych produktów z sugestią, że tańsze już się skończyły, że zaprzestano ich produkcji lub że były gorszej jakości czy określenie istoty i charakteru oferty drobnym drukiem, tak aby trudno go było przeczytać.²⁵ Techniki owe wpisane są w specyficzny język przekazu, który sprzyja automatycznemu wyzwalaniu zachowań; często w sposób bezrefleksyjny. Należą do nich na zwroty towarzyszące cenom towarów typu *Tylko...; Już za...; Cena promocyjna...; Plus prezent gratis*, słowa opisujące produkt *super, sensacja, cud, recepta na sukces, może być Twój*, nagłówki w trybie rozkazującym (*wygraj...; podaruj sobie odrobinę luksusu!*; *zahamuj wypadanie włosów!*; *wyberz Cleo; wygraj Alfa Romeo!*) czy werbalne wskaźniki argumentów typu konstrukcji „bo”, która sugeruje towarzyszące treści przekazu uzasadnienie i automatycznie wyzwała u odbiorcy zgodę.²⁶ Wykorzystywany jest też wyjątkowo często chwyt pseudonaukowej argumentacji. Najczęściej pojawia się on w reklamach proszków do prania, szamponów do włosów, kremów i past do zębów.

²⁴ A Grzegorzczak, *Życie jako wyzwanie. Wprowadzenie w filozofię racjonalistyczną*, Warszawa 1995, s. 173.

²⁵ M. Laszczak, *Ciemna strona reklamy*, „Marketing w praktyce”, 2001 nr 7, s. 38.

²⁶ S. Juszczyk, *Człowiek w świecie elektronicznych mediów – szanse i zagrożenia*, Katowice 2000, s. 164.

To rezultat badania, profilometrycznego, można przeczytać w reklamie kremu wyszczuplającego Vichy. Z kolei krem przeciw-zmarszczkowy Roc jest najlepszy, bo zawiera najsilniej skoncentrowany Retinol i AHA. Natomiast krem Nivea zawiera przeciwutleniacz pochodzenia roślinnego alpha flavon. Kilka lat temu Demoskop przeprowadził badania znajomości i rozumenia nazw sześciu składników reklamowanych produktów: glucasil, keratynę, ceramidę, elastynę, kolagen i system TAED. Prawidłowe znaczenie tych słów znano zaledwie 20-30 proc. badanych, ale wszystkim wydawało się, że produkty zawierające te składniki są zapewne lepsze od zwykłych proszków czy szamponów. Tak więc sięganie po słownictwo niezrozumiałe dla zdecydowanej większości odbiorców reklam jest świadomym zabiegiem twórców reklam.²⁷

Istotnym składnikiem reklam jest muzyka. Dzisiaj wiadomo, że odpowiednio dobrana i towarzysząca reklamowanemu produktowi uaktywnia mechanizmy ułatwiające dokonywanie konsumenckich wyborów. Przykładem może być ukryte oddziaływanie na zachowanie konsumenta, z pozoru tak błahego czynnika, jak tempo utworu muzycznego. Na początku lat osiemdziesiątych R.E. Millimann przeprowadził badania w amerykańskich supermarketach. Przez głośniki puszczano dyskretną muzykę, bez odniesienia do jakichkolwiek treści. Eksperyment pokazał, że wolne utwory spowodowały wzrost sprzedaży towarów o 38%, w stosunku do jej przeciętnej wielkości dziennej, natomiast szybka muzyka znacznie zwiększała tempo samego poruszania się po sklepach, a więc przepływ klientów.²⁸ Takie samo badanie, powtórzone w jednej z restauracji w Teksasie, dało nieco inne wyniki. Szybkość jedzenia malała i wzrastała odpowiednio pod wpływem tempa melodii, choć liczba zjedzonych posiłków pozostawała bez zmian. Jednak w przypadku wolnych utworów zanotowano zwiększenie konsumpcji napojów alkoholowych.²⁹ Jednym z najsilniejszych efektów perswazyjnych związanych z muzyką we współczesnej kulturze zachodniej i zarazem przykładem wpływu manipulacyjnego może być rytmiczne powtarzanie tych samych dźwięków w melodii jako swoista oprawa dla wielokrotnego przywoływania i akcentowania pożądanych słów, zazwyczaj jako nazwy produktu, marki lub firmy. Pomaga to w zapamiętaniu, ale wyzwała też stan mobilizacji organizmu do działania jednostkowego i grupowego. Wykorzystuje się także znaczenie kulturowe muzyki jako jej społeczną definicję i jednakowy sposób rozumienia i odczuwania. Badanie wpływu oprawy muzycznej, na dokonywane zakupy; przeprowadzone na University of Leicester, polegające na puszczeniu w wybranych sklepach muzyki francuskiej lub niemieckiej i rejestrowaniu, jak wpływa ona na częstość zakupu win importowanych z Francji i Niemiec, pokazało, że sprzedaż trunków francuskich była znacznie wyższa kiedy zakupom towarzyszyła muzyka francuska, a niemieckich win sprzedano więcej, gdy rozbrzmiewała muzyka niemiecka.³⁰ Tłumaczono to tym, iż muzyka z danego kraju uaktywnia w podświadomości wiedzę o nim, a tym samym zachęca do nabycia czegoś, co pochodzi z tego kraju. Dodatkowo ankiety wykazały, iż większość klientów nawet nie uświadamiała sobie, że do ich uszu docierała muzyka, gdy robili zakupy. (tylko 6% respondentów przyznało, iż muzyka miała wpływ na ich wybór). Podobny, ale z udziałem studentów amerykańskich uczelni, eksperyment opisał G. J. Gorn w *The Effects of Music in Advertising on Choice Behavior*. Pokazywał on badanym to samo wieczne pióro w dwóch wersjach kolorystycznych (niebieskie i różowe). Prezentację jednego z nich połączono z graną w tle muzyką pop, drugiego zaś z utworami klasycznymi. Kiedy osoby biorące udział w

²⁷ M. Maison, *Aktywator kontra ceramidy*, „Charaktery”, 1999 nr 9, s. 22.

²⁸ R.E. Milliman, *Using Background Music to Affect the Behavior of Supermarket Shoppers*, „Journal of Marketing”, 46/1982, s. 86-91.

²⁹ B. Kwarciak, *Co trzeba wiedzieć o reklamie*, Kraków 1999, s. 111.

³⁰ *Muzyka, reklama, handel*, Wiedza i Życie 4/1998.

eksperymentach poproszono o wybór któregoś z piór, w 79% przypadków wskazały one na to, które pojawiło się z muzyką pop w tle.³¹ Inne jeszcze zorientowanie celowe perswazji muzycznej to dostarczanie muzyki do każdego miejsca pracy, bowiem dzięki niej pracownicy wykonują swoje czynności szybciej i z mniejszą ilością błędów (przykładem może być amerykańska firma „Muzak”).

Próby takiego oddziaływania są traktowane jako coś oczywistego, jednak w niektórych przypadkach budzą niepokój. Wynika to z poczucia zagrożenia jednostki, jakie niesie ze sobą ograniczona przez reklamę swoboda podejmowania decyzji przez jednostkę. Wprawdzie od danej jednostki właśnie zależy, w jaki sposób zareaguje - podda się perswazji reklamy lub obroni swą niezależność decyzji. Wpływy wywierane na osobowość przez programy reklamowe, nakłaniają do nabycia różnych produktów i usług, niezależnie czy mamy na to ochotę, czy ich potrzebujemy. Większość reklam upraszcza ogląd świata i zmienia rzeczywiste proporcje odnośnie prezentowanej problematyki. W konsekwencji odbiorca zostaje na swój sposób ubezwłasnowolniony i traci możliwość samodzielnego myślenia mając w pamięci modele i schematy zaczerpnięte z reklamowych fabułek. Świadomie czy nie zaczyna, podporządkowywać swoje zachowania tym zaobserwowanym w reklamach, przejmując i naśladując wzorce przypisując im wiarygodność.

Czy człowiek jest w stanie obronić się przed manipulacyjnymi elementami swojego świata? Jednostka ludzka posiada pewne naturalne mechanizmy obronne (na przykład reakcji - każdy ceni sobie swobodę decydowania) i ma możliwość dysponowania określoną wiedzą o ludzkiej podatności na manipulację i na temat stosowanych zazwyczaj technik manipulacyjnych. Jednak, jak pokazuje praktyka, te rodzaje obrony nie zawsze są skuteczne. Złożoność sytuacji i stanów osobowościowych nie unieważnia manipulacyjnych oddziaływań. Człowiek nadal może być bezbronny. Wzmocnieniem naturalnych mechanizmów obronnych powinny być w takiej rzeczywistości przepisy prawne. Ich wzór to prawna ochrona osoby konsumenta. Konsument bowiem będąc celem zmasowanych praktyk nieuczciwych oddziaływań powinien mieć możliwość już dziś odwołania się do istniejących i egzekwowanych przepisów prawnych. Wynika to przede wszystkim z tego, że w sferze mediów i reklamy działania manipulacyjne prawdopodobnie będą zawsze miały miejsce, bo granica między dopuszczalną perswazją i wpływem a manipulacją nie zawsze jest możliwa do wyznaczenia.

ФУНКЦИЯ ЭТНОСА В СИСТЕМЕ ЕДИНЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСОГО ОБЩЕСТВА

Ионас Сребалюс

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Введение

Постсоциалистические страны, в своем стремлении трансформировать духовные, экономические и политические отношения, столкнулись с серьезным и существенным для названных стран препятствием – проблемой интеграции творческой энергии частного интереса в синергетическую систему отечества граждан постсоциалистических стран. Попытки исключительно силами политического управления придать частному интересу граждан общественно ценный смысл не привели к желаемым результатам. Свидетельство тому - рост теневой экономики, непродолжительность спроса на общественно ценную

³¹ B. Kwarciak, dz. cyt., s. 113-114.

информацию, "пульсирующую" проектами, товарами и услугами; дисфункция госчиновников; коррупция, уничтожающая общественные связи людей, их культуру.

Все это свидетельствует том, что сущность проблем трансформации общественных отношений в постсоциалистических странах кроется глубже – в отсутствии норм закона синергетического равновесия структурных сил, способных дать частному интересу нравственно-патриотическую цель и продуктивные нормы отношений.

Отсутствие нравственно-патриотического отношения движущих сил частного интереса граждан пришло из недалекого прошлого. В политических условиях социализма общественные отношения развивались не на основе гармонии частных и общих интересов, а как объект частного интереса номенклатурных сил и классово-групповых структур. По своей форме номенклатурные интересы декларировались как нравственно патриотические, однако по сути своей природы они были не чем иным, как частными интересами номенклатуры. Объектом частного интереса была сила государства, при помощи которой проблемы социалистического общества решались не на основе культуры взаимодействия, а на основе прав сильного. Тоталитарное присутствие у власти сил частного интереса номенклатуры привело систему общественных отношений к застою сил движения, а в последствии и к развалу тоталитарного социализма. Культура этноса как духовная коммуникация опыта интеграции и взаимодействия интересов для номенклатуры стала совершенно не нужной. Этнос поощрялся лишь в пропагандистских целях, в качестве "потемкинской деревни".

Отстранение носителей агрессивного частного интереса номенклатуры от политических инструментов государственной власти не означало, что теневые привычки агрессивного частного интереса улетучились в небытие одновременно с началом общественной трансформации постсоциалистических стран.

Для того, чтобы частный интерес граждан стал движущей силой продуктивной трансформации общественных отношений, необходимо на основе человеческой цивилизации трансформировать мотивацию поведения личности.

Родина этноса, национальное самосознание личности, ее нравственно патриотическое отношение к культуре продуктивного единения интересов в систему отечества – это закономерности системной функции этноса для успешного решения проблем экономической и политической жизни постсоциалистических стран. Системной функции этноса нет альтернатив. Даже разноцветные революционные силы не в состоянии заменить системную функцию этноса в решении экономических и политических проблем общества.

1. Актуальность познания этноса.

Научное познание системной функции этноса позволяет оценить этнические формы культуры как духовную связь поколений и сознательно подключится к источнику абсолютной информации – историческому опыту человеческих норм и принципов строительства отечества. Именно в отечестве сила творческой энергии частного интереса в процессе производства и взаимного обмена из актуальной информации превращается в реальную материальную форму нравственно патриотического отношения граждан к другим людям – партнерам производства новой информации, независимо от времени и пространства. Этничность поэтому не является преградой для соседских отношений обмена и производства новой информации. Актуальная информация, пульсирующая качественными товарами и услугами, является формой культуры взаимодействия интересов и источником инвестиций в будущее семьи, производства и государства, т.е. в проекты обновления отечества, как дома социального бытия этноса. В свое время известный литовский философ Антанас Мацейна отмечал, что исторический опыт народа является фундаментальной основой будущего времени.

2. Сущностные формы этноса.

Отечество.

Понятием отечества определяем непосредственно духовную, экономическую и политическую среду личности. Реальным источником системного движения социальных процессов в отечестве является равновесие структурных сил в семье, на производстве, в институциях государственной власти и самоуправления. Частные интересы граждан во взаимодействии с опытом этноса превращаются в синергетический источник энергии, необходимой для управления духовными, экономическими и политическими процессами жизни в отечестве. Отечество – это социальное пространство, где человек способен знания, привычки, традиции культуры превратить в энергию мотивов солидарности и уважения к интересам партнера, оппонента. Отечество человек создает сам. На основе национального самосознания личности рождаются мотивы ответственности за судьбы семьи, производства, за функциональность государства и в целом за судьбы отечества. Жизнь и отечество превращает человека в субъекта с морально-патриотическими отношениями к культуре и этническим формам ее присвоения. Отечество – это социальный дом жизни этноса, и хозяевами этого дома являются люди, способные на основе человеческой культуры управлять дикой силой страстей частного, т.е. своего интереса.

Национальное самосознание личности.

Рачительный хозяин обновляет свой дом. Инвестиции для обновления структурных сил отечества – это акты проявления морально-патриотического отношения граждан к трансформации условий собственной жизни в семье, на производстве, в политике. Однако в реальной жизни без общественно ценных мотивов деятельности граждан инвестиции в общие интересы являются невозможными. Морально-патриотическая мотивация отношений частного интереса к общим происходит на основе исторической памяти. Историческая память, пульсирующая в духовной структуре личности, определяется понятием национального самосознания личности. На основе национального самосознания человек присваивает общие интересы, продуктивные нормы их выполнения, границы ответственности перед соотечественниками за результаты производства актуальной информации и политические условия синергетического прироста системных сил движения времени, перемен в отечестве. Наличие национального самосознания личности – верный признак единства слова и дела, а также моральной устойчивости при изменении условий жизни. Исторический опыт человеческой цивилизации средствами этнической культуры инсталлирован в национальное самосознание граждан как историческая память этноса и как оперативная программа личности. Он является личностной формой бытия общественной природы человека в уникальных объективных условиях родины этноса.

Родина этноса

Каждое новое поколение людей живет, пользуясь энергией родной земли. Неравномерность рассеивания солнечной энергии на земле является объективным фактором образования этнических особенностей форм культуры. Развивая этнические формы культуры, люди стремились в родной язык, обычаи и традиции, а также во весь уклад жизненной инфраструктуры вложить проверенную и актуальную информацию о продуктивных нормах взаимодействия людей по созданию синергетической силы, необходимой для сохранения и трансформации социального дома этноса. Поэтому родиной этноса является родная земля с ее синергетическими особенностями, отраженными этническими формами культуры в родном языке, обычаях, инфраструктуре системы взаимодействия человек – родная земля.

Патриотизм личности и проблемы трансформации отношений.

Трансформация экономических и политических отношений, в первую очередь, нуждается в субъекте, творческая энергия которого запитана синергетической силой патриотизма граждан. Сущность патриотизма кроется в общественной природе человека. Проявляясь творчеством актуальной информации, патриотизм выступает как синергетическое свойство личности. Синергизм присущ всем структурным силам безграничного ряда систем вселенной, в том числе и творческому человеку.

Необходимость трансформировать общественные отношения в постсоциалистических странах неизбежно влечет за собой глобализацию социально-экономических связей между этими странами и отдаленными частями мира. Глобализация – это мощный источник синергетической силы там, где глобальные связи частных интересов выражают общие интересы народов, отвечают принципам солидарности и уважения к людям и их законным интересам. Глобализация выступает своеобразным вызовом патриотизму личности. Испытывая на прочность духовную структуру национального самосознания, глобализация сильно влияет на патриотическое отношение частного интереса к нормам культурного сотрудничества. Это значит, что трансформация общественных отношений в условиях глобализации требует роста синергетических сил отечества и творческих свойств у людей, чтобы противостоять деструктивным силам частного интереса.

Выводы

Проблемы трансформации экономической и политической жизни в постсоциалистических странах указывают, что субъект, т.е. граждане, не обладают достаточной силой творчества для предоставления актуальной информации как факта системной связи со своим отечеством – объектом частных и общих интересов. Нестабильные социальные связи не создают систему единения интересов, и граждане – субъекты структурных сил трансформации общественных отношений, остаются без прироста синергетических сил, так необходимых для реализации патриотических мотивов граждан на благо развития экономических и политических процессов в отечестве. Для решения проблем движения необходимо, как теперь говорят, “ввести в бой” основную силу стабилизации общественных отношений – силу исторической памяти, которая, формами национального самосознания личности, создает фундамент патриотическому отношению сил частного интереса граждан к общим делам отечества.

Человеческая жизнь проходит не в условиях рая, ибо проблемы жизни решаются на основе прироста энергии, рост которой измеряется валютой и создается в синергетической системе отечества. Патриотические мотивы деятельности являются перспективным направлением деятельности институций государственной власти в преодолении проблем трансформации экономических и политических проблем постсоциалистических стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aurelijus Augustinas. Išpažinimai. Vilnius, 1998.
2. R. Kalinauskas. Tauta ir valstybė. Kn.: Energoentropiniai žmoniškumo pagrindai, Vilnius, 1999, psl. 191 – 264.
3. A. Maceina. Tautinis auklėjimas. Kaunas, 1991.
4. J. Srėbalius. Patriotinė socialinio tikslu tvėrmė tėvynėje. Kn.: Sociologija: praeitis ir dabartis. Mokslinės konferencijos pranešimų medžiaga. Kauno technologijos universitetas, 1999.
5. J. Srėbalius. Pilielinė tautiškumo būtis globalizacijos procese. Kn.: Socialinė tikrovė ir subjektas. Konferencijos pranešimų medžiaga. Lietuvos MA. Vilnius, 2000, psl. 48 – 51.
6. J. Srėbalius. Kultūros vaidmuo globalizacijos procese. – Gedimino universitetas, 2002, Nr. 4, psl. 20 – 21.
7. J. Srėbalius. Sisteminė tautos funkcija: “Vytautai”, 2003 Nr. 2. (www.pilieciai.lt)

8. J. Šrėbalius. Globalizacijos iššūkis tautiškumui. Vilniaus Gedimino technikos Universitetas, 2004, Nr. 5, p. 25 – 28.

9. John Tomlinson. Globalization and culture. Polity Press association with Blackwell Publishers, 2000.

10. Jonas Paulius II. Atmintis ir tapatybė: UAB „Katalikų pasaulis“ leidykla. 2005.

11. Wayne Parsons. Viešojo politika. Politikos analizės teorijos ir praktikos įvadas. Vilnius, Eugrimas, 2001.

METODY ROZWIĄZYWANIA SPORÓW

Marcin Szczepański

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Ostatnie lata przyniosły wzrost zainteresowania naukowców konfliktami społecznymi i możliwością ich skutecznego rozwiązywania. Konflikt, jako zjawisko powszechne, jest obecny we wszystkich społeczeństwach i w każdym rodzaju interakcji międzyludzkich. Poza opisywaniem konfliktów jako zjawisk socjologicznych usiłuje się znaleźć metody ich skutecznego rozwiązywania. Poniższy tekst przedstawia krótką charakterystykę niektórych metod rozwiązywania sporów. Typologia metod została nakreślona w oparciu o koncepcję Christophera Moore'a, przedstawioną w publikacji „The mediation process”³².

Na wstępie należy zaznaczyć, że żadna z przedstawionych metod nie jest lepsza od pozostałych. Wszystkie mają zarówno zalety, jak i mankamenty, odznaczają się cechami, które mogą się okazać pożądane lub szkodliwe w konkretnej sytuacji. Ich zastosowanie winno być zatem dopasowane do warunków, w jakich toczy się spór. Uwzględnić przy tym należy zwłaszcza obraną przez strony strategię zachowania w sytuacji konfliktowej, stopień antagonizmu, sprzeczności interesów zaangażowanych stron; możliwość, tj. zdolności i chęci, dobrego porozumienia się stron; chęć stron do zawarcia porozumienia, stopień i charakter uzależnienia między nimi, wzajemność tego uzależnienia lub jego brak. Miernikiem jakości rozwiązania sporu jest trwałość rozwiązania oraz satysfakcja stron.

Oddzielną kwestią jest to, kto podejmuje decyzję o zastosowaniu konkretnej metody: jedna ze stron, wszystkie, czy podmiot działający z zewnątrz. W miarę wzrostu zaangażowania podmiotu zewnętrznego wzrasta również stopień związania stron decyzją, potęguje się sztywność proceduralna oraz trudność podważenia przyjętego rozwiązania. Coraz mniejsza jest autonomia stron i ich wpływ na końcowy wynik. Podnosi się jednak stopień kontroli społecznej rozstrzygnięcia sporu i wykonania decyzji.

Unikanie, wycofanie się z sytuacji spornej, zerwanie stosunków z drugą stroną. W gruncie rzeczy nie rozwiązuje to konfliktu, ale go likwiduje. Metoda ta czasem może być skuteczna, np. wtedy, gdy kontakty między stronami są incydentalne, gdy jedna ze stron nie chce rozwiązać sporu, a sprawa jest bardzo istotna, zwłaszcza jeśli koszty rozwiązania sporu mogą być wyższe niż ewentualny zysk z jego rozstrzygnięcia. Na podobnych zasadach funkcjonuje **rozstrzygnięcie siłowe sporu**.

Negocjacje to proces stopniowego dochodzenia do porozumienia, w warunkach sprzeczności interesów. Osiąga się je poprzez wzajemne komunikowanie się stron. Negocjacje inicjowane są w celu uzyskania efektu synergicznego, tj. lepszej realizacji własnych interesów dzięki współdziałaniu z kontrpartnerem niż w sytuacji braku porozumienia z nim. Negocjacje są działaniem planowym, racjonalnym i ukierunkowanym na osiągnięcie określonego

³² Moore Ch. W., *The Mediation process: Practical Strategies for Resolving Conflict*, Jossey-Bass Publishers, San Francisco 1996 s.7.

rezultatu.³³ Negocjacje są procesem całkowicie dobrowolnym, aczkolwiek niekiedy istnieją możliwości nieoficjalnego wymuszenia na stronach ich podjęcia.

Cechy charakterystyczne sytuacji negocjacyjnej:

- 1) występuje przynajmniej częściowy konflikt interesów między stronami;
- 2) nie ma określonych reguł i procedur rozwiązywania konfliktu bądź też, z różnych względów, nie mogą one być zastosowane lub zastosowanie ich jest bardzo trudne. Do negocjacji nie dochodzi, gdy sposób rozwiązania sporu jest precyzyjnie i ostatecznie określony przez przepisy lub nakaz postępowania. Innymi słowy, nie ma możliwości jego zmiany stosownie do woli stron;
- 3) strony preferują poszukiwanie rozwiązania - aby doszło do negocjacji strony muszą mieć wolę osiągnięcia porozumienia, zdawać sobie sprawę z potrzeby rozmów;
- 4) strony są współzależne. Strony biorące udział w negocjacjach są od siebie wzajemnie uzależnione, potrzebują się wzajemnie. Żadna z nich nie jest w stanie zrealizować swoich celów bez udziału drugiej strony.³⁴ Uzależnienie to może oczywiście być asymetryczne i mieć różny charakter.

Negocjacje pozostawiają stronom dużą swobodę, jeśli chodzi o ich formę, określenie zakresu i warunków porozumienia. Mogą być bardziej lub mniej sformalizowane, mogą się toczyć na różnych poziomach oficjalności, od kontaktów poufnych do w pełni oficjalnych, z udziałem środków masowego przekazu. Negocjacje są prowadzone bezpośrednio przez zainteresowane strony. Każda z nich może prowadzić negocjacje sama lub przez agenta, pośrednika. W tej formie rozwiązywania sporów nie przewiduje się jednak wprowadzenia niezależnych, neutralnych podmiotów z zewnątrz.

Efektem negocjacji jest często porozumienie stron zawarte w formie określonej przepisami prawnymi. W porozumieniu strony mogą ustanowić kontrolę nad przebiegiem jego wykonania i ewentualnymi warunkami rewizji. Fakt, że strony są wyłącznymi współautorami porozumienia, które w żadnym stopniu nie zostało narzucone odgórnie, sprawia, że będą czuły się bardziej odpowiedzialne za jego wykonanie. Do zalet negocjacji należy też fakt, że zawsze, za wspólną zgodą stron, istnieje możliwość powrotu do stołu rokowań i renegocjacji warunków zawartego porozumienia.

Podjęcie negocjacji nie zamyka możliwości skorzystania z innych sposobów rozwiązywania sporu, jeśli negocjacje nie przyniosą rezultatu. Również po zawarciu porozumienia można, w wypadku wątpliwości, odwołać się np. do sądu. Niewątpliwą zaletą tej formy rozwiązywania sporów jest także to, że do momentu zawarcia porozumienia, w każdej chwili, strona może się wycofać z negocjacji, jeżeli tylko kontynuowanie rozmów okaże się, jej zdaniem, bezcelowe.

Facilitacja, czyli koordynacja działań uczestników, wspomaganie procesów grupowych, jest swego rodzaju proceduralnym usprawnieniem negocjacji wielostronnych. Stosowana jest w sytuacji, gdy istnieje wiele stron negocjacji, rozmowy dotyczą złożonych kwestii, uczestnicy mają kłopoty z ustaleniem i przestrzeganiem procedur i metod rozwiązywania problemów, czyli wtedy, gdy istnieje niebezpieczeństwo powstania chaosu, który zakłóci prowadzenie obrad i uniemożliwi podjęcie decyzji. Za zgodą wszystkich zainteresowanych stron wprowadza się facilitatora - bezstronną osobę, której zadaniem jest sprawowanie kontroli nad procesem rozwiązywania problemu czy podejmowania wspólnej decyzji przez strony będące w sporze. Facylitator jest ekspertem od procedury. Przed rozpoczęciem obrad strony winny dokładnie ustalić, jaki będzie zakres jego uprawnień i czynności. Kwestie merytoryczne sporu pozostają pod pełną kontrolą uczestników, którzy określają zakres porozumienia i podejmują ostateczne decyzje.³⁵

³³ Por. Chelma S. Negocjacje w biznesie. Wyd. Terra Poznań 2000 s.9-10.

³⁴ Por. Kamiński J. Negocjowanie Wyd. Poltext Warszawa 2003 s. 17

³⁵ Skrypt szkoleniowy Konflikt i negocjacje. CONSENSUS 2000 Warszawa 1993 s. 10.

W sytuacji, gdy negocjacje nie doprowadzą do zawarcia porozumienia, można zwrócić się do **mediatora**. Jest to wskazane zwłaszcza wtedy, gdy obserwowana jest eskalacja konfliktu, wzajemna niechęć stron, silne emocje i brak wzajemnego zaufania, jak również w przypadku, gdy strony nie umieją prowadzić negocjacji, gdy zła komunikacja lub złożoność problemu uniemożliwiają podjęcie efektywnych rozmów. Mediator to osoba lub instytucja niezależna, bezstronna, powołana za zgodą wszystkich zainteresowanych. Jego zadaniem jest pomoc stronom w znalezieniu rozwiązania, które byłoby akceptowalne dla wszystkich. Mediator kontroluje proces rozwiązywania konfliktu, chroni przed jego eskalacją, pomaga stronom oddzielić konflikt interesów od konfliktu relacji, otwiera kanały komunikacyjne, wprowadza efektywne procedury rozmów. Pomaga stronom zrozumieć problem, uchwylić istotę sporu, odkryć, jakie są rzeczywiste wzajemne intencje, oczekiwania, wzajemne postrzeganie. W przypadkach bardzo silnego konfliktu może pośredniczyć w komunikacji między stronami, które nie chcą spotykać się przy jednym stole. Mediator nie ma władzy podejmowania decyzji merytorycznych. Jego zadaniem jest pomoc zwaśnionym stronom w dobrowolnym osiągnięciu ich własnego, wzajemnie akceptowanego porozumienia w spornych kwestiach. Mediator ukazuje stronom, jakie są realne możliwości osiągnięcia porozumienia. Pomaga w dokonaniu analizy konsekwencji różnych rozwiązań, w wypracowaniu osiągalnego, realistycznego i satysfakcjonującego strony porozumienia. Wybór rozwiązania i opracowanie końcowego porozumienia zależy od uczestników sporu. Strony zatem zachowują kontrolę nad treścią końcowego porozumienia.³⁶

Mediacje powinny toczyć się w neutralnym miejscu - np. centrum mediacji. Mają mniej formalny charakter niż pozostałe metody odwołujące się do pomocy podmiotu zewnętrznego.

Zaletami mediacji są: szybkość postępowania, niskie koszty i poufność³⁷. Jednak na ograniczenie ich efektywności wpływają takie czynniki, jak na przykład: brak zrozumienia dla istoty mediacji, podejście do sporu według orientacji wygrany/przegrany, obawa, że zaproponowanie przez jedną stronę rozwiązania sporu, brak tradycji rozwiązywania sporów na drodze mediacji. Największą przeszkodą są emocje stron, jeśli np. mediowany konflikt jest w takiej fazie, że jedynym dążeniem obu stron jest zniszczenie przeciwnika za wszelką cenę.³⁸

Arbitraż to termin rozległy znaczeniowo odnoszący się do procesu dobrowolnego, a więc nieobligatoryjnego rozstrzygnięcia sporów, przeprowadzanego za zgodą wszystkich stron konfliktu. Jest on użyteczny zwłaszcza w sytuacji, gdy uczestnicy sporu nie widzą możliwości wspólnego rozwiązania problemu, gdy nie są dość kompetentni merytorycznie albo też istnieją między nimi różnice, nie do pogodzenia, w zakresie interpretacji sytuacji lub komunikacja między nimi została nieodwracalnie zablokowana. Strony będące w konflikcie zwracają się wówczas do bezstronnej i neutralnej osoby lub instytucji o podjęcie za nie decyzji w spornej kwestii. Porozumienie między stronami dotyczy jedynie zgody na arbitraż, wyboru arbitra i ewentualnie zobowiązania do respektowania jego decyzji. Arbitraż może być przeprowadzany przez jedną osobę lub zespół, a także przez instytucję. Czasami arbitrzy mogą wybrać spośród siebie superarbitra, rozstrzygającego wewnętrzne wątpliwości decydentów i mającego prawo do ostatecznej decyzji w wypadku braku jednomyślności. Warunkiem jest to, że decydent jest spoza układu, w którym spór się toczy, aczkolwiek możliwa jest też sytuacja, gdy każda ze stron wybiera własnych arbitrów, którzy wspólnie rozstrzygają sprawę. W ten sposób strony pozostawiają sobie większą kontrolę nad decyzją. Główną cechą arbitrażu jest to, że

³⁶ Por. *ibid* s.11 por też Świerzak Rafał Mediacja i jej zastosowanie Polityka Społeczna 1999 nr2 s. 30-31. Por. też M. Tański J. Tylek Rozwiązywanie sporów gospodarczych. Polska Agencja Rozwoju Regionalnego Warszawa 1998 s 9.

³⁷ M. Bobrowicz Mediacje gospodarcze – jak mediować i przekonywać Wyd. C.H.Beck Warszawa 2004 str16.

³⁸ M. Bobrowicz s. 17.

strony mają decydujący wpływ na powołanie arbitra, a często i ustalenie określonej procedury.³⁹ Arbitr jako niezależny, bezstronny ekspert dokonuje analizy i interpretacji kwestii spornych, proponuje rozwiązanie, które ma rozstrzygnąć spór. Kontroluje procedurę pracy nad problemem i ustala rozwiązanie merytoryczne. Stopień oficjalności arbitrażu może być różny – od arbitrażu prywatnego po sąd arbitrażowy. Pociąga to za sobą różny stopień związania stron decyzją, która może być doradcza lub wiążąca. Niektóre z form arbitrażu są ostateczne, a od innych można się odwołać do innych instytucji np. sądów. Arbitraż jest procesem poufny, którego przebieg i często rezultat nie jest udostępniany do publicznej wiadomości. Strony często wybierają arbitraż, ponieważ jest mniej formalny niż procedura sądowa, szybszy, tańszy i bardziej prywatny.⁴⁰

Decyzja sędziowska to, podobnie jak decyzja prawodawcza, publiczny i prawny sposób rozwiązywania sporów. Polega na interwencji w spór zinstytucjonalizowanej i społecznie uznanej władzy. Przy jej użyciu można rozwiązywać tylko te rodzaje sporów, w których możliwość taką przewidują przepisy prawa. Dokonuje się to z reguły na wniosek co najmniej jednej ze stron konfliktu. Strony często wynajmują prawników, aby ich reprezentowali i dowodzili słuszności ich stanowisk przed sądem, który podejmuje decyzję, rozstrzygając spór w oparciu o prawo i przepisy. Decyzja ta jest wiążąca, i wymaga od stron zastosowania się do niej. Strony w gruncie rzeczy nie mają na nią wpływu, mogą ją jedynie w niektórych przypadkach podważyć na drodze odwołania. Strony tracą kontrolę nad wynikiem, ale w zamian mogą uzyskać skuteczną ochronę swych interesów w oparciu o społecznie usankcjonowane normy.⁴¹

Decyzja prawodawcza to ustanowienie przepisu prawnego przez powołane do tego ciało. Przepis ten może rozstrzygać konkretny spór, wprowadzać przepisy regulujące sposoby rozwiązania kwestii konfliktowych określonego gatunku, potencjalnych lub rzeczywistych. Metoda ta jest stosowana zazwyczaj w odniesieniu do dużych sporów dotyczących szerokiej populacji, np. sporów pracowniczych. Decyzja prawodawcza podejmowana jest przez procedurę głosowania (np. referendum, procedura ustawodawcza). Zainicjowanie rozwiązania sporu tą drogą może nastąpić wyłącznie poprzez odpowiednio kwalifikowany wniosek. Wnioskodawcą może, ale nie musi, być zainteresowana strona. Co więcej, procedura prawodawcza może być uruchomiona bez zgody lub nawet wbrew woli jednej bądź wszystkich stron sporu. Zaangażowane w spór strony mają wpływ na jego ostateczny wynik na tyle, na ile potrafią się zmobilizować, zorganizować lobbying i wyrzucić nacisk na ciało prawodawcze, które decyzję podejmuje, ewentualnie na opinię publiczną. Podjęcie decyzji prawodawczej może być bardzo rozciągnięte w czasie, a wpływ na jej kształt mogą mieć liczne siły nacisku, niemniej jednak ma ona duży wpływ na wszystkie następne decyzje dotyczące tych samych lub podobnych zagadnień. W oparciu o nią rozwija się bowiem praktyka rozwiązywania sporów określonych kategorii przez stosujące prawo organy administracyjne i sądowe. Zaznaczyć należy, że zmiana decyzji prawodawczej jest bardzo trudna i ma długą drogę.

LITERATURA

Bobrowicz M. Mediacje gospodarcze – jak mediować i przekonywać Wyd. C.H.Beck Warszawa 2004.

Chęłpa S. Negocjacje w biznesie. Wyd. Terra Poznań 2000.

Encyklopedia prawa. C. H. Beck. Warszawa 2000.

Kamiński J. Negocjowanie Wyd. Poltext Warszawa 2003.

³⁹ Por. Encyklopedia prawa. C. H. Beck. Warszawa 2000 s. 42.

⁴⁰ Por. Mediacje. Skrypt Ośrodka Negocjacji Rozwiązywania Konfliktów Uniwersytetu Warszawskiego maszynopis s. 4.

⁴¹ Ibid. s.5.

- Konflikt i negocjacje. Skrypt szkoleniowy. CONSENSUS 2000 Warszawa 1993.
- Mediacje. Skrypt. Ośrodka Negocjacji, Rozwiązywania Konfliktów Uniwersytetu Warszawskiego b.d.w. maszynopis.
- Moore Ch. W. The Mediation process. Practical Strategies for Resolving Conflict, Jossey-Bass Publishers, San Francisco 1996.
- Świerzak R. Mediacja i jej zastosowanie. Polityka Społeczna 1999 nr 2.
- Tański M. Tylek J. Rozwiązywanie sporów gospodarczych. Polska Agencja Rozwoju Regionalnego Warszawa 1998.

KONCEPCJA PRACY W UJĘCIU JANA PAWŁA II

J. Zalejski

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Wstęp

„Praca jako problem człowieka znajduje się w samym sercu „kwestii społecznej”, ku której na przestrzeni ostatnich stu lat od wydania encykliki „Rerum novarum” zwraca się nauczanie społeczne Kościoła” (LE 2). W dzisiejszych czasach istnieje potrzeba wykładu zagadnienia, pracy ludzkiej, która jest istotną częścią nauki społecznej Kościoła. Zagadnienie to jest ściśle związane z przemianami, które dokonują się w świecie współczesnym i wymagają ocen moralnych. Przemiany te dokonują się w sferze technologii, ekonomii i polityki. Wraz z nimi rodzą się nowe nadzieje, ale również obawy i zagrożenia. Zagrożenia te dają podstawę do głębokiej refleksji nad tym problemem, ponieważ są one skierowane przeciwko człowiekowi, który jest „pierwszą i podstawową drogą Kościoła” (RH 14).

Rozważania Jana Pawła II o pracy wychodzą z jego doświadczenia, od opisu zjawiska pracy, jednak nie zatrzymują się na niej. Można powiedzieć, że właściwie nie praca jest podstawowym i pierwszorzędym przedmiotem rozważań i ich celem, ale człowiek pracujący.

2. Istota pracy w rozumieniu Jana Pawła II

Pojęcie pracy może być używane w różnych znaczeniach. W znaczeniu najwęższym sprowadza się ono do pracy gospodarczej; w znaczeniu najszerszym obejmuje wszelkie przejawy działalności człowieka, we wszystkich przejawach „aktywności jego natury materialno-duchowej”.⁴²

Jan Paweł II sens pojęcia „praca” używa w najszerszym znaczeniu. Praca dla Papieża oznacza „każdą działalność, jaką człowiek spełnia, bez względu na jej charakter i okoliczności, to znaczy każdą działalność człowieka, którą za pracę uznać można i uznać należy pośród całego bogactwa czynności, po jakich jest zdolny i dysponowany poprzez samą swoją naturę, poprzez samo człowieczeństwo” (LE: Wprowadzenie). Nie ma w tym ujęciu rozróżnienia na pracę fizyczną i umysłową. Można tłumaczyć to faktem, że nawet najbardziej mechaniczna praca nie jest pozbawiona pierwiastków wysiłku umysłowego; podobnie też nie ma pracy umysłowej, która by nie angażowała chociaż w minimalnym stopniu fizycznej strony człowieka. Papież nie bierze też pod uwagę, czy chodzi o pracę „twórczą”, czy „odtwórczą”. Problem ten podejmuje na 68-iej sesji Międzynarodowej Organizacji Pracy w Genewie, mówiąc: „Czy chodzi o badania stwarzające podstawy dla pracy innych, czy o pracę polegającą na organizowaniu warunków i struktur pracy, czy też wreszcie o

⁴² Cz. Strzeszewski, Katolicka nauka społeczna, ODISS, Warszawa 1985, s.578

prace kierownicze lub prace robotników, wykonujących zadania konieczne dla ustalonych programów⁴³. Pragnie on objąć spojrzeniem wszystkie formy pracy, pracę każdego człowieka. Papież w swych wypowiedziach poświęca wiele miejsca pracy ludzi nauki i kultury, robotników, rolników, emigrantów i osób upośledzonych. Do tych grup zawodowych szczególnie chętnie przemawia podczas pielgrzymek apostolskich.

W nauczaniu Jana Pawła II spotyka się różniące się słownie i treściowo określenia pracy, przy czym jest on świadom, że nie sposób jest odpowiedzieć na pytanie, czym jest praca ludzka⁴⁴. W przemówieniu do robotników w Guadalajara w Meksyku Papież mówi, że „praca jest wypełnieniem prawdziwego powołania do przemiany świata w duchu służby i miłości dla braci, drogą realizowania się osoby i jej udziałem w postępującej humanizacji świata i jego struktur”⁴⁵. Inne określenia pracy można odnaleźć w „Laborem exercens”. Z punktu widzenia etycznego „praca jest dobrem człowieka – dobrem jego człowieczeństwa – przez pracę bowiem człowiek nie tylko przekształca naturę, ale także urzeczywistnia siebie jako człowieka, a także poniekąd bardziej staje się człowiekiem” (LE 9). Teologiczny punkt widzenia jest widoczny w określeniu pracy jako „współdziałania z Bogiem w doskonaleniu natury, stosowane do biblijnego nakazu, aby czynić sobie ziemię poddaną (Rdz 1, 28)”⁴⁶.

3. Podmiotowy i przedmiotowy wymiar pracy

Aby podkreślić znaczenie pracy jako podstawowego wymiaru ludzkiej egzystencji i wyrazu godności człowieka, Jan Paweł II zwraca uwagę na jej dwa wymiary: subiektywny, czyli podmiotowy i obiektywny, czyli przedmiotowy. Rozróżnienie to ma swe źródło w fakcie, że praca nie jest działalnością immanentną, jak myśl, lecz tranzytywną. Opanowanie przyrody (natury) zakłada, że coś przechodzi z człowieka w to, nad czym on panuje. To, co jest specyficzne dla pracy, to relacja przeżywania między tymi, którzy pracują i dziełem, które wykonują.

Wyjaśnienie problemu człowieka oraz aktywna i twórcza troska o człowieka, o jego dobro i spełnienie, które to zagadnienia od początku charakteryzują działalność duszpasterską i naukową Karola Wojtyły, wyznaczają również od samego początku drogę pontyfikatu Jana Pawła II. Już w pierwszej swej encyklice (RH 14) mówi, że „człowiek (...) jest pierwszą i podstawową drogą Kościoła”; dlatego też należy „stać się wracać na tę drogę i podążać nią wciąż na nowo wedle różnych aspektów, w których odsłania nam ono całe swe bogactwo i równocześnie cały trud ludzkiego bytowania na ziemi” (LE 1). Dlatego też Kościół i myśl chrześcijańska od samego początku nawiązuje tak do starotestamentalnych korzeni, jak do Ewangelii. Również Jan Paweł II zajmuje się pracą człowieka, która „jest jednym z aspektów, aspektem odwiecznym i pierwszoplanowym, zawsze aktualnym i wciąż domagającym się by o niej myśleć i świadczyć” (LE 1).

Jest jeszcze inny motyw podejmowania przez Papieża problematyki pracy. Rozważania Jana Pawła II dotyczące pracy i jej godności są spowodowane jego osobistym doświadczeniem: nabytym w fabryce „Solvay” w Krakowie podczas II wojny światowej. Potwierdza to sam Papież: „Niektórzy wskazują, że moje słowa, moje orędzia i encykliki koncentrują się tak bardzo na człowieku. Myślę, że bierze się to w dużej mierze z mego doświadczenia jak robotnika, z moich kontaktów ze światem pracy”⁴⁷.

⁴³ Jan Paweł II, Przemówienie na 68-ej sesji Międzynarodowej Organizacji Pracy w Genewie 15.06.1982, „Chrześcijańskie Wiadomości”, 14 (1982), nr 9, s.121.

⁴⁴ Anioł Pański z Papieżem Janem Pawłem II, Watykan 1982, s.426.

⁴⁵ Jan Paweł II w Ameryce Łacińskiej, Przemówienia i homilie, Warszawa 1980, s.130.

⁴⁶ Anioł Pański z Papieżem Janem Pawłem II, dz. cyt., s.426; por.: LE 4.

⁴⁷ Jan Paweł II, Rozmowy z robotnikami (w Kombinacie Metalurgicznym w Terni), „OR”, 2 (1981), nr 15, s.5

Motywywem obiektywnym, który skłonił Papieża do podejmowania problematyki pracy jest to, że praca zawiera „ten podstawowy wymiar ludzkiego bytowania, z którego czerpie sobie właściwą godność”⁴⁸.

Godność człowieka można rozpatrywać w dwóch dymensjach: filozoficznej i teologicznej. W rozumieniu filozoficzno-naturalnym godność człowieka uzewnętrznia się przez rozum, wolność i sumienie. Człowiek w fenomenie pracy ujawnia się jako podmiot przeżywający wewnętrzną wolność, co wyraża się sformulowaniem „mogę –nie muszę”⁴⁹. Z powyższego wynika więc, że praca nie koliduje z wolnością człowieka, lecz jest jej sposobem ekspresji. Godność człowieka w rozumieniu teologicznym wynika z „pierwszego zamiaru Boga w stosunku do człowieka, którego uczynił na swój obraz i podobieństwo” (LE 9). Wymiary filozoficzny i teologiczny są punktem wyjścia i dojścia nauki o prawach człowieka pracującego, np. prawo do pracy, prawo do tworzenia związków zawodowych, prawa ekonomiczne, czy też prawa socjalne. Godność człowieka ma wiele form, z których jedną jest omawiana godność pracy. Trzeba się tutaj odwołać do kluczowego stwierdzenia, że podmiotem pracy, a więc podstawową wartością, jest sam człowiek. W „Laborem exercens” czytamy: „Człowiek dlatego ma czynić sobie ziemię poddaną, ma nad nią panować, ponieważ jako „obraz Boga” jest osobą, czyli bytem podmiotowym, uzdolnionym do planowego i celowego działania, zdolnym do stanowienia o sobie i zmierzającym do spełnienia siebie” (LE 6). Człowiek jako osoba jest podmiotem pracy, człowiek wykonuje różne czynności, które przynależą do procesu pracy, a czynności te bez względu na charakter mają realizować jego człowieczeństwo. Z powyższego wynika, że źródeł godności i wartości pracy ludzkiej trzeba szukać nie w rodzaju wykonywanej czynności, czyli w wymiarze przedmiotowym, ale w wymiarze podmiotowym (tamże). Oznacza to, że człowiek jest fundamentem wartości pracy. Gdy wartość pracy rozpatrywać będziemy w wymiarze podmiotowym, to jeszcze bardziej potwierdzimy, że praca nie koliduje z wolnością. Idąc dalej jeszcze, można powiedzieć, że poprzez pracę – w tym rozumieniu – uzewnętrznia się wolność i odpowiedzialność człowieka.

4. Zakończenie

Celem artykułu było syntetyczne ujęcie koncepcji pracy w nauczaniu Jana Pawła II w nawiązaniu do jego twórczości naukowej. Ukazuje ona odmienność myśli papieża w stosunku do innych autorów zajmujących się tą problematyką. Ujęcie pracy przez pryzmat podmiotowości człowieka było punktem wyjścia do dalszych rozważań. Rozpatrywane elementy pracy mają swe uzasadnienie w sformułowaniu „osoba jest podmiotem pracy”. Poprzez takie ujęcie problemy tutaj zawarte mogą być bodźcem do dogłębnych studiów nad nauczaniem Jana Pawła II w zakresie pracy ludzkiej.

Specyfikę nauczania Jana Pawła II o pracy stanowi niewątpliwie łączenie jej z osoba ludzką, a właśnie personalizm w nauce Papieża, postawienie przede wszystkim na człowieka, jest rzeczą tak bardzo charakterystyczną. Szczególną uwagę zwraca On na godność człowieka pracy. Godność ta, ukazywana w świetle wypowiedzi Papieża wynika z wymiaru filozoficznego antropologii pracy. Chodź trzeba dodać, że i tu odwołuje się On do teologicznego pojęcia człowieka jako „obrazu Bożego”⁵⁰, co może wielu zaskakiwać. Jest to niewątpliwie słuszne, ponieważ pojęcie teologiczne osoby zawiera w sobie filo-

⁴⁸ LE 1; por.: Jan Paweł II, Przemówienie na 68-tej sesji Międzynarodowej Organizacji Pracy, dz. cyt., s. 123

⁴⁹ J. Ozdowski, Godność pracy ludzkiej w nauczaniu Jana Pawła II, „Chrześcijańcin w Świecie”, 12(1980), nr 10, s. 12

⁵⁰ Jan Paweł II, Ewangelia pracy (spotkanie z robotnikami w Terni), „OR” (wersja polska), 2(1981), nr 3, s. 4; por.: LE 6

zoficzną koncepcję osoby, ale idzie jeszcze dalej. Poza tym filozofia osoby wypracowana w obrębie kultury zachodniej ostatecznie wywodzi się z teologii biblijnej.

BIBLIGRAFIA

1. Anioł Pański z Papieżem Janem Pawłem II, Watykan 1982
2. Jan Paweł II, Przemówienie na 68-jej sesji Międzynarodowej Organizacji Pracy w Genewie 15.06.1982, „Chrześcijanin w Świecie”, 14 (1982), nr 9
3. Jan Paweł II w Ameryce Łacińskiej, Przemówienia i homilie, Warszawa 1980
4. Jan Paweł II, Rozmowy z robotnikami (w Kombinacie Metalurgicznym w Terni), „OR”, 2 (1981), nr 15
5. Jan Paweł II, Ewangelia pracy (spotkanie z robotnikami w Terni), „OR” (wersja polska), 2(1981), nr 3
6. Jan Paweł II, Laborem exercens (LE)
7. Jan Paweł II, Redemptor hominis (RH)
8. Ozdowski J., Godność pracy ludzkiej w nauczaniu Jana Pawła II, „Chrześcijanin w Świecie”, 12(1980), nr 10
9. Strzeszewski Cz., Katolicka nauka społeczna, ODiSS, Warszawa 1985

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: СМЕНА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Титаренко Л.Г.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Социокультурная идентичность, являющаяся одним из типов коллективной идентичности, базируется на разделяемых большинством членов общества смыслозначимых ценностях [5; 9]. В условиях системной трансформации этот тип идентичности обладает наибольшей значимостью: он способен интегрировать в единое целое людей разного возраста, пола, социального статуса, этнического происхождения, образования. Поэтому рассмотрение динамики социокультурной идентичности, осуществляемое посредством сравнительного анализа ее теоретических моделей на разных этапах развития белорусского общества, представляется весьма актуальным. Понимая всю абстрактность подобных теоретических моделей и некорректность их "прямого" соотнесения с эмпирическими данными, нельзя не отметить их эвристическую ценность: эти модели позволяют выделить доминирующие ценностные составляющие тех или иных идентичностей населения и тем самым лучше понять саму эпоху, которую они репрезентируют. В свою очередь, сравнение прежней и современной доминирующих моделей дает возможность прогнозировать возможные пути будущего развития социокультурной идентичности белорусов в контексте европейской интеграции.

Целью статьи является сравнение доминирующих теоретических моделей социокультурной идентичности белорусов на двух этапах исторического развития (советском и современном) в контексте происходящей системной трансформации постсоветского общества.

Два-три десятилетия назад проблема белорусской идентичности почти не привлекала внимания отечественных исследователей: в советской науке белорусы рассматривались прежде всего как составная часть советского народа, доминировала модель идентичности, получившая название "советский человек" (в критических работах – "homo soveticus"). В официальной философской литературе были определены базовые ценности, якобы составлявшие основу данной теоретической модели: коммунистическое ми-

ровоззрение (атеизм, научность), материализм, коллективизм, готовность подчинять свои интересы целям государства, трактуемым как высшие приоритеты общества, социальный оптимизм [см. 7]. Повторим: вряд ли те, кто идентифицировал себя в качестве "советского человека", подразумевал (и тем более осознанно выбирал) весь набор этих ценностей; тем не менее, эти характеристики "позитивной стороны" доминировавшей идентичности, или "мы-группы", бесспорно, имели глубокие корни в советском прошлом и «коллективном бессознательном» послевоенных поколений советских людей.

В подтверждение тому, что данный тип идентичности действительно превалировал среди белорусского населения, приведем результаты опроса общественного мнения, осуществленного ВЦИОМом в марте 1991г.: буквально за несколько месяцев до распада СССР 69% опрошенных белорусов определили свою социальную идентичность как "советские граждане", и только 24% – как "граждане своей республики". Иначе говоря, лишь четверть опрошенных предпочли общему (советскому) то особенное, которое могло отличать белорусов от других народов СССР [2]. Нельзя не отметить, что ни один другой народ СССР не отдавал приоритет советской идентичности в столь высокой степени, как белорусский (см. табл. 1).

Кем Вы себя считаете в первую очередь: гражданином СССР или гражданином республики, в которой живете? (в % к числу опрошенных в каждой национальной группе)

Национальность респондентов	Гражданами СССР	Гражданами своей республики	Затруднились с ответом
Белорусы	69	24	7
Русские в республиках СССР	66	22	12
Русские в России	63	25	12
Киргизы	55	39	6
Казахи	48	52	0
Украинцы	42	46	12
Узбеки	38	53	9
Азербайджанцы	28	65	7
Армяне	8	83	9
Эстонцы	3	97	0

Сегодня для белорусов в Республике Беларусь ситуация в корне иная: вместо доминирования идентичности, связанной с гражданством, белорусы вообще предпочитают локальный тип (вернее, локальные типы) и региональный тип идентичности. Однако об этом – чуть позже.

Вполне естественно, что в качестве "они-группы" для "советского народа" выступали те, кто принадлежал к противоположному военно-политическому блоку: ценности этих народов (включая религиозность, демократию, права человека, плюрализм и др.) интерпретировались как неприемлемые, чуждые.

П.Штомка следующим образом характеризует набор смысложизненных ценностей "советского человека" и западноевропейца, символизирующих несовместимость советской и западноевропейской моделей социальной идентичности: коллективизм, безопасность, социальная стабильность, конформизм, государственная социальная защита, личная безответственность, эгалитарное равенство доходов, догматизм и нетерпимость к другим, с одной стороны, против индивидуализма, готовности к риску и смене статуса, высокая мобильность и инновативность, опора на себя и полная личная ответственность, участие в жизни гражданского общества, неравенство доходов, толерантность и признание права других людей на инакомыслие, с другой [9, 14].

Естественно, что вместе с распадом Советского Союза исчезла социальная база воспроизводства модели "советского человека". По мнению Ю. Левады, эмпирически исследовавшего черты и качества "советского человека", к середине 1990-х гг. этот тип уже не существовал как целостность, однако его отдельные ценности (например, идея равенства, примат социальной стабильности, социальная безответственность, поиск врагов, конформизм) ещё долго могут сохраняться в народной ментальности [6]. Действительно, по результатам белорусского исследования в 2000г., после почти десяти лет жизни в независимом государстве, треть респондентов оценивала советскую политическую систему как плохую или очень плохую, и столько же – как хорошую и очень хорошую (остальная треть не смогла определиться), тогда как только пятая часть положительно оценивала эффективность современной системы управления при четверти неопределившихся [8, 62].

Вместе с тем, распад СССР и обретение Беларусью государственной независимости дали толчок формированию новой модели доминирующей социокультурной идентичности белорусского населения. Данный процесс вполне закономерен для любой страны, находящейся на переходном этапе развития. Эмпирические исследования социокультурной идентичности белорусов ещё раз подтвердили, что базовые ценности народа изменяются не так быстро, как политические, не подвержены сиюминутным манипуляциям, как политические интересы, и поэтому они могут быть взяты за определяющие в анализе современной белорусской идентичности. Кроме того, стали актуальными так называемые национальные ценности, которые необходимы для успешного построения собственной государственности и развития национального самосознания народа: исторические традиции, интерес к народной культуре, родной язык, патриотизм. Хотя Беларусь является многонациональным государством, в которой гражданство не определяется по национальности, этнонациональные ценности и здесь очень важны, если они разделяются большинством и способствуют социокультурной интеграции всего народа Беларуси.

Какие особенности определяют современную модель формирования новой социокультурной идентичности белорусов?

Специфической чертой формирования белорусской социокультурной идентичности является узаконенное двуязычие: в силу ряда исторических причин значительная часть белорусов является русскоязычной. Данное обстоятельство объясняется близостью двух восточнославянских языков; прежней государственной политикой в области языка, а также толерантностью белорусов: оставаясь нацией со специфическими социокультурными чертами, они (за исключением небольшого числа политически маргинализированных элит) не делают проблемы ни из языка общения (используя белорусский, русский и трасянку), ни из религии (принимая католицизм и православие на равных), ни из присутствия представителей других этносов в составе Беларуси. На основании своей истории белорусы рассматривают себя как народ, веками живший "на перепутье" – между Западом и Востоком – и потому находившийся под влиянием многих соседских культур и языков [1, 3-4]. Однако на каком бы языке ни говорил белорус, он остается белорусом, сохраняя свою национальную сущность: как иначе можно объяснить то, что белорусы не исчезли с карты Европы после веков польского и российского "влияния"?

Многочисленные опросы населения, проведенные НИСЭПИ, убедительно показали, что русскоязычные граждане нашей республики в наибольшей степени, по сравнению с другими языковыми группами, привержены идеям независимости Беларуси, ценностям экономической свободы и другим демократическим идеям [3]. По данным НИСЭПИ, сегодня для 13,7% опрошенных языком общения в семье выступает только белорусский, для 73,6% – только русский, 6,8% говорят дома по-белорусски и по-русски, а 4,7% – только на ином (не на белорусском и не на русском) языке. В совре-

менной Беларуси нет конфликтов по поводу языка общения, поэтому язык (как белорусский, так и русский) не может стать основным (или одним из основных) критерием создания новой модели социокультурной идентификации граждан Беларуси. И среди тех, кто говорит дома только по-белорусски, есть много сторонников государственно-двуязычия, тогда как среди представителей языковых меньшинств (тех, кто говорит дома не по-белорусски и не по-русски), есть много приверженцев лишить русский государственного статуса.

Второй особенностью, влияющей на формирование нынешней теоретической модели белорусской идентичности, является союз Беларуси с Россией: политическая неопределенность создания объединенного государства двух суверенных стран препятствует окончательному оформлению новой гражданской идентичности белорусов. Ввиду имеющихся недоговоренностей и разногласий по ряду вопросов между двумя странами, число белорусов – сторонников полного объединения Беларуси с Россией (их слияния в одно государство) постоянно колеблется. По данным НИСЭПИ, на конец 2004 г. оно составляло менее 12% [4].

Процессы создания единого государственного пространства России и Беларуси вносят амбивалентность в определение как позитивной, так и негативной стороны новой коллективной белорусской идентичности. Так, по тем же данным НИСЭПИ, на конец 2004 г. 31,2% населения Беларуси гипотетически высказывались за объединение с Россией, т.е. рассматривали россиян как "мы-группу"; в то время как 20,8% предпочитали – конечно, гипотетически – объединение с Евросоюзом, а 18,9% одновременно хотели бы и того, и другого. В этом вопросе наглядно проявляется амбивалентность нынешнего понимания населением "они-группа" и "мы-группа": те, кто для одной части белорусов являются "своими" (страны Евросоюза), для других остаются "чужими" и даже враждебными.

Видимо, только характеристика нынешних базовых ценностей белорусов, данная на основе социологических данных [8, 55], дает возможность с достаточной степенью достоверности показать, какие же социокультурные идентичности преобладают сегодня. Нынешняя система ценностей белорусов включает традиционные и современные ценности, причем ни те ни другие не доминируют: их распределение среди разных групп населения в значительной мере зависит от таких критериев, как возраст, пол и экономическое положение. Если структурировать базовые ценности населения (по степени их преобладания) на ядро, структурный резерв, оппонирующий дифференциал и периферию, то можно представить структуру ценностного сознания белорусов следующим образом (табл. 2).

Таблица 2.

Структура ценностного сознания белорусов (2000 г.)

Основные структурные блоки ценностей	Традиционные ценности	Современные ценности
ценностное ядро (60 % и более)	семья (78 %)	порядок (62 %) свобода (62 %)
структурный резерв (40-59 %)	работа (49 %) общественная мораль (40%)	доверие (42 %)
оппонирующий дифференциал (21-39 %)	религиозная вера (28 %) друзья (общение) (27 %)	демократия (34 %) равенство (29 %) досуг (25 %)
периферия (20 % и менее)	религия в целом (12 %)	политика в целом (6 %)

Ценностное ядро – доминирующие ценности, которые разделяет не менее 60 % населения, и которые интегрируют общество в единое целое по самым актуальным вопросам жизни. Наличие такого ценностного ядра в обществе – важное условие последующей социально-политической консолидации нации и формирования нового устойчивого типа доминирующей социокультурной идентичности, разделяемой большинством населения.

По результатам исследований, в ценностном ядре абсолютно преобладают приватные, семейные ценности, а за ними уже следуют (со значительным разрывом) универсалистские ценности (порядок и свобода). Эти данные свидетельствуют о доминировании частного над общественным в новой белорусской идентичности, что, по сравнению с советским прошлым, является качественно новым явлением.

Следующее важное изменение по сравнению с советским прошлым – преобладание локального и регионального над гражданским и национальным, а также плюрализация идентичности, ее многоуровневость, когда уже нельзя выделить один доминирующий тип, разделяемый большинством. Среди белорусов преобладают разные формы партикуляристской идентичности, а новая универсалистская ("граждане своей страны" – в нашем случае) является ведущей примерно для одной трети граждан Беларуси. Значительная часть респондентов (20-25%) вообще затрудняется с самоидентификацией, поскольку этот вопрос не представляется для них актуальным, а из тех, кто может определиться, две трети, по данным республиканских опросов, в качестве "мы-группы" выбирают разные локальные сообщества. Белорусы в равной степени чувствуют себя как жителями своего города, села (малой родины), так и жителями своей страны (последнее несколько больше характерно для молодежи и для людей с высшим образованием, тогда как среди старших групп таких около одной пятой). Данная идентификация является «политически окрашенной»: если молодое поколение (особенно те, кто недоволен нынешней политической ситуацией в стране), социализированное в эпоху независимой Беларуси, чаще выбирает идентификацию с Республикой Беларусь, то среди людей старше 45 лет около трети указали, что они «в последнюю очередь чувствуют себя жителями Беларуси», предпочитая чувствовать себя жителями своего города, села. Одна из причин "охлаждения" населения к универсалистским идентичностям – политические перипетии трансформации, релятивизирующие и низвергающие с пьедестала то, что еще вчера казалось незыблемым.

Нынешнее доминирование локального типа идентичности позволяет высказать предположение, что происходит некий «возврат» к той модели социокультурной идентичности, которая исторически преобладала среди жителей Беларуси до революции и получила название «тутэйшыя» (местные). Этот возврат подтверждает историческую живучесть традиций среди белорусов: более чем 70 лет господства советских типов идентичности не уничтожили, а только на время вынудили «убрать» с поверхности событий данный тип, который постепенно – в условиях продолжающейся системной трансформации общества – возвращается к жизни и укрепляется.

Можно констатировать, что в условиях продолжающейся системной трансформации пока еще не сложилась модель новой доминирующей социокультурной идентичности: сегодня нет ни одной социально-идентификационной категории, которую поддерживало бы более половины белорусов. Эта плюральность, видимо, свидетельствует о том, что период становления национальной идентичности белорусов еще далеко не закончен. Поэтому можно назвать современную (промежточную) модель идентичности переходной. Если сравнить эту теоретическую модель с моделью европейской идентичности, представленной Штомпкой [9, 14], то окажется, что она почти так же несовместима с последней, как и советская модель.

Подведем некоторые итоги. Модель советской идентичности, разделяемая белорусами в советский период, исчезла, ей на смену пришла переходная модель идентичности, типичная для периода трансформации. Сегодня у белорусов нет объединяющих всю нацию социально-идентификационных предпочтений, поэтому нет и универсалистских ценностей, определяющих всех граждан Беларуси как единую "мы-группу". Современная белорусская социокультурная идентичность многогранна и представляет собой метиссаж многих традиционных (религиозных, локальных, региональных) и современных (политических, субкультурных) типов самоидентификации населения. Каждый из этих типов идентичности характерен лишь для определенной группы, ибо на уровне всего общества еще предстоит создание такой модели национальной идентичности, которая бы соответствовала базовым интересам и ценностям населения страны.

Новые типы постсоветской социокультурной идентичности белорусского населения не сформировались окончательно, вполне возможны значительные изменения в их проявлениях, особенно при любых «поворотах» в реальной политике. В целом, проведенный анализ свидетельствует о культурном метиссаже, эклектическом сосуществовании традиционных и модернистских ценностей в современном массовом сознании белорусов, как и нескольких преобладающих типов социокультурной идентичности, среди которых ни одна не доминирует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам. - Мн, 1993. С. 3-4.
2. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России // Геополитическое положение России. - М., 1999.
3. Доведет ли язык до Киева? // www.iisepts.by
4. Интегрироваться с Россией белорусам расхотелось? // www.iisepts.by
5. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4. С.120-159.
6. Левада Ю.А. Человек советский: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С.7-16.
7. Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. - М., 1980.
8. Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. - Мн., 2004.
9. Sztompka P. From East Europeans to Europeans. Wassenaar, 2004.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РАЦИОНАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ

Винокурова С.П.

Комитет государственного контроля Республики Беларусь, г. Минск

Создание эффективной государственной службы и профессионального чиновничества - одна из основных задач, стоящих перед любым государством в переходный период. Данная задача продиктована необходимостью перехода государственных органов в управлении от традиционных образцов реагирования к эффективному принятию решений, оптимизации управленческих структур, улучшению управленческого стиля. При этом в реформировании государственной службы необходимо учи-

тивать те негативные процессы, которые происходят внутри нее, подрывают ее авторитет в глазах населения и могут снижать эффективность функционирования.

Для понимания процессов, происходящих в сфере современного государственного управления, конструктивной представляется концепция рациональной бюрократии немецкого социолога Макса Вебера (1864-1920).

Сам термин "бюрократия" был введен французским экономистом Винсентом де Гурне в 1745г. для обозначения исполнительной власти, при этом первоначально он имел уничижительное значение. В современной научно-популярной литературе, в средствах массовой информации часто смешиваются понятия "бюрократия" и "бюрократизм", многие авторы не проводят разграничения между этими двумя понятиями. Тем не менее, в каждой стране есть свои синонимические обозначения явления, описываемого термином "бюрократия". Так, в Великобритании работников государственных учреждений принято называть служителями короны, во Франции используется специальный термин "fonctionnaire" – государственный служащий. В США, помимо работников органов государственной власти и управления, к государственным служащим относятся почтовые служащие, работники коммунальных служб. В ФРГ к госслужащим относятся железнодорожники, учителя, врачи, работники ряда других государственных отраслей, предприятий и организаций. В России еще Петр I, принявший реформирование российского государства, приведшее к возникновению централизованного бюрократического аппарата, закрепил статус чиновника в «Табели о рангах». Ранг, присваиваемый по «Табели» (не соединенный с должностью), получил название «чина». Лицо, обладавшее чином, стало соответственно именоваться «чиновником», а само появления «Табели о рангах» считается датой рождения российского чиновничества. В настоящее время термин «чиновник» чаще всего связывается с понятием «государственный служащий» и ассоциируется с термином «бюрократия».

М.Вебер характеризует бюрократию как основу современного типа организации, пришедшей на смену ее патриархальному типу. Бюрократическая организация противопоставляется системе патриархальной, средневековой администрации, при которой обычному человеку добиться справедливости было невероятно сложно в условиях произвола чиновников. В противовес такой системе бюрократическая организация подразумевает господство общеобязательных регламентированных процедур, исполнение которых не зависит от того, кто именно и по отношению к кому их выполняет. Унификация становится гарантией против недостатков конкретных служащих и возможных злоупотреблений. По мнению Вебера, бюрократическая организация – наиболее рациональное институциональное устройство для решения сложных проблем управления в современном обществе, и основа ее рациональности состоит в обезличенности ее функционирования, что создает защиту от произвола конкретных исполнителей.

Отметим, что бюрократия в понимании К. Маркса – это, напротив, абсолютное зло, обладающее целым рядом признаков: подмена общественных интересов частными интересами власти и конкретного чиновника, органическая неспособность решать подлинные проблемы, отсутствие государственного разума; извращенное восприятие действительности, предвзятость, произвол, возрастающий по мере продвижения к вершине бюрократической иерархии, корпоративность, своекорыстие этой иерархии; карьеризм как образ ее жизни; притязания на монопольную компетентность; формализм. Бюрократия, по мнению Маркса, есть организм-паразит, принципиально неспособный быть ни носителем разума, ни выразителем всеобщих интересов.

Таким образом, бюрократии приписываются многие негативные черты аппарата государственного управления. Но, по нашему мнению, концепция Вебера в определении функций и смысла бюрократии более логична. С такой точки зрения негативный смысл

должно иметь другое понятие - "бюрократизм", который является болезнью бюрократической организации, проявлением ее неспособности к эффективному функционированию. В зарубежной литературе явление бюрократизма выражается понятием «дисфункция бюрократии», что достаточно точно отражает сущность явления.

Бюрократизм имеет множество проявлений: коррупция, формализм, произвол, бумажная волокита, дублирование различными органами одной и той же работы, борьба бюрократических структур друг с другом, обесценение принципа продвижения чиновников в зависимости от образования, достижений. Данный список можно продолжить, и эти негативные тенденции имеют место в любой бюрократической системе, в связи с чем вопрос о методах их устранения остро стоит перед государством.

М.Вебер все негативные тенденции в обществе рассматривает с позиции рациональной бюрократии. Он считает, что идеальный государственный аппарат должен обладать следующими характеристиками: иерархическая организация, основанная на базе твердо установленных принципов должностной субординации; специализация и разделение труда, при которой чиновники четко знают пределы своей компетенции и не вмешиваются в компетенцию других чиновников; все должностные лица должны быть подготовлены в области администрирования; компетентны не только в сфере собственно своих должностных обязанностей, но также и в области норм, правил и процедур деятельности бюрократической организации в целом; безличные формализованные отношения.

Анализ в контексте данной теории ситуации в Республике Беларусь показывает, что в 90-е годы XX века, как и другие республики бывшего Советского Союза, Беларусь столкнулась с рядом серьезных проблем экономического, политического, социального и культурного характера. Сложность и противоречивость периода становления белорусской государственности обозначены кризисными проявлениями во всех сферах действительности: спадом производства, безработицей, оттоком капиталов за рубеж, обострением политической борьбы за влияние на институты власти и контролем за деятельностью правительственных структур. Проблемы эти имеют в своей основе множество причин, среди которых одна из важнейших - изменение системы государственного управления, реформа государственного административного аппарата.

В годы социализма государство играло доминирующую роль в организации социально-экономических основ общества. Социалистическое государство, ставившее своей целью уничтожение бюрократии, в результате создало мощный бюрократизированный аппарат, - номенклатуру, когда руководство государственным аппаратом было сосредоточено в руках партийных лидеров.

Отказ от командно-административной модели развития привел к глубоким изменениям в системе государственного управления, возникновению института президентства и новых государственных органов. Это нашло отражение не только в экономической сфере общества, но и привело к кризису идеологических основ, переоценке ценностей, смене традиционных объектов веры, разрушению идеалов и общезначимых правил. При этом первоначально в общественном сознании это воспринималось как положительный факт, как признак движения к прогрессу, к свободе и демократии. Вместе с тем, как свидетельствует история, подтачивание государственных устоев и разрушение государства всегда связывались с демонтажом государственной идеологии. Так исчезали великие империи, рушилась идеология тысячелетнего средневекового общества.

Одна из особенностей первоначального этапа перестройки общества состояла в том, что, подвергнув критической оценке принцип коллективизма и ценность коллективных усилий, направленных на общее благо, маятник общественных ценностей достаточно резко качнулся в сторону индивидуализма, признавая ценность отдель-

ного индивида, который не склонен с кем-либо объединяться, выдвигать коллективные требования и ратовать за общественное благо. Это являлось основным препятствием для создания гражданского общества, построение которого, как это ни парадоксально, одновременно декларировалось в качестве желанной цели.

Учитывая это, государство стремилось создать условия для сплочения граждан вокруг единой цели построения новой модели рационального управления и поиска оптимального пути развития страны. В результате постепенно вырабатывались основы нового государственного регулирования, которое выступает краеугольным камнем в процессе оздоровления экономики страны, а также обретения республикой новых механизмов хозяйствования, связанных с введением принципов свободного рынка.

Подъем общественной активности, связанный с импульсивным разрушением прежних идеологических устоев, постепенно прошел, и общественное сознание начало поиск новых ориентиров в развитии общества. В общественном сознании все острее начинает осознаваться необходимость наличия консолидирующих идей, способных сплотить граждан, объединить их усилия по выработке общезначимых ценностей. При этом попытки выстроить новую идеологическую платформу предпринимались в нашей республике как под флагами крайнего национализма, так и под флагами западной модели развития.

После установления президентской власти также была предпринята попытка создать, прописать, оформить новую идеологию белорусской государственности с привлечением в авторские коллективы для этих целей ученых, писателей, журналистов. В результате было издано несколько монографических работ, опубликован проект концепции идеологии белорусской государственности, сформирована идеологическая вертикаль. Однако отклики на публикации и всю работу в этом направлении оставались достаточно критическими.

Основные причины критики были связаны с тем, что сам термин «идеология» в современном общественном сознании ассоциировался с временами коммунистического прошлого, формализмом, обязательными политинформациями, идеологическими семинарами и т. п. Кроме того, предлагаемые варианты не в полной мере учитывали бурную динамику общественной жизни, требующей изменений не только идеологических установок, но и выработки новых форм работы, в том числе и пропаганды. Но, главное, не было понимания того, что идеологическая работа в государстве никогда не сводилась и не сводится только к декларации тех или иных ценностей, публикациям, пропагандистским выступлениям, информационному обеспечению процессов государственной политики. Идеология белорусской государственности - это прежде всего повседневная системная практическая работа по налаживанию экономики, разрушенной перестройкой, сохранение доступности образования и медицинской помощи, гарантированное пенсионное обеспечение, регулярность выплат заработной платы, пенсий, пособий, уважительное отношение к культуре и языку представителей всех национальностей, проживающих на территории республики. Все это на деле реализуется в республике, движущейся по пути социально ориентированной многоукладной рыночной экономики с узаконенным функционированием не только государственной, но и частной собственности. Одно из условий формирования системы идеологической работы в республике - создание соответствующей законодательной базы, разработка и принятие нормативных актов, регулирующих вопросы сохранения социальных гарантий, законности, уважения прав человека. Так, например, проблема установления в республике равенства белорусского и русского языка была решена через проведение всенародного референдума.

Вместе с тем, к настоящему времени рыночные принципы проникли в частный сектор значительно глубже, нежели в государственную службу, в результате чего психология и деятельность работников частных компаний порой в большей степени

соответствует современным экономическим реалиям; чем деятельность многих государственных служащих. Государственная служба осталась во многом основанной на прежних принципах и системе подготовки.

Недостатки современной системы государственного управления хорошо известны всем тем, кто сталкивается с работой бюрократического аппарата по долгу службы и повседневной жизни. Именно поэтому реформирование и совершенствование государственного аппарата представляет собой один из важнейших пунктов программы обновления системы управления.

При этом смысл реформы заключается в создании нового системного каркаса для проведения реформ в сфере госслужбы. Такой каркас создан при помощи Закона «О государственной службе». Закон задает основные принципы и критерии госслужбы, определяет базисные моменты, по которым будет строиться отраслевое законодательство в рамках комплексного законодательства о госслужбе. Кроме того, принята серия Указов Президента Республики Беларусь и постановлений Правительства, посвященных отдельным моментам функционирования государственной службы.

На современном этапе развития система государственного управления еще переживает период становления. Сделаны определенные шаги по оптимизации состава Правительства, изменению структуры и функций аппарата высших органов государственной власти, ликвидации излишнего параллелизма и дублирования в государственном управлении. Принимаются меры по повышению эффективности работы государственного управленческого аппарата; исключению в его работе формализма, волокиты, бюрократического произвола.

Концепция рациональной бюрократии Вебера предполагает наличие формализованных отношений между членами организации. Между тем, в условиях относительно небольших масштабов республики, бюрократический аппарат характеризуется распространением неформальных связей: родственных, земляческих, связанных с совместной учебой в школе, вузе, основанных на личной преданности, покровительстве. Данные неформальные связи оказывают влияние при занятии государственных постов, влияют на продвижение по служебной лестнице. Это может отражаться и на выполнении служебных обязанностей. При этом такие факторы, как наличие специального образования, компетентность, наличие опыта государственной службы, профессионализм могут играть менее существенную роль. В результате снижаются стимулы к повышению квалификации и общая эффективность функционирования государственного аппарата.

В соответствии с веберовской концепцией, важным фактором в эффективном управлении страной является положительная оценка населением государственного аппарата, при всем том, что как правило, население достаточно критично относится к государственным служащим.

В настоящее время в республике сложилась определенная система кадровой политики и подбора кандидатов на работу в государственные органы. Создан институт аттестации государственных служащих, являющийся универсальной кадровой технологией. Серьезное внимание уделяется руководителям органов управления, повышению квалификации и переподготовке персонала. Программы повышения их квалификации составляются с учетом стратегических потребностей в специалистах государственного аппарата. Повышение квалификации и переподготовка являются необходимым и обязательным условием преодоления дисфункций бюрократического аппарата. Моральное устаревание знаний чиновника требует их постоянного обновления и переоценки.

Одним из эффективных методов, позволяющих снизить коррумпированность и способствующих расширению профессиональных знаний служащих, является ротация кадров.

Постепенно решается вопрос о введении органов контроля и аудита за работой государственного аппарата. Контроль является важным фактором преодоления негативных тенденций в деятельности бюрократического аппарата. При этом применяется как внутренний контроль (контроль одного подразделения государственного аппарата за другими подразделениями), так и контроль за этим институтом со стороны других ветвей власти, общественных организаций и населения.

На сегодняшний день система государственного управления в республике доказала свою эффективность, сохранив материальный и человеческий потенциал, реализуя сложные задачи по сохранению управляемости многоукладной экономикой. Общие тенденции ее развития связаны с усилением правового обеспечения служебных отношений, рационализацией и повышением эффективности управления человеческими ресурсами, приданием государственной службе большей мобильности, слаженности, созданием трехступенчатой структуры профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации госслужащих.

Вместе с тем для преодоления негативных тенденций, наблюдаемых в бюрократическом аппарате, необходимы комплексные решения и дополнительные меры по сохранению и совершенствованию достигнутых в этой сфере успехов.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ценаев С. П.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Известно, что трансформационные и интеграционные процессы сопровождаются ростом сложности, динамичности, открытости и неустойчивости социальных систем, следствием чего является кризис эффективности традиционных форм институционализации. В силу этого внимание к институтам со стороны социологической теории значительно усиливается, однако действительное познание этих проблем предполагает использование новых средств и концептуальных подходов. Как не бесспорно, но заслуживающую внимания, следует рассматривать попытку выделения типологии социальных процессов, в ряду которых социальная трансформация трактуется как "преобразование общества в результате определенных изменений, как целенаправленных, так и хаотичных" [1].

Вторая половина XX века ознаменовалась складыванием представлений об институтах как системах социальных ролей, организованных системах поведения и социальных отношений или как системах социальных норм, регулирующих поведение. В советский и постсоветский период процесс институционализации отождествлялся с его результатом, либо определялся на основе каких-либо элементов, включенных в интегральные процессы институализации, причем и в том, и в другом случае в качестве основных функций выделялись: организация, управление, регламентация, контроль и т.д. Однако анализ социальных институтов, как в прежние времена, так зачастую и сейчас осуществляется на уровне их внешних проявлений, случайных факторов, однако, претендующих на категориальный статус. Появившиеся в последние годы как в зарубежной, так и постсоветской социологии понятия "императивно координированных ассоциаций", "макроструктур", "субструктур", "субсистем", "интегральных действий", "архетипов" и т. п., претендовавших на категориальное значе-

ние, во многом лишь затушевывали содержание социальных процессов, их сущность и реальную противоречивость.

Для современной теоретической социологии "проблема порядка" предстает как проблема условий, в которых осуществляются процессы трансформации. Проблемы социального порядка и социализации масс являются, по существу, главными проблемами современного состояния общества, что связано с изменением содержания интересов и, прежде всего, трансформацией интересов, доминантно связанных с экономическими условиями, в многомерные индивидуальные интересы.

Любая организация отношений является институционализацией, но обозначается специфическими понятиями. "Институционализация" - общий термин, обозначающий многообразные процессы, при помощи которых осуществляется организация индивидов, групп и других типов социальных единиц" [2] и является достаточно абстрактным, поэтому требует выяснения того, какова природа и статус понятий, раскрывающих конкретный личностный смысл институционализации. В современных условиях, в силу ряда причин, тенденция к обезличности институтов усиливается, индивид перестает чувствовать себя реальным субъектом действия, степень иллюзорной индивидуальной свободы от материального производства возрастает, что позволяет достаточно произвольно концептуализировать понятие "институт".

Если общественные отношения "скрыты" за определенными формами общения, а деятельность соответственно за формами поведения, то социальная норма по существу является элементарной формой выражения социальности и обеспечивает как многообразие социального, так и его единство. Социальные нормы это исторически сложившиеся и выраженные в институционально-системной форме объективные регуляторы деятельности и общественных отношений, фиксирующие их особенности и взаимную связь, проявляющиеся в традициях, обычаях, ритуалах, стереотипах поведения и т.д.

При всей проблематичности современного категориального статуса деятельности (в силу обвинений в обремененности марксистской идеологией, упреков в теоретической неполноте, в "провоцировании" узкого понимания философии и т.д.), последняя выступает как процесс, осуществляющийся в самых разнообразных условиях и имеющий адаптивно-нормативный характер, который реализуется в пассивно-преобразовательном и активно-преобразующем плане, и имеет как предметно направленный, так и коммуникативный аспект, который к настоящему времени "подминает под себя" предметное богатство деятельности.

Трансформация, рассматриваемая применительно к личности, одновременно выступает как процесс и как результат, который предполагает приобретение или утрату личностью определенного статуса в социальной среде, что обуславливает изменения последующих форм деятельности, которая может носить индивидуальный или групповой характер, причем перенос индивидуальной деятельности в коллектив не дает возможности говорить о коллективной деятельности, которая выступает как взаимная деятельность, не существующая без следования определенным социальным нормам.

Процессы трансформации и интеграции включают в себя поведенческий и психологический план освоения действительности, которая должна рассматриваться как противоречивая данность, обусловленная самыми различными контекстами (национальными, историческими, политическими, профессиональными и т.д.). В силу этого они нормативно, а в более широком контексте, институционально определены и неоднозначны, поскольку осваиваются реально сложившиеся отношения, а не некие идеальные конструкты.

Общепризнанно, что социальные нормы не существуют вне их системы. Как отдельная норма, так и их система, фиксируют в своем содержании изменения, происходящие в обществе, отражающие динамику отношений социальных групп и индивидов к условиям своего существования, способы и средства адаптации и социализации, а, следовательно, и формы трансформационных процессов.

Объективные условия, в которых осуществляется трансформация, есть реализация закономерных общественных процессов, сложность и противоречивость которых, в свою очередь, фиксируется системой норм. Устойчивые связи между отдельными нормами в рамках их системы обеспечивают ее историческую и культурную определенность. Если структура системы норм связана с установлением существенных, общих и необходимых связей между базисными нормами, фиксирующими элементарное, ("атомарное") отношение субъекта к условиям своего бытия, формам и способам утверждения его в обществе, то программа системы норм реализуется через взаимодействия и связи между сопутствующими, вторичными и креативными нормами, формирующими смысловое значение всей системы норм.

Базисная норма своей функциональной нагрузкой имеет обеспечение воспроизводства конкретного культурно-исторического типа общества, а в рамках системы норм обеспечивает отбор и включение в процесс жизнедеятельности социума наиболее существенных элементов, определяющих тип общества. Базисные нормы пронизывают весь культурно-исторический контекст, придавая ему общечеловеческий смысл, задавая определенную проекцию наличного бытия в будущее, а их предельно общий, абстрактный характер позволяет представить их требования в формализованном виде, что, в свою очередь, обуславливает ограниченность видения перспектив развития, их формулировку в форме достаточно абстрактных идеалов (или их отрицания).

Вторичные социальные нормы обеспечивают надежность функционирования базисных норм, функционируют на межличностном уровне, связаны с ценностными ориентациями личности, ее установками и оценками. Это те нормы, которые обычно определяются через понятия "правила", "требования", "меры" и т.д.

Креативная социальная норма формируется "производно" от других систем социальной регуляции, элементами которых являются ценности, идеалы, принципы, догмы, мифы и т.п. Их формирование и функционирование в большей степени опосредовано наличным общественным мнением, его векторностью и противоречивостью. Креативная норма в адекватной или неадекватной форме выражает требования базисных норм и обеспечивает как целостность системы норм, так и целостность императивного образа социальных процессов.

Сопутствующие социальные нормы детерминируют надежность функционирования базисных через обеспечение соответствия социального значения структурных элементов норм, включенных в систему, формируют структуру идеального представления (научного или обыденного) о наличном состоянии общества, процессах происходящих в нем и возможных перспективах дальнейшего развития.

Такое разграничение норм внутри их системы связано с необходимостью исследования проблем простоты и сложности системы, причем число элементов в системе не является показателем ее сложности, также как требование надежности функционирования нормативной системы не всегда ведет к росту сложности, которая является относительной. Анализ простоты и сложности системы норм является необходимым условием исследования ее устойчивости, что, по-видимому, есть предельно общее выражение проблемы адаптации для любой системы. Исследование простоты системы норм, как идеального, теоретического объекта, является предпосылкой исследования основных аспектов простоты реальных нормативных систем.

Однако необходимо учитывать, что исходная процедура упрощения основана на аксиологически сформулированных предпосылках и предполагает снижение сложности в каком-либо отношении.

Пока невозможно строго формально описать реальные нормативные процессы, учесть массу случайных, второстепенных, с точки зрения регулирования, процессов; определенное, устойчивое, иногда рационально мотивированное противодействие нормативному воздействию; фактор неопределенности, являющийся существенным для всякой реальной системы нормативного регулирования. Нормативно-системная сложность реально трансформирующихся отношений значительно выше системной сложности организационных форм ее выражающих (политических, правовых, нравственных и т. д.) и сложности системы понятий, формируемой в рамках той или иной концепции. Понятие сложности связано с понятием разнообразия. Единство разнообразия форм и разнообразия отношений порядка фиксирует момент упорядоченности.

В литературе преимущественно предлагается иерархическая интерпретация системы норм, которая надежна только в узко определенной области отношений, она "воспринимает" изменения, порождаемые действием факторов, имманентных данному виду отношений, а своей доминантой имеет обеспечение целевого назначения данного вида отношений. Не всегда справедливо также полагать, что надежность нормативной системы связана с ее централизацией, наличием особого компонента, задачей которого является регламентация отношений. Это может быть исторически оправдано, но следует учитывать, что возможен эффект, так называемой, "обратной централизации", при котором элемент программирует векторность деятельности центра.

Существенными характеристиками системы социальных норм является сменяемость и преемственность ее структуры. Первое проявляется в изменении как содержания норм, так и связи между базисными нормами и блоками норм, сформированными вокруг них. Второе проявляется в переносе требований базисной нормы в содержание вторичных и сопутствующих норм. Разумеется, сила влияния базисной нормы изменчива и зависит как от внутрисистемных, так и внешних факторов. Противоречивость моментов преемственности и сменяемости позволяет корректно представить реальные, а не умозрительные перспективы социального развития.

В основе надежности нормативного регулирования лежит переплетение социальных норм. Но любая нормативная система может включать в свою структуру противоположные нормы. В том случае, если норма противоречит не отдельному элементу, а целому блоку норм или же базисным нормам, возникает возможность появления "теневых" или "корпоративных" норм. Включение таких норм в систему предполагает их аргументацию содержанием других норм, установлением "кажущихся" непротиворечивыми отношений с другими элементами.

Можно предположить, что в настоящее время на первый план в процессах институционализации выдвигаются корпоративные группы, использующие экономический вес корпораций, наемный персонал и административный ресурс. Точнее главными субъектами политики становятся корпоративно-отраслевые и региональные элиты, формируются механизмы, элиминирующие гражданскую активность, а в этом случае "партии системно не востребованы" [3]. Появившееся понятие "демократического транзита" фиксирует то обстоятельство, что демократические изменения не означают гарантированного перехода к демократии, а для реализации властных функций формируются мифы, непосредственно институционализирующие процессы трансформации без развития реальных демократических процедур.

Если применительно к территории постсоветского пространства активно обсуждается ситуация "демократического транзита", то в странах с "устоявшейся демокра-

тией" - так называемый "новый деспотизм", как совокупность форм манипулирования обществом, включающих в себя ненасильственные способы взаимного отчуждения под демократическим оформлением со скрытыми механизмами принуждения, сопровождаемыми институциональным дроблением общества, основанном на возрастающей относительности ценностей.

Всякая норма опирается на комплекс культурных представлений, обеспечивающих ее статус, причем области обоснования могут пересекаться, различаться или быть противоположными. Это связано с тем, что функция аргументации в социальном плане сводится к формированию убеждения и побуждению к определенным действиям, что не всегда предполагает доказательство истинности. Так теневые, корпоративные нормы "суфлируют" функционирование других социальных норм и актуализируют те из них, которые могли бы при определенных обстоятельствах способствовать их укреплению в нормативной системе в целом.

Не следует сводить базисные нормы только к сфере экономической жизни, хотя бы потому, что экономические цели и программы, как правило, достаточно далеки от культурных или нравственных идеалов. Немаловажное значение для функционирования систем нормативного регулирования и формирования идеалов имеет элита общества (понимаемая более широко, нежели управленческая элита), она выступает как носитель традиций и инноваций, обеспечивает определенную упорядоченность, системность, преемственность в происходящих социальных процессах.

Процессы трансформации и интеграции - это своеобразный диалог личностей, групп, более широких социальных образований, имеющий определенную нормативную структуру, зачастую выступающую в форме идеала, но неизбежно корректируемого с учетом реально складывающихся отношений и направлений трансформации общества.

В заключение необходимо отметить, что трансформация выступает как совокупность разновекторных процессов, сопровождающихся противоречивым сочетанием инновационных и традиционных моментов. Инновационные компоненты оказываются нормативно оформленными в некие локальные структуры, развивающиеся благодаря более интенсивным взаимодействиям друг с другом, нежели с традиционными секторами. Система традиционных нормативно - институциональных систем, основанных на национальных, государственных ценностях ослабляется, доминантность в системах регулирования, смещается к наднациональным, надгосударственным институтам и нормативно выраженным индивидуальным интересам, которые оказываются в реально противоречивых отношениях, снять которые система социальных норм пока не в состоянии. Следствием этого является выхолащивание сформированных веками процедур нормативного регулирования, их "мифологизация", "фетишизация", "ритуализация" и т.д. Возникает ситуация, при которой трансформационные процессы осуществляются реально и затрагивают существенные стороны бытия общества, а интеграционные моменты во многом оказываются локальной или "селективной интеграцией", не затрагивающей всего разнообразия социальных процессов, ограничивающейся интеграцией инновационных секторов и компенсирующей исключительно развитием виртуальных форм межличностного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козырев В.И. Социальные процессы и изменения // СОЦИС, 2005. № 3. С. 117.
2. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. С. 385.
3. Рыжков В. Партии в четвертой республике. М.: МШПИ, 2000. С. 190.

СОВРЕМЕННОСТЬ И КРИЗИС СОЦИАЛЬНОСТИ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Социальные эффекты массовой коммуникации являются предметом философского и культурологического анализа на протяжении всего времени их воздействия на общественную реальность. Французский мыслитель Ж. Бодрийяр подверг критическому рассмотрению новый тип социального объекта, на который направлена активность масс-медиа. Характеризуя его как «молчаливое большинство», Бодрийяр утверждает, что пространство социального в современном мире перестало существовать, превратившись в сферу симуляции, в которой ни одна классическая категория социальной философии – будь то «народ», «класс» или «объективные условия» – не имеет социального референта. Единственным оставшимся референтом Бодрийяр признает массы, которые по сути являются иллюзорным субъектом, так как не имеют и не могут иметь никакой репрезентации. Массы не выражают себя и не рефлектируют, вместо этого они подвергаются зондированию и тестированию, которые выражаются в постоянно действующем референдуме, организуемом средствами массовой информации.

По Бодрийяру, массы не являются инстанцией, на которую можно было бы ссылаться, они не являются субъектом, в том числе и субъектом истории, поэтому они не находят отражения в политических идеях и движениях и не поддаются идентификации. Поскольку массы не являются субъектом, постольку они не могут быть отчуждены от самих себя, а это отчуждение соответственно не может быть высказано посредством какого-либо языка. Масса «функционирует по принципу симуляции и мнимого референта, предполагающему политический класс-фантом и исключаящему какую-либо «власть» массы над самой собой – масса есть в то же время и смерть, конец политического процесса, которому она могла бы оказаться подконтрольной¹. Иллюзия увеличения эффективности управления, массами по мере возрастания их пассивности оборачивается крушением реальной политической власти: властные структуры затрачивают усилия уже не на контроль за обществом или тем более не на руководство им, а на удержание его в управляемом состоянии и преодоление инерции пассивного сопротивления массы любым импульсам извне.

Бодрийяр констатирует принципиальный переворот в соотношении «социальная система – информация». Введение информации в общественный процесс, по сути, должно было бы придавать социальности форму и структуру. Вместо этого под воздействием информационных потоков социальное как таковое разрушается, так как определяемая ими социальная масса неподконтрольна классическим социальным институтам и невосприимчива к самой информации. Интенсивная социализация через массовую коммуникацию привела общество к результатам, противоположным ожидавшимся: социальная организация реальности претерпевает распад, а на поддержание симуляции социального уходит вся энергия социальной системы. Если в период становления индустриального, а затем постиндустриального общества власть перманентно производила политический, идеологический, культурный смысл, то в настоящее время проблемой является спрос на смысл: «Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслом. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается². Более того, масса обходится не только без смысла, но без истины и без мотива, она не нуждается ни в сознании, ни в бессознательном, переводя политическое и социальное в сферу гиперреальности, в которой невозможно определить, какая из взаимодействующих сторон имеет преимущество – «симуляция, с которой обрушилась на массы власть, или ответная симуляция, обращенная массами в направлении распадающейся под ее влиянием власти».

Бодрийяр характеризует массу, как парадоксальное социальное образование: во-первых, она является одновременно объектом симуляции и ее субъектом, который способен на гиперсимуляцию; во-вторых, она не является социальным субъектом в традиционном понимании этого слова и в то же время не является социальным объектом, на который может быть направлена познавательная активность; в-третьих, масса не объективируема и поэтому не может иметь политического представительства; в-четвертых, масса не является носителем автономного сознания и в силу этого любые попытки выступить от ее имени бесперспективны. Поэтому сколько-нибудь научно обоснованные результаты изучения социальности в современном обществе, по Бодрийяру, невозможны – итогом зондирования общественного мнения и попыток выразить его с помощью артикулированной речи становятся лишь заклинания и магические ритуалы, которые направлены на объект, ускользающий от презентации.

С этой точки зрения нынешний период развития средств массовой информации можно определить как фазу замораживания смысла. Если критически мыслящий человек стремится к постижению смысла через оценки и установление различий, то массы не выбирают, а в подтверждение слов Маклюэна о том, что средство сообщения само является сообщением, интересуются только посредником, носителем послания. Существенной чертой массы как участника коммуникативного процесса Бодрийяр считает погружение всякого возможного смысла в поле неразличности, в свободное от смысла гипнотическое состояние, вызываемое деятельностью средств массовой коммуникации. «Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина. Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации. Использование гипноза – это принцип их действия, и, руководствуясь им, они оказываются источником специфического массивованного насилия – насилия над смыслом, насилия, отрицающего коммуникацию, основанную на смысле, и утверждающего коммуникацию иного рода». Этой новой коммуникации свойственна враждебность к посланию и к его коду, которая проявляется во всех сферах жизнедеятельности масс, – от политики до восприятия рекламы. Следствием индифферентности или враждебности массы к сообщениям, по Бодрийяру, является превращение политической деятельности в спектакль, который разыгрывается перед обывателем, уравнивание на ценностной и смысловой шкале телеигры и предвыборной компании, восприятие политической сферы по аналогии с восприятием футбольного матча или художественного фильма. Более того, о своем собственном мнении и его колебаниях массы узнают так же, как и обо всем другом, – с помощью домашнего телевизора, газеты или интернет-страницы. Свидетельством утраты значимости политики для масс является также ограничение их активности сферой частной жизни, которое выглядит как непосредственный вызов политическому, как симптом его смерти.

По мнению Бодрийяра, социальный прогресс сопровождается различными формами сопротивления принудительной социализации. Первоначально это сопротивление оказывали различные субкультуры, которые по-своему осваивали и преобразовывали послания массовой культуры. Они не только специфически расшифровывали эти послания, но и заставляли их циркулировать в рамках своеобразного культурного цикла. Совершенно иная картина наблюдается в современном обществе: угроза для социализации исходит не от структурированных традиционных групп, а от масс, которые бесструктурны и инертны. Массы не вырабатывают новый код, но превращают любое сообщение в зрелище, они не сопротивляются социализации, но и не поддаются ей. В динамике массовой коммуникации остался единственный участник – масса, которая является и субъектом, и объектом сообщения, и носителем сообщения, и самим сообщением. Поэтому не только кинематограф, но и наука и техника, возникшие как средство презентации рационального и социального, дрей-

фуют в сферу воображаемого, магического и зрелищного. Даже святая святых экономики – потребительская стоимость – более не определяет закономерное течение экономических процессов, поскольку масса противопоставляет ей стоимость как знак, смысл и значение которого определяется массовой коммуникацией. «Существо нашей современности не заключено ни в борьбе классов, ни в неупорядоченном броуновском взаимодействии лишенных желаний меньшинств – оно состоит именно в этом глухом, но неизбежном противостоянии молчаливого большинства навязываемой ему социальности, именно в этой гиперсимуляции, усугубляющей симуляцию социального и уничтожающей его по его же собственным законам».

Со времени опубликования работы Ж. Бодрийера «В тени молчаливого большинства» (1978 г.) актуальность поднимаемых им тем не только не уменьшается, но и возрастает благодаря появлению и развитию новых средств массовой коммуникации. Действительно, в условиях образования глобальных информационных сетей и включения в сферу их действия все большего количества индивидов с различными культурными ориентациями утверждение Бодрийера о том, что усиление воздействия средств массовой коммуникации и увеличение масштабов их влияния приводит к уничтожению социальности как таковой, представляется весьма аргументированным. Превращение массы в единственный субъект и источник массовой коммуникации выражается не только в нивелировании смыслов и предпочтений в массовом сознании, но и в принципиальном преобразовании социокультурной динамики, основные элементы которой применительно к западному обществу второй половины XX века охарактеризовал А. Моль. Он выделял в поле культурного взаимодействия два полюса – макросреду, вырабатывающую поле общественного сознания, и микросреду, формирующую социокультурные рамки, в которых развивается макросреда. Характеризуя западную культуру как «мозаичную», Моль показывал, что в ней социальное, индивидуальное и опосредующая их социокультурная таблица функционально и содержательно взаимосвязаны, образуя циклический процесс массовой коммуникации. Бодрийер же считает, что в ситуации самоуничтожения социальности в массовом обществе посредника нет вообще – социальное и индивидуальное слиты настолько, что индивиды образуют уже не общество, а безвозвратно поглощающий все возможные внешние импульсы инертный конгломерат – «молчаливое большинство». Это образование по сути уже не является социальным, так как все проявления социальности исчезают в нем или преобразуются в нечто противоположное ей, когда, к примеру, наиболее признанные и ценимые достижения общественного развития (такие, как образование, медицина, социальное обеспечение) становятся объектом пассивного сопротивления и в то же время фетишизируются в качестве символов социального благополучия.

Многое из сказанного Бодрийером вполне применимо к современной социокультурной ситуации в Беларуси – во-первых, потому, что «молчание» как пассивное восприятие социальных сообщений без непосредственного эффекта является одной из характерных особенностей социального поведения соотечественников, и поэтому весьма затруднительно прогнозировать возможные реакции массового сознания на изменения в экономической и политической жизни; во-вторых, потому, что общее информационное пространство поневоле вовлекает постсоветские государства в орбиту влияния мировых масс-медиа и делает описанные выше метаморфозы социального не только возможными, но и по видимости неизбежными. Поэтому одна из задач социальной философии и культурологии заключается в том, чтобы выработать стратегию культурной поддержки такого развития и социализации индивида, которые привили бы ему навыки критической мысли, самостоятельной оценки и автономного выбора в различных культурных ситуациях.

II. ТРАНСФАРМАЦЫЯ І ІНТЭГРАЦЫЯ ГРАМАДСТВА, ГІСТАРЫЧНЫ ВОПЫТ І СУЧАСНАСЦЬ

ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ В XIX в.

Ковалёва Н.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Переход от мануфактурной стадии производства к фабрично-заводской (промышленный переворот) проходил в Беларуси, как и в России? много позже, чем в европейских странах: с 30-х годов XIX века и до 90-х годов XIX века. Естественно, Беларусь могла заимствовать достижения техники и технологии западных стран и, в какой-то мере, их опыт организации крупного машинного производства. Но в целом условия развития капитализма в промышленности были настолько своеобразны, что западный опыт был далеко не всегда приемлем. Помимо факторов внутреннего порядка (наличие сырья, капиталов, трудовых ресурсов), процесс становления машинного производства развивался под воздействием внешних обстоятельств: политики российского царизма, расположения Беларуси между Польшей и Россией и др. Обратимся к анализу ситуации, сложившейся в западных регионах Беларуси, которые в научной литературе часто выделяются в особый экономический регион – Запад.¹ [1] К Западу относились белорусские уезды Гродненской (Брестский, Волковысский, Гродненский, Кобринский, Пружанский, Слонимский) и Виленской губерний (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский). Запад традиционно характеризовался господством фольварочно-барщинной системы, преобладанием подворной системы крестьянского землепользования, меньшим размахом промысловых занятий.

Действительно, мелкотоварное производство не получило достаточного развития в западных регионах в дореформенный период. Речь идёт, прежде всего, о довольно низком уровне развития крестьянских промыслов как отхожих, так и домашних. Это объясняется преобладанием панщины над оброком по всей Беларуси, а значит - привязанностью крестьян к земле и отсутствием возможности применения рабочей силы на Западе. На Востоке, где лесистость значительно выше, чем на Западе, самым распространённым отхожим промыслом стали лесозаготовки. Отсутствие достаточного количества сырья (древесины) объясняет и неразвитость на Западе такого популярного вида домашних промыслов, как химическая переработка древесины (смолокурение, изготовление древесного угля, выгонка дёгтя). Даже традиционный для Беларуси бондарно-клёпочный промысел был составной частью крестьянского полунатурального хозяйства. Лишь немногие крестьяне работали на рынок и, таким образом, лишь часть крестьянских промыслов мы можем отнести к мелкотоварному производству.

Исторически сложилось так, что Беларусь в целом ещё и в XIX веке оставалась аграрным регионом, хотя зачатки промышленного производства в виде вотчинных мануфактур появились здесь ещё в XVIII веке. Включение белорусских земель в состав Российской империи дало дополнительный импульс промышленному развитию

¹ Панютюк В.П. считает, что в социально-экономическом отношении дореволюционную Беларусь целесообразно разделить на три региона: Восток, Центр, Запад. Их особенности сложились ещё в феодальную эпоху.

края, открыв для белорусских товаров российский рынок. Но слабая белорусская промышленность нуждалась в государственной поддержке. В первой половине XIX века некоторые протекционистские мероприятия российского правительства действительно косвенным образом помогли становлению фабрично-заводской промышленности в западных регионах Беларуси.

Включив после войны 1812 года с Наполеоном польские земли в состав империи, царь «даровал» Царству Польскому конституцию. В Царстве Польском, имевшем собственную армию и собственную валюту, активно развивалась мануфактура и особенно производство сукна. Сукноделие уже в XVIII веке стало главной отраслью великопольской промышленности: в 90-е годы XVIII века в Великой Польше вырабатывалось около 70% суконной продукции страны. [2,35] Промышленному развитию края способствовало создание в 1828 году Польского банка, а также приток прусских капиталов в Польшу. Соседние германские земли проявляли большую заинтересованность в промышленном развитии Польши, так как полуфабрикаты из германских княжеств беспощинно ввозились на территорию Польши, подвергались здесь окончательной обработке, а далее в качестве польских промышленных изделий беспощинно ввозились в Россию. Для германских княжеств, разделённых внутренними таможенными, отсутствием единого коммерческого законодательства, возможность сбыта изделий на польском рынке представлялась исключительно притягательной. В особенности, большую заинтересованность в освоении польского региона проявляла Саксония, где континентальная блокада Англии дала толчок развитию текстильной промышленности. Саксонский район Хемница постепенно превращается в «немецкий Манчестер».

Защищая интересы текстильщиков Москвы и Иваново-Вознесенска, российский правительство отделило в 1822 году Польшу от России таможенной границей. Шляхетское восстание 1830-1831 гг. положило конец не только действию польской конституции, но и спровоцировало принятие царским правительством ряда мер, больно ударивших по польской промышленности. В частности, в 1834 году были установлены высокие пошлины на ввозимые из Царства Польского в Российскую империю фабричные товары. Например, шерстяные изделия облагались пошлиной в размере 15% их стоимости. Установление нового таможенного тарифа привело к тому, что польские мастера перенесли производство на соседнюю территорию, не ограждённую таможенным барьером от России – Гродненщину.

Первые предприятия по переработке шерсти появились на Гродненщине в 1815 году. Л. Солоневич в книге «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования» называет 9 предприятий этой отрасли мануфактурного типа: в Гродно, Хомске, Ружанах, Альбе, Песках, Волковыске, Изабелине. [3,41] В дальнейшем центром сукноделия на Гродненщине стал Белостокский уезд – местечко Супрасль. В 1834 году здесь была основана первая суконная фабрика Вильгельма Захерта, в 1837 году – суконная фабрика Бухгольца. Таким образом, польские мастера и немецкие капиталы дали толчок становлению фабрично-заводской промышленности. В 1843 году на Гродненщине работало 59 шерстообрабатывающих фабрик, в 1866 году – 46 фабрик при 4000 рабочих. [3,42] Суконное производство на Гродненщине держалось преимущественно на местном сырье, что стимулировало развитие гонжорного овцеводства, и на государственных заказах. В 40-е годы XIX века на белорусских землях концентрировалась десятая часть российского войска, или 43 тысячи человек, которых необходимо было не только кормить, но и одевать. [4,66]

Однако в последующее время поступательное развитие сукноделия на белорусских землях замедлилось ввиду отмены в 1851 году таможенной границы между Царством Польским и внутренними губерниями России. Это значительно расширило

рынок сбыта для польских товаров. Крымская война и связанная с этим блокада морского побережья России, а также потребности русской армии в обмундировании значительно подняли значение Польши как центра производства и транзита необходимых России товаров. Благодаря этим факторам в 1850-е годы польская текстильная промышленность вступила в полосу подъёма. Польский текстиль стал успешно сбываться на открытых территориальной экспансией России восточных рынках. Небольшой польский посёлок Лодзь за несколько десятилетий вырос в крупный центр текстильной промышленности, который соперничал с Москвой и Иваново-Вознесенском. Промышленность Беларуси испытала на себе все перипетии борьбы между Московским центром производства текстиля и Привисленским краем. Ткацко-пряделные фабрики Москвы и Иваново-Вознесенска, создававшиеся на капиталы купцов-старообрядцев, после технического перевооружения 50-х годов и заимствования новейших немецких технологий стали выпускать высококонкурентную продукцию. Однако на белорусских рынках преобладал польский, а не российский текстиль. В условиях борьбы между польским и российским текстилем текстильная промышленность Гроденщины, не выдержав конкуренции, постепенно стала приходить в упадок. К тому же текстильные предприятия Гроденщины с переориентацией экспансии России на юг перестали представлять интерес для казны и утратили государственные заказы. Негативным последствием снижения уровня суконного производства на Гроденщине стал упадок тонкорунного овцеводства.[5, 15]

Гродненская губерния ещё и в 60-е годы занимала ведущее место в Беларуси по уровню развития фабрично-заводской промышленности. По данным М. В. Довнар-Запольского, здесь концентрировалось 30% всех фабрично-заводских предприятий и 36% рабочих Беларуси.[6, 386] На дальнейший процесс развития фабрично-заводского производства губительное воздействие оказали политические мероприятия царского правительства, связанные с подавлением восстания 1863-1864 гг. Правительство обложило всех землевладельцев католического вероисповедания 10% контрибуционным сбором. А таковых по Гродненской губернии в 1864 году было 5506 против 49 владельцев имений – не католиков.[7] Многие имения участников восстания были секвестрированы и переданы в руки русских чиновников, не имевших средств и опыта для ведения хозяйства. В результате этих мероприятий пострадало не только сельское хозяйство, но и предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, размещаемые, как правило, в помещичьих имениях.

При отсутствии достаточных средств у предпринимателей промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья долгое время оставалась на дофабричной стадии. Первые маслоделательные и сыроварные заводы (с сепараторами и другим приспособлениями) появились на Гроденщине только в 80-е годы XIX века. В виду того, что сельское хозяйство западной Беларуси после аграрного кризиса 80-х годов XIX века переориентировалось на мясо-молочное животноводство, большая часть предприятий этого типа к началу XX века было сконцентрировано в Гродненской губернии. В 1912 году здесь действовало 27 заводов по производству масла и сыра.[8, 162] Что касается мукомольного производства, то его развитие было подорвано невыгодным для Беларуси железнодорожным тарифом, ориентированным на вывоз муки из плодородных губерний России (Приволжских районов и др.).

Активное железнодорожное строительство, развернувшееся в России в 60-70-е годы XIX века, стимулировало появление предприятий, в продукции которых была заинтересована железная дорога и пассажиры поездов (табачные изделия, мыло, спички). Гродненская губерния стала давать 63% общеполитического производства

табачных изделий. Причем большая часть табачных фабрик концентрировалась в Гродно и Бресте.

Таким образом, процесс становления фабрично-заводской промышленности в западных регионах Беларуси проходил весьма своеобразно в силу недостатка капиталов (что характерно для всей Беларуси), бедности сырьевой базы (в частности, для развития деревообрабатывающей промышленности) и антибелорусской политики царского правительства, заинтересованного в том, чтобы установить на белорусских землях монополию на сбыт товаров российского производства. Ввиду перечисленных причин и структура фабричной промышленности здесь выглядит нетипичной для Беларуси в целом. Преобладающие позиции сохраняет текстильная промышленность: в Гродненской губернии в конце XIX века выпускается более половины суконных изделий Беларуси. Пищевая промышленность представлена в основном табачными фабриками и предприятиями по переработке продукции молочного животноводства. А (третья по значимости отрасль) силикатно-керамическая промышленность – представлена рядом кирпичных заводов, появление которых связано со строительством оборонительных сооружений на западе страны.

1. Панютіч В.П. Соцыяльна-эканамічнае развіццё беларускай дзевяцінага 1861 – 1900 га. – Мн., 1990.
2. Польша на шляху развіцця і ўтвэрджэння капіталізму (канец XVIII – 60-е га. XIX в.). /Пад рэд. Д.В. Маркова. – М., 1984.
3. Солоневіч Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования (1802 – 1902). – Гродно, 1901.
4. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі: 1795 – 2002. – Мн., 2003.
5. Проблемы аграрной истории Беларуси (XIX – 30-е га. XX в.). /Пад рэд. В.Л. Яніна, К.И. Шабуні. Ч.2. – Мн., 1978.
6. Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1994.
7. ГУ «НІАБ в г. Гродно» Ф 1 оп 17 д 780 л 5.
8. Жытко А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму (1861 – 1914 га.). – Мн., 2003.

ZARYS EWOLUCJI POLITYKI NARODOWEJ ZSRR I FEDERACJI ROSYJSKIEJ W LATACH 1917 – 1999

Bartłomiej Garczyk

Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu, Poznań, Polska

Po upadku caratu i zwycięstwie rewolucji październikowej w 1917 roku, głównym zadaniem przed jakim stanęli bolszewicy było uregulowanie kwestii narodowościowej. Rosja radziecka, a od 1922 roku ZSRR, był państwem wielonarodowym, o zróżnicowanej strukturze językowej i kulturowej.¹ Zróżnicowana struktura etniczna Związku Radzieckiego miała swoje źródło w wielowiekowej ekspansji politycznej i militarnej państwa rosyjskiego, oraz towarzyszących jej procesach kolonizacyjnych.²

Narody ZSRR znajdowały się na różnym etapie społeczno-ekonomicznego i kulturowego rozwoju. Należy pamiętać o tym, że bolszewicy nie byli przygotowani do prze-

¹ Według oficjalnych danych spisu z 1979 r. liczba narodowości zamieszkujących Związek Radziecki wynosiła powyżej 100, a ogólna liczba ludności 262mln 085 tys. osób. Rosjanie stanowili około 55% populacji., w: *Narodnoje choziajstwo SSSR w 1983. Stacycznyj Jeżegodnik*, Moskwa 1984.

² Szerzej: L. Bazylow., *Historia Rosji*, Warszawa 1983.

jęcia władzy. Nie posiadali konkretnej koncepcji polityki narodowościowej, nie mniej jednak, po zwycięskim przewrocie natychmiast przystąpili do tworzenia jej zrębów.³

Jednym z głównych postulatów rewolucyjnych bolszewików dotyczących kwestii narodowościowej, było uznanie prawa do niepodległości i samostanowienia wszystkich narodów Rosji. Głównym tekstem dotyczącym problemu narodów i zawierającym kwintesencję poglądów bolszewików, była opublikowana w listopadzie 1917 r. *Deklaracja Praw Narodów Rosji*. Stanowiła ona fundament przyszłej polityki narodowościowej Rosji Radzieckiej, wyrażony w późniejszych konstytucjach.⁴ Zadeklarowano w niej m in.

- a) Równość i suwerenność narodów Rosji;
- b) Prawo narodów Rosji do swobodnego samookreślenia, aż do oderwania się i utworzenia samodzielnego państwa(...);
- c) Swobodny rozwój mniejszości narodowych i grup etnograficznych zamieszkujących terytorium Rosji.⁵

Podobną treść zawierały również inne pisma poprzedzające *Deklarację*. W artykule pt. „*Kwestia narodowa w naszym programie*” zawartym w *Iskrze* 1903 r., czytamy między innymi: „Rosyjscy socjaldemokraci(...) wzywają cały proletariat rosyjski do walki z wszelkim uciskiem narodowym w Rosji; włączają do swojego programu nie tylko całkowite równouprawnienie języków, narodowości itd., lecz również uznanie prawa każdego narodu do stanowienia o swoim losie”⁶

Od samego początku bolszewicy traktowali zasadę samookreślenia instrumentalnie. Miała dla nich wartość wyłącznie propagandową. Polityka narodowościowa szybko została upaństwowiona i zinstytucjonalizowana. Proces instytucjonalizacji kultury mniejszości narodowych w ZSRR polegał przede wszystkim na tworzeniu systemu państwowych organów do spraw narodowościowych. Od 1917 przy Radzie Komisarzy Ludowych działał m in. specjalny Ludowy Komisariat do Spraw Narodowościowych (NKN – Narodnyj Komisariat Nacionalnostenij). Od 1923 roku jego funkcje przejęła Rada Narodowości przy Radzie Najwyższej ZSRR. Edukacją zajmował się Narodowy Komisariat Oświaty (Narodnyj Komissariat Proswieszczenia), przy którym funkcjonował wydział do spraw mniejszości narodowych. Natomiast kwestie autochtonicznych ludów Północy, Syberii i Dalekiego Wschodu podlegały Komitetowi Północy.⁷

Bolszewickie kierownictwo prowadziło dyskusję nad formą ustroju pierwszego w świecie państwa komunistycznego. Lenin forsował koncepcję połączenia republik w federację, Stalin natomiast był zwolennikiem wchłonięcia republik nierosyjskich do RSFRR na prawach autonomii. Ponieważ dążenie do połączenia z Rosją mogło budzić wśród nierosyjskich narodów wiele obaw, dlatego ostatecznie zwyciężyła federacyjna formuła, w myśl której w grudniu 1922 r. uchwalono deklarację o utworzeniu ZSRR.⁸ Powstały ustrój narodowo-państwowy miał skomplikowaną strukturę. Zgodnie z Konstytucją formalnie ZSRR był państwem związkowym, złożonym z suwerennych państw w wyniku swobodnego samookreślenia narodów i dobrowolnego zjednoczenia równoprawnych republik (art.70).⁹

³ T. M. Smirnowa, *Nacionalnost – Piterskije*, Sankt – Peterburg 2002, s. 32.

⁴ Konstytucje radzieckie z lat 1918, 1924, 1936, 1977.

⁵ W XXXV Rocznicy Wielkiej Październikowej Rewolucji Socjalistycznej. *Materiały, dokumenty*, Warszawa 1952, s.31 – 32.

⁶ Ibidem, s. 127.

⁷ Szerzej: T. M. Smirnowa, *op. cit.*, s. 34.

⁸ Szerzej: W. Suhecki, *Geneza federalizmu radzieckiego*, Warszawa 1961.; F. Anczewicz, *Stalinowska koncepcja państwa, na tle ewolucji ustrojowej ZSRS*, Lublin 2001.

⁹ Wszystkie przytoczone artykuły pochodzą z: *Konstytucja ZSRR*, Warszawa 1977.

Każda z republik związkowych zachowywała prawo swobodnego wystąpienia z federacji (art.72), oraz posiadała prawo nawiązywania stosunków dyplomatycznych i uczestniczenia w działalności organizacji międzynarodowych (art.80).

Wraz z rozwojem systemu totalitarnego, radziecka polityka narodowościowa stawała się coraz bardziej prowizoryczna. Niemniej w okresie krystalizowania się władzy radzieckiej, kwestię narodową traktowano jeszcze pryncypialnie. Od czasu rewolucji była ona przedmiotem obrad: VIII, X i XII Zjazdu RKP(b). Podjęte na XII Zjeździe uchwały w kwestii narodowej niewątpliwie zasługiwały na uznanie. Zważając na okres późniejszego stalinizmu, który ostatecznie pogrzebał aspiracje narodów Związku, należy obiektywnie przyznać, że decyzje Zjazdu mogły budzić nadzieje i napawać optymizmem. Jak zauważa Marek Waldenberg: „Nie znaczy to jednak, że w referacie Stalina bądź w dyskusji potraktowano ją w sposób całościowy i pogłębiony, uwzględniający wiele jej aspektów, że rozważano dalekosiężne rezultaty przyjętych rozwiązań(...)”. Nieliczne uwagi tego rodzaju uczynione w dyskusji pozostały bez echa. Powierzchny referat Stalina rozważał cały problem w sposób ściśle instrumentalny.¹⁰

W uchwale XII Zjazdu zauważono rozwój szowinizmu rosyjskiego i fakt nierówności gospodarczej i kulturalnej narodów Związku dlatego „Zjazd uważa, że członkowie partii powinni dążyć do tego, by podjęte zostały następujące środki praktyczne:

a) by przy tworzeniu centralnych organów Związku zapewniono równość praw i obowiązków poszczególnych republik(...);

b) by w systemie najwyższych organów Związku utworzono specjalny organ przedstawicielstwa wszystkich bez wyjątku republik narodowych(...);

c) by republikom przyznano dostatecznie szerokie uprawnienia finansowe(...) umożliwiające im przejawianie własnej inicjatywy państwowo – administracyjnej, kulturalnej i gospodarczej;

d) by organy republik i obwodów narodowych składały się przeważnie z ludzi miejscowych, znających język, warunki życia, zwyczaje i obyczaje tych narodów(...).¹¹

Powyższa polityka wyrażona poprzez autochtonizację kadr i rozwój kultur narodowych funkcjonowała tylko do lat 30-tych. Jednak według Waldenberga nie traktowano rozwoju kultur narodowych jako wartości samoistnej. Stalin zdawał sobie sprawę z faktu, że bieg rewolucji jest w dużym stopniu zależny od rozwoju wydarzeń w republikach nierosyjskich. Brak oparcia w ludności republik, może przekreślić szansę zwycięstwa. Zatem pozyskiwanie nowych sił do walki z kontrrewolucją poprzez deklaracje i manifesty było koniecznością. W latach 20-tych proces rozwoju kultury mniejszości narodowych miał wysoką dynamikę. Rozwijano rodzime języki, likwidowano analfabetyzm, tworzone regionalną oświatę.¹²

Ukłon w stronę republik narodowych był widoczny między innymi na Ukrainie, gdzie ukrajinizacja czyniła duże postępy, przejawiając się głównie w ukrajinizacji partii komunistycznej i aparatu państwowego.

Tolerancja nie trwała jednak długo. Rodzący się w latach 30-tych totalitaryzm oddziaływał na politykę narodowościową. Skrajna ideologizacja, centralizacja i unifikacja gospodarki i polityki przeniosła się również na płaszczyznę kultury. Stalinizm zerwał z dotychczasową polityką autochtonizacji kadr i rozwoju kultur narodowych, rozpoczynając powszechną rusyfikację. Narzucenie rosyjskiej kultury, centralizacja gospodarcza, ustro-

¹⁰ M. Waldenberg, *Narody zależne i mniejszości narodowe w Europie Środkowo – Wschodniej*, Warszawa 2000, s. 357.

¹¹ XII Zjazd Komunistycznej Partii (bolszewików) Rosji 17 – 25 kwietnia 1923, Warszawa 1980, s. 948.

¹² T. M. Smimowa, *op. cit.*, s. 38.

jowa i administracyjna w oparciu o rosyjskie kadry miała doprowadzić do asymilacji kultur narodowych w jedną, ogólnonarodową kulturę sowiecką. W procesie tym zasadniczą rolę odgrywał język rosyjski.

Z uwagi na dominującą pozycję Rosjan, przez cały okres istnienia ZSRR język rosyjski pełnił funkcję łącznika w wielojęzycznym państwie; był to język techniczny społeczeństwa, jak i partii komunistycznej. Konstytucja radziecka formalnie przyznawała prawo posługiwania się zarówno językiem ojczystym jak i językami innych narodów (art.36). Zapis ten miał jedynie deklaracyjny charakter. W rzeczywistości wprowadzono obowiązek nauki języka rosyjskiego we wszystkich szkołach, a także w przedszkolach. Ujednolicono programy nauczania i podręczniki. Preferowanie języka rosyjskiego znalazło też wyraz w polityce wydawniczej.¹³

Prócz oświaty, rusyfikacja pojawiła się również w formie preferowania Rosjan na wszystkich szczeblach władzy państwowej i partyjnej. Trwające od połowy lat trzydziestych uprzywilejowanie Rosjan w kierowniczych kadrach w republikach było znaczne. „Narody zostały ściśle powiązane z administracyjnym podziałem kraju (...). Utworzenie biurokratycznej hierarchii narodów prowadziło do powstania „etnokracji”, czyli zjawiska polegającego na tym, że nomenklatura była formowana według kryteriów etnicznych. Elitę nomenklatury stanowili oczywiście Rosjanie, ale w określonych proporcjach „wkraplano” w nią także przedstawicieli innych narodów”.¹⁴ Powyższa sytuacja zmieniła się nieco po śmierci Stalina.

Omawiając politykę narodowościową stalinizmu, nie można pominąć represji. Rusyfikacja kadr partyjnych w republikach związkowych nasiliła się szczególnie w okresie „wielkiej czystki” 1934 – 39. Choć ramy pracy nie pozwalają na szersze omówienie całości tego zagadnienia, trzeba pamiętać, że fala terroru uderzyła wówczas we wszystkie narody i warstwy społeczeństwa. Rozpętano czystki etniczne i masowe deportacje, których szczyt przypadł na okres II wojny światowej. NKWD zainicjował operacje, których celem była likwidacja grup narodowych, uważanych za potencjalnie „szpiegowskie” i „dywersyjne” m.in. Niemców, Litwinów, Finów i Polaków. W ciągu piętnastu miesięcy trwania tych „antyszpiegowskich” operacji, aresztowano kilkaset tysięcy osób.¹⁵

Po agresji Niemiec hitlerowskich na ZSRR, władze radzieckie dokonały masowych deportacji całych narodów, postrzeganych przez władze jako „piąta kolumna”. Pierwszą deportowaną grupą etniczną byli Niemcy; kolejnymi Polacy i Żydzi.¹⁶

W warunkach proklamowanej w 1985 roku „pierestrojki” w Związku radzieckim rozpoczął się proces odradzania kultur narodowych, regionalnych organizacji i stowarzyszeń. Prowadzono politykę egalitaryzacji narodów. Rozwijano oświatę i szkolnictwo. Prowadząc tym samym do wzrostu poziomu wykształcenia ludności, który przyczyniał się do powstania regionalnej inteligencji i rozbudzenia świadomości narodowej.

Zielone światło dla ruchów narodowych w republikach ZSRR zaświeciło wraz z „pierestrojką” i „glasnością”. Nowa polityka wyzwoliła drzemiące nadzieje niepodległościowe. Pierwsze masowe tendencje do opuszczenia ZSRR ujawniły się na Litwie, Łotwie i w Estonii. Proces ten nie wszędzie przebiegał identycznie. Główne jego etapy można jednak

¹³ Na przykład w 1970 r. nakład książek i broszur w języku rosyjskim stanowił 82% ogółu egzemplarzy, a w 1982 r. – 87%, w: M. Waldenberg, *op.cit.*, 408 – 409.

¹⁴ Wł. Marciniak, *Rozgrabione Imperium*, Kraków 2001, s. 35 – 36.

¹⁵ N. Werth, *Państwo przeciw społeczeństwu. Przemoc, represje i terror w Związku Radzieckim*, w: S. Courtois i in., *Czarna księga komunizmu*, Warszawa 1999, s. 183 – 184.

¹⁶ Szerzej: A. Lustiger, *Czerwona księga. Stalin i Żydzi*, Warszawa 2004.; S. Ciesielski, G. Hryciuk, A. Srebrakowski, *Masowe deportacje ludności w Związku Radzieckim*, Toruń 2004.

sprowadzić do walki o uznanie własnego języka za urzędowy; walki o przywrócenie symboliki narodowej, oraz postulatu autonomii kulturalnej, gospodarczej i politycznej.¹⁷

Zaczątkiem szerokich ruchów narodowych były tzw. fronty ludowe,¹⁸ które rozpoczęły swą działalność w imię wspierania pierestrojki i Gorbaczowa. Organizowano masowe wiece i demonstracje, do których dołączono postulaty szerszej autonomii w ramach ZSRR. Nikt jednak nie myślał wówczas o pełnej niepodległości.

Kolejnymi krokami postępującej regionalizacji ZSRR było ustawowe przywracanie językom narodowym statusu języka państwowego. Pierwsi ustawę przyjęli Estończycy (grudzień 1988 r.). Estonia jako pierwsza, przywróciła dotychczasową symbolikę narodową (czerwiec 1988 r.). 16 listopada 1988 Rada Najwyższa Estońskiej SRR, także jako pierwsza, proklamowała deklarację suwerenności.

Jak podkreśla wielu autorów, rozpoczynając liberalizację polityczno – społeczną, Gorbaczow nie zdawał sobie sprawy z jej konsekwencji. Sytuacja w kraju zaogniła się, a postulaty niepodległościowe radykalizowały. 23 sierpnia 1989 r., w związku z 50 rocznicą paktu Ribbentrop – Mołotow w republikach nadbałtyckich odbyły się akcje upamiętniające to wydarzenie. Parlamentey republikańskie proklamowały niepodległość. Jako pierwszy uczynił to parlament Litwy (11 marca 1990 r.). 1 grudnia 1991 Ukraina oficjalnie proklamowała niepodległość.

Jednym z ostatnich radzieckich aktów prawnych dotyczących kwestii narodowościowych była przyjęta przez Radę Najwyższą RFSSR ustawa z 26 czerwca 1991 roku o rehabilitacji represjonowanych i deportowanych narodów. Ustawa przyznała im m. in. prawo powrotu do tradycyjnych miejsc osiedlenia. Akt ten świadczył również o przewartościowaniu radzieckiej polityki narodowościowej. Po śmierci Stalina podejmowano próby rehabilitacji represjonowanych mniejszości jednakże nie były one przeprowadzane w pełnym wymiarze.¹⁹ Po 1991 roku, w warunkach transformacji ustrojowej i ideologicznej, reform społeczno- ekonomicznych i zmian granic, kwestia narodowościowa – obok aspektów gospodarczych – była nadal ważnym problemem w powstałej Federacji Rosyjskiej. Zmieniła się struktura narodowościowa. Rosjanie stanowią odłąd 83% populacji. W państwie zaczęto rozwijać mechanizmy demokratyczne i rynkowe, co pośrednio wpłynęło na fakt podniesienia polityki narodowościowej do rangi konstytucyjnej.

Konstytucja ZSRR również zapewniała szeroki wachlarz praw mniejszości narodowych – m. in. wolność sumienia, religii i języka. Niektórzy autorzy, pomni doświadczeń minionego systemu uważają, że konstytucyjne gwarancje nie zapewniają automatycznie pełnej realizacji praw mniejszości narodowych, jednakże wydaje się, że Ustawa Zasadnicza FR z dnia 12 grudnia 93 roku zrywa ostatecznie z konstytucjonalizmem systemu socjalistycznego. Zgodnie z art. 19 Konstytucji, państwo gwarantuje równość praw i wolności niezależnie od rasy narodowości i języka. Każdy ma prawo określać swoją przynależność narodową. Każdy ma prawo posługiwania się językiem ojczystym, do swobodnego wyboru języka, komunikowania się, wychowania, nauczania i twórczości (art. 26). Państwo gwarantuje prawa rdzennych, niewielkich liczebnie narodowości (art. 69).²⁰

Celem dodatkowych gwarancji dla praw mniejszości narodowych, niezależnie od konstytucyjnych, została opracowana *Koncepcja rosyjskiej polityki narodowościowej* zatwierd-

¹⁷ J. Smaga, *Rosja w XX stuleciu*, Krakow 2002.

¹⁸ Były to niezależne od władz organizacje społeczne. Między innymi powstały: na Litwie *Sajudis*, na Ukrainie *Ludowy Ruch Ukrainy*.

¹⁹ T. M. Smirnowa, *op. cit.*, s. 47 – 50.

²⁰ *Konstytucja Federacji Rosyjskiej*, Warszawa 2000.

z ona dekretem Prezydenta FR z dnia 15 czerwca 1996 r. Zgodnie z nim najważniejszymi kwestiami wymagającymi rozwiązań są: rozwój narodowych kultur i języków narodów FR; stworzenie politycznej i prawnej ochrony niewielkich liczebnie narodów i mniejszości narodowych; zapewnienie i podtrzymanie stabilności na Północnym Kaukazie; pomoc i pielęgnowanie związków z obywatelami rosyjskimi, żyjącymi poza terytorium FR – w krajach WNP oraz na Łotwie Litwie i w Estonii.²¹

Ważną kwestią nadal pozostaje język rosyjski. W ZSRR językiem urzędowym był rosyjski – nie posiadał on jednak wówczas statusu oficjalnego. Obecnie zgodnie z art. 69 Konstytucji: językiem państwowym Federacji Rosyjskiej na całym jej terenie jest język rosyjski. Republiki mają prawo określać własne języki państwowe. W organach władzy państwowej, samorządu terytorialnego i innych instytucjach państwowych republik są one używane na równi z językiem państwowym FR. Dodatkowo równouprawnienie języków narodowych w FR, niezależnie od liczebności mniejszości narodowych chroni Ustawa O językach narodów FR z dnia 24 lipca 1998 r.

W granicach Federacji Rosyjskiej żyje kilkanaście grup etnicznych o małej liczebności (poniżej 50 tys.). Procesy cywilizacyjne, zanieczyszczenie środowiska naturalnego przyczyniają się do degradacji ich naturalnych siedlisk, oraz tradycyjnych form życia i gospodarowania. Negatywne czynniki środowiskowe mogą wręcz przyczynić się do ich fizycznej zagłady. W czerwcu 1999 roku Duma Państwowa FR przyjęła Ustawę O gwarancji Praw liczebnie małych narodów FR. Ustawa zapewnia prawo do rozwoju bytu społeczno-ekonomicznego, rozwoju autochtonicznej kultury i tradycyjnych form życia.

W latach 90-tych XX wieku przyjęto wiele ustaw i prawnych rozwiązań gwarantujących poszanowanie prawnego statusu mniejszości narodowych FR, ich kultury i kultu religijnego. Jednakże wielu autorów obawia się, że prawne gwarancje zawarte w Konstytucji FR i innych aktach prawnych będą miały wyłącznie formalny charakter. Tamara Smirnowa uważa, że państwo tylko deklaruje pomoc; natomiast nie zabezpiecza rozwoju kultur zarówno w aspekcie finansowym jak i naukowo-metodycznym. Wydaje się, że pomimo znacznego wysiłku prawodawcy rosyjskiego, mającego na celu przybliżenie rosyjskich standardów w ochronie praw mniejszości narodowych do europejskiego systemu ochrony praw człowieka, rosyjską politykę narodowościową czeka jeszcze dalsza ewolucja.

ИНТЕГРАЦИЯ БАЛТИЙСКИХ СТРАН В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Виталия Кецёрите

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Вводное слово

Балтийские страны, еще в середине девяностых энергично стремящиеся восстановить независимость, одним из важнейших способов её сохранения и укрепления во времени считали их участие в экономических, политических и оборонных структурах Западной Европы. К своей цели они стремились ещё до формального восстановления независимости, используя возможности стать членами различных спортивных и художественных ассоциаций, а после признания независимости эти страны повернулись в направлении Европейского Союза и НАТО. Сегодня уже можно зада-

²¹ Szerzej: T. M. Smirnowa, *op. cit.*, s. 52.

вать вопрос: достигли ли усилия своей цели, безвозвратно ли Балтийские страны стали частью Западной Европы.

Несколько десятилетий Балтийские страны были частью территории Советского Союза. Место Эстонии, Латвии и Литвы на ней можно было считать особенным: с одной стороны, независимость в период между войнами, традиции западной культуры и т.д., позволило избавиться от советизации, с другой стороны, даже сами жители СССР признавали, в определённом смысле, особый статус Балтийских стран, считая их непохожими на все остальные советские республики (1).

1. Экономический и политический аспекты

Условно небольшие и динамичные страны – Эстония, Латвия и Литва сегодня являются полноправными членами Европейского Союза. Вопрос, почему ЕС необходимо расширяться, имеет свои ответы. Расширение, присоединив Центральные Европейские страны, имеет несколько положительных черт:

1. Политически оно значит расширение демократии.
2. Расширяет рынок и инвестиции, а тем самым возможности экономического роста.
3. Повышает безопасность континента.
4. Помогает избавиться от политической, экономической и социальной нестабильности.

Балтийские страны могут подписаться под каждым из этих определений, представляя свои дополнительные аргументы в их пользу. Однако эксперты видят и немало проблем, которые возникают с расширением ЕС:

1. Общий валовой продукт центральных европейских стран намного меньше, чем бывших стран ЕС.

2. Присоединение новых стран на полных членских правах вызывает немало опасностей для Союзного сельского хозяйства и кое-каких других отраслей, включая легкую промышленность, производство стали. Центральные европейские страны с меньшими ценами стали опасными конкурентами Западу, а их дешёвая рабочая сила так же опасна для системы социальной безопасности.

3. Присоединение нестабильной экономики Центральной Европы повышает риск внутренней стабильности Союза, углублению интеграции.

Поэтому Балтийским странам пришлось доказать, что плюсы Европейской интеграции намного превышают минусы и возможный риск.

Научные разработки (2) предлагают оценивать страны – кандидаты по таким критериям:

1. Согласование правовых систем со стандартами ЕС.
2. Ориентация западной и безопасной политики.
3. Ход экономических реформ.
4. Ход формирования гражданского общества.
5. Претворение в жизнь конкретных договоров с ЕС.

Отмечено, что в результате наибольшее внимание обращается не на фиксирование какой-либо существующей обстановки, а на динамический вид страны, то есть, идёт разговор о том, как будет выглядеть та или другая страна, ставшая членом Европейского Союза.

Институты демократического руководства во всех трех Балтийских странах начали образовываться еще при формально существующей советской власти. Балтийским странам, в отличие от центральноевропейских соседей, пришлось преодолеть больше барьеров по созданию демократии – не реорганизовывать, а создавать новые институты, которых, до независимости, просто не существовало.

Балтийские страны должны были добиться того, чтобы соответственно представлять различные политические силы. Выбрана система пропорционального представительства, с другой стороны, введен минимум голосов, который необходимо иметь для получения места в парламенте. Спектр политических партий Литвы все больше похож на классическую модель западной демократии. Политический водораздел Эстонии и Латвии был скорее отношением с русскоговорящими жителями или союзниками СССР, в то время как Литва могла позволить себе дискутировать традиционными политическими вопросами.

После утверждения независимости, вспоминая выборы парламента в Балтийских странах, можно утверждать, что в 1995 г. выборы парламента Эстонии утвердили в этой стране такую политическую систему, в которой больше господствовали мелкие, понятные политические идеологии, чем партии, не имеющие локальных структур, созданные, скорее всего для поддержки отдельных личностей.

На выборах парламента Латвии в 1995 г. триумфовали партии, пропагандирующие бескомпромиссную идеологию. Распределение голосов в парламенте не позволило сформировать стабильную господствующую коалицию, парламента не мог принимать законы, а правительство было вынуждено работать, больше надеясь на свой риск, нежели на явную поддержку власти, выпускающей законы. Существенное формирование структур и партий происходило не перед выборами, а в самом парламенте в период каденции. Политических партий было немного, а сама политическая деятельность в большинстве случаев являлась средством реализации интересов групп лоббистов.

В Литве процесс формирования партий более других Балтийских стран шагнул вперед. Выборы парламента в 1996 г. показали, что в стране уже сформированы стабильные и условно большие политические партии (пять из них перешагнули 5 процентный выборный барьер).

Во всех Балтийских странах, вступивших в ЕС ассоциированными членами, работали конституции, соответствующие традициям Запада, а законы и их поправки принимались, учитывая будущее членство стран в структуре Западной Европы. Страны одна за другой присоединились к важнейшим конвенциям Соединенных Народов и их ратифицировали.

Важной мерой членства в Европейский Союз Балтийских стран стало решение проблем, связанных с национальными меньшинствами. В Эстонии и Латвии большинство русскоговорящих жителей страны не имеют соответствующего гражданства или имеют гражданство России (3).

В Литве проблем гражданства не существовало с начала восстановления независимости. В стране принят такой закон о гражданстве, который позволил, после восстановления независимости, всем жителям страны стать ее гражданами. Все больше русскоговорящих жителей свое этническое происхождение отождествляют с гражданством.

Положение в Эстонии и Латвии по числу национальных меньшинств и лиц без гражданства не из лучших. Однако миссии, наблюдающие за положением прав меньшинств в обеих странах, констатируют, что серьезных нарушений прав нет, этнические конфликты не возникают.

2. Аспект безопасности

Проблемы безопасности и стабильности в международной системе государств во все времена были одними из важнейших и труднейших решений в истории международных отношений. Как утверждает Barry Buzan, вопросы безопасности обусловлены международной системой соответствующего времени, отношениями стран и их

состоянием и характерными чертами внутренней политической и экономической систем (4). Говоря о безопасности Балтийских стран, нельзя забывать, что свою независимость они восстановили только в 1990 году и не могут быть определены как страны с многогодовыми и твердыми традициями государственности, демократии и гражданственности. Исключением, с определенными оговорками, может быть Литва, истоки государственности которой начинаются с 13 века, но и в данном случае это не связано с демократией и гражданственностью.

Хотя мощь государств не имеет прямой связи и не зависит от государственных возможностей, она все же играет важную роль, формируя и проводя в жизнь их заграничную политику. Обеспечивая внешнюю безопасность, некоторые государства свою слабость компенсируют физической силой (территория, жители, оружие): Балтийские страны не могут быть причислены к этой группе государств. Анализируя проблемы внешней безопасности Балтийских стран, необходимо говорить не только о поиске решений об отношениях между соседскими государствами, европейскими и евроатлантическими институциями, но и о последствиях влияния принятых решений на внутреннюю безопасность этих стран.

Балтийские страны как государства, подписавшие договор Европейской Ассоциации, присоединившись к декларациям и заявлениям стран Европейского Союза, в определенном смысле участвуют в представлении взгляда стран ЕС на события в международных отношениях или в отдельных странах. Есть надежда, что Европейский Союз не останется равнодушным в случае подрыва безопасности Балтийских стран. Тем более, большинство стран Европейского Союза — члены НАТО. Однако в этом случае говорится не о каких-либо критических ситуациях и реакции других стран на них, а о долговременной безопасности и стабильности Балтийских стран в этом регионе и во всей Европе, которые помогут избежать возникновения таких ситуаций.

Исторический опыт показывает, что опасность возникновения нестабильности в международной системе или в отдельных ее регионах чаще всего возникает тогда, когда они находятся в состоянии трансформации. Другим фактором, подрывающим безопасность и стабильность соседских государств, может быть создание недемократических, авторитарных форм управления в некоторых из них.

Аргументы некоторых политиков, выступающих против членства Балтийских стран в НАТО, заключаются в том, что страны не защищены, легко критикуемы, так как и НАТО, и руководители стран Европейского Союза выступают за единую и неразделимую Европу (5). Кроме того, в Вашингтонском договоре 1949 г. о создании НАТО пишется, что эта организация открыта всем странам, придерживающимся принципов демократии и рыночной экономики.

Вероятно цели всех стран, стремящихся к членству в Европейском союзе, те же самые: а) укрепить демократию, б) поднять благосостояние их народа и в) увеличить безопасность. Кроме того, без сомнения, хотят участвовать в общих европейских делах и увеличить свою значимость в отношениях с соседями. К аналогичным целям стремится и Европейский Союз, принимая новых членов в свое общество. Другими словами, Европейский Союз надеется, что страны-кандидаты будут создавать меньше проблем, если будут полноправными членами. Это, в свою очередь, предоставляет им и какие-то гарантии безопасности.

Как уже упоминалось, основная цель вступления в Европейский Союз - это демократия, благосостояние и безопасность. Если еще добавим, что демократия и благосостояние являются одними из самых основных компонентов внутренней безопасности страны, то можно смело утверждать, что членство в Европейском Союзе значительно увеличивает ее внутреннюю безопасность. Этого можно добиться через экономические, правовые и уче-

ные связи, а также через культурный обмен. Быстрое развитие экономики без сомнения уменьшило бы и общественные социальные распри. Аргументы о пользе вступления Литвы в Европейский Союз были предоставлены в статье L. Andrikiénė, A. Stančikas и K. Maniokas, напечатанной в периодической печати (6). Говоря о внутренней безопасности страны, в ней говорится, что членство в Европейском Союзе "... должно уменьшать социальные распри, консолидировать демократию, лучше защищать и от самой страны, которая иногда сама начинает угрожать безопасности граждан, должностные лица были бы вынуждены перенять уважение к человеку и безоговорочно поддержать традиции управления старых европейских демократий". Надо отметить, что наряду с внутренней безопасностью страны, еще есть и внешняя. Она более связана с оборонной силой страны и с возможностью быть членом более эффективного оборонного союза. Это особенно актуально для маленьких стран, таких, как Балтийские страны (7).

Невступление Балтийских стран в Европейский Союз имело бы отрицательное влияние не только на внешнюю, но и на внутреннюю безопасность Балтийских стран. В первую очередь это бы вызвало недовольство жителей проводимыми реформами, а тем самым и эффективностью молодых и неустойчивых принципов демократии, создало бы условия для укрепления позиций сторонников крепкой руки. Эти политические тенденции влияют и на расширение экономических связей стран со странами Европейского союза, вынуждают их вести более националистическую, независимую политику. Все эти факторы имели бы отрицательное влияние не только на сами Балтийские страны и на их безопасность, но и на стабильность не только в Балтийском морском регионе, но и во всей Европе.

Выводы

Членство Европейских государств в Европейском Союзе в первую очередь расширяет их экономические и политические связи со странами ЕС. Во-вторых, широкие экономические и политические связи с Западными странами дают гарантии безопасности. И третье, быстро развивающаяся экономика позволяет государству выделять больше средств на социальные потребности и создание системы охраны края.

Расширение ЕС - это историческая возможность мирно объединить уже десятилетия разрозненную и конфликтующую Европу. Расширение позволит стабильность и безопасность Европейского Союза внедрить в большую группу государств, консолидируя с 1989 года возникавшие политические и экономические изменения в государствах Центральной и Восточной Европы. Увеличивая стабильность и безопасность этих государств, Европейский Союз расширит возможности повысить благосостояние и укрепить мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Charter of Paris for New Europe. - CSCE Documents, 1990
2. Central and Eastern Europe on the Way into European Union/Ed. W. Weidenfeld. - Guresloh: Bertelsmann Foundation Publishers, 1996.
3. Rose R. New Baltic Barometer II: A Survey. - Glasgow, 1995. - P. 36.
4. Buzan B. People, States and Fear. - Worcester: Harvester Wheatsheaf, 1991. - P. 60.
5. NATO Review. - 1996. - Vol. 44 - No 5. - P. 21.
6. Andrikiénė L., Stančikas A., Maniokas K. Lietuvos įsijungimo į Europos Sąjungą nauda//Lietuvos aidas. - 1997. - lapkričio 29. - P. 5.
7. Bajarūnas E. Lithuania's security dilemma//Chaillot Paers. - Paris, 1997. - lapkričio 28. - P. 22.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-39 гг.)

В.С. Мисюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Положение крестьянина в Западной Белоруссии было достаточно сложным. Первая мировая война способствовала разорению деревни. Те, кто знал ситуацию до войны отмечали поразительную деградацию и обнищание быта крестьян. Почти достигнуто то состояние, которое можно было бы назвать натуральным хозяйством. Для освещения использовался фитиль, лучина, а в восточной части Полесского воеводства – вьюн, но даже их старательно экономили, используя в основном во время ужина. Спичку в целях экономии разделяли на две или даже четыре части. Крестьяне стали отказывать себе в покупке спичек, сахара, мыла и керосина. Участилось использование огнива и кремния. Единственное, от чего не мог отказаться крестьянин, это соль, но и та покупалась лишь в ограниченном количестве. Рацион, зачастую, был ограничен хлебом и картофелем. Вновь расширяется, прежде сократившееся, использование в качестве обуви лаптей. Лозу и дерево та часть крестьян, которая не могла позволить себе купить их после приватизации „сервитутов“, ворует в лесу. [1, 320; 12, 41]. Не имея возможности на протяжении длительного времени построить собственный дом, часть крестьян жила во временных землянках. Фабричные изделия вытесняются ремесленными, изготовленными в домашних условиях. Более трех четвертых необходимого (еда, обувь, одежда, инвентарь) производилось в самом крестьянском хозяйстве. Ремесло значительно ограничивало оборот средств на региональном рынке, отрицательно сказывалось на развитии местной промышленности. Приведенные сведения касались не только тяжелых послевоенных, но и последних лет существования Второй Речи Посполитой (1934-36 годы).

Крестьяне, традиционно, помещали свои сбережения в скот, оставляя наличными лишь малую часть. Основными статьями денежных расходов были уплата налогов, покупка промтоваров и оплата церковных обрядов. Последние различались в зависимости от прихода и, как правило, требовали вложения значительных сбережений. В д. Блаженской Дисненского повета священник требовал за венчание 120 злотых, в Мутьвицах Пинского повета – 100 [9, 4], в Турце Столбцовского повета – 153, д. Паутивилах Косовского повета – 65. Крещение ребенка стоило 4 злотых, выписка из метрики – 10, отпевание – 10, объявление – 15. Учитывая тот факт, что в Полесском воеводстве в 1930 году в большинстве известных случаев дома хранилось лишь 10 злотых наличными [15, 67], то цены церковных обрядов были для сельских жителей высокими и даже разорительными.

Оптовая торговля как явление в Западной Белоруссии отсутствовала. Связано это с тем, что крестьяне, как правило, не располагали крупными денежными суммами и ограничивались мелкими покупками. Но, даже на приобретение товаров в розницу, денег хватало не всегда. Товар в магазинах и на рынках зачастую не покупали, а обменивали. Слабость товарно-денежных отношений в Западной Белоруссии подтверждает существование натуральной оплаты за предоставляемые услуги. Самой распространенной натуральной единицей расчета выступал пуд ржи. За отпевание священник д. Ятра Новогрудского повета брал 6 пудов [4, 5], фельдшер за работу получал в среднем 4-5 пуда [5, 5] и т.д. Первоначально оплата за учебу в новогрудской гимназии составляла два пуда ржи в месяц [13, 10]. В последствии на свое содержание ученики гимназии ежемесячно вносили по полтора пуда ржи, два

пуда картофеля, десять фунтов круп, 2 килограмма сала и 3 злотых на покупку сахара [13, 33]. Как видно из представленного списка, плата вносилась продуктами, произведенными в крестьянских хозяйствах родителей учеников. Единственным из недоступных товаров, приобретаемых за деньги, был сахар. Натуральный расчет производился не только потому, что крестьянин не мог продать свою продукцию или не видел в этом потребности, но и потому, что работодатель, нанимавший все тех же крестьян, также зачастую не расплачивался с ними деньгами. Частично или полностью это мог быть расчет в пудах ржи либо иной вид оплаты, принятый в сословном обществе. К примеру, батрак в Дисненском повете Виленского воеводства получал в месяц в качестве оплаты 7 пудов ржи (примерно 24,5 злотых) [7, 3]. В Полесском воеводстве сельскохозяйственные рабочие могли получать деньгами лишь 5-6% заработка [11, 257]. Даже на лесоперерабатывающих предприятиях с крестьянами «чаще всего» расплачивались водкой [15, 36]. Помимо платы за работу существовала натуральная оплата в виде взятки и неучтенных официально заверенным контрактом расходов. Со слов современников, от необоснованных притязаний полиции «выкупиться можно было *только* (курсив наш) бутылкой самогонки» [6, 4]. Для того, что бы получить работу на очистке р.Гривды (Косовский повет), крестьянки вынуждены были мириться с сексуальным насилием со стороны инспекторов, а крестьяне – отдавать половину заработка или откупаться алкоголем [8, 4]. Отношения, не исчисляемые в денежном эквиваленте, ускользали от внимания статистики. Натуральная оплата составляла подводную часть айсберга экономики Западной Белоруссии. Ее существование лишний раз подтверждает то, что отношения между субъектами рынка зачастую строились вопреки классическим представлениям.

Демографические потери, понесенные местным населением за время Первой мировой войны, не решили проблемы малоземельных и безземельных хозяйств. Небольшие по размеру хозяйства ограничивали финансовые возможности большинства населения. Доходы сельского населения были невелики. В среднем в крестьянском хозяйстве в 1927-28 годах с гектара получали 209 злотых дохода. Исходя из того, что 70% (Полесское воеводство) – 86% (Новогрудское воеводство) крестьян обладали наделами до 10 га, их годовой заработок в лучшие годы не превышал 2000 злотых. Во время мирового экономического кризиса большинство хозяйств стали убыточными. В 1931-32 годах на каждый гектар приходилось 7 злотых убытка [12, 103]. Во время кризиса цены на сельскохозяйственную продукцию упали в среднем в 3 и более раза. При этом цены на товары, производимые за пределами региона (соль, сахар, керосин и т.п.), понизились незначительно. Сложилась ситуация т.н. «ножниц цен» (см.таблицу). Следует учитывать также, что цены на картофель и рожь в Полесском и Новогрудском воеводствах и без того были самыми низкими в государстве, а цены на промышленные товары - одними из самых высоких [15, 179-180]. Кризис сильно ударил по малоземельным хозяйствам. В среднем на одно крестьянское хозяйство до 10 гектар приходилось 250-400 злотых задолженности. Сумма задолженности была тем выше, чем мельче было хозяйство. С началом экономического кризиса она резко возросла. Нужда и нищета охватывала все большее количество хозяйств. Белорусский крестьянин в Виленском воеводстве, в хозяйстве которого работала только его семья не мог удовлетворить даже жизненных потребностей семьи (прокормить и одеть) [9, 1-2]. Возможности дополнительного заработка были весьма ограниченными.

Экономическая ситуация в Западной Белоруссии существенно отличалась от положения дел в центральных и западных воеводствах польского государства. Здесь наблюдался наименьший в государстве процент наемных рабочих в целом и занятых в сельском хозяйстве в частности. На Западную Белоруссию приходилось

около 3,5-4% всех батраков [14, 258]. В то же самое время в Познанском воеводстве более 1/3 всех наемных рабочих были заняты в сельском хозяйстве. Их количество в этом регионе в 5 раз превышало общее число батраков в Западной Белоруссии. Эта особенность связана с тем, что в Западной Белоруссии большинство крестьян продолжали работать лишь на себя в собственных хозяйствах, а крупные товарные хозяйства практически отсутствовали. Существенно отличались и условия жизни наемных рабочих. Если в Познанском, Поморском и Варшавском воеводствах для батраков строились отдельные от хозяйского дома постройки, то в Западной Белоруссии они жили в одном помещении с хозяином [14, 258-259].

В середине 20-х годов сложились благоприятные условия для вывоза из Западной Белоруссии леса. На лесозаготовке неквалифицированный рабочий мог рассчитывать на одну из самых высоких оплат труда. Заработок на транспортировке леса составлял 17 злотых в день (Браславский повет). Однако уже в ближайшие годы сумма заработка значительно сократилась до 13,7 злотых в 1928 году, 5,5-й в 1933 и 2-х в 1934. Произошло это из-за общего падения цен под влиянием мирового экономического кризиса. Даже получив работу на лесозаготовке, рабочие не были довольны своим положением, т.к. им было известно, что в западных воеводствах оплата труда в этой отрасли в полтора раза выше и условия работы лучше. На лесозаготовке сезонные рабочие сталкивались с ужасными условиями труда. В Вишнево Воложинского повета крестьянам не подвозили воду; рабочие вынуждены были пить ее из луж. Только от этого в лесу упомянутого имения умерло три человека. Неквалифицированный работник мог применить свои силы также на пилораме, строительстве дорог и строительных работах. Средний заработок рабочего в восточных воеводствах в 1927-28 годах составлял 1640 злотых. Эта сумма была бы сопоставима с заработком крепкого крестьянского хозяйства. Тем самым создавались благоприятные условия для оттока крестьян на производство. Однако в кризисные 1933-34 годы эта сумма снизилась до 796 злотых [14, 269]. Ситуацию усугубляла конкуренция на мировом рынке и отток инвестиций из страны. Уже в 1926 году, т.е. до мирового кризиса, более выгодные условия развития промышленности сложились в Румынии [4, 2]. Промышленники переносили свои предприятия туда. Это означало не только рост безработицы в Речи Посполитой, но и отсутствие перспективы развития крупных промышленных предприятий на территории Западной Белоруссии на протяжении неопределенно длительного времени. Мировой экономический кризис резко ограничил возможности отхожих промыслов, чем еще более сократил крестьянский семейный бюджет. Ограничение возможностей выезда на заработки и тяжелое материальное положение выступали факторами ограничения мобильности крестьянина. «В городе ему и бывать незачем. Нечего покупать. Не на что» [1, 320]. Не случайно понятия «тутэйший» и иммобильность стали словами-синонимами. Те, кто был вовлечен в деятельность национальных организаций и крупных экономических предприятий, находили возможность ездить по делам за пределы своей местности. Те же, кто пытался выжить, сохраняя полунатуральное хозяйство, оставались дома. Количество последних с каждым годом все более сокращалось.

Национальные институты действительно позволяли улучшить условия быта, повысить уровень образованности и экономической культуры. Процесс этот, тем не менее, был затяжной. На динамичность развития национальных структур серьезное влияние оказывали экономические возможности западнобелорусского крестьянства. Признанный лидер Новогрудского, Столбовского, Барановичского, Слонимского, Лидского и Воложинского поветов Якуб Мозоль столкнулся с трудностями во время организации белорусского комитета Краевого крестьянского конгресса. По договоренности с послами БСРКП, Мозоль возглавил белорусский комитет по подготовке Крестьянского кон-

гресса в Берлине. Однако население «недоброжелательно отнеслось к мероприятию, особенно из-за нежелания платить взносы» [2, 3]. Деньги были необходимы для того, чтобы делегат белорусов смог поехать на конгресс и там представлять свой народ. Т.к. Я.Мозоль был популярен, то причиной неудачи его начинаний в данном случае следует считать не национальный нигилизм, а исключительно тяжелое экономическое положение.

Крестьянское хозяйство постоянно ощущало нехватку денежных средств. Только они могли исправить ухудшение условий быта, низкую отдачу крестьянского труда, позволить рассчитаться с долгами и т.п. Экономический кризис еще более обострил упомянутую проблему. Финансовый пресс был как никогда высоким. «Ох, времена! Что б вы никогда не вернулись» [4, 5] – в этих словах корреспондента «Беларуской справы» выражена вся сложность экономических и культурных условий, в которых оказалось крестьянское хозяйство Западной Белоруссии в 20-30-е годы.

Пауперизацию крестьянского населения Западной Белоруссии невозможно было сдерживать такими мерами, как снижение цен на доставку в регион промышленных товаров и уменьшение суммы прямых налогов. Кризисные явления в крестьянском хозяйстве разрушали остатки натурального хозяйства, способствовали интенсификации ведения сельского хозяйства (применения удобрений и механизации), расширению рынка сбыта, установлению прочных связей между микрорегионами, структурированию экономических и национальных отношений в деревне. Опыт западнобелорусского крестьянства не был уникальным, этот же путь развития промышленных городов и становления национальных культур прошли в XIX веке большинство регионов западной и центральной Европы. Отставание в этом отношении Западной Белоруссии было обусловлено целым рядом внутренних и внешних причин. Кризисные явления 30-х годов имели свою положительную сторону – они подготавливали все большие и большие слои крестьянства интересующего нас региона к пониманию того, что разрыв в развитии различных регионов Европы должен быть (во второй половине XX века) преодолен.

ИСТОЧНИКИ:

1. Государственный архив Брестской области ф.1оп.9д.1182.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ф.551оп.1д.980.
3. ГАГО ф.551оп.1д.1209.
4. Беларуская справа.- 1926 - №4.
5. Беларуская справа.- 1926 - №6.
6. Беларуская справа.- 1926 - №12.
7. Беларуская справа.- 1926 - №14.
8. Народная справа.- 1928 - №37.
9. Народная справа.- 1928 - №10.
10. Родны край.- 1933 - №6.
11. Экономическая история Беларуси.- Мн.: Экоперспектива, 2003. - 400с.
12. Мацко А.Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918-1939 гг.). – Минск: Беларусь, 1972. – 335 с.
13. Чэмер А. Наваградская гімназія. – Вільнюс: Saverenas, 1977. – 133с.
14. Mały rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej 1939. – Warszawa: GUS, 1939. - 606s.
15. Tomaszewski J. Z dziejów Polesia 1921-39. – Warszawa: PWN, 1963. - 209s.

Сравнительная таблица цен на товары потребления в Западной Белоруссии в 1927-28 гг. и 1934 г. [11, 257; 6, 4; 3, 17].

Наименование товара	Среднестатистическая для Западной Белоруссии в 1927-28гг. цена (в злотых)	Цена (в злотых) в Слонимском повете в 1934 г.
Свинина (кг)	1,99	0,85
Пшеница (100 кг)	50,19	14,40
Рожь (100 кг)	39,14	9,9
Ячмень (100 кг)	34,61	10,2
Овес (100 кг)	34,00	9,6
Картофель (100 кг)	9,72	3
Керосин (литр)	0,6	0,4
Сахар (кг)	1,4	1

**БЕЛАРУСЬ, РОССИЯ, УКРАИНА: СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
(ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

Лысюк А.И.

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Беларусь, Россия и Украина переживают в настоящее время этап радикальной общественной трансформации, сопровождаемой острыми социоэкономическими конфликтами. На постсоветском пространстве эти конфликты, в первую очередь, имеют *материальное* звучание, выражаясь в степени (не)удовлетворения материальных потребностей граждан государств. Существует несколько измерений потенциала конфликтности в этой сфере в обществе. В первую очередь следует указать на показатель объективный - определение ВВП на душу населения. Согласно данным ООН (2000 г.) в России этот показатель составляет 8377 \$, в РБ - 7544\$, на Украине - 3816 \$ [2, с. 150]. По этому показателю Украина, по сравнению с РБ и РФ, является очевидным аутсайдером, что не может не создавать широкую зону/гамму недовольства общества действующей властью. Существует также показатель субъективный - восприятие гражданами собственных материальных проблем и трансформации материального положения.

Результаты социологических исследований свидетельствуют, что для основной части населения Беларуси в качестве приоритетных выступают как раз потребности материального существования. Так, согласно данным НИСЭПИ (2003 г.), наиболее острые внутренние проблемы, которые стоят перед страной и населением суть экономические: низкий уровень жизни - 40,7%, экономический кризис - 29,9%, инфляция, рост цен и коммунальных тарифов - 22,2%. Сравним: развитие демократии и гражданского общества - 11,7% [9, с. 7].

Для Беларуси характерно и то, что в изменении материального положения наблюдается позитивная динамика. Если в 2000 году, согласно результатам социологического опроса НИСЭПИ, об улучшении материального положения заявили 5,3% опрошенных, а об ухудшении - 59,9%, то в 2003 г. таковых оказалось соответственно 11,6% и 30,6% [9, с. 39]. В качестве виновников этого печального обстоятельства чаще всего назывались, согласно общенациональному социологическому исследованию, проведенному Общественным объединением «Логос» (2003 г.), органы государственного

управления: 45,7% опрошенных назвали правительство, 36,1% - президента, 32,3% - местные власти. Сравним: политические партии - 2,5%.

В связи с этим представляется логичным, что уровень политического доверия к А.Лукашенко должен коррелировать со степенью удовлетворения материальных потребностей граждан государства. В действительности это не так. Как отмечает О. Манаев, «никакой разницы между сторонниками и противниками президента по материальному положению нет... Парадоксальность ситуации усиливается тем, что... почти 70% сторонников президента живут в постоянном страхе остаться без работы». И тем не менее, «стабильная поддержка президента - бесспорный социологический факт» [6, с. 21]. Одновременно нарастание экономических трудностей не способствует росту рейтинга оппозиционных политических лидеров.

Материальные проблемы являются приоритетными и для общественного мнения России. Согласно результатам социологического опроса, проведенного Центром социологических исследований МГУ (2003 г.), 56,6% опрошенных оценивают уровень своих доходов «ниже среднего» и вынуждены экономить на самом необходимом или просто жить в бедности. Однако, как и в РБ, в изменении материального положения россиян наблюдается позитивная динамика: за прошедшее с 1999 г. время в два раза увеличилось количество людей, которые не испытывают особых материальных трудностей. Более того, россияне довольно-таки оптимистично рассматривают свои материально-финансовые перспективы: 23,1% опрошенных полагают, что через год их материальное положение улучшится. Об ухудшении высказались 12,3% респондентов. [8, с. 138-139]. Очевидно, что в РФ и РБ тонус материального беспокойства постепенно и поступательно снижается.

Несколько иная ситуация на Украине. В системе мотивов граждан этой страны так же, как и у граждан РБ и РФ, наблюдается очевидная доминанта материальных потребностей. Однако украинская ситуация обладает своей спецификой: на Украине наблюдается очень высокая степень неудовлетворенности материальным положением: 75,0% жителей Украины испытывают тревогу по поводу неукротимого роста цен, 64,9% - голода, 50,0% - холода в квартире и т.п. [7, с. 234]. Поэтому нельзя не согласиться с констатацией российских исследователей, что «неудовлетворенность экономическими результатами постсоветского развития на Украине выше, чем в России». [4, с. 85]. Добавим, что подобная неудовлетворенность выше и по сравнению с Беларусью. Обращает на себя также внимание пессимизм жителей Украины относительно перспектив их материального благосостояния: согласно эмпирическим данным Центра Разумкова (2002 г.), 80,5% опрошенных уверены, что материальное положение их семей либо ухудшилось (68,1%), либо не изменилось (12,4%) [1, с. 4]. Высокий уровень материального беспокойства на Украине является потенциальным источником конфликтов как между властью и населением, так и между работодателями и наемными работниками. Справедливости ради следует заметить, что в последние два года тонус материального недовольства несколько снизился. Конфликт интересов в этой сфере вызывает также негативная реакция общественного мнения на чрезмерную дифференциацию общества на богатых и бедных, на «неправедность нажитого богатства», что порождает у части общества ориентацию на перераспределение собственности, в том числе и незаконными методами.

Наше исследование в РБ (2003 г.) показало, что 59,2 % опрошенных считают, что «новые белорусы» присвоили богатство незаконным, часто криминальным путем. Только 18,9% респондентов полагают, что приобретенное ими богатство - это «результат их собственного труда».

Характерно, что жители Беларуси проявляют высокий «перераспределительный синдром»: на экспроприации неправедно нажитой собственности настаивает 47,4%

опрошенных. Интересен и тот социологический факт, что за экономико-правовое регулирование этой проблемы (введение особого налога на имущество) высказались 31,8% респондентов, а 15,4% выступают за то, чтобы «оставить все так, как оно есть». Очевидно, что популистские стратегии, направленные на «экспроприацию экспроприаторов», потенциально могут быть приняты примерно половиной населения Беларуси. Исповедуемый в этом социальном пространстве умеренный экономический эгалитаризм А. Лукашенко достаточно эффективен. К тому же он эмоционально подкрепляется начавшейся войной с российскими олигархами, активно освещаемой в информационном пространстве.

Ситуация в России несколько иная. В целом отношение к крупному бизнесу определяется доминирующей негативной установкой. По данным ФОМ, в первой половине июля 2003 г. более половины опрошенных (59%) были убеждены, что «олигархи» приносят стране «значительно больше вреда, чем пользы». Около 2/3 опрошенных россиян считают, что «большинство богатых людей в России — это воры» (65%) и, что «богатым можно стать, только нарушая законы» (61%). Выиграли же от приватизации, по их мнению, только теневые дельцы и чиновники.

Как следствие этого, по данным ВЦИОМ, в июле 2003 г. две трети опрошенных высказывались в поддержку полного или частичного пересмотра итогов приватизации. Полное возвращение государству всей приватизированной собственности поддерживают 37%. Частичную национализацию (в случаях доказанности нарушений закона при проведении приватизации) одобряют 31%. И только пятая часть опрошенных полагает, что итоги приватизации пересматривать не стоит. Таким образом, за национализацию в той или иной форме выступает 68% жителей России. Сравним: в РБ на экспроприацию настаивает меньшее количество — около 48%.

Очевидно, что в РБ отношение к богатым людям «мягче», чем в России, что объясняется, с одной стороны, отсутствием «олигархического сословия». С другой стороны, гораздо меньшей экономической дифференциацией общества. Так, согласно данным ООН, диапазон неравенства (богачейшие 20% к беднейшим 20%, 2000 г.) в РБ составляет 4,6, в РФ — 10,5, на Украине — 4,3. [2, с. 283]. Однако значительное недовольство общественности Беларуси экономическим расслоением сохраняется. Конфликтность в этой сфере снимается преимущественно нескончаемыми атаками лидера государства и его команды на бизнес-сообщество, что минимизирует конфликтность этой сфере.

Приведенные выше эмпирические данные свидетельствуют о потенциале конфликтности огромной силы, заложенной в чрезмерной экономической стратификации российского общества. Эту конфликтность в некоторой мере снимает нынешняя антиолигархическая политика правящего режима, однако эти попытки робки, непоследовательны, невняты и не решают проблему во всей ее целостности и противоречивости.

Очевидно также, что в Украине недовольство социальным расслоением ниже, чем в России. Проблема состоит в другом: государство не предпринимает реальных шагов для «деолигархизации» экономической жизни, что вкупе с колоссальным недовольством материальным положением большинства граждан Украины чревато социальными потрясениями.

Конфликты интересов имеют и свое социальное звучание. Как справедливо отметил, применительно к России, В. Левашов, «сравнительный анализ стратегических приоритетов политики и актуальных тревог респондентов показывает, что общество и государство пока не слышат друг друга... Их ориентации в жизни не совпадают по критерию социальной важности и очередности. Власть продолжает выстраивать стратегию политической практики в экономических категориях. Общество мыслит социальными категориями» [5, с. 34]. Значительное беспо-

койство населения РБ, РФ и Украины вызывают состояние здравоохранения, безработица и преступность.

Существуют ООНовские критерии оценки качества здравоохранения. Назовем некоторые из них. Так, расходы на здравоохранение на душу населения (2000 г.) в РБ составили 389 \$, РФ – 405 \$, Украина – 152 \$ [2, с. 255]. Коэффициент младенческой смертности (2001 г. на 1000 живорождений) в РБ составил 17, РФ – 18, Украина – 17. Зарегистрированный уровень материнской смертности (на 100 тыс. живорождений 1985-2001) зафиксирован в РБ на уровне 20, в РФ – 44, на Украина – 25. Продолжительность жизни (1995-2000) составила в РБ – 68,5 лет, в РФ – 66,1, Украина – 68,1 [3, с. 263].

По совокупности этих показателей лидером (пусть и не с явным преимуществом) является РБ. РФ и Украина имеют близкие показатели. Именно в последних двух странах состояние здравоохранения превратилось в актуальную социальную проблему.

Вопросы безработицы обладает достаточно высокой степенью остроты для Украины, где о своем страхе потерять работу заявили 84,9% опрошенных [7, с. 234].

Проблема преступности в различных ее вариантах и борьба с ней относится к числу ключевых в современной России. И острота этой проблемы не снимается. Так, отвечая на вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?», после «дороговизны жизни» (60%), 44% опрошенных назвали – преступность, 32% – наркоманию, по 31% – терроризм и безопасность, 8% – обострение межнациональных отношений [5, с. 34]. В Украине число респондентов, высказавших свою озабоченность высоким уровнем преступности, превысило две трети от их общего числа. Как следует из результатов социологических исследований, в современной Беларуси в общественном мнении проблемы преступности по степени своей значимости находятся на 5-6 месте. В своем большинстве общественное мнение страны полагает, что власть ситуацию в этой сфере держит под своим контролем.

Следует специально отметить, что для России все большую актуальность приобретает проблема террора. Если еще в апреле 2004 г. в ходе исследования ВЦИОМ терроризм в перечне важнейших проблем называли 15% опрошенных, то в сентябре этого же года уже 45%. Согласно февральскому исследованию (2004 г.) ФОМ 58% россиян уверены в том, что в регионе, где они проживают, может произойти теракт. Среди тех, кто считает, что это невозможно, половина все равно боятся стать жертвой терроризма. Только 32% граждан заявили, что власти предпринимают попытки по защите населения от террористов. 42% утверждали, что такие попытки не предпринимаются, еще 22% затруднились с ответом. Согласно эмпирическим данным Левада-Центра (2004 г.) 75% граждан считают, что власть не способна обеспечить их безопасность. В Беларуси и Украине террор и угроза террора не являются, в восприятии респондентов, актуальной социальной проблемой и если артикулируются, то только для соответствующих манипуляций.

Очевидно, таким образом, что современное украинское общество по большинству параметров конфликтнее белорусского и российского. В нынешней России наиболее актуальные зоны конфликтов находятся в пространстве социальной проблематики и экономической стратификации. В Беларуси социэкономические конфликты имеют тенденцию к сглаживанию, однако имеются существенные причины по поводу ее устойчивости и длительности. В современной Беларуси центр конфликтности все более перемещается в культурно-цивилизационное пространство.

Наряду с этим, потенциально, при сохранении нынешней внутренней политики конфликтность в РБ и РФ будут усиливаться, так как а) чрезмерное государственное вмешательство в экономическую жизнь неизбежно негативно скажется на ее эффек-

тивности, что приведет к обострению социальных проблем; б) все возрастающая элитизация общества объективно способствует его бюрократизации, а следовательно, приводит к отчуждению общества от власти; в) ослабление позиций гражданского общества неминуемо и неумолимо будет понижать потенциал креативности обществ Беларуси и России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гриценко А. Усе найкраще, як і раніше, попереду?!// Інформаційно-аналітичні матеріали до Народного форуму «За демократичний розвиток України». – Київ, 2002.
2. Доклад о развитии человека за 2002 год. Углублении демократии в разобщенном мире. – Нью-Йорк-Оксфорд, 2002.
3. Доклад о развитии человека за 2003 год. – Мн., 2003.
4. Лапкин В.В., Пантин В.И. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России// Полис, 2004, № 1.
5. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций// Социологические исследования, 2004, № 7.
6. Манаев О.Т. Белорусский электорат: за и против президента// Аналитический бюллетень БФМ. - 1998, № 1.
7. Прибыткова И.М. Межнациональные отношения и потенциальные конфликты в Украине// Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. – Харків, 2001.
8. Рязанцев В.В., Ионов А. А. Социально-политическая ситуация в России: мнение населения// Вестник МГУ, сер. 18 Социология и политология, 2004, № 3.
9. Тренды изменения белорусского общественного мнения по некоторым социально-экономическим и политическим проблемам// Новости НИСЭПИ, 2003, № 3.

OBRAZY UNII EUROPEJSKIEJ. WIZERUNKI INTEGRACJI POLSKI Z EUROPA PRZEDSTAWIANE PRZEZ MEDIA MNIJSZOŚCIOWE

Urszula Klimczuk

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Artykuł powstaje w momencie szczególnym – mija bowiem pierwsza rocznica wstąpienia Polski do struktur Unii Europejskiej. Na polskiej scenie politycznej jest to moment przygotowań do ważnych uroczystości, spotkań (15 maja 2005 – Parada Schumana, 16-17 maja 2005 – III Szczyt Rady Europy w Warszawie, by wymienić tylko niektóre z nich). Scena publiczna zaś, niewątpliwie więc scena medialna również, jest płaszczyzną podsumowań, bilansowania historycznej i symbolicznej – i nie mniej realnej w skutkach daty: 1 maja 2004 roku.

Obok więc dynamiki cen samochodów, żywności, ziemi, które to dobra ekonomiczne poddawane są analizie, interesujące wydaje się przyjrzenie się sytuacji podmiotów społecznych nie dominujących, co prawda, lecz stale obecnych na polskiej scenie publicznej – mniejszościach narodowych. Wraz bowiem z wejściem Polski do Unii Europejskiej 471,5 tys. (1,23%)¹ osób znalazło się w nowym dla siebie położeniu społecznym. Jak postrzegana jest przez mniejszość ta sytuacja? Czy w kategoriach szansy na lepszą przyszłość, czy raczej obawy przed nieznanym, a może definitywnie: jako zagrożenie?

¹ Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002; tu: Rozdział II. Struktura społeczna ludności, www.gus.pl.

Jaki jest stosunek mniejszości do Unii Europejskiej? Jakie są jej „obrazy” przedstawiane przez mniejszości: białoruską oraz ukraińską w tworzonych przez nie programach telewizyjnych – oto są kluczowe dla pracy pytania.

Specyfika materiału badawczego

Wstępnej analizie poddane zostały 132. jednostki programów mniejszościowych: „Tygodnia białoruskiego” oraz „Przeglądu ukraińskiego” nadawanych w Telewizji Polskiej oddziały w Białymstoku w okresie: listopad 2003 – grudzień 2004². Dobór materiału badawczego pod względem chronologicznym warunkowany był celem badawczym; analiza treści obejmować miała półroczny okres przygotowawczy: listopad 2003 – maj 2004 do wstąpienia Polski do Unii Europejskiej oraz okres „pierwszego bilansu” przypadający na kolejne – „unijne” już – sześć miesięcy: czerwiec 2004 – grudzień 2004, zgodnie ze słowami jednego z bohaterów programu, iż „(...) nie samo wejście [do Unii Europejskiej] będzie najważniejsze, ale raczej koniec roku” (marzec 2004, IV³).

Badaniem objęto więc ogółem 66. wydań (audycji) „Tygodnia białoruskiego” oraz taką samą liczbę wydań „Przeglądu ukraińskiego”. Każde wydanie (pojawiające się w zależności od liczby tygodni: 4 lub 5 razy w miesiącu) obejmuje zróżnicowaną – w zależności od mniejszości – ilość podejmowanych tematów, wątków tematycznych, treściowych. Ogółem dla obu mniejszości ich liczba to 324. wątki tematyczne. Należy przy tym zaznaczyć, iż wyodrębnione one zostały przez samych twórców programów – dziennikarzy przygotowujących archiwizowane w TVP raporty, dotyczące poszczególnych audycji. Wstępna zaś ich klasyfikacja została na tej podstawie dokonana przez autorkę publikacji. Niewątpliwie pogłębiona analiza treści poszczególnych audycji pozwoli więc na definitywną klasyfikację tematyczną, co może spowodować „przesunięcia” tematyczne analizowanych treści, niemniej jednak sama liczba poruszanych tematów nie zmienia się.

Obrazy Unii Europejskiej

Analiza treści przedstawionego materiału, zgodnie z założeniami metodologii badań społecznych, jest techniką właściwą badaniom jakościowym⁴, niemniej jednak nawet metody kwantytatywne mogą pomóc wstępnie nakreślić stosunek mniejszości do Unii Europejskiej. Tak więc na 324. wątki tematyczne poruszane przez mniejszości na przełomie roku 2003/2004, bezpośrednie odwołania do Unii Europejskiej występują 11. razy, co stanowi 3,39%. Na tej podstawie widać więc, iż – nawet w „unijnym” roku z punktu widzenia Polski – zainteresowanie Unią Europejską mniejszości Polskę zamieszkujących jest raczej niewielkie. Różnicując to zjawisko na poszczególne grupy narodowościowe widać, iż Białorusini w Polsce są zdecydowanie żywiej od Ukraińców zainteresowani tą kwestią, gdyż stosunek odwołań wynosi 10:1.

W celu zróżnicowania tytułowych „wizerunków” Unii Europejskiej, posłużmy się pogłębioną analizą treści programów mniejszościowych.

Należy wstępnie zaznaczyć, iż w analizowanym okresie pierwsze wzmianki o Unii Europejskiej w programach mniejszościowych pojawiają się wraz z początkiem 2004 roku. To zaś, co wskazuje przekaz językowy audycji, wyraźnie uwidacznia ówczesne postrzeganie, a zatem przedstawianie Unii Europejskiej, w kategoriach instrumentalnych: z jednej strony – i w prze-

² Analiza nie obejmuje dwóch audycji mniejszościowych: jednej z lipca 2004 roku oraz z jednej z listopada 2004 roku.

³ Informacje w nawiasach okrągłych pojawiające się po cytowanych wypowiedziach bohaterów programów telewizyjnych zawierają datę nadawania programu oraz rzymską cyfrą – kolejność programu w danym miesiącu.

⁴ Por. *Analiza jakościowa*, w: *Encyklopedia socjologii*, t. 1, Oficyna Naukowa, Warszawa 1998; Cartwright D. P., *Analiza treści przekazów masowych*, w: *Metody badań socjologicznych*, Nowak Stefan (red.), Warszawa 1965, s. 149-161.

ważającej części – jako źródeł dopłat dla rolników, z drugiej – dla ogólnie pojętych towarzystw, instytucji społeczno-kulturalnych reprezentujących poszczególne mniejszości. Tak więc Unia Europejska obrazowana jest jako „bodziec finansowy”, więc przede wszystkim postrzegana jest przez pryzmat pisania wniosków o dotacje, a zatem kojarzona jest z biurokracją, która – głównie przez rolników – jest negatywnie postrzegana. Często bowiem pojawiają się opinie o kłopotach, uciążliwościach z nią związanych, niejednokrotnie też o sceptycyzmie, czy też strachu przed nią. Ogólnie rzecz ujmując Unia Europejska to piętrzące się przed ludźmi „trudności formalne”, które stwarzane są przez: nie posiadanie przez nich umiejętności pisania wniosków, konieczność dodatkowych szkoleń, konieczność okazywania numerów identyfikacyjnych gospodarstw (kwiecień 2004, III).

Integracja Polski z nowymi strukturami Unii Europejskiej to niejednokrotnie także konieczność dezintegracji starych struktur, czego przykładem jest likwidacja przetwórnicy mięsa w Spółdzielni Produkcyjnej w Makówce i zerwanie jej współpracy z rolnikami. Unia Europejska z tej perspektywy to wymuszona zmiana (nierzadko też zerwanie) ściślej relacji między podmiotami rynku. Jest to więc swoista przemiana krajobrazu, niewątpliwie jednak krajobrazu społecznego, za którym czuje się sentyment, „którego żal”, jak mówią bohaterowie audycji (luty 2004, IV).

Unia Europejska to nie tylko synonim biurokracji, która „wzbudza strach”, to też niepewny partner, w obliczu którego uwidacznia się osobista niepewność podmiotów, pesymizm, brak wiary we własne możliwości: „tylko czekać na unijne pieniądze, które niewiadomo, czy my – podlascy rolnicy – otrzymamy” (czerwiec 2004, I). Niewątpliwie ciekawym i zaskakującym zjawiskiem jest to, że przywołanie Unii Europejskiej w atmosferze obaw strachu i wielkiej niewiadomej ujawnia też istniejące w świadomości bohaterów audycji głębokie podziały społeczne. Dotyczą one nie tylko domniemanych konfliktów między nowymi a starymi krajami Unii Europejskiej: „Stare kraje unijne, takie jak Niemcy czy Francja, na pewno chciałyby, aby więcej pieniędzy zostało u nich” (kwiecień 2004, III), lecz także uwidaczniają się podziały pokoleniowe: młodzież wiejska – starszyzna wiejska, a nawet klasowe, wyrażone w sposób niezwykle dobitny: „Czas najwyższy, żeby nasza kochana inteligencja, która jedzie z Białegostoku na wieś z opuszczonymi światłami, a wraca z podniesionymi do góry, bo z tyłu bagażnik załadowany po brzegi, żeby inteligencja pomogła rodzicom, kuzynom wypełnić wnioski” (luty 2004, I). Retoryka pretensji wynikającej ze strachu, wyrażona w niemalże histerycznej potrzebie pomocy i obawie przed pozostawieniem wsi samej sobie, pokazuje silną współzależność oraz jednocześnie jeszcze silniejszy kolejny podział społeczny – na miasto i wieś: „Jeśli wieś otrzyma pieniądze, to miasto też będzie się rozwijało” (luty 2004, I). Przywołane wypowiedzi bohaterów audycji mniejszościowych wyrażają więc pełne nadziei, ale równocześnie niewolne od obaw postawy niepewności, sceptycyzmu, nieufności kierowane pod adresem ogólnie pojętego podmiotu – Unii Europejskiej.

Tendencja do negatywnego przedstawiania wizerunku Unii Europejskiej trwała w miesiącach luty-marzec 2004 przełamuje się nieco w pierwszej marcowej audycji „Przeglądu ukraińskiego”, kiedy to ukazuje się szansę mniejszości narodowych na Podlasiu w finansowaniu ich działalności kulturalnej i stworzeniu, z inicjatywy reprezentantów mniejszości ukraińskiej, kulturalno-osiawiatowego centrum informacyjnego o mniejszościach na Podlasiu, finansowanego przez Unię Europejską. Dalej kwietniowe audycje przedstawiają Unię Europejską w kategoriach pomocy i bodźca integrującego liczne środowiska mniejszościowe w Polsce (tu: ukraińskie), działające w ochronie dziedzictwa kulturalnego i przyrodniczego Podlasia: „Dziedzictwo Podlasia”, „Towarzystwo Miłośników Ziemi Kleszczelowskiej”, „Stowarzyszenie Miłośników Kultury Ludowej w Czeremsku”, „Towarzystwo Przyjaciół Skansenu w Koźlinach”.

Należy też wspomnieć, iż Unia Europejska pokazywana jest w mediach mniejszościowych także przez pryzmat młodzieży i dwukrotnie obradującego w analizowanym okresie w Białymstoku Europejskiego Parlamentu Młodzieży (kwiecień 2004, listopad 2004).

Pozytywny obraz Unii Europejskiej najbardziej widoczny jest pod koniec 2004 roku, a zatem w okresie „pierwszego bilansu” integracji Polski z Unią Europejską, kiedy to ukazana jest chwalebna i godna naśladowania transgraniczna współpraca między Białostockim Towarzystwem Społeczno-Kulturowym a Rejonem Brzostowskim, finansowana przez Unię Europejską, obejmująca organizację „Biesiad przyjaciół” w Gródku, zapowiadająca w przyszłości nie tylko kulturalną, ale i ekonomiczną współpracę. Uwaga w tym czasie zwrócona jest także ku Euroregionowi Puszcza Białowieska i organizacji festynu w Hajnówce w ramach projektu: „Źródła przyjaźni. Poszukiwanie wspólnych ścieżek w folklorze i tradycji” oraz wcześniejszego udanego projektu, skierowanego do młodzieży: „Puszcza Białowieska – geniusz przyrody i talent człowieka na styku kultur” (wrzesień 2004, II). Na podstawie przywołanych przykładów można więc odnieść wrażenie, iż negatywnie dotąd przedstawiany obraz Unii Europejskiej nieco łagodnieje, nabiera „ludzkiej twarzy”, a procedury Unii Europejskiej jawią się problemem do pokonania.

Ostatecznie zaś w listopadzie 2004 roku, kiedy to rolnicy otrzymali pierwsze dotacje, Unia Europejska zostaje w mediach mniejszościowych zrehabilitowana. Obawy, strach okazały się płonne, a i z perspektywy dotrzymany przez Unię zobowiązań, uciążliwa biurokracja z nimi związana, jawi się jako zło konieczne: przykry, lecz nieuchronny element procedury. „Dzisiaj ci, którzy wypełniają dokumenty, którzy bawią się w biurokrację, dostaną pieniądze. Nastął czas, że trzeba zajmować się papierami” (listopad 2004, II).

Podsumowanie

Przywołane, nieliczne, przykłady obecności Unii Europejskiej w mediach mniejszości białoruskiej i ukraińskiej ukazują naturalny proces osvajania się ludzi z jej specyfiką, problematyką oraz zagadnieniami. Uwidaczniają, sporadyczne, co prawda, ale chyba znamienne etapy internalizowania w świadomości obywateli Polski nowego zjawiska, jakim jest integracja z Unią Europejską. Ogólnie rzecz ujmując, z punktu widzenia mediów mniejszościowych Unia Europejska rozpatrywana jest dość jednostronnie, ponieważ w kategoriach instrumentalnych, przede wszystkim więc jako szansa i źródło finansowe z jednej strony dla rolników, z drugiej zaś dla organizacji zajmujących się ogólnie pojętą działalnością kulturalno-oświatową wspierającą istnienie poszczególnych mniejszości. Kwestią przy tym, która wyraźnie się uwidacznia jest fakt, iż w analizowanym materiale w ogóle nie wspomina się o zobowiązaniach wobec mniejszości, jakie nakłada Unia Europejska na rządy państw krajów członkowskich. Co prawda „Unia nie ma wyraźnej polityki wobec mniejszości narodowych” i „nie miesza się w wewnętrzne sprawy polityki poszczególnych rządów wobec własnych mniejszości”⁵, niemniej jednak podpisane przez Polskę (nie wszystkie jeszcze ratyfikowane) akty prawne wymagają przestrzegania, są dla kraju członkowskiego zobowiązujące. Dla przypomnienia: Konwencja Ramowa o Ochronie Mniejszości Narodowych, Europejska Karta Języków Regionalnych i Języków Mniejszości, Europejska Konwencja Praw Człowieka, to są podstawowe dokumenty, których rządy, ratyfikując je, powinny przestrzegać. Wraz zaś z Konstytucją Rzeczypospolitej Polskiej, mniejszościom narodowym w Polsce gwarantują one: 1. równość wobec prawa, 2. swobodę do należenia do różnych grup, towarzystw, stowarzyszeń, 3. wyrażanie, zachowanie i rozwijanie tożsamości narodowej, 4. prawo do swobodnego porozumiewania się językiem narodowym, 5. prawa kulturalne (do istnienia instytucji kulturalnych), 6. swobodę stowarzyszeń, 7. wolność słowa, opinii, 8. wolność sumienia, myśli, religii, 9.

⁵ Prof. Andrzej Mirga, *Polska w Unii Europejskiej*, www.radio.com.pl/poloniam.pl.

rzeczywiste uczestnictwo w sprawach publicznych, 10. swobodne kontakty z macierzą (przekraczanie granic)⁶. Z tej perspektywy więc wejście Polski, a z nią „dziesięciu narodów i czterech mniejszości etnicznych”⁷ do struktur Unii Europejskiej „daje – jak wypowiadają się sami przedstawiciele mniejszości – wielką szansę mniejszościom, ponieważ rozwój skierowany na regionalizmy, na zachowanie tożsamości i kultury pozwoli (...) lepiej załatwić swoje sprawy”⁸. Tymczasem media mniejszości białoruskiej i ukraińskiej na Podlasiu, gdzie jest największy odsetek przedstawicieli tychże wspólnot, w analizowanym przez autorkę okresie oficjalnie nie wspominają o tym ani słowem. Unia Europejska nie jest więc okazją do wywołania idei o wielokulturowości narodu polskiego, akcentowania jego bogactwa kulturowego, konstytuowania kulturowego pluralizmu. Tym bardziej, że generalnie, wraz z wstąpieniem Polski do Unii Europejskiej, dostrzega się potrzebę dialogu międzykulturowego, przygotowywania społeczeństwa polskiego na zmierzenie się z wyzwaniem czasów najnowszych: obcością, wielorasowością, różnorodnością etniczną tak znaną dla społeczeństwa globalnego. Mówi się nawet o potrzebie „zaszczepienia w społeczeństwie innej optyki patrzenia na mniejszości narodowe”⁹. Niemniej jednak nie odnosi się wrażenia, by mniejszości narodowe: białoruska oraz ukraińska w tym szczególnym okresie postrzegały siebie w kategoriach „atutów”, bezcennych walorów w kontekście regionu, czy też kraju. Z czego wynika taka sytuacja? O odpowiedź niezwykle trudno. Być może jednak chodziłoby o przeformułowanie akcentów: Unia Europejska to szansa nie dana tylko mniejszościom, by zaistnieć na publicznej scenie regionu, czy kraju, a bodziec dany samorządom lokalnym, by bukiet kulturowy regionu rzeczywiście dostrzec i docenić.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Акинциц И.И.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

После распада Советского Союза и провозглашения Беларуси суверенной республикой произошли существенные изменения в характере деятельности практически всех религиозных объединений, а также во взаимоотношениях церкви и государства. Уже в 1992 году вступило в силу новое законодательство о свободе вероисповеданий и религиозных организациях, в соответствии с которым к началу 2005 года в республике функционирует около 3-х тысяч религиозных организаций. Согласно результатам конкретно-социологических исследований, ныне 50% населения являются верующими. В стране действует 12 духовных учебных заведений, 20 женских и мужских монастырей, 10 православных братств и 6 сестричеств, 16 миссионерских организаций. В религиозных общинах работает около 2,5 тысяч служителей культа.

Самой многочисленной является Белорусская православная церковь, которая насчитывает в своих рядах 80% всех верующих. Белорусский экзархат, возглавляемый митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, состоит из 10 епархий, кадры

⁶ Bogumiła Berdychiwska, *Uwarunkowania historyczne i prawne oraz obecność problematyki mniejszości narodowych i etnicznych, w Europie Środkowej i Wschodniej*, w: *Mniejszości narodowe i etniczne a media elektroniczne. Białoruś, Estonia, Litwa, Łotwa, Polska, Ukraina*, Białystok 2001.

⁷ Jan Dziadul, *Rzeczpospolita dziesięciu narodów*, w: „Polityka” nr 17/2005.

⁸ Romuald Mieczkowski, *Polska w Unii Europejskiej*, www.radio.com.pl/polonia/pl.

⁹ Tomasz Sajewicz, *Polska w Unii Europejskiej*, www.radio.com.pl/polonia/pl.

для которых готовят Минская духовная академия и семинария, а также Витебское духовное училище. Римско-католическая церковь имеет 14% от общего количества верующих, объединенных в 4 диоцезии. По решению папы римского Иоанна Павла II в Беларуси создана Конференция католических епископов (епископат) во главе с кардиналом К. Свёнтеком. Священников для этой церкви готовит Гродненская духовная семинария. Протестантизм в современной Беларуси представлен 15-ю течениями, которые объединяют около 4% всех верующих. Подготовка кадров служителей культа для этих течений происходит не только в Беларуси, но и в «ближнем» и «дальнем» зарубежье. Кроме того, в республике функционирует старообрядческое Древлеправославное религиозное объединение, включающее 26 общин поморского толка и 10 общин иных толков, действующих самостоятельно. Имеется также 13 общин греко-католической церкви (униатов). Поскольку греко-католическая церковь находится под патронатом Ватикана, деятельность этих общин курирует представитель Ватикана священник Ян Гаек. Ислам в республике представлен 24 общинами, иудаизм - 13-ю объединенными общинами и еще 8 общин прогрессивного иудаизма действуют самостоятельно. Восточные культы представлены 13 общинами (7 общин Международного Общества Сознания Кришны, 5 общин Баха Уллу и 1 община Оомото).

В постсоветское время заметно активизировалась религиозная жизнь, а также миссионерская деятельность всех религиозных объединений республики. Например, повышенная активность наблюдалась в деятельности христианских конфессий во время подготовки и празднования 2000-летия рождения И.Христа. Православная церковь широко отмечала 825-летие блаженной кончины преподобной Ефросинии, игуменьи Полоцкой. Католическая церковь вышла на авансцену религиозной жизни в связи с избранием на папский престол Бенедикта XVI. В постсоветское время проявляют активность протестантские течения и другие конфессии, имеющие своих последователей в нашей республике. Изменение общественных условий, а также положения этих церквей в Республике Беларусь побудили их приступить к перестройке своей деятельности.

Православные богословы в условиях системной трансформации белорусского общества осуществляют переход (правильнее сказать возврат) от модернизма к традиционализму и одновременно пытаются выработать догматическое обоснование не только возможности, но и необходимости участия их церкви в решении проблем, стоящих перед республикой. Эта концепция получила название «христианское служение миру». В соответствии с ней Белорусский экзархат наряду с духовно-нравственным воспитанием верующих стремится более активно участвовать в общественной жизни страны. Речь идет, прежде всего, об участии в культурном строительстве и воспитании подрастающего поколения.

В рамках концепции «христианского служения миру» православными богословами разработана программа «христианского служения семье», включившая религиозную интерпретацию воспитания детей, потребления духовных ценностей, использования свободного времени и т.д. В ней центральное место занимают вопросы создания «домашней церкви» (1 Кор. 16,19), под которой понимается превращение православной семьи в религиозную микрообщину с организованными, под руководством родителей, домашними молениями, изучением религиозной литературы, соблюдением религиозных обычаев, праздников и обрядов. По мнению православных священников, христианское служение семье – это забота об укреплении семейных связей рядовых единоверцев. При этом христианская семья как первичная ячейка воспитания в религиозном духе рассматривается в контексте функционирования православного прихода, призванного формировать у каждого верующего необходимые черты личности.

Реализуя концепцию «христианского служения миру», православная церковь Беларуси в последнее время все больше и больше сближается с официальными властями. Причем такое сближение наблюдается с двух сторон: церковь участвует в различных государственных программах, а государство – в деятельности церкви по духовно-нравственному воспитанию населения. Ярким подтверждением этому является выступление президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко во время торжеств, посвященных 60-летию великой Победы. В последнее время церкви пришлось пойти на модификацию идеи провиденциализма. В богословии это нашло отражение в замене понятия абсолютного предопределения божественным предвидением. Ныне в догматическом богословии безусловный характер божественной воли рассматривается не как определяющее начало частных человеческих намерений и целей, а как предопределение конечной цели бытия человечества, исторического процесса в целом. Такая модификация, по мнению богословов, дает возможность человеку в решении стоящих перед ним проблем поступать в соответствии со своей волей. «Свобода воли, – подчеркивает один из них, – Богом созданное свойство всякой человеческой личности, свойство неотъемлемое и ни от каких внешних причин не зависимое. Ни другой человек, ни общество, ни закон, ни государство, ни власть, ни демократия, ни тирания, ни ангелы, ни демоны, ни сам Бог – ничто не властно над свободой воли» [2, 56-57].

Разумеется, переосмысление идеи провиденциализма обусловлено не только сближением позиций церкви и государства в постсоциалистический период, но и изменением обыденного религиозного сознания. В сознании современных последователей православия наблюдается тенденция размывания ортодоксальных идей, их эволюция в сторону деистических и пантеистических представлений. А церковь стремится их корректировать, учитывая специфику конкретно-исторической ситуации и будущность обыденной религиозности. Современного верующего церковь рассматривает как «соратника Бога» в деле совершенствования его творения. При этом деятельность верующего характеризуется в двух аспектах – горизонтальном и вертикальном. Под горизонтальным аспектом православные богословы понимают комплекс общественно-исторических и социально-политических проблем, в решении которых принимают участие верующие. Вертикальный аспект означает связь этих проблем с основными идеями и догматами православия. Таким путем, по их мнению, осуществляется осмысление верующими реальных жизненных вопросов сквозь призму православного вероучения.

В соединении этих двух аспектов православные богословы не только видят решение проблемы «христианского служения миру», но и определяют пути укрепления религиозности рядовых верующих. «Христианскому самосознанию, – подчеркивает другой богослов, – свойственно рассматривать факты и явления не в одной лишь горизонтальной проекции, но постоянно горизонтальное видеть в свете вертикального, то есть в проекции вхождения в этот мир царства божия» [3, 62].

В православном богословии указывается на необходимость «быть контекстуальным и чувствовать ветер перемен». «Контекстуальность» на уровне клира означает учет особенностей современных социальных условий, в рамках которых церковь активизирует свою деятельность. «Новый церковный и социально-политический контекст в постсоциалистическом обществе, – заявил во время инаугурации Бенедикта XVI заведующий отделом внешних церковных связей Московской патриархии митрополит Кирилл, – позволяет нам успешно реализовывать опыт христианского свидетельства. Мы прилагаем усилия, чтобы истины ортодоксии постоянно воплощались в жизнь». Ярким примером «контекстуальности» является миротворческая деятель-

ность православной церкви, сотрудничество с государством в деле культурного строительства, воспитания подрастающего поколения. Клир кровно заинтересован в мире, благосостоянии и процветании республики.

Для католической церкви в Беларуси начался новый отсчет времени с 30 октября 1994 года, когда Иоанн Павел II назвал имена 30 новых кардиналов, среди которых был К. Свѣнтек. Он, наряду с решением организационных вопросов, определил главное направление деятельности католической церкви в Беларуси. Прежде всего он обратился к антропологии. Исходным пунктом его антропологических рассуждений стала философия религии, в которой человек является бытием, предназначенным «к бытию, призванному и наставленному Богом». На смену традиционной космоически-народной религиозности К. Свѣнтек выдвигает антропоцентризм, в котором главной является идея будущности мира и места человека в нем. Важнейшим отличием новой формы индивидуальной религиозности становится вера в тесную связь личностного Бога с индивидуумом, а также новое понимание религиозных обрядов и вытекающее из этого более универсальное понимание церкви. Такая социальная политика католической церкви основывается на энцикликах Иоанна Павла II «Редemptor hominis» и «Сентезимус аннус». В первой из них утверждается, что мораль современников значительно отстает от темпов развития материального производства. Преодолеть разрыв между техническим прогрессом и нравственной отсталостью можно лишь с помощью личной веры, в условиях соблюдения моральных требований во имя вечного спасения. Во второй энциклике утверждается, что в реальном виде социализм был «государственным капитализмом», направленным против «экономической и гражданской свободы». Исправление деформированных социализмом форм общественной жизни должно начаться с перестройки морали граждан, с уничтожения «homo sovietikus». Только после этого можно установить взаимные отношения между личностью и государством. Именно в этом русле ныне действует католическая церковь в Беларуси.

Деятельность протестантских объединений в белорусском постсоциалистическом обществе обусловлена концепцией построения «ответственного общества». Это понятие было введено в протестантское богословие на первой Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей (Амстердам, 1948г.) с целью выражения христианского общественного идеала, приемлемого для любой социальной группы, независимо от ее общественно-политической ориентации. Этим понятием определялось общество, в котором «свобода является свободой людей, признающих ответственность перед справедливостью и общественным порядком, и где те, кто имеет политический авторитет, и экономическую власть, ответственны за их применение перед Богом и народом, ибо их благосостояние зависит от последних». Исходя из данного определения, становится понятным, что ответственное общество – это, не столько программа, сколько общий лозунг. Однако в нем содержится установка на личную ответственность каждого протестанта за совершаемые действия [1, 218-219]. В постсоциалистической Беларуси протестантские идеологи, поддерживая идею ответственного общества, постоянно напоминают рядовым единоверцам о необходимости строгого следования вышеуказанной установке при совершении тех или иных поступков.

В отличие от православных и католических богословов протестантские идеологи неизменно подчеркивают, что их социальная доктрина не является целостной, завершенной, поскольку евангелического учения об обществе как такового, по их мнению, вообще быть не может. Поэтому в современных условиях в постановке социальных проблем, их оценках и выводах у них нет единой концепции. А это, несомненно, отражается на характере веры и социально-политических взглядах рядовых единоверцев.

Разумеется, политические симпатии и социальные принципы современных верующих, их гражданская позиция формируются под воздействием всего комплекса религиозных факторов. Но даже тогда, когда они, казалось бы, руководствуются глубоко религиозными принципами, на самом деле эти верующие в своеобразной форме выражают социальный интерес и определенную общественную тенденцию. Следовательно, не только религиозная вера, но и секулярные принципы влияют на их гражданскую позицию. При этом следует учитывать, что около 50% населения республики остается на позициях свободомыслия. Поэтому новые тенденции, явно прослеживающиеся в богословских построениях и практической деятельности клира, не всегда находят отклик в среде обыденной религиозности.

Вместе с тем в условиях системной трансформации белорусского общества происходят существенные подвижки в социально-политических взглядах верующей части населения республики. Благодаря этому формируются предпосылки преодоления неприятия верующими секулярной части общества по моральным мотивам. Социальные цели и приоритеты, нравственные ценности одной и другой группы населения все более и более сближаются. В результате формируется единство всего белорусского общества, которое с необходимостью должно подняться на принципиально новый уровень цивилизации.

1. Акинчич И.И. Современный верующий. - Брест, 1999.

2. Журнал Московской патриархии, - 1994, № 5.

3. Журнал Московской патриархии, - 1981, № 1.

РОЛЬ МОТИВАЦИОННОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

Куш А.Л.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

После распада СССР и образования на постсоветском пространстве самостоятельных республик встал вопрос об их дальнейшем развитии. Учёными, политическими деятелями, представителями разных слоёв интеллигенции как вне, так и внутри страны высказывались разные точки зрения по поводу развития этих государств. Доминирующими, однако, стали идеи активной либерализации экономики и установления рыночных отношений, активной приватизации и доминирования частной собственности; создание новой правовой базы и, фактически, создание иного общественно-политического строя (Balcerowicz L.). Уже тогда для некоторых исследователей, особенно в нашей стране, было очевидно, что эти идеи, будучи реализуемы теми способами и в том объёме, как это предлагалось, не приведут к должным успехам в развитии этих государств и, как показала практика, там, где они активно внедрялись, это привело к серьёзным нарушениям в функционировании экономики, правовой и государственной сфер, общества в целом (Frydman R.). В качестве тех или иных примеров можно привести все постсоветские государства, за исключением прибалтийских стран. Одним из таких наиболее ярких примеров является Россия. Причём ситуация в этих государствах, если брать за основу оценки индекс человеческого развития, после проведения известных преобразований, восстанавливается очень медленно и ещё далека до той, которая имела место в былом СССР.

Причин таких неудач несколько, но главная заключается в том, что реформирование страны зависит от многих факторов, - это состояние и тип её экономики; мен-

талитет, традиции, культура её народа; тип социальной структуры и социальных отношений; социальные институты, существующие в стране; политическая структура страны; настроения, ожидания, ценности и социальные идеалы, функционирующие в обществе и другие (North D., Weber M.). Привнесённые извне идеи оказались далеко не всегда соответствующими состоянию факторов, имеющим место в этих странах. То, что оказалось полезным для стран Восточной Европы, не оправдало своих ожиданий для стран постсоветского пространства. Это связано с особенностями вышеперечисленных факторов, которые в странах Восточной Европы в большей степени соответствовали указанному типу реформ. Что касается наших стран, то основной философией и стратегией преобразований должно быть последовательное, продуманное, сбалансированное и постепенное реформирование экономики, на основе существующего экономического потенциала, с учётом внутренних особенностей страны, долгосрочной перспективы и передового опыта развитых стран. Обеспечение реформ требует разработки и проведения экономической и промышленной политики на уровне государства. (Павлючук Ю., Патолатов Д., Раздерищенко В.). Подобным путём шёл Китай. У нас же такой путь, при нашем экономическом, кадровом, геополитическом потенциале, мог бы быть пройден значительно эффективнее и быстрее.

Там, где в реформировании страны учитывались названные факторы, ситуация не была столь разрушительной. Одним из таких примеров является Беларусь. Здесь, несмотря на многие ошибки и недочёты, отсутствие своевременных и необходимых преобразований в жизни государства и общества в самом начале 90-х, очень сложную ситуацию середины 90-х, экономика сохранила основную часть своего потенциала, что заложило основания её для последующего развития. Вместе с тем, долгое время деятельность правительства по большей части была направлена на сохранение существующего экономического строя и его реформирование в направлении развития современной экономики было явно недостаточным. Можно сказать, что это реформирование только начинается, и многие верные шаги со стороны государства, которые предпринимаются сейчас, будучи предприняты ранее, были бы значительно эффективнее. В частности, имеется в виду защита и поддержка своего производителя, помощь предприятиям в организации производства со стороны государства, создание соответствующей правовой и экономической среды в стране, борьба за внешние рынки сбыта. Сюда также можно отнести и создание идеологии единства, развития и процветания страны, господства в ней принципов социальной справедливости и трудовых доходов граждан и другие.

В этой работе мы остановимся на одном из основных, но пока ещё в недостаточной мере задействованных факторов развития экономики страны, - мотивации предприятий, их персонала на эффективное решение стоящих перед ними и перед экономикой в целом задач. Проанализируем сущность этого фактора, а также особенности и формы его влияния на процесс развития предприятия, а поскольку предприятие является ключевым звеном экономики, то и на развитие экономики страны. Для начала определимся с тем, что мы будем понимать под мотивацией. *Мотивация* - это комплекс мер и деятельность по их реализации, целью которых является активизация личности или коллектива на решение стоящих перед ними целей и задач. Основными способами мотивации являются *нормативная мотивация* как побуждение человека к определённому поведению посредством идейно-психологического воздействия, путём убеждений, внушения, информирования, психологического заражения и т.п.; *принудительная мотивация*, основывающаяся на использовании власти и угрозе ухудшения положения мотивационного объекта в случае невыполнения им соответствующих требований; *поощрительная мотивация* как воздействие на моти-

вационный объект с помощью различного рода благ, побуждающих его к определённому поведению. [Маренков]. Говоря о роли мотивации в обществе, заметим, что поскольку понятие мотивации относится к человеку, социальной группе, обществу в целом, и все они являются основной движущей силой развития общества на всех его уровнях, то можно сказать, что фактор мотивации является ведущим в развитии всех элементов структуры общества.

Итак, основной задачей мотивационной политики государства должны стать организация деятельности персонала на предприятиях различного профиля и разных форм собственности, но, прежде всего, государственной, направленной на максимальное повышение эффективности их деятельности в переходных условиях. Иные факторы, такие как приватизация, создание рыночной среды, разработка правовой базы, политическая и экономическая ситуации в стране и другие имеют, в данном случае, хотя и важный, но опосредованный, а зачастую и вторичный, характер. Одна из основных проблем современных предприятий заключается в отсутствии прямой и, даже можно сказать сильнее, кровной, заинтересованности работников предприятия и, прежде всего, его руководства, в его эффективной деятельности. На предприятиях всё ещё в значительной степени присутствует административное управление со стороны государственных органов, что сдерживает их инициативу и манёвр. В этих условиях необходимо создание такой философии и таких условий хозяйствования, в рамках которых приоритетным вопросом является не вопрос, кому принадлежит предприятие, а вопрос как оно работает; какую продукцию оно производит, какую пользу и какой доход оно приносит его работникам и обществу в целом. Для работника предприятия это означает, что эффективно действующее предприятие играет для него роль главного кормильца, что является для него главным стимулом к добросовестному труду.

Что необходимо сделать для реализации этих идей на практике. Прежде всего, должна быть создана ситуация, когда трудовой доход каждого работника будет гарантирован по минимуму, то есть должен быть определён базовый уровень оплаты труда работника, ниже которого он оплачиваем быть не может. Этот минимум оплаты труда работника должен быть сравним с прожиточным минимумом в стране, иначе труд работника потеряет эффективность. Далее, доход работника должен напрямую зависеть от доходов предприятия с дифференциацией по рангу и значимости вклада этого работника. Уровень оплаты труда работника разной квалификации и ранга отражён в Единой квалификационной тарифной сетке. Однако главным и существенным её недостатком является очень слабая дифференциация оплаты труда работников. Разбежка между оплатой труда самого низкоквалифицированного работника и руководителя предприятия составляет всего немного более двух раз, а необходимо было бы более пяти. Можно только сравнить степень ответственности и вклад этих двух людей и должностей, степень зависимости эффективности функционирования предприятия от их деятельности, чтобы сделать неутешительные выводы о том, что это не только несправедливо, но и оказывает скорее негативное, нежели позитивное влияние на эффективное развитие предприятия.

Особое внимание следует уделить поощрительной оплате персональной (за квалификацию и успехи в труде конкретному работнику) и коллективной (из прибыли предприятия его работникам в соответствии с трудовым вкладом и влиянием на процесс работы предприятия). Чем весомее будет эта прибавка, тем активнее будет степень мотивации работника. Причём, поощрительной оплате следует придавать особое значение, прежде всего, в отношении руководителей предприятия, его ключевых фигур, оказывающих прямое влияние на эффективность его деятельности. Оплата труда их должна быть направлена, прежде всего, на получение прибыли и, в случае её получения предприятием,

оплата их труда должна быть достаточно высокой. Это мощный мотивирующий фактор для того, чтобы развивать производство и зарабатывать на этом большие деньги, нежели потихоньку спекулировать своей должностью и получать незаслуженные премии, как это зачастую сейчас и происходит.

Важным фактором мотивации руководства предприятия является его выборность коллективом предприятия, с условием утверждения кандидатур со стороны государственных и ведомственных органов, имеющих к нему прямое отношение. Разумный баланс между всеми сторонами позволяет выбрать достойных руководителей. Одним из факторов мотивации предприятия на сбалансированное распределение ресурсов, выбор правильной стратегии развития, на справедливое распределение доходов является деятельность Наблюдательного совета, в состав которого должны быть включены представители различных его подразделений, его акционеров, кредиторов, собственников. Немалая роль отводится и активной деятельности такого важного документа, регулирующего трудовые, экономические и социальные отношения на предприятии как Коллективный договор. В указанных видах мотивации выступают главным образом такие её способы как принудительная и поощрительная мотивация.

Немалая роль принадлежит и нормативной мотивации. Она включает идеологическую и информационную деятельность государства по внедрению в практику и задействию прогрессивных моделей и методов реформирования и развития предприятий, разработку и внедрение философии и идеологии предприятия, его атрибутики, форм и методов морального и административного стимулирования, изучение его истории, создание брендов, воспитание работников в духе гордости за своё предприятие и преданности ему, в духе ответственного отношения к труду. Создание на предприятии собственной корпоративной культуры, выполнении принципов справедливости, честности, уважения к достоинству его работников.

Помощь государства предприятиям заключается в разработке общей стратегии их развития и управления, мотивации их персонала, адаптации в сложившихся экономических условиях, в постановке их целей и задач, разработке общих путей и способов их развития и функционирования в рамках общего хозяйственного механизма. Такая стратегия, вместе с реальной защитой и помощью предприятиям, способна вывести их из кризиса, а значит вместе с ними и всю экономику страны.

Для работников предприятия и внешних, по отношению к нему, лиц предприятие должно быть не формой и предметом распределения собственности в условиях и в эпоху трансформации, а, прежде всего, источником их дохода и, от того как это предприятие будет работать, кто и как будет им управлять, какова будет экономическая среда, в которой оно функционирует, какова будет экономическая и управленческая свобода в принятии тех или иных решений на предприятии его руководством, от заинтересованности персонала в его развитии, будет зависеть его функционирование и доход его работников.

ЛИТЕРАТУРА

- Маренков Н.Л., Алимарина Е.А. Управление трудовыми ресурсами. Серия «Высшее образование». Москва: Московский экономико-финансовый институт. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2004.
- Павлючук Ю.Н., Козлов А.А. Государственное регулирование экономических процессов в условиях перехода к рыночным отношениям. // Проблемы совершенствования политической системы Беларуси на рубеже XX-XXI веков: Материалы научной-практической конференции 6-7 июня 2001 / Брестский государственный технический университет. – Брест, 2001. – С. 21- 24.

• Патопатов Д.А. Гражданское общество в республике Беларусь: социокультурные основания институционализации. // Проблемы совершенствования политической системы Беларуси на рубеже XX-XXI веков: Материалы научно-практической конференции 6-7 июня 2001 / Брестский государственный технический университет. – Брест, 2001. – С. 21- 24.

• Раздерищенко В.Н. Роль государства в формировании материального стимулирования труда на предприятиях. // Проблемы совершенствования политической системы Беларуси на рубеже XX-XXI веков: Материалы научно-практической конференции 6-7 июня 2001 / Брестский государственный технический университет. – Брест, 2001. – С. 21- 24.

• Balcerowicz Leszek. Socialism, Capitalism, Transformation. – Warszawa, 1995.

• Frydman Roman, Murphy Kenneth, Rapaczynski Andrzej. Capitalism With a Comrade's Face. // Transition. – 26 January 1996.

• North Douglass C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge, 1990.

• Weber Max. The National State and Economic Policy. // Economic and Society. – November 198. – Volume 9. – Number 4.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГО ОБЩЕСТВА

Лапина И.А.

Академия управления при Президенте РБ, г. Минск, Беларусь

Ознакомление с преступлением зачастую происходит постфактум. Это одинаково верно и для работника правоохранительных органов, призванного защищать общество и его членов от преступных посягательств, и для исследователя, независимо от преследуемых им научно-практических целей. Система преступления статически закрепляется во всевозможных отображениях, образуемых в результате взаимодействия участников события с окружающим миром, поскольку каждое преступление совершается в конкретных пространственно-временных рамках. Особенно значимым является в данном случае свойство преступления отражаться в окружающей среде и испытывать обратное воздействие окружающей действительности. Событие преступления материализуется в следах, приводя в действие различные механизмы следообразования, ведущие к изменениям внешних условий.

Механизм следообразования существенно влияет на объём криминалистической информации, источники которой формируются в процессе преступной деятельности. Особую роль в нем играет фактор времени. Во-первых, как условие взаимодействия отражаемой и отражающей систем; во-вторых, как одна из характеристик полученного отображения. В первом случае качественные и количественные показатели следов позволяют судить о преднамеренности или случайности совершенного преступления, об ориентировке преступника в окружающей среде, о степени его знакомства с потерпевшим. Например, в темное время суток, плохо зная обстановку, трудно совершить тайное похищение имущества, что приводит к хаотичному расположению следов (отпечатков пальцев, в частности) в доме потерпевшего. Не зная точного маршрута движения и внешности жертвы, сложно отличить её в толпе людей под покровом темноты – для этого надо быть хорошо с ней знакомым. Зная такой важ-

ный параметр как «возраст» следа («возраст» чернил на документе, например) можно сделать предположение о его подлинности, либо, наоборот, подложности.

Характер следа, кроме того, определяется типом взаимодействия, которое может быть простым и сложным, непосредственным (контактным) и опосредованным (бесконтактным). При механическом взаимодействии – это остаточная деформация в виде объемных следов, перераспределение в виде объемных и поверхностных следов, разрушение в виде пробоин, проколов, разделение в виде частей объектов; при биологическом (генетическом, физиологическом) – фенотип, остаточные вещества ссадины и др.; при психическом – образ; при социальном – структура личности.

Наряду с изучением отражений преступления в целом, криминалистикой изучается и отражение каждого элемента его структуры. На этом этапе происходят проявления в процессе функционирования и взаимодействия с другими системами. При анализе следов взаимодействия объектов материального мира изучаются механизмы следообразования, особенности следообразующего объекта, возможности его идентификации. При исследовании отражений человеческой деятельности можно определить физиологические свойства, профессиональные навыки субъекта, что расширяет возможности его идентификации.

В настоящее время круг отражений, с которыми приходится сталкиваться в процессе расследования, значительно расширился. Это связано, во-первых, с появлением и использованием (не только в преступной деятельности, но и, прежде всего, в обществе в целом) новых научно-производственных технологий; а, во-вторых, с развитием и усложнением познавательных процессов в результате одноименных изменений в социальной реальности, «субъект – объектных» отношениях.

Как следствие подобных явлений, в криминалистике стали появляться новые специальные разделы. В свое время так сформировалась хелиоскопия – раздел, в котором исследуются возможности идентификации человека по следам губ. Результаты трехлетних исследований японских ученых, итогом которых стал вывод об индивидуальности и неизменности кожного рельефа поверхности губ, были впервые опубликованы в 1974 году [4, с. 233 – 248], хотя успешная попытка идентификации человека по следам губ была предпринята в 1961 году в Венгрии при обнаружении на месте убийства хорошо сохранившегося отпечатка на застекленных дверях [3, с. 543 – 546].

Одним из новейших направлений, которое может быть использовано в работе со следами, является имплантоскопия [2, с. 185]. Подобной практики пока нет, но возможности использования результатов исследования имплантатов для идентификации человека очевидны. Это связано с ростом их применения в хирургии и особенностями самих имплантатов. Они используются в качестве фрагментов кости в ортопедии, челюстно-лицевой хирургии, стоматологии и, как правило, изготовлены из металла. Помимо характерных особенностей, полученных при изготовлении, имплантаты содержат надписи, которые при правильном прочтении могут оказать существенную помощь при идентификации трупа, либо, с использованием рентгенографии, идентификации живого лица.

Круг материальных объектов, которые могут стать источником криминалистически значимой информации, и их классификация были усложнены и дополнены документами, свидетельствующими о преступлении (черновые записи и долговые обязательства, отражающие криминальное движение денежных средств и иных ценностей; поддельные банковские документы; двойные накладные; расписки о незаконном отпуске товаров и других материальных ценностей; поддельные рецепты на получение наркотикосодержащих лекарственных средств; бланки строгой отчетно-

сти) и следами-предметами, оставленными, забытыми или утерянными преступниками на месте происшествия.

Однако деятельность человека – это не только физические действия с предметами, она наделена еще и социально-психологическим содержанием. Человеческая способность к рефлексии приводит к более сложным изменениям в окружающей действительности, чем материальные результаты отражения события преступления на предметах. Чувственное и рациональное восприятие окружающей действительности, свойственные человеческому сознанию, позволяют анализировать происходящее и, как следствие, получать информацию, которая может иметь значение для расследования преступления, если воспринятое событие – преступное деяние либо его элементы.

Вместе с этим, изучение подобных отражений свойственно криминалистике лишь отчасти и является предметом исследования других наук (психологии, этики, криминологии, социологии). Вопрос применения метода криминалистической идентификации в работе с интеллектуальными запечатлениями образов объектов долгое время являлся спорным. Такое широкое понимание идентификации считалось неоправданным во всех случаях, кроме экспертного установления тождества средствами криминалистической техники по материальным отображениям, т.к. ее объектами признавались лишь вещественные, материальные объекты. Однако практика расследования убедительно доказала, что нельзя не включать в круг объектов идентификации идеальные образы-отображения.

Если принимать во внимание исключительно психофизиологические особенности личности, то вполне справедливо привлекать для оценки тех или иных обстоятельств дела или идентификации лица специалиста-эксперта, но «установление тождества или отсутствия тождества как времени, на которое делается ссылка (проверка алиби), так и мотива, который указывается обвиняемым, обычно не требует обращения к экспертизе, и ответы на эти вопросы следователь находит сам, сопоставляя различные обстоятельства дела». В подобной ситуации необходимо правильно оценить информацию, переданную другим лицом следователю, а также информацию, почерпнутую самим следователем из изменившейся социальной обстановки. Субъективность таких оценок и позволяет некоторым ученым-криминалистам концентрировать внимание лишь на материальных отображениях, указывая на несостоятельность и информационную незначительность идеальных следов.

При оценке идеальных отображений необходим анализ не только самих фактов, переданных конкретным лицом в устной или письменной форме, но и личности самого субъекта. Критериями анализа в данном случае не могут быть только биологические показатели, но должны быть и социальные характеристики, так как человек – не только биологическое существо, но и активный участник социума. Его деятельность, как законная, так и противоправная, не только отражается на материальных объектах и их связях, в идеальных образах и ассоциациях, но и находит свое отображение в общественных связях и отношениях, в социальной обстановке, являясь результатом многоступенчатой рефлексии действующего субъекта над самим собой и действиями других. Эти отражения по своей природе – социальные. В расследовании преступления в первую очередь было обращено внимание на такие отображения в связи с необходимостью работы с документами.

Системы документов, как одна из групп социальных отражений, характеризуются наибольшей информативностью и, следовательно, полезностью для следствия. В качестве источников таких сведений могут быть использованы как материалы уголовных дел, дел административного производства, так называемые «отказные» материалы, книги учета и журналы заявок системы МВД, так и журналы регистрации

вызовов «Скорой помощи», журналы приемных покоев больниц и т.д. Почерпнутая из них информация, не имея доказательственного значения, может быть полезна при розыске преступника и выдвигании следственных версий (позволит, например, сделать предположение о личности преступника на основании схожести определенных элементов содеянного).

Однако, считая социальными отражениями лишь системы документов, можно сделать ошибочный вывод о чрезвычайной и единственной значимости формальной, «бумажной», стороны человеческой жизни, в то время как социальное взаимодействие имеет массу проявлений, самых различных по содержанию и качеству. Документирование же является лишь одним из таких проявлений, кроме этого социальное взаимодействие включает в себя многочисленные формы вербальной и невербальной коммуникации. Невербальная коммуникация, включающая в себя мимику и жесты, должна быть оценена не только и не столько с позиции психологических закономерностей, но и влияния социального фактора, который в настоящее время становится более значимым, чем врожденные и приобретенные личностные характеристики.

Изучение внешнего облика человека, его анатомических и функциональных признаков, делается в рамках особого раздела криминалистической техники – габитоскопии, результаты которого используются в процессе изобличения преступника. При этом наблюдается акцентирование на психологическом и даже медицинском аспекте проблемы. С одной стороны, это вполне оправданно, так как, например, гримаса младенцев при ощущении кислого вкуса такая же, как гримаса отвращения у взрослых (поджимание губ и нахмуривание) [1, с. 19]. Тем не менее, отнести эти вопросы исключительно к ведению психологии, а, когда дело касается расследования преступления; юридической психологии, нельзя, поскольку сложные социальные отношения, как между конкретными индивидами, так и между отдельным индивидом (группой) и обществом, приводят к необходимости рефлексии и, следовательно, самооценке индивида. Он должен, прежде всего, посмотреть на себя со стороны и, соотнеся свой социальный статус и конкретную жизненную ситуацию, выбрать для себя определенную схему действий, соответствующую социальным поведенческим стереотипам при «исполнении» определенной социальной роли. Именно сообразность самостоятельно выбранной или навязанной извне, но принятой на себя социальной роли в современном мире, заставляет человека вести себя определенным образом, а уже потом на это накладываются психологические и физиологические особенности личности.

Следователь, подозреваемый, потерпевший, защитник, свидетель – это не только статус участника уголовного процесса, но и социальная роль. Принимая на себя ту или иную из них, человек соотносит свои действия, в соответствии с этой ролью. Это обстоятельство может как положительно, так и отрицательно сказываться на ходе расследования. С одной стороны, представления об искренности и открытости, как о должном поведении, например, в роли потерпевшего, может прояснить массу спорных и неясных моментов происшедшего, с другой стороны обратное поведение, особенно если роль принята сознательно, чтобы скрыть свою вину, либо другие неблагоприятные обстоятельства, может привести к негативным последствиям. При этом особенно важной становится оценка следователем сообразности поведения человека и его социальной роли, а также анализ таких источников социальной информации, как формы вербальной и невербальной коммуникации.

В настоящее время, с повышением информационного прессинга и манипулирования сознанием с помощью современных информационных технологий в обыденной жизни, можно утверждать, что люди большую часть времени сохраняют строгий и постоянный контроль за выражением лица, позой и жестами при взаимодействии с

другими. Сравнивая модель поведения в определенной социальной роли с конкретными поведенческими реакциями, в соответствии со своим внутренним убеждением и жизненным опытом, следовательно может сделать вывод об искренности или неискренности человека, причастности или непричастности к случившемуся, ложности алиби и других обстоятельствах.

Доказательственная нагрузка таких наблюдений практически отсутствует, но они могут указать направление поисков доказательств. Проанализировав обычный распорядок дня человека, повседневную жизнь и интересы, можно сделать вывод о соответствии его поведения определенной социальной роли, причем чрезмерность этого соответствия, иногда даже в большей степени может свидетельствовать о неискренности человека, чем поведенческие реакции, несоответствующие общепринятой модели, но, возможно, отражающие личностные особенности. Эти знания играют важную роль в планировании расследования преступлений и профилактической деятельности, а в обобщенном виде могут быть положены в основу программ борьбы с преступностью на разных уровнях.

1. Ekman P., Friesen W.V. Constants across culture in the face and emotion. // Journal of Personality and Social Psychology, № 17. — 1971 — P. 17 — 23.
2. Hanausek T. Kryminalistyka: Zarys wyklady. — Kraków, 2000. — 282 s.
3. Holyst B. Kryminalistyka. — Warszawa, 2000. — 1241 s.
4. Tsachihashi Y. Studies on personal identification by means of lip prints. // Forensic Science, №3. — 1974. — p. 233 — 248.

АНОМИЯ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Кавецкий С. Т.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Теорию аномии (от франц. *apomie* — буквально беззаконие, безнормность) ввел Э. Дюркгейм как часть своей историко-эволюционной концепции, опирающейся на противопоставление традиционного и современного промышленного общества. В своих работах «О разделении общественного труда» (1893), «Самоубийство» (1897) он отмечал, что аномия характеризуется дезориентацией общества, все сферы которого (экономическая, социально-политическая, духовная) находятся в кризисном состоянии. Аномия сопутствует переходному состоянию общества, а конкретно, переходу от традиционного к индустриальному (в марксистском понимании от феодализма к капитализму) обществу. По Дюркгейму традиционное общество более замкнутое и, соответственно, более устойчивое. С другой стороны, эволюция, как и социальная революция, ведущая к промышленному обществу, ставит многих индивидов в неопределенное социальное положение в смысле отсутствия твердых жизненных целей, норм и образов поведения.

Теория Эмиля Дюркгейма получила развитие в исследованиях И. Ламбла, Р. Дарендорфа, Р. Мертона и др. Американский социолог И. Ламбл считал аномию источником беспорядков, смуты и неуверенности. Немецкий социолог и политический деятель Р. Дарендорф подчеркивал, что аномия распространяется на все слои общества сверху донизу, по горизонтали и вертикали.

По Мертону, аномия — результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предпи-

санними всеобщими целями и индивидуальными установками. Аномия возникает тогда, когда люди не могут достичь навязанных им целей "нормальными", ими же установленными средствами. "С одной стороны от него требуют, чтобы он ориентировал своё поведение в направлении накопления богатства, а с другой - ему почти не дают возможность сделать это институциональным способом".¹⁰

На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному. Р. Мертон различает их по пяти основным группам. Первая из них – конформистская. Это приспособленчество, характерное для постсоветского "молчаливого большинства", общество, где доминирующее положение занимает подданический тип политической культуры. Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Так, российский социолог В. В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и её небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации характерна "криминализация всего социума". Третья группа – это индивиды её составляющие, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, "замешанные" на бюрократизме и формализме.

Четвёртая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм). К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, самоубийц и т.д. Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т.д. Это характерно для радикальных молодёжных группировок, субкультур, нетрадиционных конфессиональных сект и т.д.

Специфика постсоветского общества состоит в том, что оно, пребывая уже достаточно длительное время в условиях глубочайшей трансформации, так же как и другие в подобных ситуациях, не может не испытывать дисфункциональное напряжение. Социум в настоящем своём качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным, в определённой мере, применение к анализу всего происходящего в постсоветском социуме, в том числе и белорусском, мертоновской аналитической схемы. С другой стороны, переход к смешанному обществу в постсоветской трансформации идёт от "развитого социализма".

Еще один аспект аномии заключается в том, что советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е. М. Бабосов, анализируя духовные начала позднего советского общества, отметил, что социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Произошел деструктивный в своей сущности разворот социально-политических процесс, в ходе которого осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил.¹¹

Аномия, как известно, имела национальную специфику не только у республик и народов СССР, но и в "социалистическом лагере" Восточной Европы. Так, Президент Социологической международной Ассоциации П. Штомпка ведёт речь, в частности, "о концепции социальной травмы", позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при

углублении демократических преобразований. Концепция аномии, то есть массового отклонения от существующих в обществе норм, порождает девиацию. Наиболее часто встречающиеся формы девиантного поведения представляют собой следующий субординационный ряд: 1) воровство – кража собственности у индивида; 2) деловые операции лиц, обслуживающих пороки – организации сексуальных услуг; 3) захват заложников; 4) коррупция – использование должностным лицом прав, для личного обогащения; 5) мошенничество при заключении сделок, исполнения договоров, банковских соглашений и т.д; 6) отказ матери от ребенка; 7) наркомания; 8) проституция; 9) нравственные пороки – клевета, предательство, доносы, особенно анонимки, как «отрыжка развитого социализма»; 10) незаконное применение силы; 11) торговля живыми людьми; 12) терроризм – применение насильственных действий; 13) пьянство и алкоголизм; 14) суицид – намеренное лишения себя жизни. Дюркгейм рассматривал самоубийство как социальный факт, порожденный социальной средой. Подробно рассмотрев это в работе «Самоубийство», он делает выводы, основанные на статистике, в частности, о том, что мужчины совершают суицид чаще, чем женщины. Летом самоубийства бывают чаще, чем зимой. Французский социолог классифицирует суициды следующим образом: 1) эгоистическое, 2) альтруистическое, 3) аномическое. В Беларуси зафиксировано повышение уровня показателей суицида на рубеже XX и XXI веков; если в 1999 году уровень самоубийств составил 28,7 случаев на 100 тысяч населения, в 2000 – 30 случаев, в 2003 году – 32 случая. Среднемировой уровень ныне составляет 16 случаев на 100 тысяч человек населения в год; 15) уклонение от уплаты налогов.

Глубокие и сложные процессы происходят в современном белорусском обществе: экономические потрясения, трансформация социальной структуры, политические и духовные изменения, социальные конфликты, переход от «социализма» к смешанному обществу, поиск пути развития и друзей в этом развитии. Для него характерно состояние аномии. Конкретно-социологические исследования, проведенные в Республике Беларусь, обнаруживают данное явление во всех областях общественной жизни: экономической, социально-политической, в сфере духовной жизни. В экономике в условиях непредсказуемых перемен проявляются рецидивы как «дикого капитализма», так и «развитого социализма». С одной стороны, продолжается процесс формирования первоначального накопления капитала, чаще всего путем отклоняющегося поведения «новых белорусов», с другой – все более жестким становится государственное регулирование.

Согласно Конституции Республики Беларусь (ст. 73) для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни проводятся республиканские и местные референдумы. В 90-е годы в республике состоялось 2 референдума: в 1995 и 1996 годах, еще один в 2003 году.

Референдум 1996 года проходил в период конституционного кризиса, в условиях острого пропагандистского противостояния. В ходе социологического опроса, проведенного весной 1997 года, то есть после референдума, респондентов попросили вспомнить, как они голосовали в период референдума 24 ноября 1996 года. И, если изменения в Конституции Республики Беларусь, предложенные А.Г. Лукашенко, поддерживало 69,4% опрошенных, а по официальным данным положительно отреагировало 70,5% избирателей, то на пункт 6 референдума «Выступаете ли Вы за то, чтобы руководители местных органов исполнительной власти избирались непосредственно жителями соответствующей административно-территориальной единицы?» – ответило «за» 72,2% респондентов (избирателей – 28,4%). Соответ-

¹ Социологические исследования, 2001, №2

ственно на 7 пункт «Согласны ли Вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?» – ответило «за» 75,8% опрошенных (24.11.1996 всего лишь 32,07% избирателей).

Весьма характерной является ситуация в сфере свободного времени. Если в социалистическом измерении пропагандировался лозунг К. Маркса «Свободное время – общественное богатство», то современная действительность диктует гражданам Республики Беларусь иную ценность: «Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет».

С конца 80-х годов в Беларуси стали возможны поездки за границу. Среди опрошенных жителей республики больше всего было за рубежом жителей г. Минска, Гродненской и Брестской областей. Для тех, кто бывал за рубежом, вопросы конкретизировались. «Если бывали, то с какой целью?». Ответы: по работе – 11,1%, туризм – 20,4%, бизнес – 41,6%, иные цели – 27,7%. И второй вопрос – «Если бывали, то приходилось ли Вам, вольно или невольно, нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии и др.?». Ответили: «нарушали» 52,5%, дали отрицательный ответ – 47,5%. Больше всего нарушителей из Гродненской и Брестской областей. Среди туристов преобладают минчане.

Таким образом, на данном социологическом срезе можно видеть, с одной стороны, такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно, с другой стороны, можно вести речь о неустойчивости, расплывчатости и противоречивости нормативных предписаний, и не только таможенных. Люди приспосабливаются к состоянию аномии разными индивидуальными способами: либо конформизмом, то есть подчиняющимся поведением, что характерно для нашей «пресловутой толерантности», либо отклоняющимся поведением (наркомания во всех ее проявлениях, бюрократия, уход от мира, забастовки, голодовки, мелкое воровство, экономический туризм и т. д.). При этом выявляется психологический парадокс: человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех.

В XIX веке Э. Дюркгейм искал выход из аномии в новой идеологии, в новых социально-профессиональных группах. Где искать выход из аномического состояния в современном белорусском обществе? Академик Е. М. Бабосов отмечает, что аномическое поведение индивидов и их групп существенно возрастает в тех случаях, когда в обществе превозносятся определенные стандарты поведения и символы успеха, а существующие социально-экономические, политические и социокультурные условия, социальная культура общества резко ограничивает возможности достижения прогнозируемых эталонов успеха для значительной части населения. Основная предпосылка формирования целостной неаномической личности – гармонизация стремлений, интересов и действий различных индивидов, социальных групп и общностей, достижение устойчивого и динамического развития общества.¹

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов Е. М. Прикладная социология. - Мн.: Тетра Системс, 2000. с. 258.
2. Социологические исследования, 1998., №4.
3. Социологические исследования, 2001., №2
4. Социологическая энциклопедия. Под. ред. Н. - М. Данилова, БелЭн, С. 20.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ НА ПУТИ К СВОБОДЕ СОВЕСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Алейникова С.М.

Академия управления при Президенте РБ, г. Минск, Беларусь

Институт свободы совести в большинстве стран бывшего СССР за последние годы претерпел кардинальные изменения. Это вызвано переходом от государства с политикой официального атеизма к демократическому многоконфессиональному.

Право на свободу совести было провозглашено в Конституции СССР (ст. 52) и соответственно в конституциях союзных республик. Однако фактическая монополизация государством всех сфер общественной жизни в совокупности с господством атеистического мировоззрения лишало это право реальной основы для его осуществления. В таких условиях политика постсоциалистических стран в отношении права на свободу совести строилась в основном исходя из опыта государств развитой демократии.

В правовом плане свобода совести может быть представлена как право индивида на религиозное или нетеистическое осмысление реальности и связанные с этим поведенческие позиции. Конкретно это означает право самостоятельно без принуждения определять свое отношение к религии и, следовательно, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, или вести атеистическую пропаганду; отправлять единолично или сообща религиозные культы и т.д.

Таким образом, свобода совести, как правовая категория, принадлежащая к широкому спектру прав и свобод современного человека, характеризует систему отношений, складывающихся между субъектами по поводу реализации прав и обязанностей сторон в сфере религиозного или нетеистического восприятия реальности. Субъектами правоотношений выступают: государство, религиозные и нерелигиозные юридические лица, индивиды. Соответственно складываются правоотношения между государством и церковью, церковью и школой, между религиозными организациями, между конфессиями и т.д. Первоосновой, вокруг которой формируется совокупность правоотношений на уровне всех субъектов, является индивид, так как данная система отношений в целом служит задаче реализации его индивидуальной свободы.

Впервые индивидуальные право на свободу совести (точнее - религии) было провозглашено во Франции в 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина (ст. 10) и подтверждено в Биле о правах (поправка 1 к Конституции США). В дальнейшем это право как право на «свободу мысли, совести и религии» получило широкое развитие в международных и региональных актах о правах человека в период после II мировой войны и было закреплено в Конституциях большинства демократических государств (Конституция Италии - ст. 19, Швейцарии - ст. 8 и 15, Германии - ст. 4, Дании - ст. 16 и т.д.). Оно нашло отражение также в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.).

Постсоциалистические страны, не имея необходимого опыта практической реализации права на свободу совести, в своей законотворческой деятельности исходили из международных (региональных) правовых актов и законов стран с установившимися демократическими традициями. Например, в Конституции Республики Беларусь указывается: «Каждый имеет право определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к

религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» (ст. 31).

Разработанный в соответствии с Конституцией Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» содержит ст. 4 «Право на свободу совести», в которой сказано: «Каждый имеет право на свободу выбора атеистических или религиозных убеждений, а именно: самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Ст. 7 «Равноправие граждан» этого закона предусматривает недопущение дифференциации граждан в зависимости от их религиозных или нетеистических убеждений: «Граждане равны перед законом независимо от их отношения к религии. Воспрепятствование осуществлению прав на свободу совести и вероисповедования, а также установление каких-либо преимуществ либо ограничений прав граждан в зависимости от их отношения к религии не допускаются и преследуются по закону».

Данная правовая позиция полностью соответствует международным нормам, многие из которых провозглашают основные права и свободы без дискриминации по ряду социальных признаков, включая религиозную принадлежность. Это Всеобщая декларация прав человека, ст. 2 (1948 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, п. 2 ст. 2 (1966); Воззвание Тегеранской Конференции, п. 11 (1968 г.) и др.

Принципиальная общность позиций относительно права на свободу совести в демократически развитых и в постсоциалистических странах сопровождается одними и теми же конфликтными ситуациями, которые характерны для демократического мира. Практика судебных инстанций всех уровней (и национальных, и международных) свидетельствует, что реализация права на свободу совести зачастую приходит в противоречие с реализацией других прав и свобод человека. Так, под влиянием религиозных побуждений совершаются светские действия, противоречащие официальной государственной политике; возникают конфликты по поводу необходимости соблюдения верующими режима труда или подчинения на службе светским нормам, не соответствующим религиозным установкам. В отдельных случаях верующие при исполнении светских обязанностей пытаются исполнять религиозные ритуалы. Ряд конфликтов связан с несогласием родителей как представителей определенных религиозных конфессий с официальной государственной программой школьного обучения. Относительно сферы образования возникают также тяжбы по поводу распространения религиозной литературы и религиозных встреч в школах. Суды рассматривают дела по поводу уклонения по религиозным соображениям от воинской службы. Есть судебные разбирательства фактов, связанных с попытками насильственного обращения в веру и т.д.

В процессе правового регулирования подобных конфликтов принимаются решения двоякого рода. Беспрекословно пресекаются все попытки насильственного обращения в веру. В ряде же случаев первенство отдается религиозным интересам и, если это не ведет к нарушению общественно организованного социального процесса, изменяются административные нормы, определяющие светские ритуалы. В отдельных случаях общество изменяет законодательную базу по регулированию отдельных сторон его жизнедеятельности, что можно сказать относительно разработки закона об альтернативной гражданской службе.

В остальных случаях решающими признаются светские интересы: предоставляется право оставить (добровольно или принудительно) должность, перевести детей в частную школу с другой программой и т.д. При этом сохраняется право на трудо-

вую деятельность, свободный выбор работы, что соответствует Всеобщей декларации прав человека (п.1 ст. 23); сохраняется право на образование; (там же, п.1 ст. 26); через свободу выбора работы, школы и т.д. сохраняется также право на свободу совести. Однако при подобном разрешении конфликтов представители определенных религиозных направлений оказываются в фактически неравном положении по сравнению с представителями традиционных религий или нетеистической частью общества, что проявляется в их социальной неустроенности. Такое положение можно рассматривать как косвенную дискриминацию в отношении верующих, реализуемую не через веру, а через другие социальные стандарты.

Периодически возникающие правовые конфликты, вовлекающие в орбиту споров религиозные права, вряд ли можно отнести на счет недостатков государственной политики по управлению социальными процессами. Они имеют более глубокую и объективную основу – соединение двух во многом противоречивых начал – светского и религиозного в едином правовом пространстве современных государств. Такое соединение соответствует многогранному процессу жизнедеятельности. В юридическом плане эта многогранность, как следует из Венской декларации и Программы действий (1993 г.), исходит из неделимости, взаимосвязи всех прав человека (п. 5 разд. 1). Это означает, что все они воспринимаются как совокупность прав, которая может быть как однородной (когда объединяются права одной направленности), так и разнородной, при которой реализация одних прав приводит в противоречие с реализацией других.

Сложившаяся к настоящему времени правовая система относится к разряду разнородной совокупности, в которой по одну сторону оказываются религиозные права, по другую - светские, имеющие в своей основе разную природу.

Религиозные права отражают многовековые неизменные традиции каждой конфессии, в случае новых течений – соответствующие им каноны. Светские права исходят из социального динамизма, все большего воплощения демократических идей. К тому же в современном социуме нормы права отражают уровень его организованности. По своей природе они обращены на среднего индивида и в силу этого не могут учитывать индивидуальные особенности отдельных религиозных течений, которые идут в разрез со светскими стандартами по своим представлениям.

При таком соединении воедино двух противоречивых начал государственная политика неизбежно будет давать крен то в одну, то в другую сторону. Если принять позицию отдельных авторов и выработать обстоятельства, при которых свобода вероисповедания должна безоговорочно освобождаться от применения других нормативных актов, то в этом случае удар будет нанесен по светским правам. Следовательно, современное государство, несмотря на обширную нормативную базу по общему равенству прав и свобод, фактически не свободно от скрытой дискриминации при реализации этих прав.

Практика Европейского Суда по правам человека и судов всех инстанций постсоциалистических стран показывает, что при разрешении конфликтов на основе столкновений права на свободу совести с другими гражданскими и политическими правами эти суды руководствуются одними и теми же принципиальными положениями, а именно:

- Если действие признается религиозным убеждением и рассматривается как исповедание веры, приоритет отдается религиозному праву и в светских нормах поведения возможны коррективы.

- Не все действия, мотивированные религиозными убеждениями, признаются их исповеданием и, следовательно, не оправдываются, но при этом право на свободу вероисповедания не затрагивается.

Обязательное выполнение светских требований, противоречащих религиозным убеждениям, непосредственное или косвенное принуждение к их выполнению нарушает право свободы вероисповедания и не оправдывается.

Возможность альтернативного светского поведения при конфликте религиозных и светских прав исключает нарушение права на свободу вероисповедания.

Таким образом, в правовой политике постсоциалистических стран в области свободы совести проявляется тенденция её интеграции в европейскую правозащитную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекназар-Юзбашев Т. Основы альтернативной гражданской службы в Германии // Проблемы конституционализма. Выпуск 10. - Мн., 2002.
2. Конституции зарубежных стран / Сост. Дубровин В.Н. - М., 2001.
3. Международные акты о правах человека. Сборник документов. - М., 2000.
4. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. Пчелинцев А.В., Ряховский В.В. - М., 2001.
5. Саркисова Э. Роль Конституционного Суда в обеспечении свободы вероисповедания // Проблемы конституционализма. Выпуск 10. - Мн., 2002.
6. Холинер Д.П. Границы права на свободу совести и религии в практике Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2003, №8.
7. Шуклин В.З. Право граждан на свободу совести и свободу вероисповедания в судебной практике // Право Беларуси, 2003; №12.
8. Laycock Douglas. Religious Freedom and international human rights in the United States today. 12 Emory International Law Review 951; (1998).
9. Конституция Республики Беларусь.
10. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях».

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Винокурова И.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В настоящее время против международного терроризма направлены усилия всего мирового сообщества, которые носят как внутригосударственный, так и международный характер, причем последние, прежде всего, связаны с деятельностью международных организаций и созданием международно-правовой базы для такого сотрудничества.

В период формирования нового миропорядка в конце XX в. институтам безопасности потребовалось время, чтобы адаптироваться к новым вызовам и стратегическим изменениям в международных отношениях. Во многом теракты 11 сентября 2001г. в США, трагические события, связанные с массовым захватом заложников в Театральном центре на Дубровке в Москве 23-26 октября 2002г., мадридские события 2004г. и т.д. обозначили новый этап в осмыслении угрозы терроризма и способов противодействия со стороны международного сообщества.

В свете событий начала XXI в. значение такой организации как НАТО, также как и ЕС или «восьмерки» приобретает все большую актуальность в контексте принятия соответствующих мер противодействия терроризму. В этой связи необходим анализ проблемы противодействия терроризму со стороны таких важнейших субъектов международных отношений как ОБСЕ, ЕС, НАТО и др. При этом целесообразно выде-

лить системообразующую роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), особенно в свете принятой в Стамбуле в ноябре 1999 года Хартии европейской безопасности и наметившееся становление военного компонента в Европейском союзе, усиление «европейской составляющей» в деятельности НАТО, что в целом свидетельствует о динамике европейской политики в сфере обеспечения безопасности в Европе.

Наиболее значительный международно-правовой потенциал накоплен на европейском континенте.

Проблематика антитеррористического взаимодействия регламентируется соответствующими положениями итоговых документов совещаний Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Хельсинки, Мадриде, Вене[1]. Ею создана нормативная база, которая включает следующие документы: "Хартию ОБСЕ по противодействию терроризму", "Стратегию ОБСЕ по противодействию угрозам стабильности и безопасности в XXI веке"[1, с. 4] и др.

В Хартии европейской безопасности, принятой по итогам Стамбульского саммита 1999г., ОБСЕ подтвердила намерение способствовать формированию «общего и неделимого пространства безопасности». В специальном приложении к хартии – «Платформе безопасности, основанной на сотрудничестве» – изложены принципиальные положения, касающиеся взаимоотношений ОБСЕ с другими международными организациями. Было предложено признать ключевую объединительную роль ОБСЕ в качестве гибкого координационного механизма для развития сотрудничества, с помощью которого различные организации могут подкреплять усилия друг друга, используя специфические преимущества каждого из них. При этом ясно оговаривалось, что ОБСЕ не имеет намерений выстраивать некую «иерархию организаций»[2, с.8-9].

С 2001г. в рамках ОБСЕ были выработаны важнейшие документы, неотъемлемые механизмы и инструменты, определяющие непосредственное участие этого европейского института безопасности в противодействии терроризму.

Во время встречи в Бухаресте в декабре 2001, страны-участники приняли Бухарестский План Действий по борьбе с терроризмом[3], который определил, что принятые ООН конвенции и протоколы, в той же степени, как и резолюции СБ ООН, составляют основной фундамент международно-правовой структуры по противодействию терроризму. Была поставлена задача расширения существующих полномочий и возможностей в противодействии терроризму, укрепления сотрудничества государств-участников, в том числе и путем создания новых эффективных механизмов взаимодействия.

Кроме того, пятьдесят пять участников заседания Совета Министров ОБСЕ – приняли решение о вмешательстве в борьбу с терроризмом, выработке и имплементации последовательного Плана действий, в которые были включены следующие инициативы:

- обязать государства-участники принять ряд законодательных (Конвенция 1375 СБ ООН) и политических инструментов по противодействию терроризму;
- начать превентивные действия на территориях, входящих в зону влияния ОБСЕ, создавая демократические институты, усиливая роль закона, содействуя соблюдению прав человека и терпимости к различным культурам, определяя экономические и социальные факторы, которые оказывают влияние на стабильность и безопасность (коррупция, демографические проблемы, бедность, нелегальный бизнес), разрешая конфликты и споры мирным путем, усиливая национальное законодательство по терроризму, поддерживая правоохранительные органы в борьбе с организованной преступностью;

- начать борьбу с финансированием терроризма, сокращая возможности передвижение лиц, причастных к террористическим организациям;
- расширить сотрудничество по борьбе с терроризмом, привлекая межправительственные негосударственные организации на основе Платформы совместной безопасности[3].

Вплоть до настоящего времени возникают проблемы не только в плане ратификации данных документов, но и с присоединением к ним, последующим их принятием или одобрением. Подтверждением данному факту служит то, что только 11 членов ОБСЕ (20%) подписали, но не ратифицировали Конвенцию[1].

14 декабря 2001 в Бишкеке ОБСЕ совместно с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНПООН) организовала проведение конференции по усилению безопасности и стабильности в Средней Азии[1]. Один из важнейших пунктов в принятой Программе Действий был посвящен выработке эффективных механизмов по предотвращению терроризма и укреплению взаимодействия между ОБСЕ и УНПООН.

Результаты Бухарестской и Бишкекской конференций явились важным этапом деятельности ОБСЕ в сфере предотвращения и недопущения терроризма. Страны-участницы были призваны к соблюдению определенных обязательств, норм и принципов, корректное выполнение которых поможет предотвратить использование оружия в нелегальных целях, что, как известно, может явиться источником обогащения для террористических организаций.

Во время проведения в 2002г. в Порто Совещания на уровне министров иностранных дел в рамках ОБСЕ были приняты два значительных документа: Хартия ОБСЕ по предотвращению и недопущению терроризма и решение по реализации Обязательств и Действий со стороны ОБСЕ по борьбе с терроризмом[4, с.1-4]. В обозначенном решении были определены четыре основные сферы по борьбе с терроризмом: сотрудничество органов внутренних дел (полиции), пограничная безопасность, антитраффик и борьба с финансированием терроризма.

В июне 2002 под эгидой ОБСЕ была организована встреча представителей организаций, участвующих в борьбе с терроризмом, включая ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС, Совет Европы, Международный Комитет Красного креста и др.[1, с. 9], результатом которой стало повышение эффективности сотрудничества между различными международными и региональными институтами в обеспечении стабильности и безопасности. В подобном формате в октябре 2002г. прошла встреча субрегиональных организаций, действующих на территориях, входящих в зону влияния ОБСЕ.

В 2003г. ОБСЕ продолжило работу в плане усилий по предотвращению терроризма проведением Маастрихского Совещания министров иностранных дел, на котором были приняты новые Решения по безопасности в сфере туристической документации, разработка общеевропейского регистра соответствующих нормативно-правовых актов; также был одобрен проект проведения Форума по безопасности и Сотрудничеству в сфере авиации в июле 2003г[1].

ОБСЕ очередной раз подтвердила свои твердые намерения относительно широкомасштабной борьбы с терроризмом в Венской Декларации, принятой в марте 2004г.

Анализ документов, принятых ОБСЕ, дал возможность сделать следующий вывод: так как ОБСЕ занимается обеспечением демократии, прав человека и верховенства закона, а также созданием широкой платформы, координирующей действия различных институтов региона, - это может не только значительно повлиять на состояние борьбы против терроризма со стороны международного сообщества, но и не допустить другие угрозы безопасности, такие как этнические конфликты или организованную международную преступность. Этот европейский институт безопасности

будет продолжать способствовать эффективности выработки необходимых механизмов в данной области.

Евросоюз и Совет Европы являются интегрированными сообществами по объединению усилий государств-членов в целях укрепления безопасности и сотрудничества по борьбе с терроризмом, в рамках которых были приняты Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977г. и Рамочное соглашение Совета Европы по борьбе с терроризмом от 13 июня 2002г. [5, с. 166-183].

Незамедлительно Европейский союз прореагировал и на теракты 11 сентября 2001г., приняв пакет мер, направленных на борьбу с международным терроризмом, что явилось серьезным шагом на пути обеспечения европейской и международной безопасности. Среди первоочередных мер Советом Европы был принят План действий, согласно которому в борьбе с терроризмом представляется необходимым использовать следующие инструменты: сотрудничество в сферах полиции и юриспруденции; сотрудничество по усилению безопасности при авиалиниях; экономические и финансовые механизмы; гражданская защита (особое внимание – биотеррористическим атакам); сотрудничество с другими государствами или региональными группами, совместные действия с целью мирного урегулирования конфликтов; предоставление финансовой помощи для восстановления Афганистана и т.д. [6].

Кроме того, главы государств и правительств Евросоюза приняли совместную декларацию, в которой обязались создать инструменты осуществления общей европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), и по укреплению сотрудничества в разведывательной и судебно-правовой деятельности, направленной против терроризма. Важным шагом стало недавнее принятие Евросоюзом большинства функций ЗЕС по усилению своей позиции в институтах безопасности.

Подтверждением того, что борьба с терроризмом является одной из приоритетных задач Евросоюза, стал саммит ЕС в Севилье 21-22 июня 2002г. В принятой декларации отмечается, что действия ЕС основываются на «скоординированном и междисциплинарном подходе», который включает в себя согласованную политику в области международных отношений – взаимодействие с другими странами и организациями; а в сфере безопасности и обороны – создание инструментов оперативного реагирования [7, с. 12].

В штаб-квартире европейского полицейского агентства (Европол) в Гааге было создано и новое специальное подразделение по борьбе с терроризмом, которое включает сотрудников из различных стран и экспертов национальных и разведывательных служб государств-членов; одной из важных задач которого является обнаружение фактов финансирования терроризма, идентификация конкретных террористов и террористических организаций, а также обмен информацией с ФБР на основе подписанного в 2001г. соглашения о сотрудничестве [8].

Создание "Европола", координационного совета «Евроюста», разработка общего определения террористической деятельности, подготовка списка террористических организаций и другие меры направлены, прежде всего, на взаимное признание всеми государствами Евросоюза судебных постановлений, выписанных в одном из государств-членов, что ускоряет процедуру ареста и экстрадиции преступников и террористов в рамках Союза [9].

После терактов в Мадриде в марте 2004г. ЕС активизировал деятельность в направлении борьбы с терроризмом, инициировав несколько весьма значительных проектов, связанных с усилением контроля границ и по безопасности паспортов.

Что касается деятельности НАТО, то в подходе к проблеме безопасности в XXI веке данная организация основывается на эффективном выполнении альянсом его главных

задач с включением других европейских и международных организаций, в процесс реализации заданных установок. Так, в Стратегической Концепции НАТО от 1999г. в контексте укрепления безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе были зафиксированы определенные задачи и ориентиры альянса в условиях формирования новых отношений в сфере европейской и международной безопасности.

Таким образом, справедливым является мнение специалистов, что главной целью НАТО является построение такой системы евроатлантической безопасности, в которой вклад альянса и других международных организаций в углубление отношений между евроатлантическими странами и урегулирование кризисных ситуаций будут иметь взаимодополняющий и взаимоусиливающий характер [2, с. 45]. В этой связи, после терактов 11 сентября 2001г. руководство НАТО приняло решение, в котором отмечено, что террористическая атака была предпринята из-за пределов территории США и должна рассматриваться как акция, которая подпадает под статью 5 о самообороне Вашингтонского договора.

Таким образом, Альянс впервые за историю своего существования обратился к этой статье, подтвердив данное положение 4 октября 2001г. [10, с. 14-21]. В качестве мер по реализации данного положения были сделаны следующие шаги: для сил антитеррористической коалиции было открыто воздушное пространство государств-членов, был усилен обмен информацией и сотрудничество в области разведки.

В рамках Североатлантического альянса был также создан механизм, поощряющий консультации, консенсусы, совместные решения и выбор инструментов для кризисного управления, нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями и т.д. в целях противодействия терроризму.

На саммите НАТО в Праге 21-22 ноября 2002г., в рамках трансатлантической антитеррористической коалиции («двадцатки») было отмечено значение трансформации союза в соответствии с необходимостью эффективного реагирования на вызовы международного терроризма и другие глобальные угрозы. Так, в совместной декларации Пражского саммита, лидеры стран НАТО заявили: «Терроризм, который мы категорически отвергаем и осуждаем во всех его формах и проявлениях, представляет собой серьезную и растущую угрозу населению, вооруженным силам и территории стран, входящих в альянс, как и международной безопасности. Мы преисполнены решимости бороться с этим злом столь долго, сколько будет необходимо» [10, с. 22].

Многие политологи и эксперты полагают, что «роль НАТО в решении вопросов евроатлантической безопасности будет оставаться весьма значительной, если не сказать преобладающей...» [2, с. 4] в направлении трансатлантической солидарности, в соответствии со ст. 5. Тем не менее, требование проведения глубоких внутренних реформ этой организации по-прежнему остается актуальным, как для объединения военных структур Альянса, так и для военных сил отдельно взятого государства-члена НАТО.

Каждая из перечисленных организаций применяет определенный пакет мер, направленных на предупреждение и искоренение терроризма в соответствии со своими мандатами и возможностями. Вместе с тем, нельзя отрицать серьезное воздействие терактов 11 сентября 2001г. на функциональные обязанности этих субъектов международных отношений и их роль в системе обеспечения европейской безопасности. 11 сентября 2001г. стало, своего рода, катализатором для институтов безопасности [11, с. 86] в силу того, что смысл угроз, изменившейся после терактов против мировой державы заставил многие государства адаптировать существовавший комплекс инструментов к ситуации, требующей быстрого и эффективного реагирования.

В разработке и принятии международных документов удалось достичь единства мнений только в определении отдельных типов терроризма, способов и форм со-

вершения террористических актов. В этой связи к наиболее важным компонентам антитеррористической деятельности в области правового регулирования относят следующие: определение причин и условий, порождающих терроризм, разработку политики государственного противодействия терроризму как социально-политическому явлению, координацию и согласованность усилий силовых и гражданских структур, централизацию руководства всеми действиями по профилактике и борьбе с терроризмом, а также всестороннее обеспечение реализации специальных и идеологических мероприятий [12, с. 175].

С начала XXI века значительно активизировалось сотрудничество США и Евросоюза в контексте поиска путей обеспечения безопасности, при отстаивании независимой активной позиции со стороны отдельных участников ЕС по определенному кругу вопросов. Одновременно отсутствие в этом евроатлантическом диалоге непосредственного участия России и некоторых других государств, которые должны стать его неотъемлемой частью, понижает эффективность данного процесса в контексте действенного обеспечения безопасности.

Таким образом, усилия со стороны евроатлантического региона могут стать более эффективными при ликвидации разрыва в подходе США, которые придерживаются мнения относительно силового воздействия среди определяющих инструментов в борьбе с терроризмом и многих европейских государств, которые больше склоняются, прежде всего, к правоприменительным действиям и сотрудничеству в рамках разведывательных управлений.

Особое внимание необходимо сконцентрировать на определении направлений по применению экономических и дипломатических инструментов для достижения поставленной цели. Следовательно, западноевропейские государства должны действовать в направлении выработки оптимальной всеобъемлющей стратегии, объединяющей все наиболее эффективные механизмы предотвращения и противодействия в отношении терроризма, при непосредственном укрупнении трансатлантического сотрудничества в борьбе с международным терроризмом путем осуществления политики экстрадиции, взаимопомощи в правовой сфере, миграционных вопросах и пограничном контроле, активизации роли Европола и сотрудничества между правоохранительными учреждениями в странах ЕС и США.

В целом, можно отметить, что эффективная борьба с террористическим злом, которое превратилось в один из опасных и смертоносных вызовов формирующемуся миропорядку, должна осуществляться совместными усилиями мирового сообщества на основе международного права, включая уже наработанный международный инструментарий в области обеспечения безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Field Reference for OSCE Anti-Terrorism Efforts. Updated: January, 2004. Organization for Security and Cooperation in Europe, Office of the Secretary General. Action against Terrorism Unit (ATU). – 22 p.
2. Розанов А.А. Европейская безопасность и НАТО. – Мн.: ООО «Завигар», 2002. – 182с.
3. The Bucharest Plan of Action for Combating Terrorism, December 2001. http://www.osce.org/documents/cio/2001/12/670_en.pdf
4. OSCE Charter on Preventing and Combating Terrorism // Organization for Security and Cooperation in Europe, 2-nd Day of the Tenth Ministerial Meeting, Porto, 7 December, 2002. Annex 1. – 4p.

5. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: сборник документов. Составитель В.С. Овчинский. - М.: ИНФРА-М. 2003. - 480 с.
6. EU action in response to 11th September 2001: one year after MEMO/02/187. - Brussels, 9th September 2002 http://europa.eu.int/comm/justice_home/news/terrorism/index_en.htm
7. Приходько О.В. Борьба с международным терроризмом: Россия, США и Европа // США - Канада: экономика, политика, культура. - 2003. - № 5. - С. 3-24.
8. U.S.-EU Cooperation against Terrorism. CRS Report for Congress. Order Code RS22030, January 19, 2005. Congressional Research Service: The Library of Congress. 6 p.
9. CSIS-Baker Institute Task Force <http://www.csis.org>.
10. NATO's Role in Confronting Terrorism [Richard A. Clarke & Barry R. McCaffrey. Co Chairs C. Richard Nelson. Author-Rapporteur] / Policy Paper, June, 2004. The Atlantic Council of the United States: 48 p.
11. Посел-Ченшчик Э. Институты безопасности в Европе после 11 сентября 2001 г. // Глобальный мир перед новыми вызовами / Сб. статей. - Мн.: Национальный инст.-т образования. - 2002. - С. 84-86.
12. Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен. Монография. Общая ред. Прохожева А.А.М: Изд-во ПАГС. 2002. - С. 175.
13. The Porto Charter on Preventing and Combating Terrorism, December 2002 http://www.osce.org/documents/cio/2002/12/672_en.pdf
14. The post 9/11 Partnership: Transatlantic cooperation against Terrorism [David L. Aron, Ann M. Beauchesne, Frances G. Burwell, C. Richard Nelson, K. Jack Ripley, Brian Zimmer] / Policy Paper, December, 2004. The Atlantic Council of the United States. 30 p.
15. The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States http://www.9-11commission.gov/report/911Report_Exec.htm
16. Targeting Terrorism // Global Issues February - 1997, Volume 2, № 1. - pp. 6-40.
17. Хлобустов О.М. О стратегии противодействия терроризму. // Власть. - 2003. - № 9. - С. 3-9.
18. Кольтюков А.А. Международный терроризм - угроза глобальной и региональной безопасности: особенности проявления и пути противодействия // Национальная безопасность и геополитика России 2002. - № 12. - С. 28-31.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Червинская И.А.

Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь

В системе интеграционного процесса Беларуси, России, Украины принципиальное значение имеет экономический фактор, традиционно выступающий материально-базисным основанием политических, военных, социокультурных и др. аспектов восточнославянского единения. Современное состояние национальных экономик, претерпевших после 1991г. значительные деструктивные преобразования, в наименьшей степени актуализирует объединительные тенденции.

Проблема экономического развития в Беларуси должна рассматриваться в контексте деградации окружающей среды, сложившейся в постчернобыльских условиях. Фактор радиоактивного загрязнения территорий решающим образом влияет на весь спектр жизнедеятельности населения Беларуси, поэтому выбор модели общественного развития республики значительно ограничен рамками социально-экологической

целесообразности. Значительно затруднен в Беларуси масштабный переход от традиционных завозных источников энергии к местным. Здесь возникают сложности как экономико-технологического, так и экологического порядка, главную из которых составляет сам факт их радиоактивного загрязнения и возникающая вследствие этого опасность перенесения радионуклидов из мест депонирования в атмосферу и гидросферу. Основными источниками местных энергоресурсов являются торфяные болота и леса со спелой, промышленно состоятельной древесиной. Оба эти источника подверглись на территории Беларуси значительному загрязнению, и масштабная попытка использования такой древесины и торфа в качестве источников тепловой энергии сопряжена с опасностью попадания радионуклидов в атмосферу и вторичного загрязнения окружающей среды.

Исправлению положения не способствует сложившаяся в поставарийный период социально-экологическая ситуация, с ее тенденциями к усилению деструктивных процессов, деградацией окружающей среды и общей утратой резистентности к аномальным явлениям как социально-экономического, так и социально-экологического характера. Нормальное развитие страны не может быть обеспечено позитивными изменениями в какой-то отдельной области социального бытия, без учета общих тенденций, характерных для целостной системы социоприродных взаимосвязей, поэтому решение проблемы жизнедеятельности человека может иметь только комплексный характер, учитывающий как перспективные вариации развития посткатастрофной ситуации, так и реалии обыденной практики.

Идеализированное представление о возможности построения общества, опирающегося в своей организации только на понимание перспективно-позитивного и перспективно-негативного в практике социоприродного взаимодействия в условиях современной Беларуси реальных перспектив не имеет. Сложившаяся в последнее время экологическая и социально-экономическая ситуация жестко определяет пределы практической реализации теоретических схем. Очевидно, что устойчивое развитие Беларуси базируется прежде всего на энергетической безопасности, причем, с той же очевидностью следует вывод, что развитие атомной энергетики — это не тот путь, по которому следует идти в обеспечении экологической безопасности.

После развала единой энергетической системы Советского Союза перед Беларусью со всей остротой встала проблема энергообеспечения. Следует иметь в виду, что климатические условия республики не содержат в себе предпосылок быстрого перехода к использованию естественных, экологически чистых источников энергии.

Реально Беларуси сегодня энергетически не подходит ни одна из известных безотходных технологий, а разработка новых, отвечающих региональным условиям, остается пока проблематичной перспективой. Очевидно, реальный и наиболее вероятный выход из сложившегося положения заключается во внедрении ресурсосберегающих технологий, а также в реализации принципа экономии на всех уровнях хозяйственного природопользования, от бытового до военно-промышленного.

По существу, перед белорусским обществом стоит следующая перспектива: либо создание собственной атомно-энергетической базы и одновременно резкое увеличение опасности радиоактивного загрязнения во второй раз, либо приобщение к энергетическому потенциалу ближайшего соседа путем экономической интеграции, либо оплата энергоресурсов по мировым ценам в условиях непосредственной экологической угрозы со стороны эксплуатируемых соседями технически уязвимых АЭС.

Каждый из перечисленных вариантов имеет свои издержки, но, видимо, наиболее приемлемым временно является второй, предполагающий восстановление утраченных экономических связей с Россией и Украиной и возвращение Беларуси в развитую систе-

му энергообеспечения. Этот вариант представляется наиболее перспективным в обеспечении устойчивого развития общества в интересах современного и будущих поколений и, главное, наиболее реальным как в экологическом, так и в экономическом плане.

Сегодня главным источником топливно-природных ресурсов по-прежнему остается российский природный газ, поступающий в Беларусь по газотрассе из Сибирского месторождения Новый Уренгой, запасы которого хотя и не являются неисчерпаемыми, но на ближайшие 60-80 лет представляются достаточными, надежным резервом топливно-энергетического базиса.

Не впадая в крайности пессимизма, можно все же именно этот срок определить, как наиболее реальный для перехода к передовому уровню энергосберегающих форм социального развития Беларуси.

Следовательно, можно также с достаточной степенью уверенности говорить, что возможность устойчивого развития республики в этот период лежит в плоскости развития технико-энергетического сотрудничества с Россией. Это обстоятельство явилось бы серьезным фактором достижения и дальнейшего поддержания на оптимальном уровне защищенности в экологическом плане Беларуси: Не случайно именно природный газ, как потенциальный источник технико-энергетической мощности, рассматривается в качестве одного из основных факторов обеспечения устойчивой экономики, и именно в этом аспекте Экономический и Социальный Совет ООН на сессии комитета по Устойчивой экономике в октябре 1998 года рассматривал проблему «Использование природного газа для производства электроэнергии» как составной компонент общего раздела «Положение и политика в области энергетики», сформулировав практически однозначный вывод о том, что устойчивая энергетика необходимо предполагает использование природного газа.

Видимо, этому полезному ископаемому, не относящемуся к неисчерпаемым источникам энергии, принадлежит историческая роль в обеспечении оптимального уровня развития Беларуси. А если при этом учесть, что именно Россия обладает сорока пятью процентами мирового запаса природного газа, то экономическая перспектива Республики Беларусь на обозримый период становится более чем очевидной.

ЭТИКА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Мацевич М.Я., Мацевич И.Я.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск.

Мы изобретаем то, что мы отвечаем, но не то, на что мы отвечаем и что делает весомым нашу речь и наши поступки.

Б. Вальденфельс.
«Мотив чужого».

Сегодня развитие многих полиэтничных государств приобретает парадоксально-тупиковый характер. Речь идёт о процессах национального самоопределения. Основная задача нации в период её государственного и культурного самоутверждения состоит в том, чтобы открыть и понять, что действительно специфично для «неё», и очистить коллективное «я» от всяких следов «другого». Из всех процессов, разви-

вающихся на данном этапе, главным является процесс «установления подлинности» или отсева элементов «испорченного» Чужого от «чистого» и подлинного. Своего. Однако возникает вопрос относительно того, что именно выступает в качестве Своего и Чужого; каков характер их взаимоотношений, какие нормы и принципы определяют границы их прав и обязанностей, какова логика обоснования норм и правил отношений между Своим и Чужим.

Выбор категорий «Своего» и «Чужого», поставленных в центр статьи, обусловлен тем, что данные категории обосновывают и структурируют любую национальную идеологию. Кроме того, проблема Своего и Чужого имеет и нравственный аспект: мы всё чаще слышим о поиске «чужого – врага» в иных народах, странах или временах.

Сегодня национальное самоопределение сталкивается с необходимостью осуществления своей автономии не за счёт изживания Чужого или ценностного противопоставления себя Чужому, но лишь вместе с возможностью реализации собственного уникального бытия Чужого. Речь идёт о необходимости признания существования и неустраимости «различности» (термин Ж. Деррида), о сохранении себя в однородности единства в своей внутренней идентичности. Современные процессы глобализации радикально трансформируют нормы и принципы отношений между Своими и Чужими, изменяют меру оценки Своих и Чужих. Если раньше непонятное и неприемлемое существовало где-то далеко, не затрагивая нас напрямую, то сегодня, благодаря новейшим коммуникационным технологиям, оно близко, непосредственно вторгается в нашу жизнь, требует незамедлительной реакции. «Свои» и «чужие» оказались спрессованными в глобальных информационных и финансовых потоках. Высокая плотность глобальных международных, межгрупповых и межличностных связей не позволяет уклониться от контекстов, остаться безразличным или нейтральным. В таком тесном взаимодействии резко возрастает опасность отторжения, вражды и прямых столкновений. Отвести эту опасность могут только культура и навыки высокой толерантности.

В связи с этим возникает острая потребность в создании условий, когда многообразие взглядов, позиций, установок, способов действия различных агентов политического процесса, не перерастая в силовую конфронтацию, остаётся в рамках дискурса, позволяя искать и находить оптимальные решения, приемлемые для всех его участников. Реализация этой потребности во многом зависит от возможности создания и обоснования «этики межкультурных отношений», которая могла бы быть органично воспринята человечеством. Да, речь идёт об очередном утопическом проекте универсальной этики, которая должна быть рационально аргументирована. Безусловно, это экстраполяция западного типа рациональности на незападные типы культур. Но понимание, нахождение консенсуса, так или иначе, всегда были связаны с использованием языка одного из двух участников диалога. Редукционизм? Да, но возможен ли сегодня другой способ предотвращения трагических последствий отсутствия общих ценностей, норм и принципов отношений?

Именно поэтому в предлагаемой статье совершена попытка реализовать анализ норм и принципов взаимоотношений между Своим и Чужим в современном национальном обществе. Выбор методологической парадигмы был обусловлен поиском новых подходов к имеющемуся на сегодняшний день огромному историко-фактологическому материалу, касающемуся проблемы этических норм и принципов национального самоопределения, и представляет собой соединение теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса с феноменологией Б. Вальденфельса.

Для осуществления своей автономии языковая нация должна определить свои границы и принять свою судьбу; самость индивида может быть осуществлена лишь

в борьбе за самоопределение его нации. Однако все эти размышления не могут быть сегодня восприняты столь же позитивно и однозначно как в начале девятнадцатого века, когда доктрина национализма только зарождалась.

Границы между «своим» и «чужим» текучи, они изменяются как в пределах каждой эпохи, так и — тем более — в историческом процессе. Наверное, до конца средневековья фундаментальная противоположность «своего» и «чужого» имела форму устойчивого противопоставления — социального, культурного и более всего религиозного. Эллины и варвары как разные культурные общности; христиане и язычники как разные религиозные сообщества. Это не обязательно означало вражду. Вспомним, что даже в первобытном обществе, когда в чужом чужали врага или рассматривали как возможную добычу, этот чужой всё же не всегда был врагом.

Но расширение картины мира и изменение одного из существеннейших её элементов вовсе не сняло проблему «свой» — «чужой», а актуализировало её на новый лад. С течением времени выявилась новая форма этой проблемы, не утратившая жгучей актуальности и в наше время. Национальная идея, возникающая, наверное, параллельно с идеей «человечества», вовсе не предусматривала разделения человеческого рода. Отделявшая друг от друга группы людей, она вовсе не требовала, во всяком случае на первых порах, принижения одних другими; не утверждала превосходства одной нации над другой. Напротив, идея национальностей предполагала многообразие внутри единства.

Но в национальной идее, ставшей в XIX в. мощной интеграционной силой, было заключено и нечто иное, нашедшее воплощение в идее национализма. Вечные социальные страхи порождали образ врага, который теперь чаще всего определялся по национальному признаку, и национальная идея часто рождала агрессивную ксенофобию. Стоит вспомнить мрачные страницы истории, когда расовые теории становились основой тоталитарных режимов. Проблема «свой» — «чужой» стала не только философской или исторической, но и политической, а также этической.

Определение локализации Чужого жизненно необходимо для самоутверждения национального самосознания. Однако в националистической идеологии дифференциация Своего и Чужого оказывается центральным процессом, который структурирует в целом программу дальнейшей эволюции нации. Изначально выступая в качестве средства подъёма и роста национального движения, процесс идентификации Чужого становится целью; фундамирующей выстраивающуюся новую систему ценностей. Националистические идеологи прописывают логику развития Чужого и, в зависимости от её характера, выстраивают определённые стратегии действия. Но подобные установки лишь увеличивают пропасть между Своим и Чужим, не оставляя места возможности реализации диалога, в процессе которого только и возможно частично определить, что есть недоступное Чужое. Чёткая локализация Чужого не избавляет от необходимости вслушиваться в его притязания. Националистическая идеология чётко прописывает «чужих»; следовательно, уже на уровне дефиниционного идеологического прописывания исчезает феномен Чуждости как таковой, так как его невозможно определить. Однако исчезает и возможность идентификации Своего, так как элиминируется бинарная оппозиция, в рамках которой только и возможно существование; развитие, самоопределение и самообретение Себя. *С этим связана и невозможность конституирования в данном случае этики взаимоотношений между Своим и Чужим, так как Чужое перестаёт выступать в качестве полноценного субъекта межличностных отношений.*

Универсализация определённых нравственных норм и принципов действия — по аналогии с универсальными законами мышления и языка, — конечно же, являются

необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием рационализации действий. Органичное изменение любого социального порядка не может произойти без фактической значимости моральных норм, которые включаются в рамки соответствующих жизненных форм. Как только в веками отстраивающуюся этику включаются «безразличные» элементы по отношению к культурным ценностям, начинаются открытые, неконтролируемые изменения социальной реальности.

Одностороннее притязание Своего на Чужое представляет собой утопический проект конструирования локального варианта национальной этики, который оказывается нежизнеспособным в течение долгого времени при столкновении с фундаментальными общечеловеческими ценностями, правами, нормами и принципами взаимоотношений. И именно в процессе аргументации правомерности существования национальной этики наравне с универсальной, радикально национальная идеология изживает себя, так как аргументация предполагает взаимное признание, которое и является центром, вокруг которого циркулируют все моральные проблемы.

Любая нация в процессе своего становления и самоутверждения постоянно должна отвечать на вызовы, притязания, побуждения, оклики, требования Чужого. Лишь в процессе отказа от определения, что такое Чужое, и принятия его как то, на что необходимо ответить, возможно определение, и лишь частичное, Своего и Чужого.

Вызов Чужого делает возможным иное видение, мышление и действие; это притязание на порядок здесь и теперь. Значит, несмотря на то, что ранее речь шла о притязании Своего, оно представляет собой лишь реакцию на встречу с Чужим.

Современные идеологи Прибалтики и Украины подчиняют реальность собственным категорическим принципам. В националистической идеологии ответ на Чужое порождается не притязанием Чужого, но необходимостью поддержания консолидации нации в процессе реализации борьбы, направленной на Чужое. Редукция Чужого к определённому феномену, который было бы реально уничтожить, привел а бы к потенциальной возможности прекращения борьбы когда-либо в будущем. Но это будет смерть нации, согласно националистической идеологии.

(Можно рассмотреть современные черты националистического движения как возрождение отдельных элементов фашистской идеологии. Так, Б. Муссолини писал, что *государственная воля уравнивается по природе с человеческой волей*, не знающей в своем развитии пределов и доказывающей своим осуществлением собственную бесконечность).

Но достаточно было осуществления встречи с Чужим в действительности, как рухнули все интеллектуально сконструированные программы, нормы, принципы, идеология. Встреча с Чужим в действительности при соприкосновении друг с другом живым взглядом – вот где рушатся идеологии. Свидетельством тому сегодня является озабоченность титульного населения Прибалтики трансформацией русских общин в закрытые самодостаточные сообщества, из-за чего обстановка в стране еще более накаляется. Несмотря на рационально обоснованный характер «новой этики», регулирующей отношения между Своими и Чужими, она оказалась неспособной обеспечить стабильное развитие общества.

Современное общество столкнулось с необходимостью формирования «мультикультурной этики». Свидетельством тому является появление в Европе «нового национального вопроса»: иммигранты уже не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Напротив, возросла острота конкуренции между коренным населением и иммигрантами во всех сферах жизни, отчего развиваются все более настороженные отношения ко-

ренных граждан к «чужакам». Иногда эта настороженность перерастает в нетерпимость, проявляется не только на бытовом, но и на общественном уровне.

Одной из форм демократического противодействия этой опасной тенденции может стать идея формирования «мультикультурной этики». В отличие от ставки на ассимиляцию, «мультикультуральная этика» исходит из возможности параллельного существования различного рода моралей. Все проживающие в том или ином государстве обязаны соблюдать его законы, и это накладывает ограничения на мультикультурализм, но эти ограничения не должны распространяться на духовно-нравственные аспекты существования представителей различных наций.

Каким же образом в современном обществе может функционировать «мультикультурная этика»? Если отказаться от абсолютных масштабов, будь то рациональные идеи или моральные ценности, то на что может опереться человек в своих поступках? Если нет абсолютных различий на добро и зло, истину и ложь, то не окажется ли мы во власти анархии?

Ю. Хабермас считал, что следует усвоить урок Ф. Ницше, и поскольку нам очевидны как недостатки морализма, так и невозможность избавиться от ценностных суждений, - остаётся «кооперация с моралью», и она видится ему в том, чтобы попытаться найти такую этическую систему, которая бы выполняла по отношению к «ходячим моральным кодексам» рефлексивную функцию и позволяла бы в жизни оставаться моральным и справедливым. Необходимо найти новую форму морали, в которой бы было место многообразию моралей, имеющихся в разных культурах, обществах и даже у разных индивидуумов. Но в этом случае мораль может оцениваться не только как хорошая, но и как плохая, если она не совпадает с принятым мною различием добра и зла. Именно так становится возможным дистанцироваться от морали и обрести по отношению к ней некую перспективу. Теперь нормативная этика становится уже недостаточной, и приходится выбирать между различными моральными системами. Приходится признавать существование индивидов, опирающихся на другие моральные принципы, и при этом не ждать взаимности. *Но как же тогда автономные, конкурирующие индивиды могут объединиться в общество, и каким является общество, в котором отсутствуют, и это уже факт, универсальные моральные нормы?* Речь должна идти о некоем «рынке признания», когда оно осуществляется не на основе долга и любви, а на основе «стоимостной» оценки акта признания, которое уподобляется товару. Тот, кто играет в игру признания другого, сильно рискует, ибо велика вероятность, что другой вовсе не ответит взаимным признанием. Отсюда моральное поведение современного человека опирается не на абсолютные нормы, а реализуется как такая стратегия, в которой решающим оказывается выбор между «выгодно» или «невыгодно». Мораль оказывается как бы блуждающей, спонтанной и сингулярной, свободно возникающей в одних случаях и исчезающей в других. Именно это обстоятельство делает этическую рефлексию морали практически актуальной.

Выход состоит в признании конфликта ценностей, который решается каждым отдельным человеком в зависимости от ситуации, то есть «контингентно», а не универсально. Однако общество блокирует такой выход нагнетанием страха, который становится эрзацем порядка.

Сегодня в полиэтнических регионах развитие «мультикультурной этики» является необходимым этапом гармоничного и стабильного развития суверенного национального государства. Возможность конституирования и развития подобного рода этики зависит, главным образом, от способности коренных представителей определённой нации принять вызов чужого, вступить в диалог.

Националистическая идеология вообще не рассматривает возможность какого-либо полноправного притязания со стороны Чужого, тем самым обрекая себя на невозможность ответить на это притязание. Но сам «не-ответ» тоже представляет собой разновидность ответа, за который необходимо нести ответственность. Т.е. существование Чужого независимо от нашего отношения к нему, желания или нежелания видеть и призывать как феномен, возлагает на нас ответственность за неизбежный ответ, который, хотя протекает здесь и теперь, но начинается где-то в другом месте.

В рамках националистической идеологии формируется целенаправленная установка на изживание Чужого. Чтобы изжить Чужое, его необходимо определить, но относительно феномена Чужого оказывается в принципе невозможно произвести подобную процедуру. Как только Чужое чётко маркируется, оно трансформируется в нечто ситуативно доступное, вследствие чего пропадает сама бинарная оппозиция между Своим и Чужим, в рамках которой только и возможно самоутверждение Своего. Своё обретает смысл лишь в процессе «ответчания» на притязание Чужого. Нежелание услышать вызов Чужого и центрирование лишь на собственном притязании не освобождает от ответственности за ответ, так как даже молчание представляет собой один из вариантов ответа.

Определение локализации Чужого жизненно необходимо для самоутверждения национального самосознания. Однако в националистической идеологии дифференциация Своего и Чужого оказывается центральным моментом, который структурирует в целом программу дальнейшей эволюции нации. Изначально выступая в качестве средства подъёма и роста национального движения, процесс идентификации Чужого стал целью, фундирующей выстраивающуюся новую систему ценностей. В своих работах идеологи развивающихся национальных государств прописывают логику развития Чужого и, в зависимости от её характера, выстраивают определённые нормативные стратегии действия. Но подобные установки, приобретая зачастую радикальный характер, лишь увеличивают пропасть между Своим и Чужим, не оставляя места возможности реализации диалога, в процессе которого только и возможно частично определить, что есть недоступное Чужое. Чёткая локализация Чужого не избавляет от необходимости вслушиваться в его притязания. Националистическая идеология чётко прописывает «чужих», следовательно, уже на уровне дефиниционного идеологического прописывания исчезает феномен Чуждости как таковой, так как его невозможно определить. Однако исчезает и возможность идентификации Своего, так как элиминируется бинарная оппозиция, в рамках которой только и возможно существование, развитие, самоопределение и самообретение Себя.

Изучение норм и принципов организации социального пространства при помощи националистической идеологии, их обоснование способствует выявлению и фиксации особенностей и сущности процесса конструирования «искусственной этики». Подобные процессы постоянно возникают сегодня и связаны с эволюцией национального самосознания, однако, не всегда оказываются воспринятыми массами, так как формальная, интеллектуально сконструированная, универсальность не образует органичного универсума. Даже если идеологи способны внедрить «искусственную этику» в сознание масс, результат подобной манипуляции очевиден: трагедия второй мировой войны становится неизбежной.

В основании любой идеологии лежит совокупность фундаментальных ценностей, на основании которых в дальнейшем выстраиваются и развиваются определённые программы действий. Мы должны признать, что эти ценности порой могут быть искусственно сконструированы, подобно тому, как они были сформированы в рамках различных

радикальных вариантах националистической идеологии, правда, при этом они должны быть укоренены в культуре. Как только в веками отстраивающуюся этику включаются «безразличные» элементы по отношению к культурным ценностям, начинаются открытые, неконтролируемые изменения социальной реальности. Попытки искусственного формирования норм и принципов, новых этических теорий для консолидации масс и манипуляции их сознанием возобновляются и развиваются и в современном мире. Анализ возможных путей развития лишь рационально сконструированных систем ценностей на примере различных вариантов националистических идеологий позволяет выявлять социально опасные явления ещё на латентных стадиях их развития и применять соответствующие меры в рамках государственного управления.

XX век актуализировал проблему взаимоотношений Своего и Чужого в силу усложнившихся социальных процессов современного мира и его эпохи «Глобализации». Теперешняя глобализация социума с неизбежностью влечёт иную стратегию – поиск самоидентификации национальных государственных образований. Тенденция к поиску своего государственного лица есть закономерная и, безусловно, позитивная реакция самостоятельных государственных организмов на реальные угрозы и вызовы со стороны глобализуемого мира. Однако, как показывает анализ политических процессов последних десятилетий, мы являемся свидетелями своего рода социального «де жа вю», однажды реализованного в практике континентальной Европы XX века – феномена генерации праворадикальной мысли – феномена националистических умонастроений и фашистской идеологии, в частности.

Во избежание повторения этого опыта необходимо своевременное и адекватное реагирование на проявившиеся сегодня тенденции путём конструирования новой, мультикультурной, этики. Принцип функционирования данной этики способствует преодолению искажения норм и принципов нравственного поведения по отношению к чужому, но тем не менее, не сводится к сущности содержания абстрактно-универсального морального кодекса. Напротив, этика будущего должна органично соединить в себе особенности двух тенденций XX века, описанные выше, следующим образом: все моральные системы в различных их вариантах признаются равными, но выбор одной из них на определённом историческом этапе и в конкретном социальном пространстве осуществляется на основе всеобщего аргументированного обсуждения и согласия.

WYBRANE PROBLEMY POLSKO-BIAŁORUSKIEJ WYMIANY TOWAROWEJ NA PRZYKŁADZIE PRZEDSIĘBIORSTW WOJEWÓDZTWA PODLASKIEGO

Anna Edyta Grabska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

W ostatnich latach rola małych i średnich przedsiębiorstw w dynamizowaniu polskiej gospodarki ulega systematycznemu zwiększeniu. Udział małych i średnich przedsiębiorstw w tworzeniu PKB w roku 2002 wyniósł 48,6% (48,4% w roku 2001), z tego małych przedsiębiorstw 40,5% (39,4% w roku 2001), a średnich 8,1% (9,0% w roku 2000). W analizowanym okresie wzrósł również udział sektora MSP w tworzeniu wartości dodanej brutto z 55,3% w roku 2001 do 55,6% w 2002 roku¹². O doniosłej roli MSP w polskiej gospodarce świadczy również fakt, iż stanowiły one w 2002 roku 99,84% wszystkich polskich

¹² Raport o stanie sektora małych i średnich przedsiębiorstw w Polsce w latach 2002-2003, Polska Agencja Rozwoju Przedsiębiorczości, Warszawa 2004, s. 21-22.

przedsiębiorstw (w tym 99,09% - przedsiębiorstwa małe i 0,75% - przedsiębiorstwa średnie). Siła rynkowa przedsiębiorstw sektora MSP w dużym stopniu wynika z faktu, iż wzmacniają one elastyczność podaży polskich produktów i usług, tzn. charakteryzują się sprawniejszą adaptacją do zmiennych warunków po stronie popytu, jak również w otoczeniu instytucjonalnym. Jednocześnie MSP absorbują zasoby siły roboczej zwolnione w wyniku modernizacji struktur polskiej gospodarki. Przedsiębiorstwa te zorientowane są proeksportowo i w coraz większym stopniu wykazują zdolności tworzenia i wdrażania rozwiązań innowacyjnych. Dlatego jednym z warunków wzrostu konkurencyjności polskiej gospodarki na arenie międzynarodowej będzie dynamizowanie rozwoju sektora małych i średnich przedsiębiorstw. Wobec powyższego zasadne wydaje się poddanie analizie czynników, które ograniczają rozwój sektora MSP.

Na potrzeby niniejszego opracowania identyfikacja tych czynników zostanie dokonana na przykładzie małych i średnich przedsiębiorstw z województwa podlaskiego.¹³ W badaniach uczestniczyły przedsiębiorstwa o różnych formach prawnych: 70 spośród nich to indywidualna działalność gospodarcza, 57 - spółki z ograniczoną odpowiedzialnością, 44 spółki cywilne, 12 spółek jawnych, 6 spółek cywilnych, 6 przedsiębiorstw państwowych i 5 spółdzielni. Wśród ankietowanych przedsiębiorstw 35% deklaruowało prowadzenie wyłącznie działalności produkcyjnej, następnie handlu (8,5%). Najmniejszy odsetek stanowiły podmioty, które zajmowały się wyłącznie świadczeniem usług (3%). Ponad 53% badanych przedsiębiorstw zadeklarowało działalność w kilku badanych obszarach.

Przyjmując za kryterium klasyfikacji poziom zatrudnienia, wśród badanej próby przeważały przedsiębiorstwa małe i średnie. Co czwarty podmiot zatrudniał do pięciu pracowników (25,5%). Ponad 38% przedsiębiorstw zatrudniało od 6 do 20 pracowników, a ponad 25% od 21 do 100. Najmniej podmiotów zatrudniało powyżej 101 pracowników (4,5%) wśród ankietowanych podmiotów.

Jedną z głównych szans rozwoju MSP regionu podlaskiego jest możliwość kooperacji z rynkami zagranicznymi. Powyższy fakt wynika z dogodnej lokalizacji województwa podlaskiego względem wschodnich rynków. Niestety atut ten nie jest w pełni wykorzystywany przez MSP regionu podlaskiego. Produkcja analizowanych przedsiębiorstw trafia przede wszystkim na rynek regionalny (Północno- i Wschodnia Polska), a następnie na rynek krajowy (około 44% badanych przedsiębiorstw przeznaczają ponad 50% całkowitej produkcji na rynek regionalny, natomiast 23% przedsiębiorstw przeznaczają powyżej 50% swojej produkcji na rynek krajowy). Tylko 31,5% ankietowanych przedsiębiorstw współpracowało z przedsiębiorstwami zagranicznymi.

Na uwagę zasługuje fakt, że tylko 28% badanych przedsiębiorstw silnie uzależnia swoje możliwości rozwoju od możliwości eksportowania na rynki wschodnie. Ponad 50% przedsiębiorstw nie widzi szans rozwoju w kooperacji z rynkami wschodnimi. Powyższe opinie znajdują odzwierciedlenie w wartości produkcji eksportowanej na rynki wschodnie. Przedsiębiorstwa regionu podlaskiego eksportujące na rynki wschodnie w zdecydowanej większości (ok. 60%) przeznaczają na ten cel tylko od 1% do 9% wartości całkowitej produkcji. Natomiast 80% przedsiębiorstw eksportujących na rynki UE przeznaczają na ten cel ponad 30% wartości całkowitej produkcji.

¹³ We wrześniu 2001 roku w Katedrze Ekonomii, Wydział Zarządzania, Politechnika Białostocka w ramach realizowanego projektu badawczego na temat *Problemy konkurencyjności przedsiębiorstw regionu podlaskiego* finansowanego ze środków pracy własnej numer WIZIM/4/01 przeprowadzono badania ankietowe dotyczące konkurencyjności 200 przedsiębiorstw zlokalizowanych w regionie Północno-Wschodnim Polski.

Tabela 1. Liczba przedsiębiorstw eksportujących

Lp.	Nazwa kraju	Liczba przedsiębiorstw	Procent z 200
1.	Białoruś	25	12,5
2.	Rosja	6	3
3.	Litwa	7	3,5
4.	Niemcy	13	6,5
5.	Francja	1	0,5
6.	Anglia	1	0,5
7.	Pozostałe	10	5
8.	Razem	63	31,5

Zródło: opracowanie własne na podstawie badań ankietowych

Na uwagę zasługuje fakt, że najwięcej ankietowanych przedsiębiorstw (12,5%) zadeklarowało współpracę z odbiorcami z Białorusi. Jednak, zważywszy na dogodną lokalizację podlaskich i białoruskich firm nie jest to liczba zadawalająca. Potwierdzeniem niewielkiego w stosunku do możliwości zainteresowania współpracą między polskimi i białoruskimi firmami są wyniki wymiany towarowej pomiędzy tymi krajami. Głównym partnerem handlowym Białorusi w roku 2002 była Rosja, której udział w ogólnej wartości obrotów handlu zagranicznego wynosił 57,9%. Analogicznie udział Polski wynosił 2,9%.

Tabela 2. Polsko-białoruskie obroty handlowe w latach 1997-2002 (w mln USD)

Wyszczególnienie	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Obroty	540	436	399	398	421	486
Eksport do Białorusi	319	266	233	244	276	260
Import z Białorusi	221	170	166	154	145	226
Saldo	98	96	67	90	131	34

Zródło: Centrum Informacji Handlu Zagranicznego, za: H. Wnorowski, *Kilka refleksji na temat wymiany towarowej Polski z Białorusią*, w: *Rozszerzenie Unii Europejskiej na wschód a rozwój współpracy transgranicznej*, red. W. Bieńkowski, J. Grabowiecki, H. Wnorowski, Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2004, s. 268.

Wartość polsko-białoruskich obrotów handlowych w 2002 roku wynosiła 487,2 mln USD; co oznacza wzrost o 15,6% w stosunku do roku 2001. Wartość polskiego eksportu na Białoruś wynosiła 260,2 mln USD (w porównaniu do roku 2001 jest to spadek o 5,7%), a import z Białorusi wynosił 227 mln USD (w porównaniu z rokiem 2001 jest to wzrost o 56%). Spadek wartości polskiego eksportu na rynek białoruski jest wynikiem szeregu trudności na jakie napotykają polskie firmy. W przypadku podlaskich przedsiębiorstw bariery ich kooperacji z rynkami zagranicznymi przedstawia tabela nr 3.

Tabela 3. Bariery kooperacji przedsiębiorstw regionu podlaskiego z rynkami zagranicznymi

Lp.	Bariery współpracy z zagranicą	Odsetek przedsiębiorstw
1.	Zbyt wysokie obciążenia finansowe przedsiębiorstwa	24,6
2.	Duże ryzyko kapitałowe	19,3
3.	Niejasne przepisy prawne	16,0
4.	Wysoka konkurencyjność zagranicznych produktów i usług	14,5
5.	Trudności ze znalezieniem potencjalnych kooperantów	13,5
6.	Brak dostępu do aktualnych informacji gospodarczych o potencjalnych kooperantach	8,5
7.	Inne	3,6

Zródło: opracowanie własne na podstawie badań ankietowych

Najważniejszym problemem dla ponad 24% podlaskich MSP w kooperacji z rynkami zagranicznymi są zbyt wysokie koszty prowadzenia działalności, co niewątpliwie przekłada się na problemy z utrzymaniem płynności finansowej (aż 45% podmiotów przyznało, że w 2000 roku miało problemy z utrzymaniem płynności finansowej). W ramach tej grupy problemów, przedsiębiorcy przede wszystkim wskazywali na nadmierne obciążenia na rzecz budżetu państwa (wysokie podatki, wysokie opłaty ZUS, wysokie podatki od nieruchomości). W przypadku kooperacji z firmami białoruskimi do czynników zwiększających koszty podlaskich eksporterów należy zaliczyć stosunkowo wysokie cła chroniące rynek białoruski. Równie istotnym problemem we współpracy z zagranicznymi firmami dla ponad 19% ankietowanych przedsiębiorstw jest duże ryzyko kapitałowe, które niewątpliwie należy połączyć z niejasnymi przepisami prawnymi (16%). W odniesieniu do współpracy z białoruskimi firmami ryzyko kapitałowe może wiązać się z trudnościami w rozliczaniu płatności. Białoruskie państwowe i spółdzielcze podmioty gospodarcze muszą rozliczać się tylko wg kursu NBB, a podaż dewiz przez NBB jest stosunkowo niewielka i bardzo często nie wystarcza do opłacenia transakcji importowych. W konsekwencji, brak możliwości zakupu dewiz na giełdzie walutowej przez białoruskie podmioty gospodarcze skutkuje wstrzymaniem dostaw przez polskich eksporterów. Z kolei zakup dewiz przez banki na Litwie, Łotwie lub w Rosji powoduje znaczny wzrost ich ceny, a tym samym spadek konkurencyjności cenowej polskich produktów.¹⁴ Ponadto problemy ryzyka kapitałowego w kooperacji polsko-białoruskiej mogą wynikać z istotnego zadłużenia białoruskich przedsiębiorstw, a w konsekwencji niemożliwością terminowego regulowania przez nich swoich zobowiązań. W roku 2002 zadłużenie białoruskich przedsiębiorstw wzrosło o 63%, a w okresie od stycznia do maja 2003 roku o 14,1%. Olbryzim problem białoruskich przedsiębiorstw, jak podaje Ministerstwo Gospodarki Białorusi jest również wzrost zapasów produkcji niesprzedanej, co w dużym stopniu jest wynikiem ich niskiej rentowności i niskiej konkurencyjności.¹⁵ Powyższe trudności białoruskich przedsiębiorców połączone z relatywnie niskim poziomem dochodów ludności może skutkować tym, że możliwości rozwoju polsko-białoruskiej wymiany towarowej nie będą w pełni wykorzystane.

Kolejna bariera ograniczająca rozwój wymiany towarowej pomiędzy Polską a Białorusią jest wynikiem struktury towarowej białoruskiego eksportu i importu z Polską. Białoruski eksport koncentruje się w dwóch sekcjach stanowiąc w sumie 82% jego wartości; produkty mineralne i produkcja chemiczna. Powyższa struktura wskazuje, że głównymi kreatorami białoruskiego eksportu do Polski są jedynie największe zakłady przemysłowe o państwowej formie własności (rafinerie, zakłady azotowe, kombinat soli potasowych). Z kolei po stronie białoruskiego importu z Polski dominują artykuły spożywcze (stanowią one ponad 26% wartości całego importu) oraz maszyny i urządzenia mechaniczne i elektryczne (stanowią one ponad 24% całego importu), które oferowane są przede wszystkim przez sektor MSP. Oznacza to, że białoruski sektor MSP, który byłby równoprawnym partnerem dla polskich firm produkuje tylko na potrzeby rynku wewnętrznego, a ten jest stosunkowo istnie chroniony instrumentami taryfowymi i pozataryfowymi.

Kolejną barierą w rozwoju polsko-białoruskiej wymiany towarowej, która mieści się w ramach niejasnych przepisów prawnych są trudności administracyjne na jakie napotyka polski eksporter. Polski eksport artykułów rolno-spożywczych na rynek białoruski wiąże się z koniecznością uzyskania w Ministerstwie Rolnictwa i Żywności Białorusi certyfikatów i

¹⁴ L. Dawydzienka, *Dynamizacyjna białorusko-polska współpraca gospodarcza*, w: *Rozszerzenie Unii Europejskiej na wschód a rozwój współpracy transgranicznej*, red. W. Bieńkowski, J. Grabowiecki, H. Wnorowski, Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2004, s. 411.

¹⁵ H. Wnorowski, *Kilka refleksji na temat wymiany towarowej Polski z Białorusią*, w: *Rozszerzenie...* op. cit., s. 267.

zezwoleń. Z kolei tryb wydawania tych dokumentów jest zbiurokratyzowany, skomplikowany, czasochłonny. System ogłaszania zamówień publicznych i przetargów nie sprzyja uczestnictwu przedsiębiorstw zagranicznych, w tym również polskich. Ogłoszenia te są publikowane w wyprzedzeniu od 4 do 15 dni, co skutecznie uniemożliwia przygotowanie kompletnej oferty.¹⁶ Jednocześnie Białoruś wprowadziła nakaz rejestrowania każdego kontraktu eksportowego i importowego, jak również obowiązkową rejestrację cen na wszystkie towary w kontraktach eksportowych. Ponadto, władze białoruskie wykorzystują szereg przepisów, które osłabiają działanie mechanizmu rynkowego w wymianie polsko – białoruskiej. Na przykład Kolegium Ministerstwa Rynku RB zobowiązało białoruskich przedsiębiorców do posiadania w sklepach minimum 75% towarów produkcji białoruskiej oraz ustaliło nakaz stosowania w zakładach pracy krajowych podzespołów. Powyższe nakazy skutkują nie tylko osłabieniem współpracy polsko-białoruskiej, ale również nie pozwalają białoruskim przedsiębiorstwom na kierowanie się w swoich decyzjach rachunkiem ekonomicznym, a w konsekwencji niewątpliwie osłabiają ich konkurencyjność międzynarodową.

Ponad 14% ankietowanych przedsiębiorstw, jako barierę kooperacji z rynkami zagranicznymi podaje wysoką konkurencyjność zagranicznych towarów i usług. W związku z wdrażaniem przez Białoruś różnych programów wspierania produkcji zastępującej import, polskie przedsiębiorstwa mogą nie mieć wystarczającej siły przetargowej. I tak, kredytowanie na Białorusi prac naukowo-badawczych ukierunkowanych na tworzenie nowych rodzajów produkcji eksportowej, kredytowanie pro-eksportowych projektów inwestycyjnych, czy wyrównywanie dla banków z tytułu niższego oprocentowania kredytów eksportowych w perspektywie może skutkować uniezależnieniem się od zagranicy, a tym samym poczuciem niskiej konkurencyjności ze strony polskich eksporterów.

Powyższe trudności w zakresie współpracy polsko – białoruskiej pozwalają na poszukiwanie rozwiązań promujących powiązania kooperacyjne. Takie rozwiązanie uzasadniają działania Białorusi mające na celu zachęcenie zagranicznych inwestorów do lokowania kapitału w tym kraju. Do najważniejszych zachęta należy zaliczyć¹⁷:

- zwolnienie z podatku dochodowego przez pierwsze trzy lata;
- płacenie tylko 50% podatku dochodowego w ciągu kolejnych trzech lat;
- zwolnienie z opłat celnych i podatku VAT za wwożony aport rzeczowy do kapitału założycielskiego spółki;
- zwolnienie z obowiązku odsprzedaży wpływów dewizowych za eksport swoich wyrobów;
- w przypadku zmiany warunków prawnych na gorsze przez kolejnych 5 lat zagraniczni inwestorzy podlegają nadal przepisom obowiązującym w dniu rejestracji;
- gwarancja, że dokonane inwestycje nie podlegają rekwizycji;
- swoboda wywożenia za granicę pochodzącej z działalności przedsiębiorstwa kwot pieniężnych w walutach wymiennalnych;
- rekompensaty za straty wynikłe wskutek przyjęcia przez organ urzędowy decyzji niezgodnej z ustawą lub naruszającej ich prawa.

Powyższe ułatwienia dla kapitału zagranicznego skutkują tym, że szereg krajów wykazuje zainteresowanie lokowaniem bezpośrednich inwestycji zagranicznych na Białorusi. Na dzień 1 stycznia 2003 roku w Białorusi zarejestrowanych było 250 polsko-białoruskich *joint-venture* oraz 137 polskich przedsiębiorstw zagranicznych.¹⁸ Wartość polskich BIZ na

¹⁶ H. Wnorowski, *Kilka refleksji na temat wymiany towarowej Polski z Białorusią*, w: *Rozszerzenie...* op. cit., s. 274.

¹⁷ J. Urbanowska, *Białoruś. Przewodnik dla przedsiębiorców*, UNIDO ITPO, Warszawa 2003.

¹⁸ L. Dawydzienka, *Dynamizacyjna białorusko-polska współpraca gospodarcza*, w: *Rozszerzenie...* op. cit., s. 416.

Białorusi do roku 2003 wynosiła 67 mln USD, co oznacza, że ponad 11% wszystkich inwestycji zagranicznych na Białorusi pochodzi z Polski.

Podsumowując powyższe rozważania należy zauważyć, że podlaskie przedsiębiorstwa w swej działalności na rynkach zagranicznych nie wykorzystują w pełni dogodnej lokalizacji względem rynku białoruskiego. W dużym stopniu jest to wynikiem ograniczonego za pomocą środków taryfowych i pozataryfowych dostępu polskich towarów do rynku białoruskiego. Dlatego jedną z możliwości aktywizowania współpracy polsko-białoruskiej może być rozwijanie powiązań kooperacyjnych.

EFFECT OF GLOBALISATION ON WORK PRACTICES IN A WORKPLACE

Marie Hines

European School of Economics, London, United Kingdom

This paper will examine the effect of globalisation on employment in the UK and the US in a context of new working practices. In this text 'globalisation' is defined as 'the intensification of worldwide social and business relationships which link distant localities in such a way that local happenings are shaped by distant events and vice versa' (Buchanan and Huczynski 2004:869). The work practices here are post-collective bargaining systems such as 'flat' or 'flexible' organisation together with teamwork and outsourcing and the Japanese 'lean' production techniques. In this chapter we will present the critical viewpoint of globalisation and its benefits together with the resulting changes in a workplace.

Two viewpoints of globalisation

'Globalisation is the massification of segments... In almost all nations are identical segments for Bach, Bauhaus, bicycles, pitta bread, punk rock... What may start out as a small local segments... become gigantically global.

Theodore Levitt 1983 (McQueen 2001:204)

According to David Buchanan and Andrzej Huczynski, two British Organisational Behaviour experts, globalisation as a set of trends and development processes started in the 1970s as a result of competition from low-cost manufacturing countries such as Japan, Hong Kong and Korea. Prior to that, the organisational models from the US were copied by the British and Continental companies. The management systems in Japan were investigated, found to be effective in obtaining high performance from the employees, and successfully implemented in many western countries. Since the 1980s the Scandinavian autonomous team model has been replicated in many companies all over the world.

Globalisation involves 'the death of distance', (Cairncross, 2001 in Buchanan and Huczynski 2004:38) which means that geographical distance between countries and various company locations becomes irrelevant. Global communication with internet, mobile telephones and satellite links aids this process. As does the development of free trade supported by national and international deregulation processes. The organisations such as the Commonwealth of Independent States (CIS), the Association of South East Nations (ASEAN), the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), the Council of The Baltic Sea State (CBSS), the European Union (EU) and the North American Free Trade Association (NAFTA) all reduce the role of single states in its economic affairs (Buchanan and Huczynski 2004:38). The companies can move goods and currencies around the world and manufacture in low-cost countries.

Countries have become interdependent to a degree that frightens the critics of globalisation. The mobility of transport, communication and capital with no political barriers is beneficial to a few and damaging to many (Dowd 2004:217). According to Humphrey McQueen, the economic historian, the world trade that started in the 17th century initiated the whole process of the exchange of resources, manufacturing processes and manufactured goods between West Africa, North America and England. Imperialism (meaning: of empire) was a term used later to describe the exploitative nature of these relationships. The term 'globalisation' started being used in 1987 in a context of IT, international stock market transactions and communications (McQueen 2001:198). Until the 1970s the international trade was steered by national economies; now the reverse is the case. McQueen quotes from Lenin's 'Imperialism, The Highest Stage of Capitalism' of 1915 the three important elements which he sees in globalisation: the dominance of monopolies (now large transnational companies), the export of capital (now called financialisation by Dowd in Dowd 2004:180). The next factor which he sees as relevant is 'the division of the globe by the great capitalist powers', now the former colonies that supply cheap labour in a form of outsourced manufacturing facilities, and migration and as well as raw materials which are priced to benefit the former colonists (McQueen 2001:198).

Changes in the nature of jobs

The combined effects of globalisation, development in IT and migration changed the contemporary workplace in the last twenty years. The jobs have become polarised and are either service, or very sophisticated and requiring constant skill updating to match the latest technology. The routine manual and clerical work has been outsourced abroad with a resulting increase in unemployment in the US and the UK (The Economist 2004:106).

The new work practices have increased productivity and reduced workforce. The 'flat' organisational structures, also called delayering and restructuring removed layers of middle managers for operational and financial flexibility. 'Flexible firm' originated by Atkinson in 1984 (Armstrong 2004:224) applied the principle of increasing and decreasing employee numbers in line with requirements. Numerous companies in the US and the UK have cut down the numbers of full-time staff in line with a 'core' staff idea. The rest of workforce are made up of part-time, contract, temporary and self-employed workers. In the US, in 1996, only 55% of the workforce were in full-time employment (Schulman 2003:70). The 'core' workforce idea has been developed into a 'shamrock' model of organisation by Charles Handy, the British management consultant. The workforce here consists of three parts of which one is 'essential' (full-time), the second is peripheral (sub-contractors) and the third -flexible, i.e., part-time (Handy 1990:205). As a result of applying this model across the UK there are in the current year 2.5 mln people in short-term employment (Armstrong 2003:225). The flexible work pattern dispenses with job security and career progression and excludes employment benefits in a form of a sick pay, holiday pay and pension entitlement. Both the wages and administration costs are thus reduced.

This model has been further developed into a 'knowledge worker' or 'portfolio worker'. A traditional employment relationship has been replaced by a transactional period-defined employment based on a contract, usually a short-term one, and lacking employee benefits, as per flexible working pattern described in previous paragraph. In a 'knowledge worker' contract situation, 'talent and knowledge are purchased as and when necessary', according to Laurie Mullins (Mullins 2005:778).

The popular work pattern used in high-volume manufacturing and increasingly in many kinds of workplaces is teamwork. It has been found to increase job satisfaction of team members and to produce high performance. It also draws on a collective pool of talent and

improves decision-making. The critics of teamwork system emphasize the self-controlling nature of team. It needs no supervision, as team members supervise each other. A critical reflection on teamwork quoted in Mullins 2005 p.542 states:

While teamwork may be about empowering the workers, devolving responsibility, and reversing repressive workplace control structures, it can also mean intensifying attention. Instead of an individual exercising a degree of influence over their own work, they can now influence the work of the others in their team through suggestion, demonstration, and exhortation. Life in teams can be stressful as individuals are subject to intense peer pressure to conform to group norms.

Wilson, F.M. *Organisational Behaviour: A Critical Introduction*, Oxford University Press (1999), p.93

Finally, the Japanese systems of 'lean production' include Total Quality Management (TQM) and Just-In-Time (JIT) and together with Quality Circles (kaizen) are used in high-volume manufacturing. All these brought improvements to product quality, efficiency of processes and elimination of waste. From critical viewpoint, they are seen as 'management by stress', as defined by Parker and Slaughter, because of intensification of work with timed movements, reduced inventory and streamlined continuous production (Buchanan and Huczynski 2004:95).

From multicultural workplace to outsourcing

The demographic changes that effect the UK and the US lie within three areas: one-increasing numbers of working women; two-ethnic minorities' participation in a workplace; and three-the aging of the working population (Cassell 2005:405). Demographic predictions indicate that in 2007 the US workforce will have a participation of women of 47%, of workers of over 45-40%, and of ethnic minorities-27% (Guffey 2000:88). These trends are being addressed by many governments and companies via introduction of the new legislation effecting employment. In the UK; Sex Discrimination Act 1975, Race Relations 1976; 2000 and Disability Discrimination Act 1995 guarantees all participation in the UK workforce (Mullins 2005:775).

Foreign workers participation in the US workforce was 39% in 1994. This figure included all legal and illegal workers together with those on tourist or student visas. This low-skill jobs' sector has kept down the overall level of the wages in the US (Dowd 2004:175). Also, most companies have had to address the issue of relations between multicultural groups in a workplace. Cultural diversity training is commonplace in the US and increasingly so in the UK companies for the purpose of integrating ethnic groups and promoting tolerance and harmony. The popular initiatives include workshops, support groups and special training opportunities for targeted sections of the workforce. The critics of diversity training maintain that pointing out differences between different groups create hostilities and are generally disliked by all participants (Cassell 2005:410).

As demographic trends indicate lack of skilled workforce in the US and the UK, the governments encourage economic migration from other countries and large companies outsource their jobs abroad. Originally, outsourcing was defined as 'a situation in which an organisation sub-contracts to another supplier work that was previously performing in-house' (Buchanan and Huczynski 2004:875). Manufacturing in low-cost countries has been a common practice of global companies for many years. A new trend is to outsource service jobs as well; call centres, IT support, software, product development, accountancy, architecture and graphic design are increasingly supplied by countries that benefit from

influx of high-skill jobs. These include Mexico, Costa Rica, South Africa, India, Philippines, China, and Eastern European countries such as Hungary, Poland, Czech Republic, Romania, Bulgaria and Russia (Buchanan and Huczynski 2004:42).

The reason for outsourcing is not only a profit opportunity for businesses, but also the local labour retention problem. The company NCO

OneSource employs 22,000 people in the US in their call-centres and debt-collecting centres. It has started moving its jobs to India and the spokesman for the company concludes: "It's very hard to hire in the US".

(The Economist 30/10/04:101). One could also conclude that the working conditions as well as the stresses of the job cause high workforce turnover.

The working conditions in the outsourced factories in the Third World countries are on the average poor with low wages. These conditions are being compared to the 19th century conditions of early capitalism in Britain (Dowd 2004:204). In China, factory workers are paid about 60 Euros per month and working hours often exceed legal limits. 'The pressure on Chinese factories, already the lowest cost in the world, to supply goods even more cheaply is enormous', says Alexandra Harney (The Financial Times 19/3/04). Thus the cycle of pressure on reducing costs in order to compete on a global scale continues.

Conclusion

From the evidence presented above we can see that the accelerated pace of business competition created by globalisation exert pressures on businesses as well as workforce of many countries. In the UK and the US the workplace changes reduced numbers of available and already polarised jobs and the workforce has become impoverished in skills as well as income. The workplace changes, in turn, were introduced in order to compete with successful Far Eastern economies. The constant skills update the jobs require, and the flexible nature of labour market prompts global businesses to export their jobs to low-cost economies. Societies there, in turn, polarise and become destabilised. The section of the population that does not participate in outsourced jobs, migrate to the West and participate in low-skill, low-wage economies, like the UK. The foreign workers contribute to suppressing the overall level of wages. As a result of this cycle, no country seems to benefit from free trade. The questions are being asked about globalisation serving the public interest.

The European economists are of opinion that the globalisation process needs to be slowed down. The national governments have a role to play here, as they are ultimately responsible for the economies of their countries (Schulman 2003:180). The viewpoint of the UK and the USA business model recommends self-regulation by applying the concept of business ethics. Increasingly, globalisation also involves the media and the consumers who will monitor social responsibility of multinational companies. There is evidence that in response to customer and stakeholder attitudes corporate values are changing. Businesses want to be seen as operating within a sphere of business ethics. Global companies will increasingly accept global responsibilities towards societies in which they operate. As HRH The Prince of Wales said in his foreword to Grayson and Hedges's book (Mullins 2005:162):

For the business community of the twenty first century, 'out of sight' is no longer 'out of mind'. Global communications and media operations can present every aspect of a company's operations directly to customers in stark, unflattering and immediate terms. Those customers increasingly believe that the role of large companies in our society must encompass more than the traditional functions of obeying the law, paying taxes and making a profit. Survey after survey reveals that they also want to see major corporations helping to 'make the world a better place'. That may be in some respects a naive ambition, but it is, nevertheless, a

clear expectation; and one that companies ignore at their peril... It is immensely encouraging to find that there are business leaders who recognise the challenge of running their companies in ways that make a positive and sustainable contribution to the societies in which they operate. It is a huge task, not least in finding ways of reaching out to the thousands of managers at the 'sharp end' of the business, who, every day, take the decisions that have real impact on employees, on whole communities and on the environment.

HRH The Prince of Wales

BIBLIOGRAPHY

- Armstrong, M. *A Handbook of Human Resource Management Practice* Kogan Page 2003
- Buchanan, D. & Huczynski, A. *Organisational Behaviour: An Introductory Text* Prentice Hall 2004
- Cassell, C. *Managing Diversity* in Redman, T. and Wilkinson, R. *Contemporary Human Resource Management: Text and Cases* Prentice Hall 2005
- Dowd, D. *Capitalism and Its Economics: A Critical History* Pluto Press 2004
- Guffey, M.A. *Business Communication: Process & Product* ITP 2000
- Handy, Ch. *Inside Organisations* Penguin 1990
- Harney, A. *Chinese factories roll out perks in bid for quality* The Financial Times 19/3/04
- HRH The Prince of Wales, Foreword to Grayson, D. and Hodges, A. *Everybody's Business: Managing Global Risks and Opportunities in Today's Global Society*, The Financial Times (2001) pp. 8-9
- 'The Indians are coming' in The Economist 30/10/04 p. 101
- Mullins, L.J. *Management and Organisational Behaviour* Prentice Hall 2005
- McQueen, H. *The Essence of Capitalism* Profile Books 2001
- 'Pushing a different sort of button' in The Economist 30/10/04 p. 106
- Rådnehge, A. *'Nike: It's grim for workers in our factories'* in Metro 14/4/05
- Schülman, B. *The Betrayal of Work* The New Press 2003

AKTYWNOŚĆ ZAWODOWA Kobiet A PRZEOBRAZENIA MODELU RODZINY W POLSCE

Ewa Sadowska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Początków aktywizacji zawodowej kobiet należy doszukiwać się w okresie powstania Drugiej Rzeczypospolitej, kiedy to nastąpiło nadanie Polkom praw wyborczych w 1918 roku. Rozpoczął się powolny proces znoszący ograniczenia i dysproporcje w sytuacji prawno-ekonomicznej kobiet i mężczyzn. Obecnie sukces zawodowy niejednokrotnie wypiera plany rodzinne kobiet, które samorealizację i satysfakcję z pracy oraz niezależność finansową traktują jako główny priorytet życiowy.

Wejście kobiet na rynek pracy; aktywność zawodowa wykraczająca poza obowiązki domowe spowodowała zmianę pozycji społecznej kobiet. Przejęły one część odpowiedzialności utrzymania rodziny, dotychczas ponoszonej jedynie przez mężczyzn. Aktywizując się zawodowo, kobiety wkroczyły w życie społeczne, gospodarcze, polityczne i kulturalne, a więc w te strefy, które dotychczas były głównie udziałem mężczyzn i podstawą ich prestiżu społecznego, a przez to i rodzinnego. Przeobrażenia te miały niewątpliwy wpływ na

funkcjonujący w Polsce model rodziny, przejawiający się w transformacji podziału obowiązków pomiędzy partnerów oraz w kreowaniu się partnerstwa decyzyjnego.

Wraz z ewolucją stylu życia i aspiracji zawodowych kobiet, zmieniały się zależności i relacje panujące pomiędzy partnerami w rodzinie. Można wyodrębnić trzy rodzaje funkcjonujących modeli rodziny¹⁹:

- 1) tradycyjny model rodziny według Parsonsa,
- 2) mieszany model rodziny według Myrdal i Klein,
- 3) partnerski model rodziny według Liljeström.

Pierwszy z powyższych modeli został zdefiniowany w latach 50. przez amerykańskiego socjologa Talcotta Parsonsa. Stworzył on teorię rodziny „nuklearnej”, w której rodzina jest definiowana jako komórka społeczna składająca się z zespolonych węzłem małżeńskim rodziców oraz ich dzieci. Jest ona ściśle związana z wyspecjalizowanymi instytucjami, które w coraz szerszym stopniu przejmują jej funkcje. Ojciec w rodzinie spełnia rolę instrumentalną, cechuje go „partykularyzm zdobywcy”. Jest on łącznikiem rodziny z innymi systemami społecznymi. Poprzez swą pracę zawodową i kontakty społeczno-zawodowe reprezentuje interesy rodziny na zewnątrz, dostosowując ją do istniejących sytuacji społecznych i umożliwiając jej osiąganie celów. Matkę zaś cechuje „partykularyzm statyczny”. Spełnia ona role ekspresywne, zajmując się przede wszystkim obowiązkami wewnątrzrodzinnymi, takimi jak prowadzenie gospodarstwa domowego, robienie zakupów, wychowanie dzieci, wprowadzanie wewnętrznego ładu w rodzinie i podtrzymywanie solidarności wszystkich członków grupy rodzinnej. Według Parsonsa, dzięki takiemu układowi ról małżeńskich rodzina ma możliwość realizacji własnej tożsamości – własnego ego.²⁰ Głównym przesłaniem wynikającym z powyższego modelu jest więc stwierdzenie, iż gospodarstwo domowe optymalnie wykorzystuje swoje zasoby dzięki specjalizacji wynikającej z uwarunkowań biologicznych obu płci. Do obowiązków mężczyzny należy utrzymanie rodziny, natomiast do obowiązków kobiety – opieka nad domem i dziećmi.

Konkurencyjną teorią do stworzonej przez Parsonsa, był model zaproponowany także w latach 50. przez Violę Myrdal i Alwę Klein. Zakładał on, iż kobieta w ciągu 4-fazowego cyklu życia, po urodzeniu i wychowaniu pożądaney liczby dzieci, może znaleźć czas na pracę zawodową. Z czasem model Myrdal i Klein w swej pierwotnej wersji ewaluował w kierunku modelu, w którym oboje rodziców jest współodpowiedzialnych za utrzymanie rodziny. Opieka nad domem i dziećmi nadal pozostaje jednak domeną kobiet.

Ostatni z wymienionych modeli został stworzony w latach 80. przez Ritę Liljeström. Główna idea modelu partnerskiego polega na stwierdzeniu, iż mężczyźni są w równym stopniu co kobiety odpowiedzialni zarówno za utrzymanie rodziny, jak i sprawowanie obowiązków domowych.

We współczesnych społeczeństwach funkcjonują wszystkie wymienione modele rodziny. Specyfika kulturowa, społeczna i gospodarcza danego kraju determinuje, który z modeli jawi się dominującym, preferowanym przez gospodarstwa domowe. Do najbardziej liberalnych należą z pewnością kraje skandynawskie, a przede wszystkim Szwecja. Jest tam często praktykowany partnerski model rodziny, a wręcz następuje odwrócenie ról pełnionych przez partnerów, kiedy to szwedzcy ojcowie coraz więcej czasu spędzają na urlopach wychowawczych, a szwedzkie mamy coraz częściej pracują na pełnym etacie, będąc głównymi żywicielami rodziny. W Szwecji występuje duże poparcie dla równouprawnienia kobiet, zarówno w sferze zawodowej, jak i na forum publicznym. Ponadto kraj dysponuje

¹⁹ na podst. A. Leira, *Working parents and the welfare state. Family Change and Policy Reform in Scandinavia*, Institute for Social Research, Oslo 2002.

²⁰ F. Adamski, *Rodzina. Wymiar społeczno-kulturowy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2002, s. 64-66.

zapleczem socjalnym, wspierającym macierzyństwo, a polityka społeczna koncentruje się na stworzeniu warunków pozwalających kobietom połączyć prace domowe z karierą zawodową. Poza tym w świadomości społecznej w mniejszym stopniu zakorzenione są stereotypy dotyczące biologicznego podziału obowiązków domowych i mężczyźni często angażują się w tego typu prace. Wzrost równouprawnienia kobiet i mężczyzn w opiece nad dziećmi odegrał decydującą rolę w zahamowaniu spadku demograficznego w Szwecji, w której obecnie notuje się wysoki przyrost naturalny.

Jak wygląda sytuacja rodzin polskich, które z pewnością żyją w innych, niż skandynawskie realiach?

Aktywizacja zawodowa kobiet jest obecnie zjawiskiem powszechnym w Polsce. Jej konsekwencją stała się partycypacja kobiet w budżetach rodzinnych, co w przypadku pauperyzacji wielu polskich rodzin jest kwestią niezwykle istotną i pożądaną.

W Narodowym Spisie Powszechnym z 2002 roku wskazywano głównie mężczyzn jako głowy rodzin w Polsce²¹. Głową gospodarstwa domowego w rozumieniu spisu jest ta osoba, która całkowicie lub w przeważającej części dostarcza środków utrzymania danemu gospodarstwu domowemu. Jeżeli dwie lub więcej osób dostarczały środków utrzymania w jednakowym stopniu, za głowę gospodarstwa domowego uznano tę osobę, która tymi środkami rozporządza.

W 60% ogółu gospodarstw domowych głową gospodarstwa był mężczyzna pozostający w związku małżeńskim, najczęściej w przedziale wieku 30-49 lat. Może być to związane z faktem, iż respondenci zaznaczali niejednokrotnie osoby, które więcej zarabiają. W Polsce istnieje rozbieżność między płacami kobiet i mężczyzn na korzyść tych drugich. W większości rodzin mąż ma więc większy wkład finansowy w budżecie rodzinnym, pomimo iż żona także pracuje zawodowo.

Porównując stan cywilny głowy gospodarstwa domowego w zależności od płci można było zauważyć istotne różnice. W przypadku mężczyzn 79,9% głów gospodarstw stanowili żonaci pozostający w związku małżeńskim, 10% – kawalerowie, a 10,1% pozostali, czyli żonaci niepozostający w związku małżeńskim, wdowcy, rozwiedzeni i separowani. Wśród kobiet będących głowami gospodarstw domowych 38,8% stanowiły mężatki, 35,7% – wdowy, a pozostałe – 25,5%.

Jeżeli głową gospodarstwa domowego była osoba niepozostająca w związku małżeńskim to najczęściej tworzyła gospodarstwo jednoosobowe. Gospodarstwa domowe, w których „głową” były osoby pozostające w związku małżeńskim składały się najczęściej z 2-4 osób. Znalazło to wyraz w przeciętnej liczbie osób – 3,62 w gospodarstwach reprezentowanych przez mężczyznę i 3,48 – przez kobietę.

Biorąc pod uwagę poziom wykształcenia najczęściej głową gospodarstwa domowego były osoby z wykształceniem średnim i niższym (81,3%). Najwięcej gospodarstw domowych było reprezentowanych przez osoby z wykształceniem zasadniczym zawodowym – 25,9%. Były to największe gospodarstwa – składały się przeciętnie z 3,4 osób. Gospodarstwa 4 i więcej osobowe stanowiły 46,6% ogółu omawianych gospodarstw.

Aktywizacja zawodowa kobiet sprawiła ponadto wzrost ich statusu społecznego. Badania pokazują, że niemal połowa społeczeństwa (49%) uważa, że w Polsce bardziej szanowane są kobiety pracujące zawodowo niż gospodynie domowe. Za ledwie 4% jest przeciwnego zdania. Ponad dwie piąte badanych (43%) nie dostrzega jednak różnic w statusie kobiet aktywnych i biernych zawodowo. Opinie na ten temat silnie różnicuje płeć respondentów.²²

²¹ http://www.stat.gov.pl/dane_spol_gosp/nsp/gosp_dom/gosp_dom.htm (25.03.2005)

²² *Opinie o kobietach pracujących zawodowo 2003*, Komunikat z badań CBOS.

Wśród respondentek, które zostały poddane badaniu w 2003 roku, dominowało przekonanie, że kobiety pracujące cieszą się większym poważaniem niż gospodynie domowe (60% wskazań). Natomiast mężczyźni najczęściej (54%) nie dostrzegali różnic w statusie kobiet aktywnych i biernych zawodowo; niemniej jednak prawie dwie piąte (37%) podzielało poglądy, że w Polsce bardziej cenione są kobiety pracujące zawodowo.

Opinie kobiet na ten temat zmieniały się w ostatnim dziesięcioleciu (we wcześniejszych badaniach respondentami były jedynie kobiety). W roku 1993 zaledwie połowa Polek (48%) uważała, że kobiety pracujące zawodowo cieszą się większym poważaniem społecznym niż gospodynie domowe, a dwie piąte (41%) było zdania, że w Polsce status kobiet aktywnych zawodowo jest taki sam jak niepracujących zarobkowo. Trzy lata później (w roku 1996) znacznie przybyło (wzrost do 71%) respondentek przekonanych, że praca zawodowa nobilituje społecznie w większym stopniu niż poświęcanie się sprawom domowym. W 2003 roku zostało co prawda odnotowane pewne osłabienie tego poglądu (spadek wskazań do 60%), jednak nadal podziela go większość Polek (znacznie więcej niż przed dziesięcioma laty).²³

Wśród preferowanych przez Polaków wzorów małżeństwa konkurują ze sobą dwa modele - tradycyjny oraz partnerski. W roku 1997 modele te miały niemal taką samą liczbę zwolenników. Tendencja zmieniła się w 2000 roku, kiedy to nieco częściej za najlepszy dla rodziny uważany był tradycyjny wzór małżeństwa. Wzrost aprobaty modelu tradycyjnego nie nastąpił jednak kosztem zmniejszenia się liczby zwolenników wzoru partnerskiego, ale kosztem niewielkiego spadku poparcia dla modelu mieszanego.²⁴

Uświęcony tradycją podział ról w małżeństwie aprobowało więcej mężczyzn (47%) niż kobiet (38%), model partnerski zaś częściej preferowały kobiety (42%) niż mężczyźni (33%). Wyobrażenia respondentów o właściwym podziale ról w małżeństwie wiążą się z cechami wyznaczającymi społeczno-kulturową tożsamość jednostki: z wiekiem, miejscem zamieszkania, wykształceniem, dochodami. Tradycyjny wzór rodziny i małżeństwa najbliższy jest ludziom starszym - powyżej 65 roku życia, mieszkańcom wsi, ankietowanym z wykształceniem podstawowym i zasadniczym zawodowym. Model ten preferowany był głównie przez robotników wykwalifikowanych i niewykwalifikowanych, gospodynie domowe, a także osobom gorzej uposażonym i najczęściej uczestniczącym w praktykach religijnych. Partnerskie zasady najbliższe są przede wszystkim mieszkańcom dużych miast liczącym ponad 500 tys. ludności, ludziom młodym - do 24 roku życia, osobom z wyższym wykształceniem, przedstawicielom kadry kierowniczej i inteligencji, pracownikom umysłowym niższego szczebla, pracownikom fizyczno-umysłowym, uczniom i studentom, osobom dobrze oceniającym własną sytuację materialną oraz respondentom nieuczestniczącym w praktykach religijnych.

Warto dodać, że preferencje w zakresie modelu małżeństwa nie różnicują w sposób istotny statystycznie deklaracji dotyczących pożądanej liczby dzieci. Zwolennicy każdego z trzech podstawowych modeli najczęściej wyrażają chęć posiadania dwojga dzieci, rzadziej - trojga.²⁵

W 2001 roku wykonano badania, które ukazują rzeczywistość realizowane modele rodziny w Polsce. Analizę przeprowadzono na próbie 4505 respondentów w wieku 18-65 lat.²⁶

Do osób wcielających w życiu rodzinnym model Parsonsa zaliczono:

— mężczyzn pracujących zawodowo w wymiarze więcej niż 10 godzin tygodniowo, podczas gdy kobiety pracowały w wymiarze nie przekraczającym 10 godzin tygodniowo bądź nie pracowały w ogóle,

²³ Ibidem.

²⁴ *Sytuacja polskich rodzin - oceny i postulaty 2000*, Komunikat z badań CBOS.

²⁵ Ibidem.

²⁶ *Badanie poglądów na temat polityki ludnościowej w Polsce "PPA2"*, Instytut Statystyki i Demografii SGH, pod kierunkiem prof. I.E. Kotowskiej, Warszawa 2001.

→ mężczyźni sprawujących mniej niż 40% ogółu obowiązków domowych, podczas gdy kobiety wykonywały więcej niż 60% (wyłączając obowiązki sprawowane przez inne osoby niż partnerzy).

Do osób realizujących w rodzinie model mieszany zaliczono osoby, w których związku:
→ zarówno mężczyzna jak i kobieta pracują zawodowo w wymiarze godzin przekraczającym 10 godzin tygodniowo,

→ mężczyzna sprawuje mniej niż 40%, natomiast kobieta więcej niż 60% ogółu obowiązków domowych (wyłączając obowiązki sprawowane przez inne osoby niż partnerzy).

Osoby, które realizują model partnerski, to osoby w których związku:

→ oboje partnerzy pracują zawodowo w takim samym wymiarze godzin (ale powyżej 10 godzin tygodniowo),

→ partnerzy dzielą się po równo swoimi obowiązkami, tj. każde z nich sprawuje około 40-60% obowiązków domowych (wyłączając obowiązki sprawowane przez inne osoby niż partnerzy).

Śród 3162 osób żyjących w małżeństwie lub kohabitacji do jednego z opisanych modeli udało się zaklasyfikować 1830 osób. Zdecydowanie najczęściej realizowanymi modelami były model mieszany według Myrdal i Klein (29,6%) oraz tradycyjny model Parsonsa (20,3%), rzadziej model partnerski według Liljeström (7,9%). Związki, których nie można było zaklasyfikować do żadnego z trzech powyższych modeli, obejmowały 42,2% respondentów.²⁷

Model partnerski częściej niż model tradycyjny realizowały osoby z wykształceniem wyższym i średnim, nie posiadające dzieci, zamieszkujące gospodarstwa domowe o dochodzie miesięcznym przekraczającym 2000zł.

Na podstawie powyższych badań można stwierdzić, że wyobrażenie Polaków odnośnie najlepszego z modeli sprzyjającego życiu rodzinnemu, skłania się ku modelowi opierającemu się na tradycyjnym podziale obowiązków. Kiedy jednak małżeństwa stykają się z panującymi obecnie trudnościami finansowymi, w sytuacji gdy niezbędne są dwie osoby do utrzymania rodziny, w życie wcielany jest model mieszany, kiedy to kobiety pracują podobnie jak ich partnerzy, będąc jednocześnie odpowiedzialnymi za większość obowiązków domowych. Nie bez znaczenia są tu z pewnością aspiracje zawodowe samych kobiet, możliwość samorealizacji, satysfakcji osobistej. Większość kobiet pragnie rozwijać się zawodowo i nie rezygnują z pracy pomimo konieczności pełnienia funkcji zarówno gospodyni domowej, jak i żywiciela rodziny.

Badania przeprowadzone przez dr Danutę Duch-Krzystoszek w 1996 roku ukazują, że 60% żon i pracujących kobiet uważa, że nawet gdyby ich mężowie zarabiali wystarczająco dużo, one nie zrezygnowałyby z pracy zawodowej. Z aktywności na rynku pracy nie zrezygnowałyby przede wszystkim kobiety młode i mieszkające w dużych miastach, o średnim i wyższym statusie zawodowym, dla których praca stanowi miejsce i źródło samorealizacji.²⁸ Kobiety coraz silniej podkreślają, że praca zawodowa sprzyja podnoszeniu ich pozycji społecznej i daje większą satysfakcję osobistą, niż czynności domowe.

Model partnerski preferowany jest natomiast przez osoby młode, wykształcone, mieszkające w większych miastach. Ponadto kobiety częściej niż mężczyźni pragną partnerskiego podziału ról w swojej rodzinie. Tendencja do wcielania w życie modelu rodziny, w którym oboje partnerów pracuje zawodowo oraz dzieli się obowiązkami domowymi występuje także wśród młodych małżeństw. Nie wykluczone jest więc, że następuje w Polsce era przemian w modelu rodziny. Zapoczątkowało ją młode pokolenie,

²⁷ Badanie poglądów na temat polityki ludnościowej w Polsce "PPA2", op.cit.

²⁸ D. Duch-Krzystoszek, *Relacje między pracą domową a zawodową*, [w:] J. Sikorska (red.) *Kobiety i ich mężowie. Studium porównawcze.*, Wydawnictwo IFiS PAN, Warszawa 1996, s. 90.

w mniejszym stopniu przywiązujące wagę do stereotypowego podziału ról, kiedy to obydwaj partnerzy mają ambicje zawodowe.

Jakkolwiek badania pokazują, że zakres obowiązków przypisywanych kobietom powolnym przemianom idącym w kierunku współuczestnictwa w realizacji czynności domowym z innymi członkami rodziny. W niektórych obowiązkach zwiększył się udział mężów. Wzrósł on w zakresie wykonywania codziennych zakupów, sprawowania opieki nad osobami kalekimi i przewlekle chorymi, odrabiania lekcji z dziećmi, załatwiania spraw urzędowych, wyrzucania śmieci, zlecenia usług oraz przygotowywania opału. Nadal jednak jest niewielki udział mężczyzn w zakresie przygotowywania posiłków, prania, prasowania i sprzątania oraz gruntownych porządków²⁹, a więc czynności niejednokrotnie ciężkich fizycznie i czasochłonnych.

Kobiety poprzez aktywność zawodową, z jednej strony podwyższają swój status społeczny i rodzinny, przyczyniają się do polepszenia sytuacji materialnej gospodarstwa domowego, z drugiej zaś poświęcając resztę wolnego czasu na obowiązki domowe, nie mają czasu dla siebie, na realizację swoich pasji, czy samokształcenie. Obowiązki domowe są ponadto niejednokrotnie eksploatujące fizycznie. Angielscy fizjologowie nakład energii zużywanej w pracach domowych porównują do pracy drwala leśnego³⁰.

Powszechny proces aktywizacji kobiet nie zapewnił powszechnego partnerstwa w sferze obowiązków domowych. Wśród rodzin polskich dominują modele rodziny przypisujące kobiecie odpowiedzialność za ognisko domowe. Nastąpiły jednak istotne przemiany na forum udziału kobiet w podejmowaniu ważnych decyzji rodzinnych. Kobiety aktywne zawodowo, które partycypują w budżetach domowych zaczęły być traktowane przez mężów jako partnerki życiowe, które pomagają podejmować istotne decyzje, wspierają rodzinę psychicznie. Badanie „Kobieta jako partnerka w małżeństwie i rodzinie” przeprowadzone w 2000 roku przez Kaczmarek, Hajduka i Gobis ukazuje, że w małżeństwach, w których kobiety pracują zawodowo 85% żon podejmuje wspólnie z mężami decyzje odnośnie życia towarzyskiego oraz sposobu spędzania urlopu. Partnerskie decyzje dotyczące wychowania dzieci, są podejmowane w rodzinach 78% ankietowanych kobiet. Natomiast 80% żon partycypuje w ustalaniu posunięć odnośnie poważnych wydatków finansowych. Samodzielne decyzje dokonują kobiety w przypadku drobnych wydatków (65% respondentek). Partnerstwo decyzyjne zachodzi przede wszystkim wśród młodych małżeństw.³¹

Podsumowując wpływ aktywizacji zawodowej kobiet na kształt relacji małżeńskich można dojść do następujących wniosków:

- 1) w większości rodzin polskich występuje przypisanie kobietom obowiązku zajmowania się gospodarstwem domowym pomimo, że pracują zawodowo,
- 2) mężczyźni są odpowiedzialni głównie za utrzymanie rodziny, co może się wiązać z faktem, że zarabiają oni z reguły więcej od swoich żon i są głównymi żywicielami rodziny,
- 3) występuje trend preferowania i wcielania w życie modelu partnerskiego wśród młodych, wykształconych małżeństw, pochodzących z dużych miast,

²⁹ A. Kotlarska-Michalska, *Przemiany rodzinnych ról kobiecych w okresie transformacji ustrojowej*, [w:] Z. Tyszka (red.), *Współczesne rodziny polskie-ich stan i kierunek przemian*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2001, s. 96.

³⁰ F. Adamski, *Rodzina. Wymiar społeczno-kulturowy*, op.cit, s. 206.

³¹ A. Kaczmarek, S. Hajduk, P. Gobis, *Kobieta jako partnerka w małżeństwie i rodzinie. Raport z badań*, Instytut Socjologii UAM, Poznań 2000, s. 87.

4) kariera zawodowa staje się dla wielu kobiet istotną częścią życia; która poza niezależnością finansową, daje satysfakcję, poczucie wartości i możliwość spełnienia aspiracji,

5) nastąpiła demokratyzacja życia rodzinnego w sferze planowania i podejmowania decyzji-partnerstwo decyzyjne.

BIBLIOGRAFIA

1) Leira A., *Working parents and the welfare state. Family Change and Policy Reform in Scandinavia*, Institute for Social Research, Oslo 2002.

2) Adamski F., *Rodzina. Wymiar społeczno-kulturowy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2002.

3) *Opinie o kobietach pracujących zawodowo 2003*, Komunikat z badań CBOS.

4) *Sytuacja polskich rodzin – oceny i postulaty 2000*, Komunikat z badań CBOS.

5) *Badanie poglądów na temat polityki ludnościowej w Polsce "PPA2"*, Instytut Statystyki i Demografii SGH, pod kierunkiem prof. I.E. Kotowskiej, Warszawa 2001.

6) Kottarska-Michalska A., *Przemiany rodzinnych ról kobiecych w okresie transformacji ustrojowej*, [w:] Z. Tyszka (red.), *Współczesne rodziny polskie-ich stan i kierunek przemian*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2001.

7) Kaczmarek A., Hajduk S., Gobis P., *Kobieta jako partnerka w małżeństwie i rodzinie. Raport z badań*, Instytut Socjologii UAM, Poznań 2000.

8) Duch-Krzysztosek D., *Relacje między pracą domową a zawodową*, [w:] J. Sikorska (red.) *Kobiety i ich mężowie. Studium porównawcze*, Wydawnictwo IFIS PAN, Warszawa 1996.

Zasoby Internetu

1) http://www.stat.gov.pl/dane_spol-gosp/nsp/gosp_dom/gosp_dom.htm (25.03.2005)

"INTERNATIONAL EXCHANGES DURING THE EARLY MODERN AGE: SILK, TRADE AND TRAVEL IN THE BALTIC COUNTRIES"

Elio Brancaforte

Tulane University, New Orleans, USA

In the following presentation I will examine certain sections of Adam Olearius's travel account from 1656 that deal with the Baltic countries, in particular his descriptions of the inhabitants, cities and customs of Livonia. Travel serves not only to foster trade and commerce, but it aids in the accumulation of information and the exchange of ideas.

In 1633, at the midpoint of the Thirty Years War, Duke Frederick III, ruler of the small Northern German duchy of Holstein-Gottorf came up with an idea to get rich. He decided to send an embassy to Persia, to see whether Shah Safi I would be interested in exporting his country's silk via Muscovy and the Baltic States to Gottorf. The war had blocked off the traditional routes through Southern Germany by which Northern Europe had obtained its silk, and the Ottoman monopoly of the trade had led to exorbitantly high tariffs. Duke Frederick wanted to sell the silk throughout his region and thus eliminate his duchy's debts. The scholar Adam Olearius (born Adam Ölschlegel in 1599) was chosen to chronicle the mission as its official secretary.

The Baltic countries—in the context of this embassy—served as a link between the East and the West, and even though the Holstein expedition was unsuccessful, Olearius's information about Riga, Reval, Narva and the surrounding regions was passed on to the Western

European public, which learned about these areas and their potential for international economic activity.

At this point I would like to give an overview of the journey before describing some of Olearius's observations about Livonia.

The embassy consisted of two parts: the first section, 1633–1635, describes the embassy's voyage to Moscow, negotiations with the Tsar Mikhail Feodorovich (the first of the Romanov dynasty), and the return of some of the leaders of the delegation to Gottorf in order to secure Duke Frederick's approval for the transit fee required by the Russian monarch. The route of this first trip went from Hamburg to Riga by ship, then through Wolmar, Dorpat, Narva to Neuschanz, Ladoga, Novgorod and Moscow. It returned via Novgorod, Narva, Reval, Riga, Memel, Königsberg, Danzig, Stettin to Gottorf.

The second part lasted from 1635–1639 and began inauspiciously, when the ship of the Holsteiners first ran aground off the Swedish island Öland, then was shipwrecked during a storm onto the coast of the island "Hochland" in the Finnish Gulf. But they made their way to Kunda (in present-day Estonia) and to Reval, where they recovered from their ordeal, before setting off for Moscow. There they secured the Tsar's approval, and continued down the Volga on a specially built ship named the "Friedrich," under constant threat of attack by Tatars and Cossacks. Upon reaching the Caspian Sea a storm once again destroyed their ship, but most of the entourage survived. The members of the embassy were able to proceed to Shamakha, the Persian point of entry, before proceeding to the Persian capital, Isfahan. There they spent more than four months in negotiations with the Shah before returning to Germany.

The mission to Persia was ultimately unsuccessful from a commercial point of view, but it did result in a number of scientific and cultural benefits for the duchy, primarily in terms of prestige. Olearius's travel account became a European bestseller, and was translated into Dutch, English, French and Italian soon after its publication in 1647. The enlarged second edition of the journey, the *Vermehrte Neue Beschreibung der muscowitischen und persischen Reyse* of 1656 combines a number of disciplines within its 800-page folio text and 120 engravings: a scholarly proto-ethnography, it also contains information on geography, biology, philosophy, linguistics, history, natural history...to name but a few of the subjects that are addressed in the work.

Olearius is a typical Baroque writer in that he is still deeply respectful of classical and Renaissance sources. He cites them copiously and compares them to each other, thus paying homage to the scholarly tradition. However, he does so with the critical attitude of a seventeenth-century scientist, whose own experiences and scholarly observations make the correction of faulty source material imperative. His attitude, which might seem rather predictable to a modern-day reader, represented a significant step forward for the scholarly world of his age. An example of Olearius's critical methodology occurs during the storm in the Baltic, near the beginning of the journey. Olearius notes that seasickness could not be caused by saltwater, as the humanist Pontanus maintained, but rather by the motion of the waves, since the crew felt the same effects later on the freshwater Caspian Sea.

The work claims to be not only a geographic account of a journey, but an ethnography, in the modern sense of the term, since it depicts the "nature" and customs of the peoples encountered and studied along the way. The author devotes an entire chapter to the "Non-German or old Livonian inhabitants," and mentions their forced conversion to Christianity during the Middle Ages. Yet despite the fact that they converted more than 400 years ago, many of them—especially in the countryside—still adhere to pagan beliefs and sorcery (e.g. they tie red ribbons around the branches of certain trees located on top of hills, and pray and perform heathen ceremonies beneath the branches). These non-

Germans serve the landed gentry and the inhabitants in the cities, and speak Estonian, their ancient mother tongue—which has no relationship with Latvian. They have very distinctive clothing, especially the females, who wear tight skirts that are like sacks, on the back of which they attach brass chains from which they hang pennies. The unmarried women go with uncovered heads in the winter and in the summer, and let their shoulder-length hair hang down so that their heads look very similar to those of the youths. Their clothing is made of simple woolen cloth and linen that they themselves produce.

Their marriage ceremonies involve the groom from one village picking up the bride in a different village and placing her on his horse. He is preceded by a bagpiper and two witnesses (who hold unsheathed swords in their hands), and is followed by the rest of the bridal party, also on horseback. The groom has a stick to which two copper coins are attached; that are given to the person who guards the roads, so that he will let the party through. During the meal the bride's head is covered with a cloth, which covers her face. After the bride and groom eat and drink a bit, they withdraw for two hours (even though it is still daylight), then, when the couple returns they all dance and drink throughout the night, until they fall down and sleep.

The city Reval has an accompanying engraving (that includes examples of typical dress of the inhabitants, and shows a German artist sketching the scene). Despite the fact that the area has experienced many battles, every year a great number of trees and bushes are burned and the land is used for farming. The resulting ashes provide an excellent fertilizer, and they produce high-quality grain, as well as healthy cattle and good, strong beer. The city, which is not much smaller than Riga, is very well-fortified and has high walls (and has successfully withstood two separate sieges by the Muscovites). Because of the city's natural location and ample harbor, it has devoted itself to commerce, ever since it was founded. It has attracted inhabitants to itself and grown daily; through commerce it has prospered and as a result built churches, convents, city walls, streets and stately stone houses and warehouses (that protect the merchandise from fire and other dangers). Ships of many nations can be found there, and the city was accepted into the Hanseatic League along with the cities Riga and Dorpat...it is rightly considered the most important marketplace in the Gulf of Finland.

Olearius describes how the nobility was established there, as well as which system of justice is in place. When Livonian peasants are punished, they have to take their shirts off and either lie down on the ground or let themselves be tied to a post. Another non-German administers the punishment, beating the individual according to the crime. The peasants are given only enough land on which to survive (and some of them secretly have plots of land in the forest on which they plant seeds and harvest the grain...but they are severely punished if they are caught). They have little money in general, and when the lords of the land are not severe toward them, then the overseers are cruel. Olearius recounts the story of a persecuted peasant who hanged his family and then himself because he couldn't pay his taxes. When the overseer entered the dark house of the peasant, he bumped his head against the feet of the victims.

Another reason for the success of the *Vermehrte Neue Beschreibung* are the numerous illustrations included in the work, some of which were even drawn by Olearius himself. After his return to Gottorf, he personally supervised the layout and production of the engravings. The title page emphasizes the language of pictorial representation: the customs of the observed peoples are "depicted with diligence and are decorated with many figures mostly drawn from life" (VNB, III). These illustrations support the scholarly aspirations of the account in a number of ways. Frequently, illustrations are used for their entertainment value, to highlight what might be termed the most adventurous moments of

the journey. The storm in the Baltic is depicted with the poignant detail of a drowning person's hand still sticking out of the water; the disaster on the Caspian Sea is portrayed at the moment of greatest danger, just as the mast is shattered into many pieces. Olearius notes the perils of the journey from Narva to Reval, by recounting recent wolf and bear attacks in the region.

At the center of one image, a rabid wolf attacks a peasant lying prostrate on the ground, next to another victim. A dead tree, with a jagged, broken-off trunk (probably a symbol of death) frames the picture on the right-hand side, while almost the entire left portion depicts the consequences of the attack. What appears to be a page of a book inserted into the left foreground of the engraving shows the front and back bust of a victim—an open-eyed corpse, gazing directly at the viewer—worthy of any modern-day horror movie. The upper right-hand corner of the page is slightly peeled back, to underline the temporal displacement, that is, to show the aftereffect of the attack. Another image includes two anecdotes about bears: in one, a farmer's horse is eaten by a bear, which then grabs the farmer, who is saved by his little dog when it barks and bites the bear's heels; in the second, a noblewoman traveling through the forest in a sleigh observes how a bear carries off a corpse that it has disinterred, and the shroud of the corpse scares the woman's horse.

These are just a few of the anecdotes and descriptions that Olearius provides of his journey and his experiences in Livonia.

After the embassy returned to Germany in 1639, a Persian delegation was sent by Shah Safi to Gottorf. When this Persian embassy arrived in Narva, a crowd gathered in front of the inn where they were staying, in order to catch a glimpse of the ambassador's Tatar wife. The ambassador, a certain Imam Quli Sultan, however, dashed their hopes when he ordered his coach to pull up next to the inn and had two tent walls attached from the wagon to the door, so that his wife would be able to walk into her lodgings without being seen by the public. He also asked whether all the women in the city were whores, since they let their faces be seen openly.

The Persian embassy arrived in Holstein in order to discuss details of the proposed agreement, express the Shah's friendship to the Duke, and invite further contact. As it turned out, the few bales of silk that they presented to Duke Frederick as a present from the Shah were the only amounts of the precious material that Gottorf would ever obtain from the mission.

Olearius's duties in Gottorf kept him extremely busy until his death in 1671. He was appointed court librarian by Duke Frederick, and charged with developing the Duke's cabinet of curiosities. Olearius produced a number of superior maps of the areas to which he traveled and corrected previous depictions, many of which were considerably flawed. His interest in the sciences led him to build an astrolabe, a microscope, a telescope, and his crowning achievement, a giant globe. This globe, ten feet in diameter, was hollow and seated twelve people inside, who could then watch the movement of the stars put into motion by an ingenious hydraulic system. The globe was later presented to Peter the Great, and is now located in the "Kunstammer" in St. Petersburg. All these achievements contributed to Olearius acquiring the name "the Holstein Pliny."

Adam Olearius produced a rich body of work that spans a number of disciplines, in the modern sense of the term. He is both a humanist and a scientist, and his methodology is that of a comparatist. He juxtaposes the customs and social structures of the people he meets in the Baltic States, in Muscovy and Persia with those of his native land. At times he even expresses admiration for some of their traits though they are so different from his

own. It is travel and trade that made this international exchange of information possible, and that helped prepare the way for the Enlightenment.

References are to:

Olearius, Adam. *Vermehrte Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persischen Rejse*. Edited by Dieter Lohmeier. 1971 ed. *Deutsche Neudrucke 21*. Tübingen: Max Niemeyer, 1656.

See also:

Olearius, Adam. *The Travels of Olearius in seventeenth-century Russia*. Translated by Samuel Baron. Edited by Samuel Baron. Stanford: Stanford University Press, 1967.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, КОНВЕРГЕНЦИЯ ИДЕЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ЕРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Даля Эйдуkene

Вильнюсский Гедеминовский технический университета, г. Вильнюс, Литва

В политической системе общества ведущим звеном выступает определенная модель государства. Современный этап общественной системной трансформации в постсоциалистических странах происходит в условиях создания правового государства. Воплощение в жизнь этой долгосрочной, стратегической и конституционной цели-идеала государственности сопровождается попытками преодолеть традицию классового государства, желающего стать политической, правовой организацией сотрудничества разных социальных групп и гарантией их благополучия. Это связано с общей демократизацией политической жизни народов, потому что идея правового государства всегда шла и идет вместе со свободой, демократией и идеей защиты прав человека, потому что демократия не может ничем другим конкретизироваться, как только господством права. Но правовое государство не может ограничиться только гарантиями минимальной безопасности своих граждан, заставляя власть повиниться закону. Оно должно идти дальше, гарантируя максимум безопасности прав, т. е. послушания властей не только ей самой изданным законам, но и от нее независимо существующим ценностям и социальным правам человека. Именно в этом таится необходимость расширения идеи правового государства в социальном направлении.

Именно в этом направлении развивается модернистская концепция и практика европейских государств. Влияние идеи социального государства общему прогрессу настолько значимо, что после Второй мировой войны она была возведена в конституционный принцип ряда стран — Великобритании, ФРГ, Японии, Австрии, Греции, Италии, Португалии, Франции, Швеции, Швейцарии и т. д.

В конституциях почти всех постсоциалистических стран также продекларировано, что они являются социальными государствами, а программные документы основных политических партий в явной и неявной форме содержат в себе те или иные элементы ориентации на социальную справедливость, решение социальных вопросов, которые, так или иначе, сводятся к проблеме социального государства. Но на деле мы имеем совсем иное положение дел. Торжество идей социальной справедливости и социального государства в данном пространстве длится короткий миг — в момент выборов. Но скрытая актуальность темы остается. Она обостряется очевидным кризисом радикал-либеральной политики, который оголяет нерешенность социальных

проблем и заставляет искать пути сочетания в государственной практике двух самых фундаментальных ценностей – свободы и социальности.

Радикальный либерализм оголил еще одну проблему, которая объективно заставляет переоценить ценности. Это проблема свободы и капитала, обеспечением которых в постсоветском пространстве надеялись решить множество проблем. Но либерализм, ограничивался лишь провозглашением юридической свободы и довольствовался имиджем этой ценности как самодостаточной. Более того, он сам ее и разрушает, требуя сбалансировать права и свободы индивида не с его культурной активностью, а с его управляемым капиталом. Таким образом, свобода перестает быть около капитала и без капитала. Говоря словами Б. Спинозы, попытка пропагандировать свободу как самодостаточную ценность становится симпатичной поэзией, которую интересно читать, но жить по ней невозможно.

Радикальный либерализм демистифицирует свободу, идентифицируя свободу личности с его объемом им управляемого капитала. Такое положение дел превращает государство в «королевство кривых зеркал», когда собственник капитала оказывается единственным борцом за свободу на фоне равнодушного общества, а дела экономически слабых граждан никого не интересуют.

В связи с этим стоит вспомнить слова основоположника концепции европейского социального государства Лоренца фон Штейна, который, стоя у истоков немецкого либерализма, заявлял, что смитианский оптимизм XVIII века, возлагавший такие радужные надежды на социальные последствия экономической свободы, не полностью оправдал себя. На исторической авансцене, как и прежде, остаются нерешенными экономические и социальные вопросы общества. По мнению Штейна, рост классовой борьбы и возникновение идеи социализма на деле доказывают, что экономическая свобода, как и свобода частного-хозяйственного предпринимательства, не только не равносильна фактической свободе личности, а может иметь и обратный смысл^{IV}.

О смерти «фанатического национального либерализма» отцовского поколения в конце XIX века заявлял и Макс Вебер. Он назвал причину ее – старое поколение либералов «просто не признавало «социального вопроса». Именно поэтому радикальный либерализм проиграл борьбу с альтернативами, и в первую очередь, социал-демократам. Более того, Вебер обратил внимание соотечественников на особенную ситуацию эпохи, когда «мы сталкиваемся с другими задачами, чем наши родители», – они намного превосходят либерализм предшествовавшего поколения, и «мощный энтузиазм идеализма» сделался невозможным». По мнению теоретика, необходима эволюция либерализма и она возможна, потому, что мы стали «лучше понимать прозаичные закономерности социальной жизни». Это понимание социального вопроса в дальнейшем вылилось в конвергенцию двух основных общеполитических парадигм – либерализма и социал-демократии. Только на уровне массового сознания они выступают как альтернативы. Но на уровне социального государства уже давно социал-демократизм «либерализуется», а либерализм «социал-демократизируется». Сегодня этот процесс продолжается.

Таким образом, ретроспектива приведенных выше мыслей теоретиков и практиков социального государства из прошлых разных столетий подтверждает, что современный мир является определенным синтезом социально-политических идей и практических творений, которые работают не только на повестку дня, но и на будущее. Проблемы сопровождают общество на всем протяжении его развития, становясь сложнее, но обществу, его лучшим умам дан шанс познать их и найти соответствующие требованиям времени пути их решения. Но теоретическая интерпретация проблемы рождает для ученых и политиков новую проблему выбора качественно

новой политической философии. В этом отношении необходимо иметь в виду общемировую тенденцию к конвергенции основных общественно-политических парадигм. В массовом сознании они выступают как некие фундаментальные альтернативы. В действительности же, при всех их различиях, по многим вопросам у них просматриваются некие общие позиции. Тенденция к их сближению закономерна, а строительство европейского социального государства — это заслуга не только социал-демократов, но неоллибералов и христианских демократов.

Возникает вопрос: существуют ли социально-политические идеи в «чистом виде»? Да они могут быть такими определенное время, но процесс эволюции и обновления рушит существующие границы между ними. Тенденция к их сближению закономерна, а строительство социального государства — это заслуга не только социал-демократов (сколько бы они это не утверждали), но и либералов и христианских демократов. В действительности же европейская модель социального государства — наглядное выражение конвергенции социал-демократических, христианских демократических и либеральных подходов.

Из выше сказанного можно сделать вывод о том, что идея социального государства не нова, но она остается актуальной как для европейских государств, так для постсоциалистических государств. Но достижение этой цели для этих государств имеет разную систему координат. Для стран Европы актуален вопрос модернизации модели социального государства. Для постсоветских государств же координаты продвижения по пути к социальному государству определяют неразвитость рыночных отношений и незначительность среднего класса и их социально-экономическое состояние с несформированной и нефункциональной рыночной экономикой и большинство обнищавшего населения, что требует социальности рыночной экономики. Эта проблема рождает новую проблему использования соответствующего опыта. Попробуем выделить некоторых из них: во-первых, попытки механического перенесения любого общественно-опыта на другую национальную почву обречены на неудачу; во-вторых, необходимо иметь в виду, что имеющийся опыт социального государства, его теория и практика имеет пространственное и временное измерение; в третьих, необходимо видеть новые тенденции общественного развития, как своего, так и европейских государств, и сочетать их с используемым опытом социального государства.

Но на фоне обсуждения западными социал-демократами перспектив смены парадигм европейской модели социального государства от «государства социальной помощи» к «государству инвестиций» возникает вопрос: а может этот опыт не имеет будущего и может завести в новый тупик? Но призывы некоторых «новых» социал-демократов Европы отказаться от якобы устаревшей социальной политики, приводящей к «чрезмерным социальным расходам», не находят единодушной поддержки. Многие западные политики считают, что задачи повышения конкурентоспособности отечественного производства не следует решать за счет сокращения перераспределительной системы. Иными словами «социальные расходы» и «социальные инвестиции» нужно не противопоставлять, а сочетать. В этой связи обращает на себя внимание заявление министра торговли Швеции Лейфа Пагротски, который, ссылаясь на положительный опыт шведской экономики, утверждает: «Расходы на социальную сферу могут благоприятствовать гибкости экономики». А гибкость — это ключ к низкой инфляции и долгосрочному экономическому росту. Исходя из этого, Пагротски делает вывод: «Мы должны не развенчивать европейскую модель, а модернизировать ее», с тем, чтобы создать самую конкурентоспособную и динамическую экономику в мире.

Мнение, которое выражает Л. Пагротски, наводит на более глубокие размышления и является определенным толчком для «молодых и неопытных строителей» социального государства для необходимого критического переосмысления и непредвзятого изучения опыта социального государства. Но при этом необходимо иметь в виду, что использование опыта государственного строительства в условиях кардинально иного социально-экономического пространства имеет свои закономерности и свою особенную логику. Именно они, на уровне использования опыта европейской модели социального государства, определяют «особенному», т. е. национальному, в диалектике общего и особенного первое место.

Таким образом, современный этап общественной системной трансформации в постсоциалистических странах на общем фоне цивилизационного процесса является закономерным процессом. И как говорил «архитектор» социального рыночного хозяйства в Германии Людвиг Эрхард: «Политические и экономические порядки всегда будут склонны трансформироваться постоянно, но останется вечная цель – служить и помочь благосостоянию людей».

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ширяева Л.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

«Завтра наш путь долг и мы можем исполниться. Пойдем вместе. У нас будет праздник и радость. Спою тебе песню твоей матери, и жены, и сестры, так же скажешь предание отца о горе и подвиге: будет наш путь общим».

Идея мира и братства народов в недавнем прошлом, перевернута с головы на ноги сегодня стала нести отрицательные эмоции и негативные мысли. Но процессы изменения сознания народов не зависят от нашего личного понимания. Давно говорилось с закономерности хода истории, можно рассуждать о ментальности определенных наций, о ментальности отдельного народа, хотя ещё в 70-х годах в Большой Советской Энциклопедии мы не найдём слово-МЕНТАЛЬНОСТЬ. Сегодня на наших глазах ускоренными темпами происходят объединительные процессы невозможные с точки зрения логики ещё лет 5 назад. Объединенная Европа- Объединённое Славянство. Для того, чтобы понять возможности такого конструктивного содружества для Будущей жизни, можно вспомнить предысторию уходящую в 15 тысячелетие до н. э.^[1]

Тогда древние славянские племена говорили на одном архаическом языке и место их расселения держава Аратта, включала в себя обширные территории от Днепра до родины древнейших этрусков.^[2] Аратта - арийская общность появившись на исторической арене, сложила генную память сегодняшних славян, которые, не глядя не на какие исторически негативные изменения всё-таки, периодически, идут друг к другу на встречу и выдвигают позитивные решения на пути взаимопонимания.

Вспомним историю польского и белорусского народов с единым геологическим пространством, в котором был накоплен позитивный опыт синтеза, обмена, и взаимного движения к созданию новых конструктивных решений, не пресекающих и угнетающих национальные особенности. Включение восточнославянских земель в состав Литовского государства имело историческое значение. Беларусь в составе ВКЛ сохраняла правовые традиции Древнерусского государства, восточное христианство стало внутренним фактором государственной и культурной жизни новой политической элиты.

Начиная с периода персональной унии (брак Ягайло с Ядвигой), постепенно наметился вектор развития особой черты свойственной новой ментальности, суть которой – толерантность. Существовавшее равенство в правах католиков и православных подтверждается рядом привилегий XV в.^[3]

В следующем столетии толерантность получает дальнейшее развитие в связи с аналогичными традициями Польши: свобода совести и равноправие различных христианских конфессий утверждается актом Варшавской конфедерации 1573 г. А знаменитый статут великого княжества литовского пишется на белорусском языке.

В перспективе дальнейшей истории этот союз двух государств был по сути прочным и постоянным. Литва, как государство не была поглощена Польшей. Сословно-демократическая государственность Литвы, как и аналогичная государственность Польши, были одновременно уничтожены вследствие согласованной политики трёх абсолютистских монархий – Австрии, Пруссии и России.^[4]

Вектор национального одностороннего мышления породил стереотип в ментальном восприятии национальных особенностей поляков, русских, белорусов. Идеи национализма всегда сопутствовали конфликтности XIX-XX веков. Национальная идеология в призме догматов прошлого преломляет подлинную конфликтность истории, создавая уже свою – виртуальную – реальность. Сейчас, когда пришла пора строительства общеевропейского дома, необходимо осмыслить по-новому опыт государственности, специфику характера народов, особенности ментальности восточных и западных славян.

Белорусский народ, как и польский с начала XIX века находился в равных условиях по отношению к новой титульной нации, которая из братской, соседней превратилась в главенствующую, тоталитарную. Система государства стала окрашивать российскую ментальность цветом превосходства и диктата. О негативных и позитивных чертах польского, белорусского и российского народов необходимо знать для того, чтобы избежать не решаемых ситуаций и конфликтности. Соседи ставшие врагами в течение всего XIX и XX веков смотрели друг на друга с опаской исподлобья. Многие поляки старались жить так, как будто России не существует, а о белорусах речь вообще не шла, так как эта национальная территория в тот период времени стала рассматриваться как Польша.

Два национальных уклада жизни в системе Российской Империи не воспринимались друг другом, неприязнь пряталась глубоко, но чувство принятия силы другого заставляло переживать ощущения контраста противоположных эмоциональных переживаний от любви до ненависти. Ярко и эмоционально это состояние передаёт польский поэт Ивашкевич в строчках к России:

«Пропасть которая болит и жгёт,
как ножом отравленным неизлечима рана.
Изрекаю, что тебя ненавижу? Или говорю, что ты любима?»^[5]

Николай Бердяев глубочайше точно смог проявить великую Польскую Душу, характер нации, и дать восторженную оценку неповторимых черт национальной ментальности. В своей статье «Русская и польская душа», он пишет: «Польская душа аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, не ведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетически до аффектации».^[6]

Аналогично тому, как в рамках семьи выделяются противоречия двух сторон, так и между народами в их контактах особо остро выступают противоречивые черты

характеров. Если для восприятия поляками русских и белорусов хлестко бьет черта расплывчатости, стихийности, покорности, то русское и белорусское «самолюбие» задевает чувства культурного европейского превосходства. До сих пор со стороны поляков Белоруссия рассматривается как *kresy*, находящиеся на окраине Польши, и тем отстающие от передовой Европы, а Россия рассматривается, как варварская, стихийная страна, претендующая на глобальное господство.

Близкие в корневых образованиях слова со стороны трёх народов воспринимаются искажёнными в другом языке, что способствует эмоциональному отталкиванию и неспособности воспринимать «чужое». Тенденции обособленности названных наций наметились с периода ВКЛ. С конца XVIII века, когда Российская империя стала утверждать свои законы и порядки в Польско-Белорусском пространстве, представители завоеванных наций стали отстаивать свою национальную независимость и тем самым ещё более ожесточили агрессивное качество социальных государственных структур. «Национальное тело» поляков и белорусов было разорвано, поругано и раздавлено. Русификация, как негативный фактор, тем не менее, не смогла сломить польско-белорусский дух независимости. Бердяев утверждает, что нет такого народа, который обладал бы таким напряжённым национальным чувством, как поляки, совершенно не поддающийся ассимиляции.

Русские, белорусы и поляки в историческом прошлом боролись не только за свои земли, но и за разное ощущение жизни, утверждая свой национальный дух и специфику мышления. Так русские отражали полонизацию, а поляки русификацию, и если говорить о белорусах, то они оказались в определённый период времени между «молотом и наковальней», отражая попеременно русификацию и полонизацию. В силу известных исторических причин белорусы должны были выстоять или умереть. Пластичность, текучесть национальной ментальности можно рассматривать, как необходимое, приобретённое условие самосохранения. Белорусский характер шлифовался между польским и русским мессианизмом, корни которого и формы проявления различны.

«Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым... Поляки внесли в мир идею жертвенного мессианизма. И русский мессианизм всегда должен был казаться полякам не – жертвенным, корыстным, притязающим на захват земли».^[7] Два сильных характера на протяжении долгих веков истории находились в непонимании по отношению к своей исторической миссии, и только белорусы, смогли покорно и жертвенно принять, через свою душу, ум, географическое пространство, те судьбоносные решения, которые разворачивались на их территории, в независимости от протеста личности.

Взрыв первой мировой войны объединяет перед лицом врага поляков, русских и белорусов. Происходит обратное влияние, польское воспринимается, как почти русское, происходит естественное сближение народов перед угрозой. Слияние трёх наций происходит через глубину духа. Известен поэтический диалог Эдварда Слоньского «И крикнем своим: *Jeszcze Polska jest!*» (Ещё Польша есть) с Валерием Брюсовым «Да, Польша есть: Кто сомневается в этом».^[8] Николай Бердяев также подводя итоги событий 1-ой мировой пишет: «Есть войны, которые посылаются Провидением, чтобы заставить народы опомниться, углубиться, приподняться. Неизбежность нынешней войны уже заложена во внутренней болезни человечества... Природа войны – не творческая, отрицательная, разрушительная; но война может пробудить творческие силы, может способствовать углублению жизни».^[9]

В период послевоенного десятилетия Польша строила свою новую государственность – II Речь Посполитую, советская Россия и Белоруссия, две республики, адаптировались в этот период к новым социальным установкам в надежде на творчество и контакт. Большевизм вскоре опять вносит разлад в общение народов. «От белого царства к красному», таким образным сравнением характеризуют польские исследователи период противостояния в жизни России и Польши совместной социалистической истории.^[10]

Большевизм усугубляет негативные отношения поляков, русских и белорусов. Синдром «оглядки», «опасности», пробуждается из польской национальной памяти вновь. С потерей Польшей независимости, после второй мировой войны отрицательные тенденции усиливаются. Возрождение третьей Речи Посполитой дает надежду на новую возможность контакта между славянами. Как отмечает Анджей Дравич «историческая ситуация открыла для двух стран первую в истории возможность строительства добрососедских отношений. Поляки не смогли стать готовыми к использованию такой возможности. Свобода способствует аккумуляции негативных исторических воспоминаний... свободному возрождению обид... и их подогреву через средства массовой информации»^[11].

Исторические условия сегодня дают возможность еще раз проявить чувства добрососедства и самых искренних устремлений к друг другу. Ныне перед Россией и Беларусью стоят иные задачи контакта с Польшей, чем в недавнем прошлом, инерция военного синдрома должна быть стерта с ментальной памяти поляков. Творчества, содружества, а не утеснения вот что в первую очередь необходимо проявлять в политике трех государств. «В каждой народной душе есть свои сильные и свои слабые стороны, свои качества и свои недостатки. Но нужно взаимно полюбить качества народных душ и простить их недостатки. В великом славянской мире должна быть и русская стихия и стихия польская... Жажда царства Христова на земле, откровения Святого Духа – есть жажда славянская».^[12] Следуя пожеланиям Бердяева можно сказать, что народные души могут не только понять, но и полюбить друг друга, прочувствовать свою принадлежность к единой расовой душе и осознать свою славянскую миссию в мире. Такие негативные стереотипы как «крэсовость», «москальство», «паньство» должны уйти из национального сознания.

Республика Польша, Республика Беларусь, Российская Федерация как социальные формы государственности сегодня утверждают национальное право и свободу. Настало время создания истинной свободы народной Души, которая в прекрасных женских образах своей земной природы и Космической Ментальности со-
тутствует объединению трех прекрасных сестер, держащих искренне друг друга за руки и провозглашающих Любовь и Содружество.

III. АДУКАЦЫЯ, МОЛАДЗЬ І КУЛЬТУРА ВА УМОВАХ СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ ГРАМАДСТВА

THE EDUCATIONAL FACTORS, WHICH SUPPORT SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN THE PROCESS OF SYSTEM TRANSFORMATION

Tadeusz Kowalewski

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Introduction

The role of small and medium-size business enterprises in Poland has been growing since the beginning of socio-economic transformation, as more and more companies underwent privatization and market economy started to develop. New laws concerning economic activity made it possible for active people to start their own businesses. The development of small and medium enterprises (SME) was dependent on many factors. One of them was wide offer of academic courses aimed at improving skills and competence of the SME sector staff. Of course, small and medium business employees took mostly extramural and evening courses. Wide and varied offer of educational forms (colleges, postgraduate studies, training courses etc) to a large extent contributed to development of small and medium business. When analyzing the role of the SME sector in the Polish economy, we must take a close look at SME employees' motives, their general attitude towards education and cooperation with scientific centers.

Legal normalization of the SME status

Defining the small and medium size enterprises was one of the most essential steps taken in the process of economic transformation in Poland. This was done by Freedom of Economic Activity Act of 2 July 2004, which regulated the status of a small businessmen, calling them "micro-entrepreneurs". According to the definition, a micro-entrepreneur is a businessman who, within at least one of the last two working years, met the following criteria:

1. hired average fewer than 10 employees, and
2. whose yearly net turnover of sales of goods, products and services plus financial operations did not exceed the equivalent of 2 million euro (in Polish zlotys)
or: the sum of assets of his balance, calculated at the end of one of the two years, did not exceed the equivalent of 2 million euro.¹

Art. 109 contains the basis for unification of the criteria used for calculating the status of an entrepreneur. The first two regulations of this article concern the way of calculating the mean yearly employment converted to full-time workplaces.² If the entrepreneur applies for financial help from public funds, he must declare before the appropriate organ that he meets the criteria defined in art. 104-106 of this act and that no other businessman, State Treasury or territorial council units possess³:

1. 25% or more contribution, share or stock in his business
2. rights to 25% or more profit sharing
3. 25% or more votes in the shareholders' meeting, the stockholders' general meeting or general meeting of the cooperative.

¹ Art. 104 of the Freedom of Economic Activity Act of July 2, 2004 (Dz. U. Nr 173, poz. 1807)

² Employees taking maternal leaves and employed for training periods only, are not taken into account here, por. art. 109 § 2 of the Freedom of Economic Activity Act, July 2, 2004 (Dz. U. Nr 173, poz. 1807).

³ Art. 108 of the Freedom of Economic Activity Act, July 2, 2004 (Dz. U. Nr 173, poz. 1807)

A small entrepreneur is a businessman who, within at least one of the last two working years, met the following criteria⁴:

1. hired average fewer than 50 employees, and
2. whose yearly net turnover of sales of goods, products and services plus financial operations did not exceed the equivalent of 10 million euro (in Polish zlotys)
or: the sum of assets of his balance, calculated at the end of one of the two years, did not exceed the equivalent of 10 million euro

A medium-size entrepreneur is a businessman who, within at least one of the last two working years, met the following criteria⁵:

1. hired average fewer than 250 employees, and
2. whose yearly net turnover of sales of goods, products and services plus financial operations did not exceed the equivalent of 50 million euro (in Polish zlotys)
or: the sum of assets of his balance, calculated at the end of one of the two years, did not exceed the equivalent of 43 million euro.

The application of the solutions concerning the statute of a micro-entrepreneur, small and medium businessmen according to the new act about freedom of economic activity agree with the European Committee recommendation No. 2003/361 / EC dated 6 May 2003.⁶

The role of the SME in economic development

The sector of small and medium enterprises plays a valid role in the development of Polish economy. It generates more than a half workplaces in the country and almost half of the GDP (Gross Domestic Product)⁷. Thanks to the simple and clear organizational structure, quick process of decision making, easy adaptation to current market demands and creativity⁸, the SME sector is crucial in the process of changing industrial structures, developing private ownership of production means, effective functioning of the economic system and infrastructure as well as in using the human potential⁹.

Steady rise in the number of small and medium businesses causes increase of employment in this sector. In the year 1999 the sector covered 64,15% of the total employment in the national economy, and in the year 2002 the percentage grew to 68,1%¹⁰. The share of this sector in creating GDP has been growing since 1997. Small and medium business produced 40,0% GDP in 1996, 45,3% in 1997, 48,1% in 1998, and 48,2% in 1999¹¹, achieving the level of 48,6% in the year 2002.¹²

A characteristic feature of small and medium business sector, which could be observed for a number of years, is that it engages much more strongly in import than export activities. As the supply offer of Polish producers is generally not very competitive, importing goods is more

⁴ Art. 105 of the Freedom of Economic Activity Act, July 2, 2004 (Dz.U. Nr 173, poz. 1807)

⁵ Art. 106 of the Freedom of Economic Activity Act, July 2, 2004 (Dz.U. Nr 173, poz. 1807)

⁶ Since Jan 01, 2005 the recommendation of the European Committee of May 06, 2003 concerning the definition of a micro, small and medium size enterprises (2003/361/EC) (Official Journal L 124 of May 20, 2003) replaced the previous one (96/280/EC) from April 03, 1996, see: A. Jankowska, F. Milewski, ZPORR – action 2.5., Biuletyn Portalu e-MSP, Nr 05 (31), September 2004, p. 3 [wr: <http://www.e-mssp.pl>], data from March 21, 2005.

⁷ Situation of the small and medium business sector. Press information of February 27, 2003, www.mpips.gov.pl, data from March 6, 2003; Government activities towards small and medium business enterprises 2003-2006. Document accepted by the Government on February 4th 2003, Department of Economy, Employment and Social Politics, Warszawa, February 2003.

⁸ Stan sektora małych i średnich przedsiębiorstw w Polsce. Raport za lata 1995-1996, Polska Fundacja MSP, Warszawa 1997, p. 86

⁹ Wkład małych i średnich przedsiębiorstw w rozwój gospodarki polskiej, Polska Fundacja MSP, collective work, ed. by L. Zienkowski, Warszawa 1997, pp. 137-138

¹⁰ <http://www.parp.gov.pl>, data from March 22, 2005.

¹¹ Raport o działalności gospodarczej, dodatek specjalny, Prawo przedsiębiorcy, 2000, No. 44, pp. 17-15.

¹² <http://www.parp.gov.pl>, data from March 22, 2005.

profitable for small and medium businesses than exporting them. In the year 2002 the value of import in this sector amounted to 33,5 bln USD (12,1% more than in the previous year), and the value of export - 18,2 bln USD (15,1% more than in the previous year¹³). As the total value of all Polish import in the year 2002 grew by 9,6%, it means that the total growth was lower than the growth in the SME sector alone and the contribution of this sector to the total import grew from 59,4% in 2001 to 60,7% in 2002. On the other hand, in the years 2001-2002 the yearly increase of export in the SME sector was lower than the total indicators (in 2001 8,6% and 14,0% relatively; and in 2000 - 11,6% and 15,5%¹⁴).

The territorial distribution of small and medium size businesses is by no means uniform throughout the country. The main concentration areas are located around large agglomerations and in districts with well developed and diverse industry. The four largest agglomerations: Warsaw, Katowice, Gdańsk and Poznań, in the year 1998 covered about 29% of all active small and medium businesses. 15,7% of them were situated at rural communes. In rural areas the ratio was 39 firms to 1000 every inhabitants - about 3 times less in comparison to urban areas, where 92 businesses were registered with every 1000 inhabitants.¹⁵

In the EU there exist 19 million SME. They make up nearly 99% of all EU enterprises and employ over 74 million people. They are a source of employment, innovations, activity and economic growth. In the countries which entered the EU in May 2004, there exist about 6 million companies and most of them are micro-enterprises. SME provide 72% of jobs there. In the extended European Union small business remains the key to economic growth; competitiveness and creating new workplaces.¹⁶

Explosion of higher education

The transition from a totalitarian system to democracy, which started in Poland in the 1980s, not only enlivened economic activity, but also caused liberalization of many legal regulations. Changing of the act concerning higher education in the year 1990 opened the way for 3-year professional colleges giving engineer's or bachelor's diploma. The Act of Higher Professional Education, implemented in 1997, allowed appearance of many new schools of this type. These two acts resulted in a great number of new students of professional colleges.

In the last decade of the 20th century a quantitative revolution took place in the Polish higher education system. The act of higher education, accepted in 1990, created the possibility of establishing non-public, paid colleges and universities. In 1990 we had 390 000 students at 112 public universities of all types, which gave Poland the 22nd position in Europe, just before Albania. Our percentage of citizens with university diplomas was the lowest in Europe - 6%, compared to 20% - 40% in well-developed countries of the world. Five years later the number of colleges grew up to 179, and the number of students to 794 000. In the year 1998 we already had 266 colleges and 1,273 million students. In the academic year 1999/2000, according to GUS (Central Office of Statistics), 1,431 million students were educated at 287 schools¹⁷. The numbers are continually growing. At present, there exist

¹³ Raport o stanie małych i średnich przedsiębiorstw w Polsce w latach 2002-2003 (...), op. cit., p. 54.

¹⁴ Ibid., pp. 54-55.

¹⁵ Małe i średnie przedsiębiorstwa w Polsce w 1998 roku, Polska Agencja Rozwoju Przedsiębiorczości, www.parp.gov.pl/index_2_06.10.03.

¹⁶ <http://europa.eu.int/comm/enterprise/entrepreneurship/>

¹⁷ See: T. Kowalewski, Zmiany w polskim szkolnictwie wyższym - dylematy rozwojowe (in:) Zmiany jako czynnik rozwoju organizacji, M. Lisiński (ed.), Wydaw. KUL, Lublin 2003, pp.63-71; also:

T. Kowalewski, Edukacyjne uwarunkowania rozwoju gospodarczego Polski (In:) Systemy gospodarcze i ich ewolucja. Model polskiej gospodarki w kontekście przyszłego członkostwa w Unii Europejskiej, S. Swadzba (red.), Wydaw. Akademii Ekonomicznej im. Karola Adamieckiego w Katowicach, Katowice 2002, pp.217-231. H. Zyliński, Przyszłość szkoły wyższej, „Konspekt” 2001, No 6

458 colleges¹⁸, out of which 198 are state universities and 260 - private universities, with the total number of students amounting to 1,8 million. (Over 60 non-public schools have achieved suitable authorizations and can grant the M.A. diplomas. The number of non-public students is 0,5 million¹⁹, which constitutes 30% of the total number of students in Poland). This huge quantitative growth was possible due to the appearance of non-public colleges, and also to increase in the number of extramural and evening classes at state universities.

Education of the SME employees

The dependency between university education and behaviour of SME employees is shown in the results of empirical research conducted by GFK Polonia for Polish Agency of Enterprise Development on 3-14 September 2001. The aim of the research was to specify the condition of small and medium business. The respondents were owners or managerial personnel of the SME sector. Most of the employees of this sector are graduates of technical high schools. Almost one half of the firms questioned employs such staff: 30% of the companies employ staff who finished general high schools; and 27% - vocational training schools.

Polish firms prefer technical high schools graduates. Such are the expectations in nearly half of the companies. A positive fact is that 1/5 of these firms employ college graduates. A very interesting factor is the education of the owners of small and medium businesses. It could be expected that the less educated they are themselves, the less eager they would be to employ college graduates. This phenomenon could be very unfavourable for the development of the society as a whole. At the turn of the century, in the years 1999 - 2001, the number of unemployed with a college degree in Poland rose from 30 000 to 70 000²⁰. The number is still growing; but it seems to be a marginal phenomenon.

Conclusions

The transformation of national economy in Poland, which started in 1989, began a process of liberating of enterprising attitudes and this has become one of the most important factors of development of small and medium enterprises. The contribution of the private sector within the SME has been growing constantly. Dynamic development of this sector indicates success of the Polish transformation. It turns out that small and medium business is most flexible in meeting the demands of market economy and fulfilling the customers' needs. Moreover, it is able to implement new technologies and to be competitive. Growing demand for college level education during the transformation process had a rather profitable influence on the development of enterprise in Poland.

ЧЕРТЫ ОТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ СФЕРЫ РАЗВИТИЯ В ШКОЛАХ ЛИТВЫ

Вилия Гринцявичене

Вильнюсский Гедиминовский технический университет, г. Вильнюс, Литва

Во все времена учителю (его личности) предъявлялись особые требования: только личность может развить личности. После важнейшего исторического перелома в Литве (получение независимости), изменились темпы развития общества. При смене социума, меняются все социальные институты. Особенно быстро меняется система обра-

¹⁸ The data seems to be exaggerated; as „Rzeczpospolita” on Feb. 09, 2004 states (backing it up with GUS data), that in the academic year 2002/2003 there are 377 colleges existing – see: A. Paciorek, Nadchodzi czas egzaminu, „Rzeczpospolita” No 33(6716), Feb.09,2004

¹⁹ http://www.uczelnie.pl/found1.asp?typ_uczelni=0&typ_szkoly=0 from Feb.02, 2004

²⁰ H. Zieliński, op.cit.

зования. Постоянно растут требования общества (учеников и их родителей) к компетентности педагога. Отношения участников сферы развития, уровень духовности в школах, содержание подготовки учителей, их компетенции, - это проблемы, которые решают ученые различных сфер как в Литве, так и за границей. В последнее время выше упомянутые вопросы в своих работах отобразили L. Jovaiša, M. Barkauskaitė, T. Stulpinas, V. Rajeckas, J. Uzdila, K. Pukelis, J. Vaitkevičius, R. Želvys, A. Petere, R. A. Meighan, V. Krumm и др. Хотя сегодняшняя ситуация (качество отношений участников сферы развития) свидетельствует, что проблема все еще существует.

Во всех документах, регламентирующих деятельность системы образования, акцентируется, что сегодняшняя сфера развития должна быть обоснована гуманизмом и идеями демократии. Но принцип гуманизма может существовать только в естественной здоровой среде, когда педагог своим воспитанникам прививает реальные ценности и соответствующее отношение к наследию народа. В среде с положительным эмоциональным фоном существуют добросердечные, дружеские отношения между участниками сферы развития, а ученики ставят в пример педагогов, их уважают и любят, естественно формируются позитивные отношения школы и общества. Без сомнения, в педагогическом процессе учитель участвует как неразрывное единое целое: ум и чувства, духовные и физические свойства. Поэтому и спектр компетенций учителя очень широк. А требования воспитанников к его личности - довольно высокие.

Уровень изучения выдвинутой проблемы недостаточен: комплексные исследования могли бы предоставить полный анализ ситуации, а на основе обобщенных выводов сформированные предложения послужили бы для совершенствования системы образования в Литве и для поиска оптимальной модели подготовки педагогов в пространстве социальных изменений.

Исследуемый объект - ученики 10 и 12 классов.

Исследуемый предмет - требования учеников 10 и 12 классов по отношению к личности педагога.

Цель работы - психологическим - педагогическим аспектом проанализировать черты общения участников сферы развития и раскрыть требования учеников по отношению к личности педагога.

Задачи исследования:

1. Раскрыть качество отношений между участниками в сфере развития в современных школах;
2. Установить самые ценные качества учителей глазами учеников;
3. Проанализировать проблему наркотиков в контексте отношений участников сферы развития.

Методы исследования:

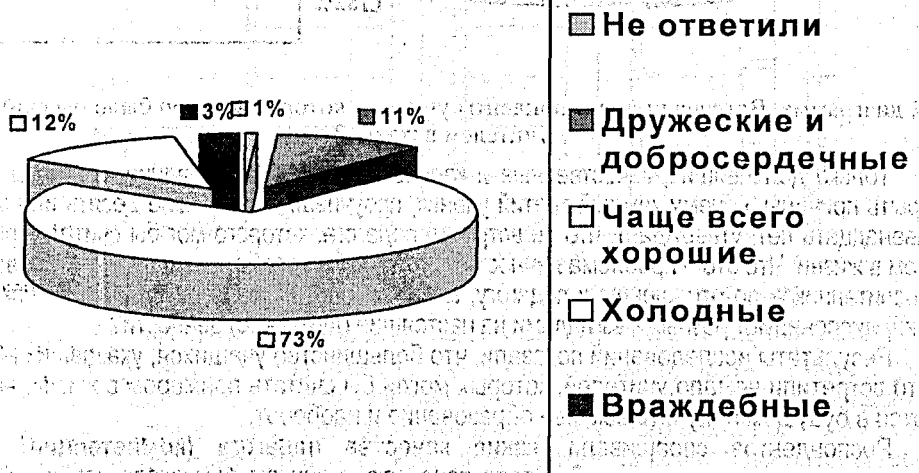
1. Теоретические: изучение педагогической, психологической, социальной, социологической, философской литературы, документов системы образования и документов и данных об изменении процесса развития аспектом выбранного исследования.
2. Исторические сравнительные: сравнительный анализ концепций, понятий и взглядов, позволивший сравнить системы просвещения отдельных промежутков времени Литвы и зарубежных стран; метаанализ применен интерпретируя статистический анализ и анализ документов, произведенный другими авторами.
3. Эмпирические: выяснение мнения респондентов путем анкетирования и анализ их писем.
4. Триангуляция - применена для более широкого и выгодного понимания исследуемого явления.

Результаты исследования.

География исследования - все регионы Литвы. Общее кол-во составило 89016 учеников. В опросе участвовали 732 ученика. Такое количество считается репрезентативным. Оно удовлетворяет требования 95 проц. доверительного интервала и 0,05 погрешности, которые в количественных исследованиях с точки зрения репрезентативности являются достаточными. Для обработки статистических данных был использован пакет SPSS 10.0 / Windows. Исследуемая группа сформирована принципом "букет" (серийным).

Был применен метод математической статистики интервала "доверия".

С помощью исследования раскрыто качество отношений участников сферы развития. Респондентов спрашивали: **как оцениваете отношения учеников и учителей в вашей школе?** Результаты исследования показали, что большинство учеников оценивают отношения с учителями позитивно: каждый десятый респондент утверждает, что отношения дружеские и добросердечные, а 73,2 проц. опрошенных описали их как зачастую хорошие. Хотя каждый девятый ученик, участвовавший в опросе, утверждает, что в их школе отношения между участниками сферы развития холодные и даже враждебные (3 проц.). См. 1 диаграмму.

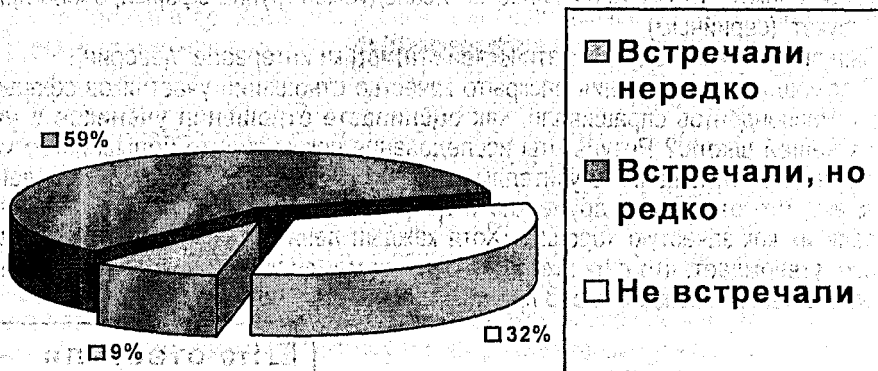

1-диаграмма. Мнения респондентов об отношениях участников сферы развития

Самое позитивное мнение по поводу отношений учителей и учеников в своих школах выразили гимназисты: не было ни одного утверждения, что отношения враждебные. В результатах исследований доминировало утверждение, что отношения педагогов и воспитанников чаще всего хорошие (81 проц.) или дружеские и добросердечные (14 проц.). Довольно позитивными отношениями с педагогами удовлетворены ученики литовских лицеев: 62,1 проц. респондентов утверждают, что их отношения с педагогами чаще всего хорошие, а 17,3 проц. респондентов располагают утверждением, что связь учеников и педагогов довольно глубокая, отношения дружеские и добросердечные. Самым негативным образом отношения педагогов и воспитанников описали ученики городских и деревенских средних школ.

Результаты исследований раскрыли связь между отношениями юных абитуриентов (ученики 10 классов) и учителей и их положением к стремлению получить среднее, а в будущем и высшее образование.

Так как любимый учитель и учитель, который является примером для ученика, не тождественные понятия, у респондентов спрашивали, **встречали ли они педагогов, которых бы считали примером в жизни?** Результаты исследований показали, что каждый третий ученик (32 проц.) таких учителей не встречал; 59 проц. опрошенных учеников утверждали, что встречали таких педагогов, но не много; и только 8,7 проц. респондентов диспонировали утверждением, что таких учителей встречали немало. См. 2 диаграмму.

2 диаграмма. Встречали ли респонденты учителя, которого можно было бы считать учителем в жизни?

Только дальнейшие, качественные и количественные исследования могли бы раскрыть причины, почему каждый третий ученик, проучившийся в школе десять или даже двенадцать лет, утверждает, что не встретил педагога, которого мог бы считать примером в жизни. Что это – проблема личности учителей, или особо завышенные требования воспитанников по отношению к педагогу, а может, они (представители разных поколений) диспонируют разными взглядами на настоящие (духовные) ценности?

Результаты исследований показали, что большинство учащихся, указавших на то, что встретили немало учителей, которых могли бы считать примером в жизни, надеются в будущем получить высшее образование и наоборот.

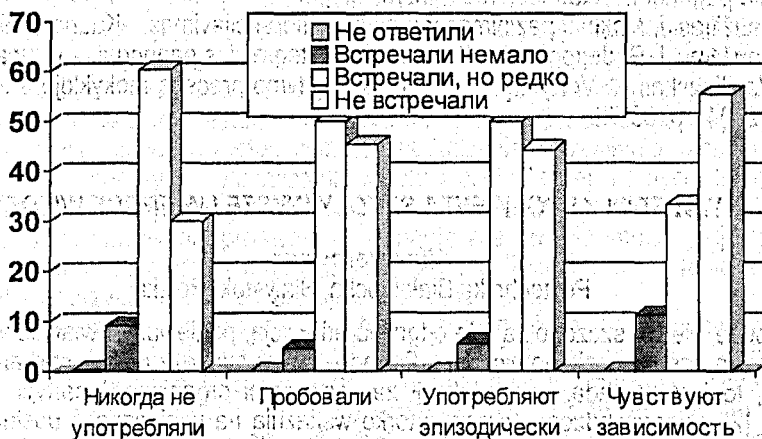
Респондентов спрашивали, **какие качества педагога (компетенции) они считают самыми ценными?** Стало ясно, что ученикам одинаково важно, чтобы учитель прекрасно преподавал свой предмет (30 проц.) и вместе с тем с ним можно было бы говорить обо всем (29,5 проц.); чтобы объективно оценивал знания учащихся (17,5 проц.) и его волновали бы проблемы учеников (16,0 проц.). Еще часть респондентов (7 проц.) указали, что самыми ценными качествами учителей они считают чувство юмора, красоту, конкретность, веселость, умение хранить секреты и т. д. Почти все качества учителей, перечисленные учащимися, можно называть общечеловеческими ценностями. См. 1 таблицу.

1 таблица. Самые достойные качества учителей (проц.)

Качества учителей, оцениваемые учениками	Проценты и процентный интервал "доверия" при точности 95 проц.
Прекрасно преподает свой предмет	30,0; 26,7 – 33,3
С ним можно поговорить обо всем	29,5; 26,2 – 32,8
Объективно оценивает знания учеников	17,5; 14,7 – 20,3
Его волнуют проблемы учеников	16,0; 13,3 – 18,7
Другое	7,0; 5,2 – 8,8

В контексте отношений участников сферы развития, мы попытались раскрыть положения учеников касательно наркотиков. Исследованиями установлено, что большая часть молодых людей (85,8 проц.) никогда не употребляли наркотические вещества и утверждают, что в будущем не собираются даже пробовать. Но каждый десятый респондент признался, что знает "вкус" наркотиков, т. е. пробовал их употреблять, но в данный момент не употребляет; 2,8 проц. учеников, участвовавших в исследовании, признались, что наркотические вещества употребляют эпизодически, а 1,4 проц. респондентов указали, что "глубоко завязли" в этой проблеме и не видят выхода.

Результаты исследований раскрыли связь между качеством отношений участников сферы развития и их отношением к наркотикам: в группе респондентов, не употребляющих наркотических веществ, доминировало определение, что они встречали учителей, которых могли бы считать примером в жизни и наоборот. См. 3 диаграмму.

3 диаграмма. Влияние личности учителя на мнение учеников, употребляющих наркотики

Анализ писем респондентов раскрыл, какие компетенции (качества) учителя ценят ученики, эпизодически употребляющие наркотики. Каждый второй респондент, указав, что эпизодически употребляет наркотики, больше всего ценит педагога за то, что с ним можно обо всем поговорить; каждый четвертый, пятый опрошенный утверждал, что самое ценное качество учителя – забота о проблемах учащегося; а педагога, как специалиста своего предмета, ученики, эпизодически употребляющие наркотики, определили на третью позицию.

Выводы

1. В Литве, при изменении социума (всех социальных институций, т. е. и системы просвещения), авторитет учителя, его личный пример, остался сильным фактором, влияющим на качество отношений участников сферы развития, которые формируют отношение учеников к духовным ценностям и процессу развития;

2. Исследованиями установлено, что большая часть респондентов (> 80 проц.) качество отношений между воспитанниками и педагогами в современных школах оценивают довольно позитивно. Самые теплые и дружеские отношения с учителями имеют гимназисты и воспитанники начальных школ. Самое негативное мнение было высказано учениками городских и деревенских общеобразовательных школ.

3. Раскрыты наиболее ценные качества (компетенции) педагогов: духовность, возможность поговорить обо всем, объективная оценка знаний, забота о проблемах учеников, высокая предметная компетенция, умение хранить секреты и т. д.

4. Исследованиями установлена обратная зависимость между взглядом респондентов на наркотические вещества и качеством их отношений с учителями. Авторитет учителя, его компетенции помогают ученикам остаться сильными, не сломаться, не растеряться в случае трудностей в современном мире.

5. В педагогических университетах, наряду со знаниями предмета выбранной специальности, будущим учителям обязательно нужна педагогическая и психологическая подготовка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grincevičienė V. Ugdymo dalyvių požiūris į dabarties mokyklą (socialinis pedagoginis aspektas): daktaro disertacija. – Vilnius, 1998.

2. Laužikas J. Mokymo proceso ir mokinių pažangumo problemos/ Mokymo proceso tobulinimo pagrindai. – Kaunas, 1981, p.13.

3. Laužikas J. Mokinių pažinimas ir mokymo diferencijavimas. –Kaunas, 1974.

4. Laužikas J. Pedagoginiai raštai. Švietimo integracijos pagrindai. – Kaunas, 1993.

5. Vasiliauskas R. Vertybių integravimas į ugdymo procesą mokykloje // Pedagogika. – T. 74 (2004), p. 69-72.

SYLWETKA ABSOLWENTA SZKOŁY WYSZEJ W EPOCE WIEDZY.

Alina Borowska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

W epoce wiedzy szczególną rolę odgrywa edukacja, ponieważ to właśnie wiedza staje się głównym zasobem ekonomicznym. Badacze od lat sygnalizują powstawanie luki edukacyjnej, to jest nienadążanie edukacji za wymogami organizacji opartych na wiedzy. Badania [2] przeprowadzone przez autorkę wskazują na konieczność posiadania przez absolwentów szkół wyższych szeregu umiejętności, cech i kompetencji związanych bardziej z osobowością niż z zawodem oraz na konieczność dodatkowego celu kształcenia, którym, jak wynika z dotychczasowych rozważań, jest kształcenie sprawcy.

Sylwetkę absolwenta szkoły wyższej w aspekcie ww wymagań, Autorka opisuje za pomocą pojęcia **sprawność absolwenta**, w której zawierają się następujące sprawności: **sprawność intelektualna, sprawność osobista i sprawność społeczna.**

Sprawność intelektualna, która w epoce wiedzy jest sprawą zasadniczą, powinna zdaniem autorki obejmować *umiejętność myślenia systemowego, uczenia się oraz rozwijania kreatywności i intuicji.*

Umiejętność myślenia systemowego przejawia się w widzeniu całości, zwracaniu uwagi na relacje a nie na części systemu, ponieważ właściwośći systemu są właściwościami całości; na myśleniu w kręgu wzajemnych wpływów a nie myśleniu wprost; w sztuce rozpoznawania podstawowych struktur, czyli archetypów systemów, oraz świadomości i wiedzy o wpływie własnych wierzeń i modeli mentalnych na systemy, w których jednostka działa.

Sprawny intelektualnie absolwent powinien znać zasady myślenia systemowego i działania sprzężeń oraz umieć myśleć w kręgu wzajemnych wpływów, widzieć systemy we wszystkich dziedzinach życia, identyfikować archetypy systemowe w życiu osobistym i zawodowym.

Umiejętność uczenia się to umiejętność wykorzystywania całego mózgu, stymulowania jego rozwoju a zwłaszcza drugiej „nieczynnej” półkuli; to stymulowanie pamięci; umiejętność przyspieszonego i fotograficznego czytania; to umiejętność rozpoznawania swoich stylów uczenia się; jak również wykorzystywanie nowatorskich technik uczenia się bazujących na obu półkulach mózgu; takich jak *mind maps* [3].

Na świecie wzrasta świadomość, że nauka uczenia się przed rozpoczęciem jakiegokolwiek szkolenia czy nauczania jest niezwykle ważna i opłacalna. Wiele postępowych organizacji międzynarodowych czyni mnemotechniki obowiązkowymi wstępem do wszelkich kursów [4 s.28]; setki firm zarówno w Europie jak i w USA korzysta z nowych metod nauczania, by przekształcić swoje przedsiębiorstwa w uczące się organizacje [6 s.505].

Sprawny intelektualnie absolwent powinien znać: zasady pracy mózgu i jego wymogi w zakresie zasilania energetycznego; swój indywidualny styl przyswajania wiedzy, rodzaje swojej inteligencji i swoje mocne strony oraz temperament. Powinien znać i stosować czynniki przyspieszające naukę (muzyka, oddech, ćwiczenia fizyczne, wizualizacja); metody pobudzania współpracy między obiema półkulami mózgu; metody przyspieszonego uczenia oraz warunki efektywnej nauki (wewnętrzne i zewnętrzne).

Sprawny intelektualnie absolwent powinien umieć rozwijać i wykorzystywać swoją *kreatywność i intuicję*. Dawniej twórczy rozwój człowieka odbywał się przypadkowo, teraz dzięki nowym odkryciom w dziedzinie budowy i działania mózgu, jest szansa, by odbywał się celowo i świadomie oraz aby był czynnie wspierany i stymulowany w środowisku szkolnym i zawodowym, dzięki czemu może on ulec znacznemu przyspieszeniu.

Sprawny intelektualnie absolwent rozwija swoją kreatywność i intuicję, zna i stosuje twórcze operacje umysłowe i metody rozwiązywania problemów oraz sposoby zasilania procesów twórczych; umie korzystać z metod pobudzania i rozwijania własnej kreatywności, pokonywać bariery w wykorzystaniu kreatywności własnej i innych, tworzyć warunki do kreatywności zespołowej, stwarzać klimat emocjonalny dla twórczości, stosować twórcze metody rozwiązywania problemów. Ponadto zna pojęcie intuicji, jej rolę oraz przydatność; blokady (osobiste i organizacyjne) uniemożliwiające korzystanie z intuicji, warunki i metody sprzyjające rozwojowi i wykorzystaniu intuicji.

Sprawność osobista, przewodzenie sobie lub inaczej zarządzanie samym sobą oznacza: samodzielne kierowanie własnym życiem i karierą, ustalanie i realizację własnych celów życiowych, posiadanie pełnej kontroli nad swoim życiem, zachowaniem i zasobami oraz twórczą adaptację do ciągle zmieniającego się świata. Polega ona na planowaniu swojego życia, kariery oraz wszelkich działań zgodnie z własnymi potrzebami i przekonaniami oraz na świadomym gospodarowaniu swoimi zasobami (energetycznymi, psychicznymi i fizycznymi), a w szczególności emocjami, stresem, czasem. Warunkiem sprawności osobistej jest umiejętność zdobywania *samowiedzy*, kształtowania *poczucia własnej wartości*, *kierowania emocjami* oraz *zarządzania stresem* i *gospodarowania czasem*.

Sprawny osobiście absolwent *zna siebie* i ma *wysokie poczucie własnej wartości*, dzięki czemu ma świadomość własnego potencjału, która jest źródłem energii życiowej i warunkiem rozwoju. Poczucie własnej wartości wpływa na wiarę w siebie i we własne siły oraz na pewność siebie; decyduje o wyborze drogi życiowej i o wykonywaniu codziennych czynności, jest warunkiem zdrowia psychicznego.

Jednym z elementów osobistej sprawności jest umiejętność radzenia sobie z *emocjami* (swoimi i innych). Daniel Goleman [7 s.70] nazywa tę umiejętność „emocjonalną sprawnością”, która jego zdaniem oznacza: umiejętność rozpoznawania, nazywania i wyrażania uczuć; umiejętność kierowania nimi oraz umiejętność odczytywania i właściwej reakcji na uczucia innych ludzi. Emocjonalna sprawność umożliwia uzyskanie emocjonalnej pewności siebie, jak również wpływa na umiejętność inteligentnego układania satysfakcjonujących stosunków z ludźmi.

Sprawny emocjonalnie absolwent zna źródła, treść oraz funkcje swoich emocji, wpływ emocji na wszystkie aspekty życia oraz umie rozpoznawać i nazywać emocje swoje oraz innych ludzi, kierować własnymi emocjami, radzić sobie z emocjami innych ludzi.

Absolwent, który umie zarządzać samym sobą, umie radzić sobie ze *stresem*. Zna teorię powstawania stresu, czynniki wzbudzające stres, swój temperament i próg,

pobudzenia, symptomy reakcji bezpośrednich (fizyczne, emocjonalne i behawioralne), swoje stresory oraz reakcje na stres, źródła stresu (wewnętrzne, zewnętrzne, zawodowe), metody regeneracji zasobów. Ponadto, praktycznie stosuje nabytą wiedzę skutecznie gospodarując swoimi zasobami, dostosowując styl działania do swego temperamentu, stosując metody i techniki redukcji stresu oraz odnowy sił witalnych.

Warunkiem sprawności osobistej jest również umiejętność *gospodarowania czasem*, która stanowi sedno każdej metody pracy i efektywnej samoorganizacji. Czas jest jednym z najbardziej strategicznych zasobów człowieka; jest jego osobistym kapitałem, którego sposób wykorzystania zależy od umiejętności gospodarowania nim [8 s.6].

Gospodarowanie czasem oznacza panowanie nad własną aktywnością i polega na: wytyczaniu motywujących celów i nadawaniu im priorytetów, planowaniu środków i działań, realizacji celów (z podziałem na cele osobiste, zawodowe, rodzinne społeczne, itp.) oraz kontroli osiągniętych efektów.

Sprawy absolwent zna swoją osobistą krzywą wydajności oraz umie: ustalać cele i priorytety, uświadamiać i rozróżniać swoje role życiowe, rozróżniać rzeczy ważne i pilne, ustalać krzywą zakłóceń, planować z wykorzystaniem metod: Kartezjusza i Mindmaps, podejmować decyzje z wykorzystaniem zasady Eisenhowera.

Sprawność społeczna – nazywana również „kompetencją społeczną” [1 s.98], lub „umiejętnościami społecznymi” [7 s.181-184], to sztuka kształtowania stosunków z innymi ludźmi, która polega na mobilizowaniu, inspirowaniu oraz wpływaniu na zachowania innych ludzi. Goleman twierdzi, że brak takich umiejętności powoduje, że osoby o najwyższej inteligencji, nie potrafią właściwie postępować z innymi ludźmi, a tym samym nie są w stanie osiągnąć sukcesu.

H. Gardner [7 s.73-74] na określenie umiejętności społecznych używa określenia „inteligencja interpersonalna”, która zawiera według niego, następujące zdolności: uzdolnienia przywódcze, zdolność pielęgnowania związków z innymi i rozwiązywania konfliktów oraz talent do przeprowadzania analiz społecznych.

Autorka proponuje, aby w zakres sprawności społecznej włączyć następujące umiejętności: *komunikowania się, współpracy grupowej i przewodzenia.*

Sprawni społecznie absolwenci umie skutecznie *komunikować się*, ponieważ zna: warunki skutecznej komunikacji, bariery w komunikacji, rolę komunikacji niewerbalnej, metody budowania pomostów komunikacyjnych. Umie również w podstawowym stopniu, umożliwiającym dalsze samokształcenie, odczytywać sygnały niewerbalne, słuchać aktywnie, nawiązywać i utrzymywać kontakt oraz współodczuwać, zachowywać się asertywnie, rozpoznawać gry psychologiczne i radzić z nimi, stosować sprzężenie zwrotne, czyli udzielać informacji i przyjmować informację zwrotną.

Umiejętność współpracy grupowej staje się bardzo ważną, bowiem aktualnie rośnie rola zespołu jako struktury najbardziej odpowiedniej do twórczej i innowacyjnej pracy w gospodarce opartej na wiedzy. Badania dowodzą, że gdy ludzie mogą pracować na zasadach współzależności i współdziałania, w atmosferze zaufania i przy otwartej komunikacji, to zdolni są do innowacji i do pełnego wykorzystania ich potencjału twórczego, (dających więcej korzyści niż suma ich indywidualnych, lecz niewykorzystywanych oddzielnie możliwości), powstaje bowiem zjawisko synergii – dzięki której „całość jest większa niż suma jej części” [5 s.298].

Sprawni społecznie absolwenci zna warunki efektywności zespołu, procesy zachodzące w grupie, korzyści wynikające ze współpracy zespołowej. Wykorzystując wiedzę z wcześniejszych sprawności absolwenci umie: komunikować się i tworzyć więzi z ludźmi, być zarówno liderem jak i podwładnym, ustalać cele grupowe i osobiste, pracować nad spójnością zespołu, dzielić się wiedzą, współdecydować i brać współodpowiedzialność.

Kolejną umiejętnością będącą warunkiem sprawności społecznej jest umiejętność *przewodzenia*. W ostatnich latach poglądy na pojęcie przywództwa uległy radykalnej zmianie.

Przede wszystkim rozdzielone zostały skale przywództwa (meta, makro, mikro), na nowo zostały określone funkcje i role przywództwa. Badacze organizacji wskazują na przywództwo jako jedyny sposób kierowania pracownikami wiedzy, podkreślają, że potencjalnym przywódcą w organizacji jest każdy, bowiem przywództwo jest funkcją czasu, miejsca i okoliczności. Pracownik wiedzy może lub musi być przywódcą w zależności od sytuacji. W związku z powyższym, w wyniku kształcenia w zakresie przywództwa, sprawny społecznie absolwent, powinien wiedzieć czym jest przywództwo w organizacji, jakie są jego skale, cele i funkcje, jakie cechy i umiejętności powinien posiadać przywódca i jak skutecznie przewodzić innym. Powinien również znać swoje motywy dążenia do przywództwa.

Wymienione sprawności opisujące sylwetkę absolwenta szkoły wyższej w epoce wiedzy, stanowią system powiązanych ze sobą i współzależnych elementów. Wszystkie te elementy stanowią harmonijną całość i podlegają sprzężeniu zwrotnemu w ramach jednego systemu i między sobą, bez zachowania hierarchii.

Kształcenie w tym zakresie w szkole wyższej staje się coraz bardziej niezbędne, co potwierdza rynek usług szkoleniowych w Polsce. Z roku na rok wzrasta ilość firm szkoleniowych a ich oferta dotyczy również „sprawności” opisanych wyżej. Problemem jest jednak bardzo ograniczony dostęp do takich szkoleń, korzystają z nich bowiem (z uwagi na bardzo wysoki koszt) tylko pracownicy bogatych firm zagranicznych oraz fakt, że najczęściej są one wycinkowe (dotyczą krótkiego kursu w zakresie jednego elementu). Warunkiem bycia sprawcą jest nabycie wszystkich sprawności a to wymaga kształcenia zintegrowanego i rozciągniętego w czasie, w zakresie wszystkich sprawności z położeniem nacisku na samokształcenie i samorozwój każdego studenta.

LITERATURA:

1. Argyle M., *Psychologia stosunków międzyludzkich*, PWN, Warszawa, 1991.
2. Borowska A., *Kształcenie dla przyszłości*, Wyd. Akademickie Żak, Warszawa 2004.
3. Buzan, T. i B. *Mapy twoich myśli*, Wyd. RAVI, Łódź, 1999.
4. Buzan T., *Podręcznik szybkiego czytania*, Wyd. RAVI, Łódź, 1999.
5. Covey S.R., *Zasady działania skutecznego przywódcy*, Wyd. Medium, Warszawa, 1997
6. Dryden G., Voš J., *Rewolucja w uczeniu*, Wyd. Moderski i S-ka, Poznań, 2000.
7. Goleman D., *Inteligencja emocjonalna*, Media Rodzina of Poznań, Poznań, 1997.
8. Seiwert L.J., *Jak organizować czas*, WN PWN, Warszawa, 1998.

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВА

Шебанова И.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Бурное развитие информационных средств и технологий в наши дни оказывает определяющее влияние на все социально-экономические процессы и определяет масштабы и темпы развития других технологий и таким образом трансформируя все сферы социальной жизни.

Глобализационные процессы также определяют процессы социальных изменений. В свою очередь информатизация общественной жизни является глобальной, дополняя специфическими факторами глобализационные процессы.

Мы являемся свидетелями постепенной системной трансформации современного индустриального общества в постиндустриальное, что приводит к возникновению новых видов общественных отношений, социальных технологий, к изменению социальных ро-

лей и целей. Происходит это разными темпами, в некоторых странах этот процесс только начинается, испытывая при этом во многом экзогенное влияние.

Возрастание сложности, открытости и неустойчивости социума предопределяет социокультурную динамику. Границы социальных систем все более проницаемы для новых технологий, продуктов, человеческих ресурсов, культурных образцов. Человечество стремится к единению в целостном мире и сохранению при этом самобытных национальных, религиозных, государственно-политических элементов.

Информационная революция и глобализационные процессы оказывают влияние на самые разные области жизнедеятельности человека, приводят к возникновению новых видов общественных отношений, к изменению социальных связей между людьми и, в конечном счете, к изменению качеств самого человека и общества.

Всемирная компьютерная сеть открывает новые горизонты в информационном обеспечении науки, создавая принципиально новые ресурсы, расширяя образовательное и научное пространство от границы отдельной классной комнаты до размеров глобальной университетской аудитории. Международное сотрудничество формирует условия и правила образовательной политики в области образования, способствующие созданию единого образовательного пространства для увеличения эффективности научной и учебной деятельности.

Период трансформации постсоветских государств ставит тройственную задачу: освоить перемены и новые механизмы, преодолеть негативные последствия прошлых ошибок и сохранить все то ценное, что имелось в прошлом. Происходящие перемены касаются и такой важной социальной сферы, как система образования. В настоящее время она должна решить проблему соответствия между учебными образовательными стандартами и степенью востребованности современным обществом. Существует насущная необходимость качественно нового витка в развитии высшей школы.

В условиях информационного общества перед системой образования стоят следующие задачи: переориентировать педагогический коллектив на изменение, во-первых, роли педагога как носителя информации на роль организатора, консультанта и проводника в информационных потоках, стимулятора самостоятельного поиска и творческого анализа информации студентами, и, во-вторых, на изменение характера компетентности преподавателя. Осведомленность в сфере современных обучающих технологиях становится основным критерием профессиональной компетентности.

В то же время нельзя умалять (а тем более отрицать) традиционные формы организации учебного процесса (лекционные, семинарские и практические занятия), позволяющие осуществлять живое общение преподавателя и студентов. Как бы ни развивались компьютерные средства и технологии, они не смогут полностью заменить преподавателя. Компьютерная визуализация не отменяет роль эмоций в получении знаний. Педагогическим целям способствует не только словесная информация, но и невербальные средства общения: правильно взятые тон, ритм и темп голоса, сопровождение мимикой, жестом и взглядом.

Распространению и продвижению научного знания и обеспечению высокой современной квалификации выпускников белорусских вузов будет способствовать изучение существующих в мировом образовательном пространстве моделей и форм организации учебного процесса и институционализации высшего образования (дистанционное, виртуальное образование), а научное международное сотрудничество поможет международному признанию, распространению и продвижению научного знания, как на внутреннем, так и в общем мировом пространстве, что будет способствовать дальнейшему совершенствованию системы высшего образования в Республике Беларусь.

Рамки принятого в Европе содержания образования в самом общем виде заложены в принятой в 1986 г. Болонской декларации. В соглашении утверждается, что каждая национальная система образования сохранит свое своеобразие. Целью формирования общеевропейского образовательного пространства является: обеспечение конкурентоспособности европейской системы высшего образования; признание квалификаций, сближение высшего образования в сферах управления и контроля; учебных программ, поступления и обучения; развитие академической мобильности и обеспечение трудоустройства вузовских выпускников на рынке европейского пространства.

Перед Республикой Беларусь стоит сложная задача: ориентируясь на достигнутые успехи и имеющиеся мировые образцы в области высшего образования либо перейти путем реформ от советской системы образования к европоориентируемому типу высшей школы, либо совершенствовать существующую систему на принципах национально ориентированной образовательной политики, которая провозглашает ценности независимости страны, исторического и культурного наследия.

Думается, что цели и результаты национального образования должны быть согласованы с процессом и задачами укрепления суверенитета Беларуси и становления ее как самостоятельного европейского государства. Для этого требуется научная разработка критериев нового содержания образования (с учетом уровня мировых стандартов), в том числе новых белорусских учебников, учебных и воспитательных программ, способствующих сохранению исторического наследия белорусского народа, культурного своеобразия, национальной идентичности.

Образование играет роль одного из важнейших институтов социализации, выполняя функции преемственности культуры, адаптации и идентификации личности, призвано помочь молодым людям ориентироваться в сложном, часто приобретающем черты виртуальности мире. Перед системой образования стоит сложная задача сохранения в новом качестве своих социальных функций, одной из которых является защита общества от культурной энтропии, через развитие способности осознанного восприятия молодежью новых тенденций, символов, вырабатывая надежный иммунитет против суррогатов массовой культуры.

Особую роль приобретает социально-гуманитарный блок, который через формирование мировоззренческо-ценностной позиции в состоянии помочь молодежи ориентироваться в информационном потоке происходящих изменений, давая методы анализа и ориентирования, позволяющий в дальнейшем самостоятельно наращивать собственный информационный потенциал и реализовывать его на практике.

Социологические исследования подтверждают, что современный студент дает высокую оценку социально-гуманитарному блоку, проявляя новую заинтересованность к преподаваемым предметам. Большинство молодых людей считает, что современный специалист должен владеть иностранным языком, обладать умением выражать мысли в устной и письменной форме, уметь работать в команде, обладать коммуникабельностью и уметь вести деловые переговоры.

В мировой системе образования имеется огромное различие между высококлассными учебными заведениями и учебными заведениями среднего уровня. Последние учат практическому опыту работы с техникой и технологиями, а первые учат теоретическим принципам, экономике, планированию и т.п. Противоречие между качественной теоретической подготовкой и отсутствием необходимых практических знаний исчезает, когда выпускник с хорошей теоретической фундаментальной и профессиональной подготовкой в течение небольшого промежутка времени на конкретном предприятии приобретает особые практические навыки в зависимости от особенностей конкретного предприятия.

Человек, живущий в XXI веке, чтобы идти в ногу со временем, должен быть включен в систему непрерывного образования и постоянно повышать свой уровень знаний. Рассматривая с этих позиций концепцию современной образовательной среды, можно сформулировать следующее: специально-профессиональная подготовка должна гармонично дополняться общеобразовательной, гуманитарно-исследовательской. Не должно существовать противопоставления общечеловеческого развития студента и его профессиональной подготовки. Безусловно, так как университет является органом профессионального обучения, его выпускник должен иметь в первую очередь хорошую профессиональную подготовку. Но в то же время высшие учебные заведения должны готовить не только профессионала, но и в равной степени - интеллектуала.

Современные технологии коммуникации, дающие возможность обрабатывать, производить, хранить и распространять в цифровой форме любые знания, качественно изменяют структуру, систему управления и содержание образования. Меняется характер приобретения и распространения знаний, открываются новые возможности для обновления содержания обучения и методов преподавания, расширяется доступ к высшему образованию и т.д.

В настоящее время появилась проблема разрешения противоречия, возникшего между традиционным содержанием, технологиями и средствами обучения в системе образования и бурно развивающейся информационной индустрией, и в связи с этим, новыми требованиями к выпускникам вузов. Одним из главных вопросов для социологии и для высшего образования в целом является перспектива практического применения современных средств коммуникации, а также; их воздействие на социальные процессы. Проблема заключается в оптимальном использовании возможностей коммуникационных сетей и формировании новой коммуникационной культуры.

Перед системой образования нашей страны стоит задача оптимально учесть происходящую информационную революцию, которая на основе глобализационных процессов предоставляет системе образования новые возможности для внедрения передовых технологий, новых форм образования (таких как дистанционное, виртуальное), предоставляет возможности научных и учебных контактов на основе современных средств коммуникации с любым уголком земли, в любое удобное время.

Одной из основных задач в решении этого вопроса, как уже говорилось выше, является подготовка и переподготовка преподавательского и административного состава вузов, который будет владеть навыками анализа происходящих перемен и будет состоять из управленцев нового поколения, способных к самостоятельным и ответственным решениям на каждом структурном уровне образовательной системы.

Каждая личность является носителем элементов культуры, социальных норм и ценностей, составляющих социально значимые личностные черты. Формируются они в результате жизненной социализации и интериоризации и зависят от субъективных предрасположенностей к определенному восприятию существующих внешних условий. Высший уровень, наиболее устойчивый, составляют ценностные ориентации личности, определяющие общую линию жизни, мотивы и направленность деятельности. Показателем успешной жизнедеятельности социальных институтов, организаций, общества является ценностно-ориентационное единство; показывающее уровень совпадения мнений, оценок, ожиданий всех заинтересованных субъектов. Огромную роль в процессе социализации личности играет система образования. Определяющая роль в формировании мировоззренческо-ценностной структуры личности, как уже неоднократно говорилось выше, принадлежит социально-гуманитарному блоку дисциплин.)

Проводимая реформа системы высшего образования в Республике Беларусь, которая ориентируется на общемировые достижения и тенденции, через усиление социально-гуманитарного уровня молодежи, формирующего гражданскую позицию и

культурно-духовный статус белорусского народа, будет способствовать вхождению в международное образовательное пространство и дальнейшему историческому развитию Республики Беларусь в контексте мирового цивилизационного процесса.

Настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. И как верно утверждает американский профессор Дуглас Норт, нужно считаться с прошлым, независимо от нашего отношения к нему. Выбор, который делается сегодня, всегда сформирован прошлым.

Проводя реформу высшего образования, заимствуя положительный опыт других стран нельзя забывать, что копия всегда хуже оригинала. Самобытность и исторические традиции каждой страны требуют адаптации программ и образцов с учетом национальных интересов. Как сказал Президент Республики Беларусь на совещании по структуре высшего образования 26 января 2005 г.: «У нас своя страна, у нас своя земля, у нас свой народ, у нас своя экономика, мощная социальная сфера, растущая экономика, которой сегодня не хватает новых идей, чтобы выйти на новый уровень». [2, с.18]

Таким образом, сложной и насущной задачей, стоящей перед нашей еще молодой страной, перед ее различными общественными сферами, институтами и организациями является задача понять этот трансформирующийся мир, идти в ногу с проходящими положительными изменениями и найти свое место в рождающемся социуме, сохранив свою самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление и концептуальные замечания Президента Республики Беларусь А.А. Лукашенко на совещании по структуре высшего образования 26 января 2005 г./Информационный бюллетень Администрации Президента РБ, №2 (105), 2005 г.

ИНТЕГРАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Грибова И.Г., Ракицкая В.Г.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Высокий уровень качества и престиж белорусского высшего образования достигается не только сохранением достижений и традиций национальной школы. Необходимо также учитывать мировые тенденции развития образовательной системы. Особенно важно это сейчас, когда процессы глобализации и модернизации охватывают все большее количество стран. Мобильность населения растет, и появилась потребность создания нового общеевропейского образовательного пространства.

Сравнительные социологические исследования, проведенные белорусскими учеными в вузах разных стран (Беларусь, Германия, Польша), показывают, что студенты, магистранты и аспиранты этих европейских государств очень высоко оценивают значение образования для развития различных сфер жизнедеятельности общества. Наибольшее влияние, по мнению респондентов, образование оказывает на развитие науки, техники и технологии, общества и личности. [1; 63] Исследование, проведенное в 2004 году научным коллективом БрГТУ в вузах Беларуси и Польши, показывает высокий статус образования в иерархии ценностей молодежи. Очень важным его считают 62,5 % опрошенных белорусов и 63,2 % поляков. Как ценность прагматическую, инструментальную, позволяющую добиться успеха в жизни, хорошее образование очень важным считают 60% белорусских студентов и 67,5 % студентов польских. Основные мотивы

получения высшего образования белорусскими и польскими молодыми людьми представлены в нижеприведенной таблице. Студентам был задан вопрос: «Почему Вы поступили учиться в высшее учебное заведение?».

Очень важно (в %)

	белорусы	поляки
Высшее образование дает хорошую перспективу в жизни	52,6	65,5
Чтобы приобрести хорошую специальность	39,1	39,8
С целью повысить уровень своего развития	30,8	17,3
Высшее образование дает возможность хорошо зарабатывать	30,6	41,8
Диплом дает возможность сделать карьеру	27,1	34,6

Всего в Европе действует шесть конвенций, так или иначе касающихся вопросов образования. Три первых и самых важных были разработаны еще в 50-х годах. Это подписанная в 1953 году "Европейская конвенция об эквивалентности дипломов, открывающих доступ в университеты", "Европейская конвенция об эквивалентности сроков университетского образования", принятая в 1956 году, и "Европейская конвенция об академическом признании университетских квалификаций", 1959 года. Три других конвенции были приняты много позже. Это "Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы" 1979 года; принятая в 1990 году "Европейская конвенция об общей эквивалентности периодов университетского образования" и "Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе" 1997 года.

Принятие последней было обусловлено значительными изменениями в системе европейского образования. Например, сказалось появление учебных заведений, которые являются гибридами вузов и профессиональных курсов, например, немецких Fachhochschulen или норвежских statlige høgskoler. Свое влияние оказала и дальнейшая диверсификация и профессионализация образования (к примеру, многие вузы Германии перешли на нетрадиционные программы, меньшей продолжительности, с усилением акцента на профессиональном образовании).

За последние 10-14 лет в Республике Беларусь, как и на всем постсоветском пространстве, происходили и происходят процессы системной трансформации и реформирования, развитие которых в сфере высшего образования, как, впрочем, и во всей системе образования, во многом предопределяется политическими целевыми приоритетами.

Один из важнейших политических приоритетов — *стремление к интеграции в общеевропейское (общемировое) образовательное пространство с целью обеспечения конкурентоспособности белорусского образования во взаимосвязанной триаде современного рынка — «наука-образование-производство»* через координацию собственной образовательной политики с некоторыми направлениями развития европейского высшего образования, обозначенными в Болонской Декларации (1999 г.).

Концепция внедрения двухступенчатой системы подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.05.2004 №605) также выделяет углубление интеграции белорусской высшей школы с учетом специфики ступеней и реальных потребностей экономики и населения как основной принцип современного этапа модернизации.

Интеграция белорусской высшей школы в европейское и мировое образовательное пространство в значительной степени зависит от уровня развития национальной систе-

мы образования в рамках международного сотрудничества. Стремление к развитию международного сотрудничества, прежде всего, направлено на укрепление престижа национальной системы образования и достижение конкурентоспособности белорусского диплома за границей. Важную роль в этом, по мнению первого заместителя Министра образования А.И. Жука, играет повышение качества образования, увеличение экспорта образовательных услуг, усовершенствование рекламной и информационной деятельности за границей, формирование международной договорной основы, в том числе и дальнейшее укрепление сотрудничества с зарубежными и международными организациями, а также активизация международной проектной деятельности [2, 9].

Повышение международной конкурентоспособности дипломов о высшем образовании, выдаваемых белорусскими вузами – одна из целей реформирования высшей школы. Поэтому одна из основных проблем в создании общеевропейского образовательного пространства состоит в сопоставимости систем высшего образования, что является нелёгкой задачей.

Таким образом, важным является вход в европейскую образовательную систему, в первую очередь, в сетку Совета Европы и ЮНЕСКО по оценке и признанию дипломов. Национальный центр этой сетки уже организован и размещается на базе Республиканского института высшей школы при БГУ. Готовится к подписанию Соглашение с Правительством Польши о признании эквивалентности дипломов о высшем образовании, равнозначности ученых степеней в области искусства.

Наша страна является участницей Конвенции о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы, подписанной в Париже 21 декабря 1979 года.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 04.01.2002 №5 наша страна присоединилась к Конвенции о признании квалификаций в Европейском регионе, принятой в Лиссабоне в 1997 году.

Широкое развитие получило установление сотрудничества с зарубежными высшими учебными заведениями и учебными центрами стран СНГ, Европы, Америки и Азии. Данные международные сотрудничества включают обмен студентами, преподавателями и научными сотрудниками, организацию семинаров, симпозиумов, встреч, конференций, а также обмен опытом работы, направленный на усовершенствование системы управления образованием и организации учебного процесса.

В соответствии с мировыми тенденциями и накопленным национальным опытом одним из основных подходов формирования современной высшей школы является введение системы, основанной на двух последовательных ступенях обучения. Двухступенчатая система высшего образования зарекомендовала себя как наиболее эффективная уже во многих развитых странах. Эта система принята наиболее конкурентоспособной и перспективной в Европе. Поэтому основным этапом реформирования белорусской высшей школы является ее переход на двухступенчатую систему подготовки специалистов с сохранением на первой ступени массовой подготовки специалистов с присуждением степени бакалавра. Дальнейшее повышение образовательного уровня бакалавра будет осуществляться на второй ступени (магистратура).

Результатом обучения на первой ступени высшего образования является подготовка бакалавра как квалифицированного специалиста. Содержание образовательной программы бакалавра, как указано в Концепции внедрения двухступенчатой системы подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь, должно быть эквивалентно содержанию традиционного высшего образования. Уровень квалификации бакалавра должен соответствовать современным требованиям, предъявляемым к специалисту, окончившему учреждение образования, обеспечивающее получение высшего

образования. Наличие в дипломе отметки об академической степени бакалавра позволит выпускнику вуза республики интегрироваться в международную систему образования и обеспечит сопоставимость академических степеней (дипломов).

Переход высшего образования на двухступенчатый уровень планируется осуществлять в несколько этапов. Первый этап – подготовительный (2004-2007) предполагает разработку необходимого нормативного правового и учебно-методического обеспечения.

Второй этап – экспериментальный (2005-2009) служит целям экспериментальной апробации новых подходов.

Массовый переход на двухступенчатую систему высшего образования должен начаться с 2010 года, когда завершится переход общеобразовательной школы на 12-летний срок обучения.

Необходимость реформ, проводимых в нашей стране, очевидна. Процесс перехода на двухступенчатую систему высшего образования уже начал. Но до сих пор остается вопрос, как провести реформу высшей школы в Беларуси так, чтобы она была ориентирована на другие устоявшиеся и более успешные модели, но при этом учитывала социокультурные и национальные особенности нашей страны.

1. Бабосов Е.М., Сапелкин Е.П., Островская А.В., Никулина Ю.Н. Формирование единого европейского образовательного пространства: проблемы и перспективы// Социология 1/2005.

2. На шляху реформавання нацыянальнай сістэмы адукацыі. Інтэрв'ю з першым намеснікам Міністра адукацыі А.І.Жуком// Адукацыя і выхаванне, №1, 2005.

AKCJA OPIEKI MIĘDZYSZKOLNEJ

Andrzej Smolarczyk

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Światowy kryzys gospodarczy lat 1929-35 w szczególny sposób dotknął wschodnie terytoria II Rzeczypospolitej. Zaoferowanie gospodarcze i przeludnienie wsi wpłynęło na wyjątkowo ostre i długotrwałe doświadczanie skutków kryzysu. Spadek produkcji przemysłowej, bezrobocie, zubożenie wsi znacznie pogorszyło warunki życia i sytuację materialną ludności Polesia. Skutki kryzysu dotkliwie odcisnęły się również na sytuacji szkolnictwa powszechnego. Do szkół zaczęły napływać bardzo liczne roczniki powojenne. Władze oświatowe nie były w stanie zapewnić dzieciom miejsca w szkole, nie mówiąc już o udzielaniu dzieciom pomocy charytatywnej i materialnej.

W roku 1934 zorganizowano Akcję niesienia pomocy najuboższym dzieciom szkół powszechnych na Polesiu przez młodzież szkół średnich, pragnąc ulżyć wielkiej biedzie; w jakiej znalazły się zwłaszcza najmłodsze dzieci. Akcja miała wesprzeć materialnie najuboższe szkoły i najbardziej potrzebujących dzieci. Łączyła się jednocześnie z przesłaniem obowiązującego powszechnie wychowania państwowego, polegającego na budowaniu silnych więzi międzyludzkich opartych na solidarności, wzajemnym wsparciu i działaniu wspólnotowym. Władze państwowe liczyły jednocześnie na silniejsze „zespolenie duchowe” ziem kresowych z całością państwa polskiego, a głównie z jego kresami zachodnimi. Obiektywne warunki zewnętrzne (bieda, ograniczona pomoc państwa, marazm społeczny) podobnie jak przy działaniach Towarzystwa Popierania Budowy Publicznych Szkół Powszechnych uzależniały całkowity sukces akcji od inicjatywy twórczej, siły woli i entuzjazmu nauczycieli.

zycieli i uczniów. Ogromna akcja propagandowa dążyła do rozbudzenia wiary we własne siły i wiary w drugiego człowieka, by przezwyciężyć wszelkie przeszkody i trudności stojące przed stronami akcji międzyszkolnej.²¹

W początkowej fazie (wrzesień - październik 1934 roku) pomoc zorganizowano wyłącznie w ramach Okręgu Szkolnego Brzeskiego. W listopadzie i grudniu 1934 roku do akcji dołączył Okręg Szkolny Poznański. Ogromna w tym zasługa kuratora Okręgu Szkolnego Poznańskiego M. Pollaka, który osobiście bardzo zaangażował się w przedsięwzięcie. Rozmiary akcji powiększyły się pięciokrotnie. Początkowo brano pod uwagę jedynie dwa pograniczne powiaty: łuniniecki i stoliński. Bardzo szybko teren działania powiększył się na wszystkie powiaty województwa poleskiego oraz na sąsiadujące trzy obwody szkolne województwa białostockiego: bielski, białostocki i sokólski. Szkoły obwodu poznańskiego zaopiekowały się szkołami obwodu pińskiego i koszyrskiego, obwód grudziądzki nawiązał kontakty ze szkołami w obwodzie łuninieckim i stolińskim, obwód toruński roztoczył opiekę nad szkołami powszechnymi obwodu prużańskiego. 117 szkół średnich i 296 siedmioklasowych szkół powszechnych z Okręgu Szkolnego Poznańskiego objęło swoją opieką 367 szkół powszechnych. W roku szkolnym 1934/35 akcją opiekuńczą objęto 68560 dzieci, z czego sam Okręg Szkolny Poznański zaopiekował się 51600 dziećmi z Polesia i Białostoczczyzny. Bardzo szybko akcja opiekuńcza rozciągnięta została na cały kraj.

W roku 1935 do opiekuńczej akcji międzyszkolnej dołączono szkoły powszechne powiatu Ostrołęckiego z tzw. pogranicza prusko-mazurskiego. Część puszczy kurpiowskiej leżąca pomiędzy Omulwią i Pisą oraz prawymi dopływami Narwi na przestrzeni 60 km graniczyła z Prusami Wschodnimi. Położenie materialne ludności zamieszkującej podmokłe tereny leżące w północnej części powiatu Ostrołęckiego nie było wiele lepsze od warunków bytowania na Polesiu. W roku szkolnym 1935/1936 opieką na Kurpiach zostało objętych 7 szkół powszechnych. Rok później już 18, z czego 16 w samym pasie przygranicznym. W latach 1935-1937 szkoły powszechne w powiecie ostrołęckim otrzymały od szkół opiekuńczych 30 paczek, 8 listów indywidualnych i 35 zbiorowych. Szkoły powszechne wysłały w tym samym czasie: 12 paczek rewanżowych, 52 listy indywidualne i 61 zbiorowych. Szkoły były również odwiedzane przez delegację szkół opiekuńczych. Szkołami z pogranicza prusko-mazurskiego zaopiekowała się młodzież starszych klas szkół powszechnych, gimnazjalna, szkół podchorążych oraz instytucje państwowe z: Komorowa, Bydgoszczy, Brześcia nad Bugiem, Piotrkowa Trybunalskiego, Wielunia, Częstochowy, Słupcy, Warszawy, Łomży, Ostrołeki, Kielc, Jarosławia, Żywca, Krakowa. W otrzymanych paczkach opiekunowie przesłali: radioaparat, pomoce naukowe, przybory szkolne, książki do bibliotek szkolnych, czasopisma, odzież, słodycze, sprzęt sportowy, ozdoby choinkowe. Dzieci kurpiowskie i ich rodzice rewanżowali się wysyłając: wycinanki kurpiowskie, własnoręcznie wykonane wyroby tkackie, występujący na tym terenie bursztyn, pisanki, spisane w gwarze kurpiowskiej opowiadania i piosenki regionalne.

Wciągnięcie do akcji opiekuńczej rodziców było jednym z ważnych elementów przetrwania kwestii wychowawczej ze szkoły na dom rodzinny. Rodzice byli z reguły zainteresowani wynikami akcji. Po otrzymaniu prezentów przez ich dzieci rodził się automatycznie akt wdzięczności wobec rodziców dzieci szkół opiekuńczych. Rodzice dzieci poleskich samorzutnie organizowali akcję rewanżową. Organizowano akcje zbiórki pieniędzy lub wyrobów rękodzieła, które wysyłano do szkół opiekuńczych.²²

²¹ Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego za rok 1937, s. 180.

²² S.J. Akcja opieki nad szkołami w powiecie ostrołęckim, s. 188-190, [w:] Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego za rok 1937.

Tabela 1. Zestawienie ilościowe szkół i instytucji (z podziałem na Okręgi Szkolne) rozciągających opiekę nad szkołami powszechnymi w Okręgu Szkolnym Brzeskim według stanu z dnia 1 listopada 1936 roku

Okręg Szkolny	Szkoly i instytucja opiekuńcze				Szkoly otoczone opieką			
	Szkoly średnie i zawodowe	Szkoly powszechne	instytucje	razem	Szkoly średnie i zawodowe	Szkoly powszechne	instytucje	razem
Brzeski	88	49	21	181	103	48	17	168
Krakowski	31	65	5	101	28	59	1	88
Lubelski	13	19	-	32	13	19	-	32
Lwowski	16	11	3	30	13	11	3	27
Łucki	-	-	1	1	-	-	1	1
Poznański	104	253	14	371	103	103	13	355
Śląski	8	30	-	38	6	6	-	35
Warszawski	85	153	45	283	78	78	32	247
Wileński	-	3	-	3	-	-	-	3
Ogółem	345	583	89	1017	344	545	67	956*

*) z tego na Polesiu – 838; na Białostocczyźnie – 118

Źródło: Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego za rok 1937; s. 182

Prezentowane powyżej zestawienie wskazuje na ogromną rolę okręgu szkolnego poznańskiego i warszawskiego w niesieniu pomocy dzieciom szkół powszechnych na Polesiu. 654 szkół i instytucji opiekuńczych pochodziło z tych dwóch okręgów, co stanowiło 64% wszystkich instytucji opiekuńczych biorących udział w przedsięwzięciu. Śladową pomoc niosły okręgi: lubelski, lwowski i śląski. Pomoc z okręgu szkolnego krakowskiego wynosiła 10%, a z okręgu brzeskiego 18% co dla tegoż ostatniego było sporym obciążeniem. Faktycznie poza akcją znalazły się kresowe okręgi łucki i wileński.

Ilość szkół i instytucji opiekuńczych według stanu z 1 listopada 1936 roku wynosiła 1117. W stosunku do stanu z końca 1935 roku zmniejszyła się o 105, spadła więc do 1017. Najpoważniejszą przyczynę spadku instytucji opiekuńczych w tym czasie tłumaczyć może likwidacja seminariów nauczycielskich, które pomoc takową organizowały. Pomimo spadku ilości szkół i instytucji opiekuńczych nastąpił wzrost ilości szkół otoczonych opieką – z 891 w roku 1935 do 956 w roku 1936. Na terenie samego województwa poleskiego z 771 do 838. Do ogólnego wzrostu liczby szkół powszechnych włączonych do akcji opiekuńczej na terenie Okręgu Szkolnego Brzeskiego przyczyniło się głównie wspomniane rozciągnięcie akcji na północną część powiatu ostrołęckiego.

Organizacja akcji polegała na powierzeniu danemu zespołowi młodzieży szkolnej (jednej lub kilku klasom, organizacji młodzieżowej) pod opiekę jednoklasową publiczną szkołę powszechną lub jedną klasę szkoły wyższego stopnia. Grupę około 80 dzieci znajdujących się pod opieką nazywano „jednostką wychowawczą”. Grupa taka w połączeniu ze szkołą wychowawczą stanowiła „ogniwo akcji opiekuńczej”. W doborze poszczególnych „ogniw” kierowano się względami gospodarczymi, wychowawczymi, społecznymi. Dobierano szkoły: 1) w najlepszej kondycji finansowej, w których uczyła się najzamożniejsza młodzież – do szkół względnie najuboższych, 2) szkoły z odpowiednich środowisk, które miały być predysponowane do niesienia pomocy i utrzymywania dialogu z dziećmi danego środowiska wiejskiego czy miejskiego – do odpowiadających im pod względem struktury społecznej szkół powszechnych na Polesiu lub Białostocczyźnie, 3) szkoły zawodowe o

określonym typie (drzewne, tkackie, rolnicze, handlowe) – do szkół powszechnych funkcjonujących w środowisku gospodarczym identycznym jak specjalność szkoły opiekuńczej.

Współpraca opiekuńcza dwóch szkół składała się: a) z korespondencji międzyszkolnej, międzyklasowej i międzygrupowej, b) z pomocy materialnej w postaci paczek z przyborami uczniowskimi (zeszyty, pióra, ołówki, gazetki ścienne), książek, odzieży, bielizny, obuwia, itp., c) wycieczek międzyszkolnych - ze szkół opiekuńczych do szkół objętych opieką i odwrotnie.²³

Cała akcja została zaplanowana i przez czas jej trwania nadzorowana przez władze kuratorskie w Brześciu. Dyrektorzy szkół średnich otrzymali wytyczne w formie tymczasowej instrukcji. Zapoznawali następnie młodzież ze sprawą i przekonywali ją do nawiązania kontaktu ze szkołą powszechną przez napisanie listu do uczniów tej szkoły. Listy adresowano do nauczyciela lub kierownika danej placówki oświatowej, którego nazwisko podawało kuratorium w piśmie. W liście stwierdzano chęć przyścia z pomocą dzieciom danej szkoły, pytano o najpilniejsze potrzeby, proszono o rychłą odpowiedź w wyznaczonym przez daną klasę terminie. Obowiązkiem dyrekcji było następnie zawiadomienie Inspektora Szkolnego i władz kuratorskich, że z daną szkołą powszechną nawiązano kontakt i w jakim zakresie pomoc miała być udzielana. Co pół roku (do 1 stycznia i do 30 czerwca) dyrekcja musiała składać sprawozdanie o stanie pomocy dzieciom uczącym się w szkołach powszechnych. Ogromną wagę przykładano do tego, by w dniach świąt państwowych (11 listopada, 19 marca) dzieci były wyjątkowo hojnie obdarowane prezentami.²⁴

Właśnie w odpowiednim wykorzystaniu korespondencji pomiędzy szkołami i poszczególnymi uczniami upatrywano powodzenie całej akcji opiekuńczej. Od jakości korespondencji i wyzyskania jej ogromnego czynnika emocjonalnego uzależniano samo podtrzymywanie się całego przedsięwzięcia. Korespondencja mogła być zbiorowa, gdy przedstawiciel pisał ją w imieniu całej klasy lub indywidualna, gdy uczniowie danej klasy pisali każdy do innego adresata. Przestrzegano zasady, by chłopiec korespondował z chłopcem, a dziewczynka z dziewczynką. Pierwszeństwo ze względów psychologicznej autentyczności przyznawano korespondencji indywidualnej.

Odczytywanie listów było prawdziwą ceremonią. Nauczyciel musiał otrzymać paczkę listów z Polesia wcześniej przeczytać, posegregować, ułożyć w przemyślaną konstrukcję, stworzyć odpowiedni, radosny lub poważny klimat i odczytać wobec uczniów całej klasy.

Dbano o to, by listów pisanych przez dzieci nie poprawiać semantycznie, stylistycznie i ortograficznie. Zalecano, by listów nie pisali za dzieci nauczyciele. Nie było to prostą sprawą, gdyż nauczyciele opiekujący się dziećmi obawiali się konsekwencji wynikających z rzekomego niedouczenia dzieci. Chciano zachować szczerą i bezpośredni przekaz dziecka poleskiego, który faktycznie był w całej korespondencji najważniejszy i najcenniejszy. W wymiarze propagandowym lepiej było, by list od małego Poleszuka pisany był z błędami językowymi, co wywoływało przy jego czytaniu silne emocje u słuchaczy: śmiech, litość, wzruszenie.

Zachowane w Państwowym Archiwum Obwodowym w Brześciu listy krążące pomiędzy szkołami opiekuńczymi i poszczególnymi uczniami stanowią obok prac maturalnych najbardziej przepojone emocjami źródła dotyczące szkolnictwa na Polesiu. Z tych krótkich listów możemy dowiedzieć się jak wyglądała codzienna egzystencja na wsi poleskiej, jak funkcjonowała szkoła powszechna, jakie były bolączki i kłopoty dzieci i nauczycieli.

W wytycznych dotyczących korespondencji międzyszkolnej podkreślano konieczność reakcji ze strony szkoły objętej opieką. Na zasadzie sprzężenia zwrotnego następowało

²³ Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego za rok 1935, s. 25-29; 64-66; 244-245.

²⁴ Państwowe Archiwum Obwodowe w Brześciu. Tymczasowa organizacja opieki szkół średnich nad szkołami powszechnymi, f. 59, o. 2 d. 2136, k. 1-2

pogłębienie wzajemnych relacji, związane z rozrastaniem się jakościowym i ilościowym całego przedsięwzięcia.²⁵

Istotą całej akcji było udzielenie pomocy materialnej biednym dzieciom. W roku szkolnym 1934/35 szkoły i instytucje opiekuńcze wysłały do szkół powszechnych objętych opieką 855 paczek z darami. W roku szkolnym 1935/36 liczba wysłanych paczek wzrosła trzykrotnie - do 2234. Wprost proporcjonalnie rosła ilość tak zwanych upominków „rewanżowych”, które szkoły objęte opieką wysyłały swoim opiekunom.

Paczki z darami często przesyłane były w formie wielkich skrzyń ważących ponad 500 kilogramów. Najczęściej przesyłano w paczkach odzież, bieliznę, obuwie, produkty żywnościowe, książki, pomoce naukowe. Wśród najcenniejszych przedmiotów trafiały się: radioaparaty, całe komplety biblioteczne itp. Wśród prezentów „rewanżowych” najczęściej znajdowały się własnoręcznie wykonane pamiątki regionalne.²⁶

W wielu przypadkach paczki, które wysyłało na Polesie składały się z ubrań własnoręcznie wykonanych przez uczniów szkół średnich. Na każdym etapie akcji opiekuńczej nauczyciele starali się wprowadzać czynnik wychowawczy.²⁷

²⁵ Rogalski J., *Walory korespondencji indywidualnej z Polesiem*, s. 186-187, [w:] *Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego za rok 1937*.

²⁶ *Kilka słów o rozwoju akcji opiekuńczej*, s. 182-183, [w:] *DUKOSP za rok 1937*.

²⁷ Uczennice II Gimnazjum im. Jana Kochanowskiego w Warszawie włączyły się do akcji opiekuńczej biorąc w opiekę szkołę powszechną w Lichaczach. 11 listopada 1936 roku wszystkie dziewczęta uczące się w szkole zadeklarowały podjęcie pracy obywatelskiej i postanowiły w ciągu jednego dnia pracy w szkole uszyć bieliznę dla małych Poleszuchów. 550 dziewcząt uczących się w gimnazjum postanowiło od każdej złotówki wpłacanej co miesiąc na fundusz Ligi Obrony Przeciw Powietrznej i Fundusz Obrony Morskiej przeznaczyć 30 groszy w miesiącu listopadzie na zakup materiałów, z których zamierzały uszyć ubranka dla dzieci. Do kwoty 165 zł ksiądz prefekt dorzucił 35 złotych przeznaczone na włóczkę i można było przystąpić do pracy. Nauczycielki za zebrane pieniądze kupiły materiał, matki dziewcząt skroily to w odpowiednie wzory, a następnie uczennice przystąpiły do pracy. Na 7 godzin szkoła zamieniła się w ogromną szwalnię. Owocem tej pracy było: 190 koszul, 50 szalików, 30 czapek, 10 sukienek, 10 par rękawiczek, 50 ręczników, 100 chustek do nosa, 20 „kombinezonów” barchanowych, 24 tablice ortograficzne, 4 gry. Dla podniesienia waloru wychowawczego, delegacja 5 dziewcząt wraz z nauczycielkami miały własnoręcznie zawieźć paczki do Lichacz. (Zasuszanka A., *Gimnazjum warszawskie bierze w opiekę szkołę na Polesiu*, s. 190-191, [w:] *DUKOSP za 1937*).

Tabela 2. Wyniki akcji opiekuńczej w województwie poleskim za rok szkolny 1935/1936

Obwód szkolny	Ilość instytucji opiekuńczych			Ilość szkół powszechnych objętych opieką	Ilość Listów						Ilość paczek z darami		Wycieczki			
	szkół	instytucji	razem		Otrzymanych od szkół opiekuńczych			Wysłanych do szkół opiekuńczych			otrzymanych	rewanżowych	Ze szkół opiekuńczych		Ze szkół objętych opieką	
					indywidualnych	zbiorowych	razem	indywidualnych	zbiorowych	razem			Ilość wycieczek	Ilość osób	Ilość wycieczek	Ilość osób
Brześć	71	21	92	83	912	285	1197	805	283	1088	213	36	4	150	7	180
Drohiczyn	49		49	49	1100	400	1500	750	250	1000	88	29	2	52		
Kamień Kosz.	78	3	81	51	3108	1343	4451	3108	1287	4395	183	37				
Kobryń	57		57	53	100	316	1316	1100	346	1446	215	31	1	3		
Kosów	66		66	78	7123	216	7339	8265	202	8467	132	126				
Łuniniec	161	6	167	109	1250	142	1692	1480	182	1662	280	70	2	40	1	12
Pińsk	261	3	246	174	1418	902	2320	1824	1211	3035	322	150	1	30		
Prużana	94	1	95	88	1672	283	1956	2242	407	2649	159	77	2	115	3	60
Stolin	86	43	129	86	3763	58	3821	5553	25	5578	515	84	1	9		
województwo poleskie	923	77	1000	771	21256	3945	25592	25127	4193	29320	2107	640	13	399	11	252

Źródło: Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego za rok 1937, s. 181

Zamieszczone w tabeli dane wskazują, iż w roku szkolnym 1935/36 największa ilość szkół objętych opieką znajdowała się w obwodach szkolnych: pińskim - 174 i luninieckim - 161, najmniejsza zaś w obwodach: drohickim - 49, koszyrskim - 51 i kobryńskim - 53.

W swych pierwotnych zamierzeniach akcja opiekuńcza była skierowana do obwodów luninieckiego i stolińskiego, może więc dziwić relatywnie niska liczba szkół włączonych do akcji na terenie okręgu stolińskiego. Mała liczba szkół objętych pomocą wynikała z ogólnej liczby szkół funkcjonujących na terenie powiatu stolińskiego. Według danych z roku szkolnego 1936/37 na terenie powiatu stolińskiego funkcjonowało 108 publicznych szkół powszechnych.¹ Ilość paczek z darami wysłanych do szkół stolińskich wynosiła 515, co stanowiło największą liczbę wśród wszystkich obwodów i stanowiło 25% całej pomocy udzielonej województwu poleskiemu!

Najobfitszą korespondencję międzyszkolną prowadziły szkoły powszechne z obwodu kosowskiego - otrzymano 7339 listów indywidualnych i zbiorowych (28,7% wszelkiej korespondencji spływającej na Polesie), a wysyłano w tym okresie 8467 listów, co stanowiło 29 % całej korespondencji wysyłanej z województwa poleskiego.

Zdecydowanie przeważała korespondencja indywidualna. Listów indywidualnych wysłano w tymże roku z terenu województwa poleskiego 25127, zbiorowych zaś tylko 4193. Otrzymano 21256 listów indywidualnych i 3945 zbiorowych. Jeżeli korespondencja wychodząca i przychodząca z Polesia była zbliżona ilościowo do siebie, to ilość paczek rewanżowych stanowiła tylko 1/3 tego co szkoły powszechne otrzymywały. Te dysproporcje wynikały z faktycznej biedy i niemożliwości wysyłania takich paczek, a nie z ignorancji szkół poleskich. O znaczeniu wdzięczności świadczy wspomniana powyżej przewaga liczby listów wysłanych nad przychodzącymi na Polesie.

Wielką chwilą w życiu szkoły powszechnej było samo otworenie paczki. Czyniono z tej chwili prawdziwą uroczystość. Dzieci, gdy dowiedziały się, że do urzędu pocztowego przyszła paczka dla nich przeznaczona, były gotowe biec po nią kilka kilometrów choćby pieszo. Nauczyciel musiał je od tego zamiaru powstrzymywać. Dzieci nie mogły spać w nocy, myśląc, co też może w tej paczce być. Wczesnym rankiem oczekiwały już pod domem nauczyciela, by jak najszybciej otworzyć paczkę z prezentami. Potrafiły zbudzić go jeszcze przed świtem, tworząc pod jego domem prawdziwe zbiegowisko. Przysypiane szronem, tupiąc z zimna czekały na otworenie szkoły.

Paczki, które pocztą przychodziły do szkół poleskich były często w świadomości Poleszuków widziane jako obowiązkowa forma pomocy państwa i traktowane jako „kazi-onne”. Jeżeli przychodziły, było wszystko w porządku, ale jeżeli nie docierały do szkoły, nauczyciel spotykał się z wyrzutami mieszkańców wioski. Jeżeli natomiast do szkoły powszechnej w sąsiedniej wsi paczki przychodziły, to wina za taki stan rzeczy spadała w powszechnej opinii na nauczyciela. Nauczyciel był widocznie zły, skoro rząd nie pamiętał o danej wiosce. Najlepszym sposobem na przełamanie takiego stereotypowego myślenia było dowieszenie paczki z darami przez delegację uczniów i nauczycieli ze szkoły opiekuńczej. Taka forma doręczenia paczki czyniła z niej dar serca, a nie obowiązek.

Do reprezentacji uczniów szkoły opiekuńczej, która miała zawieźć dary i przekazać je szkole na Polesiu wybierano uczniów spełniających następujące kryteria: dobre wyniki w nauczaniu, umiejętność zabawy i nawiązywania kontaktów z dziećmi, zdolność opowiadania i opisywania wrażeń - by wszystko po powrocie opowiedzieć dzieciom całej szkoły.

Naturalną konsekwencją zacieśniania więzów emocjonalnych podtrzymywanych wspólną korespondencją i przekazywanymi sobie podarunkami była chęć osobistego poznania się

¹ Statystyka szkolnictwa 1936/37, Warszawa 1938, s. 16

dzieci. Najprostszą formą takiego kontaktu było zorganizowanie wycieczki dzieci ze szkoły opiekuńczej na Polesie lub odwrotnie. W roku szkolnym 1935/36 w szkołach opiekuńczych zorganizowano 13 wycieczek, w których wzięło udział 399 uczniów. Z Polesia wyruszyło do swoich opiekunów 11 wycieczek z 252 uczestnikami. Ze względu na duże znaczenie dydaktyczne i wychowawcze władze oświatowe popierały taką formę akcji opiekuńczej.

Dużą pomoc w takich sytuacjach oferowały władze oświatowe w obwodzie, w którym szkoła powszechna się mieściła. Inspektor szkolny ofiarował pomoc przy znalezieniu noclegu i zapewniał przewodnictwo.² W takich sytuacjach na grupę gimnazjalistów i nauczycieli w miejscu przesiadki, najczęściej mieście powiatowym, oczekiwał inspektor szkolny, nauczyciele miejscowych szkół i młodzież gimnazjalna. Zapraszano na wspólną kolację, organizowano nocleg. Starano się zorganizować zwiedzanie stolicy powiatu. Organizowano wycieczkę po Pińsku, Prużanie czy Stolnie. Podróż do docelowej szkoły odbywała się najczęściej na furmankach lub rzekami. Przewozem młodzieży zajmowali się zazwyczaj rodzice dzieci poleskich. Kilka furmanek wyruszało z danej wsi po uczestników wycieczki i dowoziło ich na miejsce.

Sam przyjazd uczniów i nauczycieli wzbudzał w okolicy ogromną sensację. Dzieci stały na najwyższym wzniesieniu w okolicy oczekując na gości, a gdy ich tylko dostrzegły, z krzykiem biegnęły do wioski. W szkole lub na placu przed nią organizowano uroczyste powitanie wraz z przygotowaną częścią artystyczną. Jeżeli warunki szkoły powszechnej na to pozwalały, goście nocowali w salach lekcyjnych, w innym wypadku na kwaterach prywatnych.

Wycieczki dzieci poleskich do swoich kolegów i koleżanek ze szkół opiekuńczych musiały odbywać się przy wydatnej pomocy kierownictwa i Komitetu Rodzicielskiego szkoły opiekuńczej. Rodzice dzieci z Polesia nie byli w stanie zapewnić swoim dzieciom takiego luksusu. Szkoła opiekuńcza zbierała środki finansowe, przysyłała je do szkoły na Polesiu, a wychowawca danej klasy czy kierownik szkoły zajmował się organizacją wycieczki.

W roku szkolnym 1936/1937. sytuacja gospodarcza kraju zaczęła ulegać znacznej poprawie. Zaczęła zmniejszać się również potrzeba prowadzenia akcji opiekuńczej. Natężenie akcji zmniejsza się zasadniczo po 1936 roku. Bilans całej akcji opiekuńczej należy ocenić dodatnio. Podkreślić należy jednak jej ogromne znaczenie w wymiarze propagandowym i wychowawczym, a nie w faktycznej pomocy materialnej udzielonej uczniom poleskich szkół powszechnych.

MŁODZI BADACZE KRAJÓW POSTSOWIECKICH WOBEC TRANSFORMACJI SPOŁECZEŃSTW W EUROPEJSKIEJ INTEGRACJI

Zofia Tomczonek

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

W dobie integracji Polski ze Wspólnotą Europejską, jednym z kluczowych problemów jest nawiązanie współpracy z krajami sąsiadującymi, a pozostającymi poza Wspólnotą.

Szczególną rolę odgrywają tu młode elity tych krajów. Przypadnie im bowiem zadanie zapewnienia ciągłości pozytywnego rozwoju społeczeństw, formowania ich zgodnie z tradycjami narodowymi, historią i kulturą własnych narodów.

² W październiku 1936 roku 35 uczennic z gimnazjum żeńskiego w Łodzi wyruszyło na wycieczkę do Kończyc. W Pińsku dziewczętami zaopiekowali się obaj Inspektorowie Szkolni (Bartnicki B., Janiszewski L.) oraz członkowie miejscowego Koła Krajoznawczego. Późna pora roku uniemożliwiła poruszanie się drogą lądową, uczennice musiały więc udać się do szkoły powszechnej w Kończycach drogą wodną. Podczas całej podróży inspektorowie towarzyszyli w wyprawie (K.J., Wycieczka z Łodzi do Kończyc, s.195-197; Strackiewicz P., Dzień radości w Kończycach, s. 197-198 [w:] DUKOSB za 1937

W 2004 roku Polska stała się pełnoprawnym członkiem Wspólnoty Europejskiej. Obecny poziom kontaktów między Polską a sąsiadującymi z nią krajami: Rosją, Ukrainą i Białorusią nie jest zadowalający. Bardzo ważnym zadaniem stało się ułożenie sobie z nimi dobrej sąsiedzkiej współpracy. Stanie się łącznikiem, pomostem między Wschodem a Zachodem. Do realizacji tych koncepcji muszą jednak zaistnieć sprzyjające warunki. Między naszymi narodami narosły od lat negatywne stereotypy. Utrudniają one w sposób niesłychanie istotny przezwycięzenie tego stanu rzeczy. Niemalą winę ponosi tu zły system wzajemnego informowania o sytuacji i wydarzeniach w tych krajach. Media niejednokrotnie przedstawiają kraje byłego ZSRR w sposób jednostronny. Przeciętny obywatel nie ma możliwości weryfikacji przekazywanych mu informacji. Postrzega te kraje nierządkiem w czarnych barwach. Z kolei w krajach byłego ZSRR żywa jest opinia o Polakach jako zdrajcach słowiańszczyzny, niewdzięcznikach nie szanujących pamięci żołnierzy Armii Czerwonej poległych na ziemi polskiej podczas jej wyzwolenia w latach 1944-1945. Zbyt dużo jest między naszymi narodami nieufności, niechęci. Za mało otwartości i woli współpracy.

Wychodząc z założenia, że najlepszą podstawą do wzajemnego zrozumienia i nawiązania przyjaznych stosunków między państwami jest wzajemne poznanie i współpraca, podejmowane są różne inicjatywy.

Jedną z nich były tzw. „Mosty w XXI wiek”. Była to cała seria seminariów naukowych przeprowadzonych w latach 2000-2004. Głównym celem zorganizowanych seminariów naukowych był problem zbliżenia sąsiedzkich narodów Polski, Rosji i krajów bałtyckich. Były to spotkania młodych badaczy i polityków z tych krajów. Seminarium odbyły się na terenie Polski: w Warszawie i Białymstoku oraz głównie w Sankt Petersburgu.

Jednym z inicjatorów tej współpracy naukowej był Międzynarodowy Instytut Wschodnio-Europejski w Sankt Petersburgu. Idea odbycia szeregu seminariów spotkała się z przychylnym przyjęciem Sankt Petersburskiej Grupy Młodych Polityków i Uczonych zrzeszonych w tak zwanej: „Dyplomacji Młodych” przy Administracji Sankt Petersburga. Była to grupa młodych polityków i politologów miasta reprezentująca nową warstwę odradzającej się elity rosyjskiej.

Ze strony polskiej wsparcia inicjatywie udzieliłi badacze Uniwersytetu Warszawskiego, Uniwersytetu Wrocławskiego, Szkoły Głównej Handlowej w Warszawie oraz inne uczelnie i instytucje Polski, Rosji, Litwy, Łotwy, Estonii.

W ciągu kilku lat odbywały się spotkania seminaryjne młodych badaczy. Każde seminarium miało swój temat wiodący. Uczestniczący w nich młodzi badacze przedstawiali swoje wyniki badań na określone tematy. Materiały z seminariów ukazały się w formie książkowej.

Pierwsze seminarium odbyło się w Warszawie w maju 2001 roku. Tematem wiodącym było: „Przywództwo polityczne w epoce postkomunistycznej a kształtowanie nowych elit. Rosja-Polska: analiza porównawcza”.

Polska i Rosja są dla siebie ważnymi partnerami we współczesnym świecie. Zmieniające się stale stosunki dwustronne stwarzają duże możliwości badawcze. Wśród dyskutowanych tematów warto wymienić:

- znaczenie przywództwa politycznego w okresie przejściowym. „Merytokracja – władza godnych”;
- elita i kontrolita w epoce komunistycznej i postkomunistycznej;
- problem reintegracji działaczy politycznych epoki komunistycznej w nowych warunkach społecznych;
- opinia społeczna, grupy interesów, demokratyczne reguły gry i fenomen „nowej lewicy”;
- sposoby naboru i wychowywania nowych elit w Rosji i w Polsce.

Wśród zapadłych konkluzji warto wymienić to, że młode elity obu krajów winny zapewnić ciągłość pozytywnego rozwoju społeczeństw, zgodnie z ich tradycjami naro-

dowymi, historią i kulturą. Ważnym stwierdzeniem było podkreślenie, że młode elity Rosji i Polski opowiadają się za współpracą i integracją z elitami Wspólnoty Europejskiej.

Hasłem drugiego seminarium zorganizowanego w dniach 9-10 listopada 2001 roku w Sankt Petersburgu było: „Rosja i Polska. Most w XXI wiek”. Współorganizatorami seminarium, obok wymienionych uprzednio instytucji, były również: Polskie Towarzystwo Historyczne Oddział w Sankt Petersburgu i Konsulat Generalny Rzeczypospolitej Polskiej w tymże mieście. Wśród referowanych podczas seminarium tematów warto wymienić:

- wpływ międzynarodowych organizacji na wzajemne stosunki Polski i Rosji w sferze bezpieczeństwa;

- dynamikę rosyjsko-polskich stosunków od „ochłodzenia” do „ocieplenia”;
- polsko-rosyjską współpracę polityczno-wojskową na tle aktualnej polityki Unii Europejskiej wobec Rosji w obszarze bezpieczeństwa;

- Polska na drodze do Unii Europejskiej: widziana oczami Rosjan;
- znaczenie obwodu Kaliningradzkiego dla przyszłości stosunków polsko-rosyjskich w kontekście rozszerzenia Unii Europejskiej i rozwoju współpracy w obszarze Morza Bałtyckiego^{vi}. Materiały seminarium zostały opublikowane w Sankt Petersburgu.

Trzecie seminarium młodych badaczy zorganizowano w dniach 13-14 maja 2002 roku w Białymstoku. Organizatorami spotkania byli między innymi: Wydział Zarządzania Politechniki Białostockiej, a także Zarząd Miasta Białegostoku. Tematami seminarium były głównie problemy gospodarcze Polski i Rosji w szerokim kontekście uwarunkowań międzynarodowych. Prezentowaną na seminarium problematykę można podzielić na cztery grupy tematyczne:

- problemy okresu przejściowego i stosunki ekonomiczne Polski i Rosji;

- wstąpienie Polski do Unii Europejskiej oraz wpływ tego wydarzenia na stosunki ekonomiczne z Rosją;

- ekonomiczne aspekty stosunków polsko-rosyjskich;

- perspektywy regionalnej i przygranicznej współpracy ekonomicznej Polski i Rosji.

Podczas seminarium zwracano szczególną wagę na szanse i zagrożenia w stosunkach Polski z Rosją w perspektywie integracji Polski z Unią Europejską. Wiele uwagi poświęcono obwodowi Kaliningradzkiemu oraz roli jaką może on odegrać w przyszłości. Całość materiałów zawarta w 21 referatach została opublikowana^{vii}.

Kolejne, czwarte już seminarium, odbyło się w dniach 6-7 czerwca 2002 roku w Sankt Petersburgu. Tematem jego była: „Rosja i Litwa. Most w XXI wiek”. Współorganizatorami, obok Uczelni Petersburskiej, byli: Konsulat Generalny Republiki Litewskiej w Sankt Petersburgu, Uniwersytet Wileński w Wilnie, Uniwersytet Szajlajskij. Seminarium odbyło się z udziałem Ministra Spraw Zagranicznych Litwy oraz Vice-gubernatorem Sankt Petersburga. Głównym celem spotkania było przedyskutowanie aktualnych stosunków dwustronnych między Republiką Litwy i Federacją Rosyjską. Seminarium odbyło się w rocznicę koronacji Wielkiego Księcia Mendoga. Dzień ten obchodzony jest jako Dzień Państwa Litewskiego.

W związku z perspektywą wejścia Litwy do Unii Europejskiej zastanawiano się nad wzajemnymi relacjami. Wiek XXI wymusza nowe podejście do polityki. Rodzi się nowa jakość w stosunkach litewsko-rosyjskich. Pośród wygłaszanych referatów warto wymienić:

- rozwój rosyjsko-litewskich stosunków ekonomicznych;

- Kaliningradzki trójkąt: Rosja, Polska, Litwa w perspektywie rozszerzenia Unii Europejskiej;

- stosunki Rosji z krajami bałtyckimi w kontekście euroatlantyckim. Nowe problemy, stare stereotypy.

Wszystkie wygłoszone na seminarium wystąpienia i referaty zostały opublikowane^{viii} i wydane w Sankt Petersburgu.

W 2002 roku odbyło się jeszcze jedno seminarium. Tematem jego była: „Rosja – kraje bałtyckie – Polska: Most w XXI wiek. Forum młodych badaczy Łotwy, Litwy, Polski, Rosji i Estonii”. W dniach 29-30 listopada 2002 roku w Sankt Petersburgu młodzi badacze i politycy z tych krajów obradowali nad problemami dotyczącymi historii, dnia dzisiejszego oraz przyszłości swoich narodów. Spośród wygłoszonych referatów warto wymienić kilka:

- Rosjanie i Łotysze – „przekleci przyjaciele”;
- dialog kultur a nauczanie języka rosyjskiego;
- „Mała Litwa” – historyczny mit czy polityczna rzeczywistość?;
- Polka, Rosja, Wspólnota Europejska – możliwości i wzywania;
- Łotwa – problemy etniczne;
- Polska – Rosja: katolicyzm – odwieczny konflikt;
- Białoruś i Ukraina – między Rosją i Europą.

Temat seminarium nie został wybrany przypadkowo. Życie pokazuje bowiem, że wzajemne stosunki między narodami Rosji, Polski, krajów bałtyckich bardzo często warunkowane są tragiczną przeszłością. Historyczna przeszłość bardzo często określa logikę działań i stosunków międzyludzkich. Zajęcie się tą problematyką na forum pozwoliło niewątpliwie lepiej poznać i zrozumieć pewne problemy, a także wypracować metody przezwycięzania tych negatywnych postaw.

Ze względu na miejsce, w którym wygłaszane były referaty, omówię szerzej wystąpienie pt. „Białoruś i Ukraina – między Rosją a Europą” autorstwa Wojciecha Konończuka z Uniwersytetu Warszawskiego.

Autor rozpoczyna swoje rozważania od upadku ZSRR i powołania do życia jakościowo nowej struktury – Wspólnoty Niepodległych Państw (WNP). Zrodziła się ona dnia 8 grudnia 1991 roku na spotkaniu przywódców Rosji, Białorusi i Ukrainy, podczas którego przyjęto porozumienie o utworzeniu WNP. Ogłoszono wówczas, że ZSRR „jako podmiot prawa międzynarodowego i byt geopolityczny przestał istnieć”. Tę słowiańską trójkę nazwano „słowiański trójkąt”. Dołączyły do niej republiki Azji Centralnej oraz Mołdawia, Armenia i Azerbejdżan. Gruzja zgłosiła swój akces dopiero w 1993 roku. Wspólnota ta miała ewoluować w kierunku modelu integracyjnego na wzór Unii Europejskiej. Miała być forum współpracy państw postradzieckich. Głównie chodziło o współpracę gospodarczą. Trzy państwa nadbałtyckie, byłe republiki ZSRR, w skład Wspólnoty nie weszły.

Integracja rozumiana w ten sposób stała się jednak niemożliwa. Wspólnota Niepodległych Państw była bowiem strukturą niespójną, o sprzecznych interesach jej członków. Brak było celu, do którego miałyby zmierzać i jedności w działaniach.

Rosja zajmowała w niej dominującą pozycję. Nie był to więc związek równoprawnych państw. Najbardziej zintegrowanymi strukturami na terytorium Wspólnoty Niepodległych Państw były: Rosja i Białoruś. Białoruś oczekiwała głównie związków ekonomicznych z Rosją. Początek integracji tych państw sięga kwietnia 1996 roku, kiedy to podpisano porozumienie o stowarzyszeniu. W 1997 roku powołano zaś Związek Białorusi i Rosji, a także wspólne struktury, takie jak: Zgromadzenie Parlamentarne, czy Rada Międzynarodowa. Niewiele jednak, píše autor, z tego wynikało. Gospodarka Białorusi jest bowiem w dużej mierze zacfana, a w Rosji niechętnie przyjmuje się konieczność jej dotowania. Jednakże faktem jest, że zbliżenie Rosji i Białorusi, spośród wszystkich byłych republik ZSRR, jest najbardziej zaawansowane.

Moskwa od początku traktowała Wspólnotę jako obszar neutralnych wpływów. Określano ją tam mianem „bliskiej zagranicy”. Na Białorusi były szczególnie silne wpływy Rosji. Białorusini w dużej mierze mają słabe poczucie odrębności narodowej, natomiast silne poczucie bliskości

культурowej, językowej, religijnej z Rosją. Podobnie jest również z przeszłością historyczną. Głównym zadaniem prezydentury Aleksandra Łukaszenki było zbliżenie Białorusi do Rosji. Za prezydentury Borysa Jelcyna dominującym aspektem była idea zbliżenia. Prezydent Władimir Putin odrzucił ideę pełnego uprawnienia stron w przyszłym związku państw. Była to idea, którą chciał realizować Łukaszenko. Określono, że zjednoczenie winno się odbywać w ramach jednego państwa. Oznacza to, że Białoruś stanie się częścią Rosji. Na Białorusi, jak dotychczas, nie ma alternatywy dla współpracy z Rosją. Kraj ma słabą ekonomikę, funkcjonuje w dużej mierze dzięki rosyjskiej pomocy. Rosja to główny partner handlowy Białorusi. W 2001 roku na Rosję przypadało 53% eksportu i 65% importu białoruskiego^{xii}. Współpracy z Rosją nie można niczym zastąpić, w dającej się przewidzieć przyszłości. Autor stawia wiele pytań, na przykład o to, w jakim kierunku będzie zmierzać Białoruś? Jego zdaniem będzie to niewątpliwie związek i dobre sąsiedztwo z Rosją.

Zorganizowane seminaria umożliwiły młodym badaczom wielu krajów wzajemne poznanie się, wymianę myśli, poglądów i wniosków badawczych. Podczas spotkań szczególną wagę zwracano na rozwój stosunków gospodarczych, politycznych i kulturalnych. Uczestnikami seminariów byli w głównej mierze młodzi badacze, reprezentanci nowej odradzającej się elity swoich krajów. To od nich w dużej mierze będzie zależała polityka jaką będą prowadziły ich macierzyste kraje i droga, którą będą kroczyć. Podczas tych naukowych spotkań starano się, aby seminaria wzbogacały wiedzę ogólną ich uczestników, a także, poprzez wzajemne poznanie, pozwoliły przezwyciężyć negatywne stereotypy istniejące w świadomości społeczeństw ich narodów.

СТУДЭНТЫ ПОЛЬШЧЫ І БЕЛАРУСІ: УЯЎЛЕННІ АБ КАШТОЎНАСЦЯХ

Грыбаў Г.М.

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

Беларусь і Польшча – гэта краіны-суседзі, якія маюць шмат агульнага ў гісторыі і сучаснасці. Сення лічыцца, што па Бугу, які іх падзяляе, праходзіць мяжа паміж усходняй і заходняй цывілізацыямі. Рэспубліка Польшча – частка Еўрапейскай супольнасці. Рэспубліка Беларусь шукае свой інтэграцыйны вектар на Усходзе. Наша дзяржава і яе заходняя суседка перажываюць складаны працэс сістэмнай трансфармацыі ўсіх сфер жыцця грамадства, які пачаўся пасля распаду СССР і сацыялістычнага лагера. Абедаве краіны належаць да ліку так званых "постсацыялістычных" альбо "транзітных" дзяржаў, у якіх працягваецца працэс істотнага змянення каштоўнасцей і свядомасці грамадзян, асабліва моладзі. Фарміруецца пакаленне беларусаў і палякаў, для якіх практычна ўсе свядомае жыццё прайшло ў новых сацыяльна-эканамічных і ідэалагічных умовах. Вывучэнне светапогляду гэтага пакалення – вельмі цікавая і сучасная навуковая праблема. Кафедра філасофіі і культуралогіі БДТУ і кафедра дзяржаўнага кіравання сацыяльнай сферай АК пры Прэзідэнце РБ пры падтрымцы польскіх калег правялі параўнальнае сацыялагічнае даследаванне каштоўнасцей і свядомасці беларускага і польскага студэнцтва. Па выбарцы было апытана 1267 рэспандэнтаў у ВНУ ўсіх абласных гарадоў Беларусі і 1116 студэнтаў Беластока, Познані і Чанстахова. Беларускія і польскія маладыя людзі адказвалі на пытанні ідэнтычнага па зместу анкеты.

3 мэтай вывучэння іерархіі базавых вартасцей, рэспандэнтам было дадзена пытанне:

Якое значэнне Вы надаеце ў Вашым жыцці наступным фактарам?

Табліца 1а. Беларускія студэнты (у %)

	Вельмі важна	Важна	Не вельмі важна	Зусім не важна
Здароўе	81,9	15,4	2,3	0,2
Сям'я, дзеці	71,7	21,0	6,3	1,0
Дружба	66,1	30,7	3,0	0,2
Магчымасць ужываць чыстыя прадукты і дыхаць чыстым паветрам	63,7	31,6	4,3	0,4
Добрая адукацыя	62,5	36,1	1,3	0,1
Каханне	61,0	33,0	5,6	0,4
Магчымасць самарэалізацыі	58,9	37,4	3,6	0,2
Гарантыі правоў чалавека	50,0	45,0	5,0	0,1
Кар'ера	48,7	43,7	7,3	0,4
Душэўны спакой	46,9	42,8	7,0	3,4
Павага другіх людзей	46,6	45,3	7,6	0,6
Зносіны з цікавымі людзьмі	46,0	72,0	6,0	1,0
Грошы, матэрыяльны дабрабыт	45,6	50,4	3,6	0,4
Камфортнае жылле	43,3	50,6	5,9	0,2
Суверэнітэт маёй дзяржавы	38,9	49,3	10,1	1,7
Порыватная ўласнасць	33,6	51,1	14,5	0,8
Дэмакратыя ў дзяржаве	31,2	50,6	16,1	2,1
Сэкс	30,5	51,3	16,3	1,9
Зручнае, прыгожае адзенне	20,7	53,8	22,7	2,8
Вясёлая, поўнае забаў жыццё	19,5	50,0	26,5	4,0
Мастацтва	15,6	55,7	24,1	4,6
Нацыянальная культура	14,8	45,9	30,4	9,0
Рэлігія	14,2	38,0	35,7	12,2
Вядомасць, слава	4,6	27,1	51,6	16,7

Табліца 1б. Польскія студэнты (у %)

	Вельмі важна	Важна	Не вельмі важна	Зусім не важна
Здароўе	79,3	18,7	1,3	0,7
Сям'я, дзеці	78,9	18,9	1,1	1,1
Дружба	77,3	19,0	2,2	1,5
Магчымасць ужываць чыстыя прадукты і дыхаць чыстым паветрам	77,0	19,8	2,5	0,7
Добрая адукацыя	63,2	35,9	0,6	0,3
Каханне	58,4	34,1	6,0	1,5
Магчымасць самарэалізацыі	57,5	37,7	4,3	0,4
Гарантыі правоў чалавека	56,9	36,3	4,3	2,5
Кар'ера	51,3	45,4	2,3	1,0
Душэўны спакой	43,3	47,4	7,4	1,9
Павага другіх людзей	42,5	50,9	6,2	0,4

Продолжение таблицы

Зносіны з цікавымі людзьмі	42,1	50,4	6,7	0,8
Грошы, матэрыяльны дабрабыт	41,0	47,5	10,1	1,4
Камфортнае жылле	36,3	48,7	12,6	2,5
Суверэнітэт маёй дзяржавы	32,0	54,4	11,7	1,9
Порыватная ўласнасць	30,8	44,4	17,2	7,5
Дэмакратыя ў дзяржаве	23,1	48,9	24,4	3,6
Сэкс	21,2	63,3	14,5	1,0
Зручнае, прыгожае адзенне	18,6	52,8	27,0	1,6
Вясёлая, поўнае забаў жыцце	17,6	70,8	11,0	0,5
Мастацтва	16,8	62,2	20,4	0,6
Нацыянальная культура	14,1	54,0	25,8	6,1
Рэлігія	13,7	46,3	33,2	6,8
Вядомасць, слава	7,4	21,9	49,2	21,6

Параўнанне адказаў пазваляе вызначыць падабенства і адрозненне ўяўленняў студэнтаў дзвюх краін аб асноўных жыццёвых каштоўнасцях.

Падабенства змяшчаецца з наступным:

1. І беларускія і польскія студэнты лічаць важнымі ў сваім жыцці дастаткова вялікую колькасць каштоўнасцей, а не абмяжоўваюцца іх вузкім наборам. Больш паловы беларусаў і палякаў прызналі "вельмі важнымі" 8 фактараў.

2. Лідзіруючымі вартасцямі ў абодвух нацыянальных групах з'яўляюцца аднолькавыя фактары: здароў'е, дружба, каханне, сям'я, дзеці, добрая адукацыя.

3. "Хвост" рэйтыngu у беларусаў і палякаў таксама складаюць практычна адны і тыя ж каштоўнасці: вядомасць, слава, мастацтва, нацыянальная культура.

Адрозненне поглядаў змяшчаецца ў наступных тэзісах.

1. Студэнты – беларусы значна вышэй ацэньваюць грошы, матэрыяльны дабрабыт, камфортнае жылле, г. зн. *матэрыяльныя фактары*, а таксама кар'еру і магчымасць ужываць чыстыя прадукты і дыхаць чыстым паветрам, г. зн. *фактары экалагічныя*. Беларусы ў некаторай ступені вышэй ставяць магчымасць самарэалізацыі.

2. Польскія студэнты ў некаторай ступені вышэй ацэньваюць рэлігію, каханне, дружбу і павагу другіх людзей, г. зн. *фактары маральныя*.

Дзеля вывучэння структуры інструментальных каштоўнасцей беларусам і палякам было пастаўлена пытанне: Якое значэнне, на Ваш погляд, маюць для дасягнення поспеху ў жыцці (матэрыяльны дабрабыт, кар'ера, становішча ў грамадстве) наступныя фактары?

Табліца 2а Беларускія студэнты (у %)

	Вельмі важна	Важна	Не вельмі важна	Зусім не важна
Інтэлігентнасць	64,0	32,9	3,1	0
Добрая адукацыя	60,0	36,0	3,5	0,6
Веданне замежных моў	53,2	35,7	8,7	2,3
Славалюбства	51,2	40,8	7,2	0,8
Работа над сабой, самаўдаскананне	47,0	46,3	6,3	0,4

Продолжение таблицы

Чэснасць, прыстойнасць	38,7	42,8	14,6	4,0
Асабістыя прафесійныя якасці	38,5	43,7	16,1	1,7
Ініцыятыва, настойлівасць	37,4	52,8	8,9	1,0
Воля, энергічнасць	36,2	45,8	12,5	5,6
Дапамога сваякоў	36,0	43,0	19,0	2,0
Прагэкцыя ўплывовых людзей	34,1	48,1	14,8	2,9
Выгадныя знаёмствы	29,5	54,6	14,0	1,9
Вера ў Бога	27,5	33,5	30,1	9,0
Удалы шлюб	25,3	52,8	20,4	1,5
Вязенне, шчаслівы выпадак	24,7	47,2	24,9	3,3
Асабістая абаяльнасць	24,2	49,2	23,9	2,7
Камунікабельнасць, таварыскасць	20,0	49,0	4,2	0
Падтрымка дзяржавы	17,2	31,2	30,8	20,8

Табліца 26 Польскія студэнты

(у %)

	Вельмі важна	Важна	Не вельмі важна	Зусім не важна
Інтэлігентнасць	71,4	25,5	2,7	0,4
Добрая адукацыя	67,5	28,9	2,4	1,3
Веданне замежных моў	63,1	30,1	4,9	1,9
Славалюбства	61,6	34,2	3,5	0,7
Работа над сабой, самаўдаскананне	5,0	37,7	3,5	0,7
Чэснасць, прыстойнасць	50,6	38,3	8,6	2,5
Асабістыя прафесійныя якасці	50,0	45,5	4,2	0,3
Ініцыятыва, настойлівасць	47,6	38,7	10,6	3,1
Воля, энергічнасць	42,3	49,2	7,0	1,6
Дапамога сваякоў	36,5	50,5	11,6	1,4
Прагэкцыя ўплывовых людзей	34,9	47,1	14,8	3,3
Выгадныя знаёмствы	34,7	53,1	10,8	1,4
Вера ў Бога	34,3	32,7	22,0	11,0
Удалы шлюб	33,9	38,1	22,1	5,9
Вязенне, шчаслівы выпадак	32,0	50,0	16,0	2,0
Асабістая абаяльнасць	30,8	56,6	11,9	0,7
Камунікабельнасць, таварыскасць	23,3	50,1	20,8	5,7
Падтрымка дзяржавы	10,9	41,8	39,2	8,1

Аналіз табліц 2а, 2б паказвае, што галоўныя фактары дасягнення поспеху ў жыцці наступныя:

для беларусаў – асабістыя прафесійныя якасці, добрая адукацыя, ініцыятыва, настойлівасць, работа над сабой, самаўдаскананне;

для палякаў – інтэлігентнасць, добрая адукацыя, веданне замежных моў, славалюбства, работа над сабой, самаўдаскананне, чэснасць, прыстойнасць, асабістыя прафесійныя якасці.

У дасягненні поспеха ў жыцці беларускія студэнты ў большай ступені, чым палякі, разлічваюць на асабістыя прафесійныя якасці, камунікабельнасць і дапамогу дзяржавы. Польшкія маладыя людзі ў значна большай ступені, чым беларусы, спадзяюцца на інтэлігентнасць, славалюбства, амбіцыі, веданне замежных моў і веру ў Бога. У некаторай ступені вышэй ступень іх надзеі на чэснасць, прыстойнасць і дапамогу сваякоў.

Нягледзячы на некаторае адрозненне ў разуменні шляхоў і спосабаў дасягнення жыццёвага поспеху, і для беларусаў, і для палякаў галоўнае – гэта апора на свае асабістыя сілы. Фактары знешнія (дапамога сваякоў, дзяржавы, пратэкцыя) значэнне маюць, але ў апошнюю чаргу.

Рэспандэнтам было зададзена і такое пытанне: "Да каго Вы звяртаецеся за дапамогай і падтрымкай у складаных для Вас жыццёвых сітуацыях?"

Табліца 3а. Беларускія студэнты (у %)

	Часта	Часам	Ніколі
Да членаў маёй сям'і	62,8	30,1	7,1
Да сябра (сяброўкі)	37,4	55,7	6,9
Да членаў маёй кампаніі (клуба)	8,3	50,7	40,7
Да педагога	2,8	15,1	81,4
Да прадстаўнікоў органаў улады	2,4	25,0	72,0
Да рэлігійнага служыцеля (ксендза, пастара і інш.)	1,6	26,7	71,8
Да кіраўніцтва установы, дзе я вучуся	0,8	18,1	81,1
Ні да каго, я сам прыймаю рашэнні	51,5	37,3	11,2

Табліца 4б. Польшкія студэнты (у %)

	Часта	Часам	Ніколі
Да членаў маёй сям'і	59,1	33,7	7,2
Да сябра (сяброўкі)	53,0	42,3	4,7
Да членаў маёй кампаніі (клуба)	8,4	37,4	54,2
Да педагога	2,3	14,4	83,4
Да прадстаўнікоў органаў улады	1,3	13,4	85,4
Да рэлігійнага служыцеля (ксендза, пастара і інш.)	1,3	11,3	87,4
Да кіраўніцтва установы, дзе я вучуся	1,2	13,9	84,9
Ні да каго, я сам прыймаю рашэнні	34,6	51,8	13,6

Адказы на гэтае пытанне падцвярджаюць найвышэйшы статус у жыцці беларускіх і польскіх студэнтаў сямейных каштоўнасцей і дружбы, які выявілі адказы на першае пытанне анкеты. У цяжкую хвіліну маладыя людзі шукаюць адказу і падтрымкі, у асноўным, у сям'і і блізкіх сяброў. Характэрна і тое, што практычна кожны другі беларус і кожны трэці паляк імкнецца самастойна знаходзіць выхад з праблемнай сітуацыі, ні да каго не звяртаючыся. Дастаткова рэдка студэнты звяртаюцца ў падобных выпадках да сваіх педагогаў, кіраўніцтва навучальнай установы, да прадстаўнікоў органаў улады. Не з'яўляюцца ў гэтым сэнсе аўтарытэтам і служыцелі царквы.

Трэба адзначыць, што польскія маладыя людзі крыху часцей, чым іх беларускія равеснікі, раяцца з сябрамі, і сярод іх менш тых, хто ні да каго не звяртаецца ў складаных жыццевых сітуацыях.

Параўноўваючы каштоўнасцю свядомасць нашых рэспандэнтаў, студэнтаў Польшчы і Беларусі, трэба адзначыць, што прынцыповага адрознення, рэзкага кантрасту іх вартасных уяўленняў не назіраецца. Існуюць розныя меркаванні аб месце нашай рэспублікі ў агульна-еўрапейскай соцыякультурнай прасторы. Адно лічаць, што наша будучыня ў цеснай інтэграцыі з Расійскай Федэрацыяй, другія заклікаюць Беларусь ісці ў Еўропу. Якое становішча займе наша краіна, наш народ на еўрапейскім кантыненте, пакажа будучыня. Сэння адназначна можна сцвярджаць толькі тое, што паміж намі і падступіўшай да беларускай мяжы Еўрапейскай супольнасцю немагчыма збудаваць сцяну. Краіны – суседзі Беларусь і Польшча аб'ектыўна павінны і будуць развіваць узаемавыгадныя кантакты і сувязі па ўсім накірункам, а выяўленае намі падабенства вартасных характарыстык будучай эліты дзвюх краін – гэта адзін з спрыяльных фактараў гэтага сбліжэння.

МАРГИНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ НА ПЕРЕЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Коклюхин В.В., Крюков В.М.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Социальное становление молодого поколения в начале XXI века осуществляется в контексте противоречивых и неоднозначных изменений в мировой экономике, политике и культуре. Развитие рыночной экономики сказалось на сфере занятости, общеобразовательной и профессиональной подготовки, изменении условий для пользования достижениями культуры, спорта, туризма. В то же время реальные позитивные последствия рыночных преобразований скажутся в полной мере через продолжительное и болезненное время выхода на пути цивилизации и гуманизации. Перемена в политической картине мира более очевидна. Сегодняшняя молодежь является первым поколением в новой истории, которое ощущает преимущества усиления интеграции мирового сообщества. Новые технологии и ресурсы меняют образ жизни современной молодежи, проявляясь во всей своей противоречивой сущности.

Резкое ангажирование молодых людей в новые политические и технологические процессы вызвало неоднозначные последствия. Значительная часть молодых людей отчуждена от позитивных общественно-политических процессов. В результате неудач в социальной адаптации и отчуждении выросло число преступников, наркоманов, алкоголиков, бездомных, самоубийц. Возросла сексуальная эксплуатация и деградация юношей и девушек. Если 20-15 лет назад, согласно исследованиям автора, доля "отклоняющейся" молодежи составляла не более 7-5%, то сегодня она возросла по меньшей мере вдвое. Специфика преступности несовершеннолетних характеризуется обычно такими признаками, как динамика, групповой характер и степень организованности. Динамика рассчитывается в сравнении с преступностью взрослой части населения, а также в пропорции с численностью подросткового населения в отношении к населению взрослому. Чем раньше встает человек на преступный путь, тем больше для него вероятность раньше стать профессионалом, рецидивистом. Динамика преступности несовершеннолетних характеризуется также неравномерностью по времени суток, дням недели, сезонам года. Чаще всего несо-

вершеннолетние совершают преступление в свободное от учебы время (с 15 до 24 часов), причем "пик" приходится на период с 20 до 21 часа; до 10% совершается в период производственной практики и других работ, 18-20% совершается в выходные и праздничные дни. В течение года "пик" преступлений приходится на каникулярное время; на период свертывания работы лагерей труда и отдыха. Еще один всплеск приходится на март месяц; вероятно, в связи с весенней перестройкой организма. Динамика преступности из числа молодежи, подростков и детей характеризуется опасным увеличением. В 1997 году среди выявленных преступников молодежь и подростки (от 14 до 29 лет) составляли 54%, среди осужденных 54,6%, а в 1999 году последних было 56,7%. Согласно докладу Генерального секретаря ООН Россия и некоторые другие страны СНГ стали рынком торговли детьми, рассадником детской проституции и местом расцвета детской преступности. Две трети подростков, отбывших наказание в колониях, возвращаются в преступный мир. В 1998 году 6,5 тысяч правонарушений совершили дети, не достигшие 14 лет. В 1999 году по сравнению с 1998 годом рост преступности несовершеннолетних увеличился на 10,2%, а подростков - на 11,3%. По данным ГУВД Москвы, сегодня подростки убивают в 20 раз чаще, чем их родители 20 лет назад. Инспекторы ИДН мрачно шутят: преступность омолаживается такими темпами, что скоро злодеев будут забирать в тюрьму прямо из песочницы (См.: Романенко М.В. Криминализация социальных отношений в капитализирующейся России // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. - М., 2001, с.58).

Почему детская преступность в основном групповая? Потому что ребенок не может существовать один. Ему нужны если не родители, то себе подобные, стая. Если он одиночка, то это больной ребенок. И бродяжки сбиваются в стаи. Они могут быть слабенькими, но их много. Налетают как пирании, могут забить до смерти и сверстника, и взрослого. Им за это ничего не будет, если не исполнилось 14 лет. Кроме того в группе индивидуальная ответственность подменена коллективной. Никто ничего не видел-все пинали, все убивали. Групповой характер преступности несовершеннолетних коренится в неблагоприятном положении подростка в семье и первичном коллективе. Свою ущербленность он стремится компенсировать в уличных компаниях, самоутвердиться здесь; реализовать свои способности и возможности. Около 60% свободного времени подростки проводят в "тусовках", где они знакомятся с такими занятиями, как курение, употребление спиртных напитков и наркотиков, культивируется нецензурная брань, озорство, похабщина, притеснение младших и т.д. Маргинальные группы ощущают психологическую и моральную поддержку друг друга. Многие из этих групп становятся преступными, совершая дерзкие ограбления, разбойные нападения, кражи, групповые изнасилования, циничные хулиганские действия.

На каждом шагу встречаются акты подросткового вандализма: загаженные и испорченные подвезды, испорченные кнопки лифтов, изрезанные в них стены, разбитые стекла витражей, сорванные с петель входные двери подъездов, поломанные около подъездов скамейки, разрушенные песочницы, приведенные в негодность игровые городки и спортплощадки, поломанные штакетники и ограждения, изувеченные телефоны-автоматы и таксофоны, разбитые стекла автобусных и троллейбусных остановок, разбитые и перевернутые урны, поломанные и загаженные беседки в парках, сломанные деревья; замусоренные водоемы, изрезанные сиденья автобусов и троллейбусов. В учебных заведениях - изуродованные туалеты с побитыми унитазами и рукомылками, изрезанные столы и парты; испорченные учебники. При случае подвергаются воздействию юных вандалов оставленные во дворах автомобили, подвергаются разрушительному воздействию надгробные памятники и памятники

культуры. (Кстати, вандалы- это древнегерманское племя, прославившееся тотальным уничтожением культуры в захваченном в 445 году Риме, но не оставившее в истории ни литературы, ни храмов, ни изобретений, ни языка).

В литературе предпринята попытка систематизации признаков вандализма: бессмысленность разрушения; направленность против произведений культуры и быта; средство самоутверждения в своей среде; все более широкое распространение корыстного вандализма, например, грабкопательство; особенно широкий размах вандализм приобрел в преступных группировках несовершеннолетних (Пирожков В.Ф.Ор. cit., стр. 216). Хотя вандализм свойственен в большей степени подросткам, но выделяют и взрослый, спортивный, студенческий, индивидуальный и групповой и т. д. Вандализм встречается в "чистом виде" (разрушение ради разрушения) или в соединении с другими преступлениями. Экономический вандализм служит средством подавления конкурентов. Политический вандализм обостряет обстановку в обществе, привлекает общественное внимание к "своим" политическим группировкам или запугивает политических противников. Аналогичные цели преследует националистический вандализм. Сельскохозяйственный вандализм также служит целям конкурентной борьбы. Экологический вандализм чаще проявляется в чистом виде. Культурологический вандализм может подспудно выражать политические или националистические мотивы. Кладбищенский вандализм характеризуется чаще всего хулиганскими или корыстными мотивами (грабкопательство).

Криминальная сплоченность молодежных групп замешана на псевдо - романтических эмоционально насыщенных атрибутах, таких как татуировки, клятвы, клички, социально-групповая зависимость, подкрепляемая угрозой наказания за отступничество. Преступные группы несовершеннолетних характеризуются своей криминальной субкультурой. Группа подростков творит свои нормы, свои правила поведения, называемые психологами подростково - юношеским "кодексом товарищества" (См.: Возрастная и педагогическая психология. - М., 1973, с. 124). В основе его лежит социально-психологическая установка оппозиционности, юношеский изоляционизм. Стремясь проявить независимость, подростки намеренно увеличивают дистанцию от взрослых, особенно от тех из них, кто олицетворяет официальную общественную нравственность. Проявляется ориентация на ценности уголовного среды, ритуалы, язык, систему связи, опознания; основу группового кодекса составляет ложный коллективизм; круговая порука; демонстрация силы, жестокость, изощренность санкций к "изменникам" и "чужим".

Групповой аффект (экзальтация группы) приводит к совершению насильственных и насильственно-корыстных преступлений с особой жестокостью, изощренностью, глумлением, внешней безмотивностью. В июле 2002 года в Омском областном суде завершилось рассмотрение одного из самых громких уголовных дел последних лет. Количество жертв (только за ночь преступники "положили" 24 человека), садистская жестокость преступлений, личности преступников - все обстоятельства этого дела были беспрецедентными. Двум убийцам из 6 привлеченных было по 14 лет, третьему - на год больше. Человек для этих подростков был всего лишь телом и источником "денег". Денег было немного, но брали и вещи, обувь, забирали даже проездные билеты и початые пачки сигарет. Все стоящее тут же пропивали. Среди жертв 45-летний водитель троллейбуса, 62-летняя старушка, 35-летний врач (отец двоих детей), и другие вполне мирные случайные люди (И.Баринов. Волчата. Труд-7, 2002, 11 июля).

Многие маргинальные подростковые группы складываются вокруг лиц, обладающих определенным криминальным опытом. Это от них во дворах процветает "дедовщина", "прописка" новичков, поборы и эксплуатация младших, круговая порука,

ложное товарищество и т.п. Особенно сильно влияние специального контингента в профессиональных учебных заведениях. Сюда попадают а) лица, совершившие преступления, которым суд назначил условную меру наказания; б) лица, которым суд назначил отсрочку исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы; в) лица, к которым уголовное наказание не применяется в связи с недостижением возраста уголовной ответственности; г) несовершеннолетние, освобожденные досрочно или по отбытию срока из воспитательно-трудовых колоний; д) несовершеннолетние, выпущенные из спецшкол и спецпрофтехучилищ, в которых находились за совершенные преступления или правонарушения; е) подростки, склонные к бродяжничеству, азартным играм, злостно уклоняющиеся от учебы, употребляющие наркотики или иные возбуждающие средства, словом, все те, кто по закону должен состоять на учете в Инспекции по делам несовершеннолетних.

В отличие от взрослых криминальных структур маргинальные или преступные группировки несовершеннолетних обладают более высокой криминальной активностью. Подростки нетерпеливы, им несвойственно ожидание и размышление, они стремятся дать выход своей энергии в максимально короткие сроки. Высокая активность сопровождается еще более высокой криминальной мобильностью - они способны в кратчайшие сроки изменять направленность и характер преступной деятельности, место, время, цели преступных посягательств. Им также свойственно совместно переживать свои достижения и успехи, в отличие от взрослых, которые, как правило, "ложатся на дно" после проведенной преступной акции. В силу отмеченных выше особенностей (активность, мобильность, открытость переживаний) криминальные группы несовершеннолетних редко отличаются высокой степенью организации, организованный характер придают им мафиози и рецидивисты, профессионалы. Предупреждение противоправной деятельности несовершеннолетних и их защита от разлагающего влияния взрослых ранее судимых, является одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов. В течение последнего десятилетия преступности среди несовершеннолетних увеличилась более чем на 60%. Среди лиц, впервые совершивших преступление, свыше половины составляет молодежь в возрасте до 30 лет. Подростками совершается каждое четвертое - пятое преступление. Отмечается постоянный рост групповой преступности несовершеннолетних. В структуре групповых преступлений подростков каждое пятое уголовно-наказуемое деяние совершенно совместно со взрослыми и каждое десятое - при участии взрослых, вовлекающих несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. Необходимо отметить, что среди последних, в среднем, каждый второй - ранее судимый. В трех из четырех случаях несовершеннолетние вовлекались в совершение преступлений или иные антиобщественные занятия неоднократно. При совершении уголовно-наказуемых деяний достаточно часто применяется оружие. Посягательства, в том числе с участием подростков, нередко носят садистский характер, связанный с жестокими издевательствами над потерпевшими. Преступность несовершеннолетних под непосредственным влиянием взрослых, в частности рецидивной преступности, часто ее "копирует", иногда же по некоторым показателям и характеристикам - во многом превосходит.

Одно из важнейших направлений ученых и практических работников является исследование проблемы по разработке и реализации действенных мер по "отсечению" молодежи от организованной преступности. Особенно актуальной становится решение задачи по ограждению несовершеннолетних от взрослых рецидивистов, лиц, неоднократно судимых, пресечение их отрицательного влияния и вовлечения в различного рода антиобщественные занятия. За последние годы особенно четко стали

вырисовываются основные направления социально-негативного воздействия ранее судимых на детей и подростков:

1. - усиление распространения антиобщественной (криминальной) субкультуры; (усиление роли культа насилия и жестокости; распространение предметов порнобизнеса; преступных обычаев и традиций, норм уголовной среды);

2. - обучение антисоциальному поведению и приобщение к антиобщественному образу жизни ("блатному" жаргону, манерам и стилю общения; неформальным правилам поведения в учреждениях закрытого типа - СИЗО, ВТК, и др.);

3. - "привитие" навыков и умений совершения преступлений (выбор объекта преступного посягательства, действия на месте преступления, сбыт похищенного, особенности взаимоотношений с работниками правоохранительных органов;

4. - непосредственное вовлечение в совершение преступлений, использование для ведения антиобщественного образа жизни; удовлетворение личных интересов и прихотей.

Возможность оказывать негативное воздействие на несовершеннолетних, как в частности показывают результаты исследования, обуславливается тем, что подавляющее большинство подростков, совершивших преступление и содержащихся в ВТК (85,9%) имели знакомых, друзей или членов семьи из числа ранее судимых. Около 30% опрошенных выросли в семьях, где кто-либо из ее членов ранее уже подвергался различным мерам уголовного наказания. Это в пять раз больше чем в контрольной группе (среди несовершеннолетних, ранее не совершавших преступления). Интересны также данные, характеризующие интенсивность и продолжительность общения подростков, содержащихся в ВТК, с ранее судимыми лицами. Свыше половины из несовершеннолетних контактировали более одного года и общались с лицами уголовного мира почти ежедневно. Из числа ранее судимых каждый четвертый совершил преступление в соучастии с подростками. Необходимо отметить, что большинство из них вовлекли несовершеннолетних, с которыми общались, в ту преступную деятельность, которой ранее занимались сами. В данном случае наблюдается непосредственная передача преступного опыта, который накоплен вовлекаемыми.

Из вышеизложенного можно сделать несколько выводов:

1. При совершении преступлений подростками отмечается значительное влияние взрослых лиц, которое может выражаться в различных формах.

2. Нередко несовершеннолетние непосредственно вовлекаются в преступную и иную антиобщественную деятельность, их уголовно-наказуемые действия организуются взрослыми лицами.

3. Доля ранее судимых лиц в процессе вовлечения подростков в преступную и иную антиобщественную деятельность увеличивается.

Собирательный портрет современного уличного преступника измеряется возрастом 18-25 лет, но в расчет идут привлекаемые к ответственности несовершеннолетняя "массовка", в уголовную статистику не попадает, учитывается в какой-степени комиссиями по делам несовершеннолетних. Судя по статистике, нынешние разбойники делятся на "целенаправленных" и тех, кто совершает преступления "от нечего делать". "Целенаправленные" отправляются "на дело", как правило, в кампании себе подобных. Место действия выбирают обычно возле крупных магазинов, ресторанов, парков и учебных заведений. Они знают на что идут. "От нечего делать" - это слоняющаяся без дела молодежь, рыщущая в поисках приключений. Искалечить и обобрать человека могут просто ради забавы. Сильны только в стае, поодиночке сами всячески избегают "коллег по цеху". В их группе обязательно есть лидер, все остальные ориентируются исключительно на него. Пока он среди них, каждый чувст-

вует себя гигантом; как только лидер исчезает, боевой дух покидает подростков. Преступления, совершаемые ими, не отличаются разнообразием: сорвать шапку, вырвать из рук сумку, отобрать бутылку спиртного. (Разбойный типаж // Советская Белоруссия, 4 декабря 2002).

Особую роль в развитии подростковой преступности играет алкоголь. С его помощью подросток удовлетворяет потребность в самоутверждении и самовыражении. Однако при этом он легко теряет социальный контроль, потребность в алкоголе требует средств. С позиций мотивации потребления алкоголя несовершеннолетними выделяют следующие: начинают пить из "любопытства"; употребляют алкоголь для самоутверждения; употребляют для "кайфа"; "эстетствуют"; бравурируют; страдают алкогольной болезнью.

Среди групп несовершеннолетних распространены различные виды токсикомании - одурманивание сильнодействующими веществами: красками, освежителями, парфюмерией, медикаментами, введение в вены токсических веществ, употребление препаратов бытовой химии, эмульсий, аэрозолей, экстрактов растительных веществ. Мотивы "отравления" почти такие же как у потребителей алкоголя: а) из любопытства; б) бравада своей смелостью; в) стремление самоутвердиться среди себе подобных; г) групповая сопричастность ("за компанию"); д) желание получить "кайф" (расслабиться); е) желание развлечься; ж) желание уйти от трудностей (отвлечься); з) снять психологический барьер перед "делом" (перед совершением преступления, перед групповым сексом) и т.д.

Распространение наркотиков среди молодежи мира имеет свою историю. После второй мировой войны, когда Японию оккупировали американские войска, местная полиция стала находить у подростков таблетки амфетамина (в СССР - фенамин). Во время войны этот препарат давали американским летчикам и морякам для снятия усталости. К 1954 году амфитамином злоупотребляли уже сотни тысяч японских подростков. Из Японии напасть распространилась на США, затем в Европу. Как раз в конце 50-х - начале 60-х годов модными в подростковой среде стали "all night dance" - "танцы всю ночь напролет" в специальных клубах, а танцы эти - рок-н-ролл, твист, шейк - требовали большой физической нагрузки и "подзаправки" амфитаминном. Другой причиной популярности наркотика среди подрастающего поколения стало широкое распространение в Соединенных Штатах в те же годы молодежных банд, устраивавших кровавые побоища друг с другом за "обладание территорией". Но в 70-е годы на смену амфитамина пришли марихуана, героин, галлюциногены и ингалянты. В СССР амфитамин (фенамин) не был так доступен, более распространен был кофеин в виде, например, чифиря. Однако во второй половине 80-х годов в Советском Союзе возникла реальная угроза подростковой эфедриновой наркомании.

Мотивом открытого присвоения чужого имущества у несовершеннолетних преступников часто является унижение противника. При совершении краж нередко на первом месте стоит не желание обогатиться, но скорее элементы романтики - обсудить план, распределить роли, обсудить детали, необходимость скрываться и рисковать. Похищенное дарится друзьям, продается за бесценок. Защитные мотивы выражаются самооценками типа "я щедрый", "я не жадный". Однако в последние годы у подростков стали преобладать корыстные мотивы, упоминается "модность вещи", "желание немедленно обладать ею", "желание выделиться из окружающей среды", "все воруют, а не только я", "взял, а то все равно бы пропало", "государство не обеднеет". Защитные механизмы дополняются легендами типа "Нужно уметь делать деньги".

Количественные и качественные показатели преступности молодежи в течение последних лет таковы, что внушают тревогу за будущее нашего общества. Так, в

2004 году в г. Бресте и Брестской области произошел рост подростковой преступности на 5.5%. Количество подростков, принимавших участие в совершении преступлений, также увеличилось с 749 до 802 или на 7%. В анализируемый период преступность возросла в Барановичском, Дрогичинском, Пружанском, Жабинковском, Ивановском районах, в Ленинском районах г. Бреста; больше всего преступлений среди несовершеннолетних в 2004 году зарегистрировано в Пинске – 127 (1999г. - 125). К стати характерной особенностью ряда тяжких преступлений в г. Пинске и Пинском районе является то, что часть из них совершается в учреждениях культуры - это Пинский городской дом культуры, клуб железнодорожников, колхоз "40 лет Октября" Пинского района; здесь на дискотеках, как показывают проверки, постоянно находится молодежь в нетрезвом состоянии.

В целом же удельный вес подростковой преступности от общего количества преступлений по области в 2004 году составил 8.4%, в то время как в 1999 г. был равен 10.2%. В 2004 году с 11 до 6 уменьшилось количество убийств и покушений на убийства, уменьшилось количество тяжких телесных повреждений, грабежей, хулиганств, угонов автотранспорта, случаев мошенничества. Однако среди данной категории лиц в Брестской области возросло количество изнасилований с 5 до 8 и умышленных менее тяжких телесных повреждений с 4 до 9, нарушение правил безопасности и эксплуатации транспортных средств с 3 до 7 и разбоев с 15 до 16. Рост числа преступлений несовершеннолетних в 2004 году по Брестской области в основном произошел за счет увеличения числа совершенных ими краж с 482 до 518 и умышленного уничтожения имущества с 14 до 55. Основная часть подростковой преступности (590 или 72.3%) носит корыстный характер. В целом по республике наблюдается рост подростковой рецидивной преступности (+3.9%), наибольший рост рецидива в Гродненской (+50.5%) и Могилевской (+21.4%) области. По состоянию на 01.01.2005 на учете у врачей-наркологов в связи с употреблением спиртных напитков состояло 795 несовершеннолетних (на 01.01.2000 - 634). Среди учащихся общеобразовательных школ в 2004 году произошел рост участников с 343 до 364, или на 6.1%. Сегодня 76.8% несовершеннолетних правонарушителей составляют учащиеся школ и ПТУ. По данным Министерства внутренних дел, за последние 10 лет число подростков, ежегодно привлекаемых к административной ответственности за злоупотребление спиртными напитками, увеличилось почти в 2 раза. Практически каждый четвертый подросток, совершивший преступление, находился в состоянии алкогольного опьянения.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Скакун Е.В.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Главной задачей высшей школы является подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих целостным научным мировоззрением. В «Законе о народном образовании в Республике Беларусь» записано, что вся структура учебно-вспомогательного процесса должна иметь ярко выраженную гуманистическую направленность. Такой подход к обучению студентов должен учитывать специфику и профиль вуза, формировать не только профессиональные знания будущих специалистов, но и развивать их потребности, интересы, цели и идеалы, т.е. все то, что составляет весь комплекс ценностных ориентаций личности.

Как и любая социальная группа в обществе, студенчество всегда вызывает огромный интерес у социологов. Студенчество – одна из самых значительных групп молодежи как по численности, так и по своей роли. Именно студенчество является основным источником воспроизводства интеллектуального потенциала общества. От качества приобретенных знаний, социально-политической позиции, морального облика студенчества в большой степени зависит будущее общества.

В мае 2005 года социологической учебно-методической лабораторией Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина проводился опрос среди студентов 4-го курса нашего университета. Опрос проводился на всех факультетах университета, в котором приняло участие 392 студента.

Одним из аспектов воспитательной работы в учебном заведении является формирование личности, обладающей целостным научным мировоззрением. Основными факторами формирования своего мировоззрения студенты назвали семью (60,7%), ближайшее окружение (52,6%) и государственные средства массовой информации (45,7%). Изучение мировоззренческих дисциплин в вузе занимает четвертое место в перечне факторов, влияющих на формирование молодого человека (так считает 40,1% опрошенных).

Таблица 1 Факторы формирования мировоззрения студентов
(в % к числу опрошенных студентов)

Что из перечисленного больше всего влияет на формирование Вашего мировоззрения?	Итого
1. Мировоззрение, традиции, образ жизни членов моей семьи	60,7
2. Мировоззрение моего окружения (друзья, приятели, соседи, однокурсники, ...)	52,6
3. Государственные СМИ	45,7
4. Изучение мировоззренческих дисциплин в нашем вузе	40,1
5. Негосударственные СМИ	27,3
6. Молодёжные организации	3,8
7. Политические партии, движения, объединения	2,8

Следует иметь в виду, что учебная среда в студенческие годы чаще всего и является тем «ближайшим окружением», которое в немалой степени оказывает влияние на мировоззрение каждого конкретного студента.

Нынешнюю ситуацию в Беларуси можно определить как стадию борьбы между старой системой ценностей, дающей существенные сбои, и новой системой, которая еще только рождается. Говоря словами М.Гершензона, «настает время, когда юноше на пороге жизни уже не встретить готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и все, что он не делает» [1, с.97].

В самом общем виде ценностные ориентации представляют собой сложную, очень противоречивую систему, в которой происходит осмысление тех или иных явлений в жизни человека и общества, их социальной значимости и соотношения с общественными идеалами. Их содержание отражает представление личности об оптимальном устройстве общества, его экономических и политических основах, о смысле жизни, о том, что такое добро и зло, прекрасное и уродливое, о желаемых перспективах развития семьи, трудового и учебного коллектива, в целом всей страны.

Важной задачей исследования было выявление структуры ценностных ориентаций студенческой молодежи. Студентам был предложен список из 20 ценностей.

Таблица 2

Иерархия жизненных ценностей
(в % к числу опрошенных студентов)

Вам предлагается список жизненных ценностей. Выберите из них 6 наиболее важных для Вас лично.	Итого
1. Семья	81,6
2. Здоровье	81,1
3. Материальная стабильность	61,2
4. Любовь	58,2
5. Свобода	44,4
6. Хорошие друзья	41,3
7. Карьера, деловой успех	41,1
8. Дружба	36,0
9. Интересная профессия	34,7
10. Реализация своих способностей	25,3
11. Интеллект	23,7
12. Хорошее образование	18,1
13. Богатство, большие деньги	13,5
14. Трудолюбие	8,7
15. Творчество	7,4
16. Патриотизм, национальное достоинство	6,9
17. Развлечения, получение удовольствий	4,1
18. Популярность, общественное признание	3,8
19. Власть над людьми	1,8
20. Индивидуализм (стремление жить только для себя)	1,8

Опрос показал, что в студенческой среде сильны традиционные позитивные ценности – семья, здоровье, любовь. К ним присоединяется материальная стабильность. В ряду приоритетных жизненных ценностей были также названы свобода, хорошие друзья, карьера, деловой успех, дружба, интересная профессия. Наименее значимыми, по мнению студентов, являются трудолюбие, творчество, патриотизм, развлечения, получение удовольствий, популярность, власть над людьми, стремление жить только для себя.

Нельзя не обратить внимание на значимость для молодежи такой ценности, как свобода. Важно только понять, какую свободу имеют в виду студенты? Если они понимают под свободой независимость, право выбора, ограниченного наличием такого права у других, то это внушает оптимизм за будущее страны. Молодежь понимает, что без свободы демократическое общество не построишь. Но если свобода – это возможность делать все, что хочешь, то это настораживает. Крайне низкие оценки получили такие постиндустриальные ценности общества, как реализация своих способностей, интеллект, трудолюбие, творчество, популярность, общественное признание.

Из приведенных данных видно, что новое поколение студенческой молодежи еще не утратило такие ценности, как здоровье, семья, любовь, но в то же время оно ориентировано на сегодняшний день, на повышение своего материального благополучия, добиваться всего собственными силами.

В целом иерархия жизненных ценностей студенческой молодежи вполне адекватна реалиям трансформирующегося белорусского общества, она отражает и социально-культурные позиции молодежи, как особой, наиболее динамичной социальной группы.

Главным условием жизненного успеха по мнению 66,8 % опрошенных студентов является деловая хватка, предприимчивость. Однако на втором месте все же названы трудолюбие (64,5%), высокий профессионализм (50,8%). Особое внимание вызывает тот факт, что будущие специалисты отдадут предпочтение наличию влиятельных друзей и связей (43,4%). Больше трети студентов (37,5%) рассчитывают на счастливый случай, везение, веру в успех, в то, что начатое дело завершится успехом (33,4%), последовательность в достижении целей (29,3%).

Таблица 3

Условия жизненного успеха
(в % к числу опрошенных студентов)

Что, на Ваш взгляд, больше всего способствует жизненному успеху?	Итого
1. Деловая хватка, предприимчивость	66,8
2. Трудолюбие	64,5
3. Высокий профессионализм	50,8
4. Влиятельные друзья, наличие связей	43,4
5. Счастливый случай, везение	37,5
6. Вера в успех, в то, что начатое дело завершится успехом	33,4
7. Умение использовать любые средства	30,1
8. Последовательность в достижении целей	29,3
9. Надежда только на себя, а не на других	27,6
10. Честность, порядочность	25,0
11. Стать богатым человеком	7,7
12. Ловкачество, обман	1,8

У большинства студенчества установки на патерналистскую опеку государства и общества исчезают, возникают ориентации на собственную самостоятельность (деловая хватка, предприимчивость, трудолюбие, высокий профессионализм). Именно расчет на личную инициативу и активность, как свидетельствует мировой опыт, реально развивает рынок. Исследование и показывает, что происходит становление рыночных стандартов поведения (деловая хватка, предприимчивость, умение использовать любые средства). Но настораживает тот факт, что свой жизненный успех будущие специалисты связывают с влиятельными друзьями, с наличием связей.

Особую роль респонденты отводят высокому профессионализму, выступающему в качестве основы, фундамента для будущей карьеры. Возвращается значимость трудовой деятельности, но преимущественно как способа достижения материального благосостояния. Ценность же труда по-прежнему невысока.

Новое поколение студенческой молодежи стремится к получению материальных и статусных благ, но при почти полном отсутствии такого фактора, как честность и порядочность. Как мы видим, в сознании студенчества присутствуют элементы потребительской психологии.

Современное студенчество пытается добиваться жизненных целей, связанных с повышением материального статуса, что в свою очередь, по их мнению, приведет к реализации возможностей жизненных удовольствий.

В новых социально-экономических условиях будущие специалисты ориентируются на собственные силы, связанные с достижением жизненного успеха с одной стороны, и на помощь влиятельных друзей со своими связями с другой.

Каковы жизненные цели студенческой молодежи? На вопрос «Какие из перечисленных позиций Вы выбираете в качестве жизненной цели» ответы приведены в следующей таблице:

Таблица 4 **Жизненные цели студенческой молодежи**
(в % к числу опрошенных студентов)

Какие из перечисленных позиций Вы выбираете для себя в качестве жизненной цели?	Итого
1. Воспитать хороших детей	70,4
2. Полюбить достойного человека, создать с ним семью	67,3
3. Достичь делового успеха, сделать карьеру	62,2
4. Сохранить и укрепить своё здоровье	45,7
5. Стать профессионалом по избранной специальности	39,8
6. Быть полезным людям	38,3
7. Организовать своё дело	34,4
8. Оставить след в жизни	23,5
9. Уехать за границу на постоянное место жительства	12,0
10. Сделать всё от меня зависящее, чтобы улучшить жизнь в нашей стране	11,0
11. Организовать свою жизнь так, чтобы меньше работать и больше развлекаться	4,1

Наиболее значимой жизненной целью является цель воспитывать хороших детей. А полюбить достойного человека, создать с ним семью занимает второе место в системе целей, а также достичь делового успеха, сделать карьеру, сохранить и укрепить свое здоровье, стать профессионалом по избранной специальности, быть полезным людям.

Менее значимы такие жизненные цели, как: уехать за границу на постоянное место жительства, сделать все от меня зависящее, чтобы улучшить жизнь в нашей стране, организовать свою жизнь так, чтобы меньше работать и больше развлекаться.

Анализируя результаты опроса, можно видеть, что в целом жизненные цели направлены на семейные отношения и личностные цели.

Таким образом, наше исследование показало, что в современных условиях в иерархии жизненных ценностей патриотизм по-прежнему занимает низкое место. В качестве жизненной цели его выбирают только 6,9% респондентов. А как мы знаем, патриотизм выступает составным элементом мировоззрения личности, на его основе укрепляется любовь к родине, появляется чувство ответственности за ее будущее, стремление всеми силами способствовать ее независимости и процветанию. И поэтому в нынешних условиях одним из важнейших направлений воспитательной работы современного вуза является формирование ценностно-патриотических установок в сознании и поведении молодежи. Преподавание курса «Основы идеологии белорусского государства» тоже может оказать помощь в этом направлении.

Задача вуза – не только подготовить «классного» специалиста, но и воспитать гражданина и патриота, обладающего необходимым уровнем знаний и опытом. Иными словами, в ходе профессиональной подготовки необходимо делать акцент не только на образование, но и на нравственное воспитание.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Сб. ст. о русск. интеллигенции. – Репринтное изд-во 1909 г. – М.: Изд-во Новости (АПН), 1990.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 80-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XIX ВЕКА

Восович С.М.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

С приходом к власти Александра III в Российской империи усилились реакционные тенденции, которые охватили все без исключения православные духовные учебные заведения. Данные перемены были подготовлены последними годами правления Александра II. Уже с конца 70-х гг. XIX в. наблюдаются существенные перемены в духовно-учебной политике, приведшие к концу XIX в. духовные учебные заведения православного духовного ведомства к глубокому кризису [1, ч. 1, с. 143 – 144].

В апреле 1884 г. в соответствии с новым уставом духовных академий было введено распределение православных духовных семинарий между духовными академиями. Литовская, Минская, Могилёвская, Витебская семинарии были подчинены Санкт-Петербургской духовной академии. Данное подчинение семинарий вводилось для того, чтобы академии могли рекомендовать своих воспитанников на замещение свободных вакансий в семинариях и духовных училищах [2, с. 294].

Реакционная сущность политики Александра III в области православного духовного образования проявилась в изменении уставов духовных семинарий и мужских духовных училищ. Новые уставы и штаты были утверждены в 1884 г. Уставы 1884 г. значительно расширили полномочия епархиальных архиереев. Устав семинарий отменил самоуправление и широкое выборное начало [3].

Вносились изменения и в учебные программы православных семинарий и мужских духовных училищ. Вследствие введения в низшие классы семинарий некоторых богословских предметов нарушалось строгое разграничение общеобразовательного и богословского курсов обучения.

В 1886 г. были внесены некоторые изменения в учебный процесс семинарий с целью устранения недостатков устава 1884 г. Однако, по мнению российского дореволюционного исследователя Ф.Н. Белявского, учебный процесс имел недостатки, приводившие к тому, что «воспитанники ... выходили со слабой верой, или даже неверующими и во всяком случае мало расположенными к пастырскому служению» [1, ч. 1, с. 156]. Изменения учебного процесса 1886 г. не затронули православных духовных училищ.

С начала 80-х гг. XIX в. в духовных школах религиозные чувства пытались воспитать принудительными мерами. Однако насильственная и принудительная церковность не давала должного эффекта. Она вызывала у воспитанников противоположные, антирелигиозные чувства.

В годы царствования Александра III в духовных школах была установлена мелочная опека как над поведением воспитанников, так и над деятельностью преподавателей. Каждый шаг учителя был заранее строго определён многочисленными циркулярами и инструкциями. Устранение большей части преподавателей от участия в руководстве учебно-воспитательным процессом привело к формальному отношению учителей не только к своим обязанностям, но и к ученикам. Это в свою очередь вызывало у семинаристов отсутствие всяких возвышенных идеалов. Семинаристы стали рассматривать обучение в семинариях только как средство получения обеспеченного места [1, ч. 1, с. 144 – 145, ч. 2, с. 123].

Нововведения затронули и епархиальные женские училища. 17 июля 1882 г. Александр III утвердил новую редакцию некоторых параграфов устава епархиальных женских училищ 1868 г. Усиливалось влияние епархиальных архиереев на дела училищ через назначение ими председателей училищных советов помимо двух избираемых на 3-летний срок членов от духовенства. Неудачно закончилась в середине 80-х гг. XIX в. попытка изменения учебного процесса в епархиальных женских училищах [4].

Следует заметить, что в рассматриваемый период на территории Беларуси ещё не было создано епархиальных женских училищ. Это объяснялось как бедностью белорусского православного духовенства, так и наличием в каждой белорусско-литовской епархии женских училищ духовного ведомства. В то же время в женских училищах духовного ведомства продолжали проводиться работы по переходу данного типа училищ на программы епархиальных женских училищ и их преобразованию в 6-классные учебные заведения. Так, с 1892/1893 учебного года стало шестиклассным учебным заведением Могилёвское женское училище духовного ведомства.

В рассматриваемый период для желающих воспитанниц в женских училищах духовного ведомства продолжали вводиться необязательные учебные дисциплины. В большинстве училищ за их преподавание с воспитанниц взималась определённая плата. Так, в Виленском женском училище духовного ведомства в 1882 г. было разрешено преподавание черчения и рисования, в Полоцком училище с 1892 г. стали обучать игре на скрипке. Наиболее способным к рисованию ученицам Полоцкого женского учебного заведения преподавали с 1891 г. живопись и иконопись.

С целью эффективной подготовки воспитанниц к учительской работе в начальных школах, при женских училищах духовного ведомства открывались образцовые церковно-приходские школы. Так, при Могилёвском училище такая школа была открыта 15 марта 1888 г., при Полоцком – в 1889 г., при Виленском – 28 января 1897 г., при Паричском – в 1901 г. При образцовой школе Полоцкого училища был открыт в 1894 г. трёхлетний рукодельный класс.

В 1890 г. в Полоцкой епархии было открыто трёхклассное с шестилетним сроком обучения училище при Тадулинском женском Успенском монастыре. Учились в Тадулинском училище в основном сироты, дочери псаломщиков и беднейших священников Полоцкой епархии. Организация учебного процесса позволяла выпускницам получить звание учительницы одноклассной церковно-приходской школы после сдачи экзамена в правлении Полоцкого женского училища духовного ведомства.

В 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских школах». Церковно-приходские школы создавались с тем, чтобы «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» [5, с. 157]. Данные школы могли быть одноклассными с двухгодичным и двухклассными с четырёхгодичным курсом обучения. В них преподавались: Закон Божий (изучение молитв, священная история и объяснение богослужения, краткий катехизис), церковное пение, чтение церковно-славянской и гражданской печати и письмо, «начальные сведения» из арифметики. В двухклассных церковно-приходских школах преподавались дополнительно «начальные сведения» из истории Церкви и Российской империи.

В 1886 г. Св. Синод утвердил учебные программы церковно-приходских школ. Это имело большое значение, так как до этого момента учебный процесс в церковно-приходских школах не имел прочной и единообразной организации. В 1891 г. были приняты «Правила о школах грамоты». Принятие этого документа содействовало выявлению чётких отличий между церковно-приходскими школами и школами грамоты. Причём последние имели право организовывать только православное духовен-

ство. В 1888 г. император утвердил «Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов».

До издания «Правил о церковно-приходских школах» процесс возрождения церковных школ, начавшийся на территории Беларуси с 1883 г., характеризовался стихийностью и слабой организованностью. В епархиях для организации и руководства деятельности школ были выработаны епархиальные положения о церковных школах. Отсутствовала эффективная система управления. В Могилёвской епархии поспешность и нестойчивость местного архиерея привели к некоторой фальсификации данных по причине внесения в отчёты несуществующих, но планируемых к открытию школ.

Издание «Правил о церковно-приходских школах» содействовало преодолению стихийности и слабой организованности в возрождении церковно-школьного дела. В соответствии с «Правилами о церковно-приходских школах» в епархиях были созданы епархиальные училищные советы. По причине отсутствия необходимых средств, их деятельность в первое время ограничивалась лишь перепиской с разными лицами и учреждениями, назначением учителей, рекомендацией учебных книг. И только после выделения денежных пособий из средств Св. Синода, а с 1887 г. из сумм губернских земских повинностей, работа епархиальных училищных советов стала более действенной. Теперь советы имели возможность назначать денежные пособия на строительство и ремонт школьных помещений, покупать книги, учебные пособия, школьные принадлежности, мебель, награждать учителей. Особенностью белорусско-литовских епархий явилось выполнение епархиальными церковными братствами некоторое время функций епархиальных училищных советов: в Литовской и Могилёвской епархиях епархиальные училищные советы работали нераздельно с братствами только на первом этапе (в Могилёвской епархии с 1883 г. до 1886 г.). Впоследствии были образованы самостоятельные училищные советы. В Минской и Полоцкой епархиях, наоборот, вначале были созданы самостоятельные училищные советы, которые через некоторое время полностью слились с братствами. В 1887 г. полоцкий епархиальный училищный совет вошёл в состав совета витебского епархиального братства во имя святого равноапостольного великого князя Владимира. В 1888 г. произошло фактическое слияние минского епархиального училищного совета с епархиальным Свято-Николаевским братством. Такое соединение, на наш взгляд, было вызвано стремлением руководителей епархий привлечь влиятельных членов братств к содействию развитию церковных школ. После издания положения об управлении церковно-приходскими школами (1896 г.) в Полоцкой и Минской епархиях были воссозданы самостоятельные епархиальные училищные советы.

Издание «Правил о церковно-приходских школах» заставило пересмотреть существующие распоряжения по епархиям и изменить их в соответствии с изданными правилами. Такая работа была проведена во всех белорусско-литовских епархиях.

Возрождению церковных школ на территории Беларуси в первое время после издания «Правил о церковно-приходских школах» содействовало Министерство народного просвещения. Попечитель Виленского учебного округа сделал распоряжение директорам, инспекторам и учителям народных училищ о содействии развитию церковных школ. Дирекции народных училищ белорусско-литовских губерний оказали помощь школам Св. Синода учебными пособиями. Из ведения Министерства народного просвещения в духовное ведомство были переданы некоторые школы. Например, в Гродненской губернии: женская одноклассная школа в м. Свислочь (Волковский уезд), общественное училище в с. Горках (Слонимский уезд), народная школа в с. Тростянице (Бельский уезд). Оказывалась помощь церковным школам со стороны и Св. Синода. Так, в 1884 г. Могилёвскому училищному совету было выделено 1000 рублей; в 1886 г. — 3000

рублей. Полоцкий епархиальный училищный совет, получив денежную помощь от Св. Синода, в 1885 г. смог назначить пособие 23 школам. В 1886 г. Св. Синодом были разосланы программы церковно-приходским школам.

Содействовали открытию церковных школ и местные гражданские власти, которые, в отличие от предшествующего периода, издавали иногда более жесткие циркуляры. Так, могоилёвский губернатор, узнав о противодействии и равнодушии некоторых сельских старост и волостных старшин, издал циркуляр, в котором предупредил сельское начальство об ответственности и взысканиях в случае «не только противодейственного, но даже равнодушного только отношения» к церковно-школьному делу [6; 7, с. 159].

Благодаря совместным усилиям гражданских властей, Министерства народного просвещения, руководителей епархий, в первом отчётном году после издания «Правил о церковно-приходских школах» удалось добиться увеличения количества церковных школ. Так, в Минской епархии было открыто 738 новых школ. Увеличение количества церковных школ наблюдалось и в других белорусско-литовских епархиях, за исключением Могоилёвской. В Могоилёвской епархии наблюдался небольшой спад количества школ в течение 2 лет. В первый год после издания «Правил о церковно-приходских школах» здесь насчитывалось 896 школ с 17489 учащимися (на 2 школы и 398 учащихся меньше, чем в предшествующем году). Тенденция к уменьшению сохранилась и в последующий год. Однако, в результате предпринятых епархиальным руководством и гражданскими властями мероприятий, количественный спад церковных школ был предотвращён.

В целом, рост количества церковных школ на территории Беларуси продолжался в течение всего рассматриваемого периода.

Название епархий	Годы					
	1884	1885	1886	1887/ 1888	1888/ 1889	1889/ 1890
Литовская	-	-	792	802	848	972
Минская	-	953	986	1156	1160	1119
Могоилёвская	898	896	848	943	1110	1226
Полоцкая	29	73	110	166	166	174
В 4 белорусско-литовских епархиях			2736	3067	3284	3491
Наименование епархий	Годы					
	1890/ 1891	1891/ 1892	1892/ 1893	1893/ 1894	1894/ 1895	1895/ 1896
Литовская	1007	972	1251	1399	1483	1623
Минская	1126	1198	1251	1312	1388	1442
Могоилёвская	1362	1363	1446	1582	1604	1638
Полоцкая	204	249	422	621	632	647
В 4 белорусско-литовских епархиях	3699	3782	4370	4914	5107	5350

Причём в первое десятилетие после издания «Правил о церковно-приходских школах» процесс возрождения церковных школ происходил в Беларуси наиболее интенсивно, чем в большинстве губерний России. В 1893 г. все епархии, в состав которых входили белорусские губернии, находились в числе первых пяти по количе-

ству школ в расчёте на 100 церквей; по количеству и состоянию церковных школ так называемый Северо-Западный край занимал второе место в Российской империи.

В рассматриваемый период наблюдался и рост количества учащихся в церковных школах.

Название епархий	Годы					
	1884	1885	1886	1887/ 1888	1888/ 1889	1889/ 1890
Литовская	-	-	15566	16287	16526	19534
Минская	-	16308	16770	18733	18487	18509
Могилёвская	17887	17489	17923	19480	23461	25203
Полоцкая	406	780	1913	3418	3757	4003

Название епархий	Годы					
	1890/ 1891	1891/ 1892	1892/ 1893	1893/ 1894	1894/ 1895	1895/ 1896
Литовская	20268	19938	25899	29833	32116	36207
Минская	19241	20769	21593	24463	26474	28855
Могилёвская	29038	30690	34093	37293	37994	41092
Полоцкая	4483	5342	7401	11828	12238	14149

Реформы учебных заведений Св. Синода в 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. в белорусско-литовских губерниях ничем не отличались от российских. Мероприятия, введённые при Александре II под воздействием усилившейся политики по укреплению русской культуры и православия, сохранились и при Александре III. Отдельным учебным заведениям белорусско-литовских губерний оказывалась материальная поддержка. Церковные школы Беларуси, активно возрождавшиеся в середине 80-х – первой половине 90-х гг., стали руководствоваться общероссийскими «Правилами о церковно-приходских школах».

Таким образом, расширив права епископов в отношении православных духовных учебных заведений, устав семинарий 1884 г. отменил самоуправление и широкое выборное начало. Не удачно реформировав управление семинарий и училищ, реформы 80-х гг. XIX в. не смогли создать в них совершенной организации учебного процесса. Преобразованные в 80-х гг. XIX в. духовные учебные заведения стремились подготовить не столько хорошо образованное духовенство, сколько воспитать политически и конфессионально благонадёжный церковно- и священнослужительский персонал. В ходе реформ в духовных школах была учреждена полицейская система воспитания, принудительная церковность. Неудачным изменениям подверглись как система управления, так и учебный процесс епархиальных женских училищ. В середине 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. были созданы благоприятные условия для открытия и деятельности церковных школ. В эти годы произошла их унификация.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы: В 2 ч. – СПб., 1907. – Ч. 1: Краткий очерк прошлого средней духовной школы. – 230 с.; Ч. 2: Об основах и организации средней духовной школы в связи с вопросом о желательном общем типе средней школы в России. – 287 с.

2. Определение Св. Синода от 25-го – 27-го апреля 1884 года за № 828 о высочайше утверждённых 20 апреля 1884 г. новых уставе и штате духовных академий // Минские епархиальные ведомости. – 1884. – № 11(оф.). – С. 293 – 295.

3. Уставы и штаты православных духовных семинарий и училищ // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 41(оф.). – С. 347 – 349, № 42(оф.). – С. 355 – 357, № 43(оф.). – С. 363 – 366, № 44 – 45(оф.). – С. 371 – 373, № 46(оф.). – С. 387 – 390, № 47(оф.). – С. 396 – 399.

4. 1024. – Июля 17. Высочайше утверждённое определение Святейшего Синода (Собр. Узак. 1883. Февраля 11, ст.144). – Об изменении некоторых && устава епархиальных женских училищ // Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье: В 33 т. – СПб.: гос. типография, 1886. – Т. II. – С. 366 – 367.

5. Правила о церковно-приходских школах // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1884. – № 22(оф.). – С. 157 – 161. // Литовские епархиальные ведомости. – № 30(оф.). – С. 255 – 257.

6. Гг. Предводителям дворянства и уездным по крестьянским делам присутствиям // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1886. – № 6(оф.). – С. 169 – 173.

7. Циркуляр г. начальника губернии неперменным членам уездных по крестьянским делам присутствий о содействии духовенству в поддержании церковно-приходских школ // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1885. – № 18 – 19(оф.). – С. 158 – 161.

REFLEKSJE SOCJOLOGA O WSPÓLczesnych ZMIANACH W TURYSTYCE MŁODZIEŻOWEJ W POLSCE

Ewa Mucha-Szajek

Wyższa szkoła hotelarstwa i gastronomii, Poznań, Polska

Turystyka, której źródłem jest – jak pięknie powiedział W. Krygowski – *nie zaspokojona ciekawość świata, która wiedzie nas w najtajniejsze zakątki ojczyzny, odkrywa obrazy przeszłości, teraźniejszości, nie zatrzymuje się na dniu dzisiejszym, lecz zadaje sobie pytanie, co czynić, aby mądrze wiązać przeszłość z przyszłością, nie zatrzymując czasu, zatrzymać najcenniejszą wartość tworząc dorobek naszej kultury* [Krygowski, 1977, s.7], zawiera w sobie olbrzymi potencjał możliwości rozwojowych. Tak pojęte źródła turystyki inspirowa do aktywnej turystyki, tej której bakcyll połyka się w rodzinie, w gronie rówieśników i w szkole. Turystyki, która każdemu uczestnikowi daje szansę rozwoju i ułatwia dorastanie do kontaktów społecznych. Dynamiczny rozwój jej oddziaływań w ostatnich latach, wiodąca jej rola w zagospodarowywaniu czasu wolnego młodzieży oraz różnorodność i bogactwo form pozwalających na uczestnictwo w niej nie tylko młodzieży, ale osób w różnym wieku, w koedukacyjnych zespołach, o różnym stanie zdrowia, zróżnicowanych zainteresowaniach i możliwościach finansowych – to szansa na realizację wielu funkcji edukacyjnych. W literaturze eksponuje się funkcję hedonistyczną, kompensacyjną, poznawczą, emocjonalną, stymulującą, socjalizacyjną, adaptacyjną i zdrowotną (Lubański, 1986). Wszystkie one pozwalają na realizację procesu wychowania przez turystykę, dalej na wychowanie do turystyki i wreszcie na samowychowanie, które polega na ciągłym kształtowaniu swojej osobowości. Wychowanie przez turystykę i do turystyki służyć ma w konsekwencji rozwojowi osobowości młodego turysty. Osobowościowe i socjalizacyjne wartości tego uczestnictwa potwierdzone zostały w rozlicznych badaniach (pisze o tym B. Piskadlo, 1993).

Turystyka dzieci i młodzieży, zezwalając na zaspokojenie naturalnej dla nich potrzeby ruchu i ciekawości świata, rodzi warunki do kształtowania świadomych i odpowiedzialnych postaw w toku jej uprawiania. Stają się one *stałymi składnikami osobowości, odnoszą się do wartości, które wynikają ze stosunku do świata, idei, osób, rzeczy, wytworów umysłu, serca i*

rak [Denek, 1989, s.20]. Uczestnictwo jest organizowane przez intencjonalne i naturalne środowiska wychowawcze. Wśród naturalnych środowisk wychowawczych szczególną rolę przypisujemy rodzinie i środowisku rówieśników, a wśród intencjonalnych głównie szkole i wszelkim kołom zainteresowań pozaszkolnych oraz organizacjom młodzieżowym (np. ZHP) i turystycznym (np. PTTK). Jak żadna inna sfera działalności, turystyka daje szansę integracji wpływów rodziny, szkoły, pozaszkolnych instytucji wychowawczych oraz nieformalnych grup rówieśników, a także – co szczególnie – samodzielnej aktywności jej uczestników. Turystyka, rozumiana jako aktywność związana z czasową i dowolną zmianą codziennego trybu i środowiska życia oraz wejściem w bezpośredni kontakt ze środowiskiem odwiedzanym, często przyrodniczym, posiada szczególne walory, których badaniem zajmują się specjaliści różnych dziedzin wiedzy. W niniejszym wystąpieniu interesuje nas szczególnie aspekt psycho-socjo-pedagogiczny zagadnienia.

Na walory turystyki, pozwalające człowiekowi potwierdzić i doskonalić swoją osobowość, zwraca uwagę M. Usarz [1990], wymieniając potrzeby, które człowiek może dzięki niej zaspokajać. Zalicza do nich: potrzebę wolności, potrzebę poznania, potrzebę kształtowania uczuć i potrzebę nawiązywania osobistych kontaktów. Pedagodzy w swym myśleniu o turystyce koncentrują się głównie na jej wychowawczych aspektach. Organizatorami turystyki szkolnej są przede wszystkim nauczyciele wybranych przedmiotów nauczania oraz wychowawcy klas i opiekunowie organizacji młodzieżowych. K. Denek *podkreślając rolę działalności turystyczno-krajoznawczej w kształtowaniu postaw dzieci i młodzieży, w wyrobieniu dyspozycji kierunkowych : postaw, przekonań i ideałów* (1989, s. 22.) , warunkuje realizację tych zadań właściwym przygotowaniem nauczycieli do tych ról. Wyniki badań młodzieży w wieku 13 – 21 lat wskazują na wysokie wymagania stawiane opiekunom imprez turystycznych. Nauczycieli tych powinien charakteryzować: takt pedagogiczny, a ponadto odpowiedni poziom wiedzy i walory sprawnościowe; oczekiwania młodzieży wiążą się z kontaktem opartym na zasadach partnerstwa. K. Przeclawski (1973) wśród czynników determinujących wychowawcze efekty turystyki wymienia osobowość wychowawcy jako jeden z nieodzownych elementów tego procesu. Aby stać się wychowawcą turystyki - konstatuje autor - należy samemu być turystą, przykład osobisty traktuje jako warunek nieodzowny krzewienia turystyki wśród młodzieży. Jest to szczególnie istotne wobec faktu wynikającego z badań, że w praktyce szkolnej 75% imprez turystycznych organizują wychowawcy klas. W bardzo niewielkim stopniu w ocenie młodzieży inicjują ją kluby PTTK (7,5%), ZHP (4,5%) i jest to działalność organizowana dla zamkniętych kręgów członków tych organizacji.

Właściwe oddziaływanie wychowawcze opiekunów wycieczek i obozów jest także - zdaniem Z. Bielczyka - warunkiem pomyślnych osiągnięć wychowawczych zespołu i jego oddziaływania na jednostkę. Grupa turystyczna stanowi środowisko społeczne, ale *sam fakt gromadnego udziału w wycieczce czy obozie nie uspołeczni i nie wychowa młodzieży* [Bielczyk, s. 34]. Dopiero właściwa opieka prowadzącego wycieczkę tak w trakcie jej przygotowania, jak i przebiegu jest warunkiem efektów wychowawczych, ocenianych zarówno w kategoriach wartości osobowościowych, jak i społecznych - socjalizacyjnych. Szansa wychowawcza, jaką stwarza turystyka, jest - zdaniem A. Gontrowicz - szczególnie ważna w odniesieniu do młodzieży - kategorii osób szczególnie podatnych na wpływ. *Lepiej podjąć trud wychowawczy w dziedzinie turystyki, niż mieć w perspektywie podejmowanie trudu resocjalizacyjnego* (Gontrowicz, 1984, s. 18). Należy wspomnieć jeszcze o turystyce zagranicznej, a zwłaszcza jej formie turystyczno-zarobkowej dla starszej młodzieży, która może się stać - zdaniem J. i A. Krauzowiczów - bardzo skuteczną metodą wychowawczą (1984, s. 97). Jest ona bardzo popularna wśród młodzieży różnych krajów, a i u nas - zwłaszcza w ostatnich 30 latach - staje się coraz powszechniejsza.

Socjologowie traktują turystykę jako proces zetknięcia kultur, który może powodować określone skutki społeczne i wychowawcze zarówno pozytywne, jak i negatywne. To w dużym stopniu będzie zależało od stopnia świadomości i dojrzałości turysty, od jego umiejętności, refleksyjnej i krytycznej percepcji, czyli po prostu od wartości, z którymi się identyfikuje i które były jego udziałem w procesie wychowania i socjalizacji. Zdaniem K. Przetławskiego, *oddziaływanie wychowawcze dokonuje się na cieniu przebiegającym pomiędzy: poszukiwaniem prawdy a zakłamaniem, alterocentryzmem, wolnością a zgodą na zniewolenie* (1986, s:56). I to właśnie daje szansę na promocję wartości osobowościowych i socjalizacyjnych w turystyce, rozumianych w ujęciu tradycyjnym.

Czy tradycyjne rozumienie wartości edukacyjnych i socjalizacyjnych może być dziś podważane? Nie, to dobra szkoła edukacji do uczestnictwa w turystyce aktywnej i przez turystykę. Zmieniły się jednak całkowicie realia społeczno-polityczne i uwarunkowania ekonomiczne, w których ten proces edukacyjny przebiega. Rozszerza się równocześnie pole eksploracji, zmieniają się realia, które oddziałują na zmianę potrzeb oczekiwanych młodzieży w tym zakresie.

Ku globalizacji. Turystyka w zmieniającym się świecie przestaje być już rozpatrywana tylko i wyłącznie w kategoriach wartości swoistych i lokalnych kontaktów - gdzie się wybrać, jak aktywnie spędzić wolny czas, co można skorzystać poznawczo, zdrowotnie, jak można przeżywać kontakt z przyrodą i dobrami kultury, jak można się rozwijać przy tej okazji umysłowo, fizycznie itp.

Mówi się dziś o globalnych wartościach turystyki, tych ponadczasowych, z perspektywą wejścia aktywniejszego w XXI wiek. Turystyka stwarza nowe szanse o komunikacji społecznej między regionami w jednym kraju, między krajami Europy, i w całym świecie. Staje się okazją do poznania różnych kultur i obyczajów, zwiększa zdolność adaptacji do zmieniających się warunków życia, umożliwia przenoszenie dobrych wzorów zachowań, uczy szacunku dla dorobku innych środowisk i krajów, promuje nowe wartości i ułatwia przenoszenie ich do środowisk ojczyznianych. Daje to nowe możliwości wpływu turystyki na człowieka i społeczność, w której żyje i pragnie ją kreatywnie zmieniać. Globalizacja w edukacji, turystycznej oznacza rozszerzenie wartości wynikających z uczestnictwa w niej o nowe, nieznane dotąd bądź nie dostrzegane na płaszczyźnie jednej szkoły, czy jednego środowiska, a nawet jednego kraju. Wyostrzyć powinna równocześnie krytyczną percepcję tego, co globalne, a nie zawsze do zaakceptowania we własnej kulturze i obyczaju swojego kraju. Należy pielęgnować przy tym własne, regionalne czy narodowe tradycje i promować je na płaszczyźnie globalnej turystyki i jej wartości.

Wspólny polityczne i gospodarcze. W budowaniu nowych podstaw naszej polityki i gospodarki rynkowej w Polsce, w dążeniu do wejścia do wspólnoty europejskiej rozwijają się inne i często nowe perspektywy dla promocji wartości turystyki. Może okazać się ona istotną wartością inwestycyjną we współczesnego człowieka, który będzie budował te wspólnoty, może również budować pomosty ponad podziałami politycznymi, służąc integracji środowisk lokalnych (w skali mikro) i kultur regionalnych bądź globalnych - europejskich. Wspólnotowość (w tym polityczna i gospodarcza) służyć będzie przede wszystkim promocji przez turystykę wartości socjocentrycznych, komunikacyjnych. Turystyka może się stać się płaszczyzną nowego kodu porozumiewaniu się wspólnotowym.

Standaryzacja edukacji. Ujednoczenie programów kształcenia na wszystkich poziomach edukacji w Polsce i w Europie, możliwość wymiany uczniów i studentów między regionami kraju (potrzeby zdrowotne, klimatyczne, sportowe, ekologiczne, poznawcze i in.) i między szkołami i uczelniami europejskimi (potrzeby językowe, kulturowe, sportowe, ekonomiczne i in.), tworzenie różnych fundacji w kraju i w Europie, finansujących, lub wspomagających tę wymianę dobrze służy promocji wartości turystyki nośnej edukacyjnie i

społecznie. Ułatwia identyfikację z własnym krajem i jego kulturą, dając szanse intencjonalnego wejścia w kulturę europejską. Jest to naturalna szansa uprawiania turystyki krajowej i międzynarodowej, do której młodzież trzeba specjalnie przygotować, aby tę szansę właściwie dla rozwoju jednostki i społeczeństwa wykorzystać.

Pokonywanie podstawowych barier. Aby wejść w nowy nurt myślenia o rozwoju turystyki krajowej, a szczególnie międzynarodowej, która jest szczególną szansą dla młodych ludzi, trzeba ich przygotować do pokonywania pewnych barier. Jakie są to bariery? Przede wszystkim bariera językowa. Szczególną szansą jest upowszechnianie w edukacji języka angielskiego, który staje się najlepszą płaszczyzną kontaktów społecznych i turystycznych w Europie. Po drugie - granice. Granice w większości krajów przestają być barierą, jeśli wychowa się młodzież do kultury ich przekraczania, z zachowaniem przepisów prawnych państw graniczących ze sobą i obowiązujących w tych państwach tradycji i obyczajów. Po trzecie - środki komunikacji. Zwiększające się realne szanse posiadania własnego pojazdu, dostosowanie cen zniżkowych na bilety w komunikacji kolejowej i lotniczej do możliwości finansowych młodzieży, liczne promocje, a przede wszystkim stypendia czynią tę barierę coraz częściej do pokonania. Po czwarte - środki masowego przekazu, które są w stanie najlepiej promować turystykę i stanowić przewodniki po nieznanym świecie, łamiąc wiele barier. Przede wszystkim informacyjnych, stanowiąc często wręcz metodyczny instruktaż. Bogactwo książek, folderów, przewodników, map, szlaków turystycznych, pełna do niego dostępność stanowi istotny warunek dobrej promocji turystyki.

Internet nowym oknem na świat. Internet - to nie ewolucja, a rewolucja w rozwoju szans na promocję wartości turystyki. To nie tylko wielość informacji, ale wzajemne komunikowanie się ludzi między sobą w sprawach możliwości spotkania, zapraszania się, planowania wspólnych eskapad turystycznych. To wymiana doświadczeń, poznawanie wzajemne swoich zainteresowań i pasji turystycznych, wymiana sprzętu turystycznego bądź zapewnianie go w miejscu uzgodnionych planów wakacyjno-urlopowych. Może to być komunikowanie się indywidualne, ale może dotyczyć klas szkolnych, grup sportowych i turystycznych, szkół i miast między sobą. To bardzo przybliży ludzi w kraju i z zagranicy w samorealizowaniu się turystycznym.

Pokazaliśmy nowe uwarunkowania rozwoju turystyki w życiu współczesnego człowieka, a w szczególności młodzieży. Nic nie tracąc z wartości tradycyjnie pojętej turystyki, musimy nauczyć się je realizować i rozszerzać w nowych uwarunkowaniach ekonomicznych, politycznych, społecznych, kulturowych i powszechnie dostępnej informacji oraz komunikacji społecznej. Nie możemy przy tym nie liczyć się z jej postrzeganiem przez społeczeństwo danego środowiska, regionu, kraju czy różnych krajów. Współczesna turystyka to z jednej strony czysty biznes ukierunkowany na czerpanie korzyści materialnych, z drugiej jednak strony źródło podnoszenia poziomu kultury fizycznej i intelektualnej społeczeństw, czynnik wpływający na nasze zdrowie i świadczący o poziomie dobrobytu w społeczeństwie, to wizytówka kraju. Turystyka to także moda, która kreuje pewne zachowania, tworzy wzory postępowania, wpływa na styl ubierania się i życia, czynnie uczestniczy w procesie edukacji od najmłodszych lat - w rodzinie, w szkole, grupach zainteresowań rówieśniczych itp.

W ostatniej fazie tej wypowiedzi skoncentruję się na postrzeganiu turystyki młodzież, jakie dostrzega perspektywy jej rozwoju i jakie wiąże z nim oczekiwania, jak ocenia wpływ turystyk na kształtowanie się stylu życia dziś i w perspektywie całościowej. Pomocne w tej analizie problemu będą wyniki badań empirycznych, oparte na dużej próbie (1500 osób) młodzieży o~ 13 do 22 lat, realizowanych w latach 90-tych (Piskadlo, 1992; Z. Żukowska, 1996). Większość badanych - zwłaszcza uczniów szkół średnich i studentów -

wskazuje na inspiracje do uprawiania turystyki wyniesione ze szkoły i związane z wychowaniem fizycznym oraz konkretne umiejętności zdobyte podczas nauki szkolnej (żeglarskie, pływackie, kajakarskie, narciarskie, rowerowe itp.), które miały wpływ na rozwój zainteresowań turystycznych. Z uczestnictwem w turystyce wiąże młodzież, w kolejności - wszechstronny rozwój, kształtowanie samodzielności, umiejętność współdziałania w grupie, pożyteczne spędzanie czasu wolnego, odporność organizmu i wytrwałość psychiczną. W nieco mniejszym stopniu oczekują „bycia lepszym”, podporządkowania się grupie, łatwiejszego przezwycięzania porażek i zdobycia sukcesu w życiu. A zatem turystyka - to potrzeba młodego człowieka bez wiązania z nią swego sukcesu w życiu. Przez uczestnictwo w turystyce badani oczekują, w kolejności stawiania przez młodzież: zdobycia przyjaciół, poznania ludzi, samorealizowania się i ciekawego spędzania czasu wolnego, sprawdzenia siebie i odpoczynku, pokonywania własnych słabości i kontynuacji kontaktów ze znajomymi i przyjaciółmi. Rzadziej mówią o ochronie środowiska, zdrowiu i identyfikacji z krajem.

Ponad połowa badanych oczekuje od uczestnictwa w turystyce konkretnych korzyści związanych z pełnieniem różnych ról życiowych. Najczęściej wiązali to z rolą organizatora życia społecznego i członka grupy społecznej, rzadziej z rolą pracownika, ucznia, studenta, członka rodziny czy uczestnika życia kulturalnego. Dość instrumentalnie dostrzegają tu rolę turystyki. Niewielki procent badanych identyfikuje się z rolą turysty, o czym świadczy dodatkowo oczekiwanie od niego postaw fair play tylko przez niewielką grupę. Najchętniej uprawiają turystykę w grupach koleżeńskich i sportowych, następnie opowiadają się za turystyką indywidualną, a dalej za rodzinną i organizowaną przez szkołę. Tylko niewielki procent oczekuje uczestnictwa w turystyce organizowanej przez instytucje turystyczne i biura podróży. Wszystko przed nimi. Stawia to zupełnie nowe zadania przed edukacją. Zdecydowana większość badanej młodzieży dostrzega znaczenie turystyki dla zdrowia. Inicjatywę w zakresie propozycji turystycznych najchętniej podejmują sami, w kolejności dostrzegają wpływ ojca w rodzinie, matki, rodzeństwa, krewnych i w minimalnym stopniu dziadków. Wiedzę turystyczną zawdzięczają głównie własnej aktywności, w mniejszym stopniu kolegom, organizacjom sportowo-turystycznym, dopiero w kolejności nauczycielowi i rodzicom, a w śladowym stopniu rodzeństwu i służbie zdrowia.

Co ogranicza uczestnictwo w turystyce? Na pierwszym miejscu znalazł się brak czasu i brak sprzętu, w kolejności rodzice i zły stan zdrowia, brak towarzystwa, brak zainteresowań i niechęć do ruchu. Główne oczekiwania wobec turystyki, szczególnie uczniów starszych klas szkół średnich i studentów, wiążą się w 80% z zapewnieniem dobrej rozrywki i zabawy w zaprzyjaźnionym gronie, dla 60% badanych jest to ciekawe spędzenie czasu wolnego, zachowanie zdrowia i urody, a dla 50% osiągnięcie sprawności fizycznej. W tym świetle wzrastają funkcje humanistyczne turystyki. Turystyce w 70% przyznają ten sam stopień ważności w życiu, jak innym dziedzinom; ważniejsza od innych jest dla 30%, bo daje człowiekowi radość i chęć życia, a w przypadku 2% decyduje o zdrowiu, sprawności i urodzie. Potwierdza to preferencje dla wartości humanistycznych turystyki: Z uprawianiem turystyki najczęściej kojarzy się poznawanie świata, kontakt z przyrodą, rekreację, zabytki, dbałość o zdrowie, kontakty towarzyskie, troskę o ciało i inne dziedziny kultury fizycznej.

Wyniki badań potwierdzają znaczenie turystyki w procesach edukacji i socjalizacji młodego pokolenia w zmieniającym się świecie. Młodzież docenia turystykę jako źródło kształtowania własnej kultury fizycznej, jako doskonały środek zagospodarowania czasu wolnego, jako dziedzinę wszechstronnej edukacji oraz interesującą i przyjemną rozrywkę. Warto inwestować w wychowanie młodzieży do uczestnictwa w turystyce, bowiem jest to inwestycja edukacyjnie i społecznie, opłacalna.

PIŚMIENNICTWO

1. Bielczyk Z.: Zasady organizowania wycieczek i obozów. Warszawa 1975, Wyd. AWF.
2. Denek K.: Krajoznawstwo i turystyka w wychowaniu dzieci i młodzieży szkolnej. Warszawa 1989, Wyd. PTTK Kraj.
3. Gontorowicz A.: Funkcje wychowawcze turystyki. W: Turystyka a człowiek i społeczeństwo, K. Przeclawski. Warszawa 1984, IWZZ.
4. Krauzowicz J. i A.: Wyjazdy zagraniczne studentów. W: Turystyka a człowiek i społeczeństwo, K. Przeclawski. Warszawa 1984, IWZZ.
5. Lubański K.: Turystyka jako forma wychowawcza. "Nauczyciel i Wychowawca" 5-6/1986.
6. Lubański K.: Turystyka indywidualna a psychologiczne determinanty zachowań. W: J. Malinowski (red.): Społeczno-pedagogiczne problemy turystyki. Warszawa 1988, Wyd. IT.
7. Krygowski W.: Góry i doliny po mojemu. Kraków 1977.
8. Piskadlo B.: Młodzież o wychowawczych i socjalizacyjnych funkcjach turystyki. Praca doktorska. Warszawa 1993, Biblioteka Główna AWF.
9. Przeclawski K.: Humanistyczne podstawy turystyki. Warszawa 1986. IT.
10. Przeclawski K.: Turystyka a wychowanie. Warszawa 1973, NK.
11. Siwiński W.: Edukacja i praca specjalistów kultury, fizycznej i turystyki. Poznań 1980, Wyd. AWF.
12. Usarz M.: Filozoficzno-pedagogiczne refleksje nad zjawiskiem turystyki. „Roczniki Naukowe” AWF Kraków 1990, t. XXIV.
13. Wykrętowicz S.: Wyznaczniki i bariery uczestnictwa w turystycznych formach rekreacji. Poznań 1988, Wyd. AWF.

КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Цыбульская Н.В.

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Культура управленческого общения является подсистемой культуры управления, обеспечивающей деятельность механизмов координации управленческой деятельности и реализации коммуникативного потенциала субъектов управления. Культура управленческого общения – особый элемент культуры управления, не являющийся рядоположенным среди ее основных элементов (управленческое мышление, управленческое поведение, управленческие отношения). Культура управленческого общения, «пронизывая» указанные элементы, представляет собой их коммуникативный «срез» и одновременно способ проявления внутренних аспектов культуры управления.

Культура управленческого общения выполняет функции стимулирования и программирования управленческой деятельности (скрытые) и функции координации взаимодействия управляемой и управляющей подсистем, а также реализации коммуникативного потенциала субъектов управления (явные).

Развитие и совершенствование культуры управленческого общения – необходимое условие повышения эффективности деятельности субъектов управления и формирования высокого уровня культуры управления в условиях транзитивного белорусского общества.

Воплощение культуры управленческого общения в практику реализуется посред-

ством социокультурных технологий, которые являются инструментами практического осуществления управленческих знаний, умений, навыков в управленческое деловое поведение. Наиболее часто используемые технологии включают средства управленческого администрирования (распорядительные, служебно-коммуникационные, координационные и контрольно-оценочные операции), обмена информацией, побуждения, обратной связи. Широта выбора и степень использования конкретных технологий, то есть многовариантность деловых взаимоотношений, определяется уровнем культуры управленческого общения того или иного руководителя.

Данная концепция культуры управленческого общения была использована для анализа конкретно-эмпирического материала двух социологических исследований (экспертных опросов руководителей высшего и среднего звена, работающих в разных секторах экономики); проведенных автором в самом начале постсоветской трансформации белорусского общества и через десять лет. В ходе обоих исследований применялся сопоставимый инструментарий, что позволило осуществить сравнительный анализ культуры управленческого общения руководителей за период первого постсоветского десятилетия и выявить динамику ее изменения.

Управленческие отношения претерпели довольно значительные изменения за рассматриваемый период. Подтвердилась гипотеза о повышении степени удовлетворенности руководителей своими отношениями с подчиненными, что иллюстрируется ответами экспертов: почти вдвое, к примеру, увеличилось количество руководителей, которые положительно оценивают отношения в коллективе как доброжелательные, основанные на взаимопомощи.

Проявление положительной динамики в общей оценке руководителями взаимоотношений в коллективах может быть обусловлено несколькими социальными факторами. Во-первых, такая динамика может являться следствием значительного улучшения работы кадровых служб, которые более грамотно оценивают деловые качества потенциальных работников и формируют тем самым стабильные (в том числе и в эмоциональном отношении) коллективы. Во-вторых, наличие безработицы и введение контрактной системы трудового найма позволяет руководителям более свободно расставаться с подчиненными, которые своим деловым поведением несогласовывают деловые отношения в коллективе.

Проявляется динамика и в ответах на вопрос, касающийся удовлетворенности управленцев взаимоотношениями с различными деловыми контактными группами. Довольно значительно снизилась степень удовлетворенности отношениями с более высокой по вертикали ступеню управления – разница составляет 21,7% по варианту ответа, связанному с полной удовлетворенностью отношениями. Это обстоятельство может быть обусловлено противоречием между складывающимися рыночными отношениями, которые требуют самостоятельности и оперативности в принятии решений, и системой государственного управления, в которой сильны административные элементы, сдерживающие инициативу «снизу».

Оказались подвержены динамике и ответы на вопрос о частоте обращения за помощью по деловым вопросам к различным деловым контактным группам. Частота обращений за помощью, а также проявления предпочтений в обращении к тем или иным деловым контактным группам являются косвенным показателем общего морально-психологического климата в рабочей группе, а также говорят в целом об уровне самостоятельности руководителя и о его профессионализме. В ходе сравнения полученных результатов проявилась тенденция снижения количества частых обращений руководителей за помощью к своему руководству (на 7,4%) и к подчиненным (на 17,4%). Показательно, что на 23,6% увеличилось за 10 лет количество

управленцев, которые редко обращаются к подчиненным за помощью. На основании этих данных можно высказать предположение о том, что в динамике развития культуры управленческих отношений, управленческого общения проявляется рост профессионализма, информированности и самостоятельности современных управленцев.

Подтвердилась гипотеза о росте правовой информированности руководителей: на 11,9% возросло число частых обращений руководителей к юристу за советами по деловым вопросам. Наблюдается снижение выбора варианта ответа, связанного с редкими обращениями к юристу – на 11,1%. Основываясь на этих данных, можно говорить о росте юридической грамотности управленцев, что повышает общую управленческую культуру.

Гипотеза об изменении коммуникативной (информативной) составляющей культуры управленческого общения в целом подтвердилась. Повысился уровень осознания управленцами необходимости углубления и обновления своих знаний по экономике, психологии, теории и практике управления, юридических знаний. Современные управленцы лучше, чем в начале этапа постсоветской реформации, обеспечены необходимой литературой, а также имеют больше возможностей для обучения управлению.

Необходимость получения специальных знаний для осуществления различных видов деловых контактов (деловой беседы, совещаний и собраний, публичных выступлений, деловых переговоров, организации коллективного принятия решений, приема по личным вопросам, деловых контактов с вышестоящим руководством) не оспаривалась руководителями как десятилетие назад, так и сейчас. Подавляющее большинство опрошенных считают, что такие знания необходимы или желательны. Однако несколько изменились приоритеты в определении необходимости специальной, теоретической подготовки к тому или иному виду управленческого общения. Так, если первый опрос продемонстрировал особое внимание руководителей к важности деловой беседы, то современные управленцы указывают на особую необходимость знаний для ведения деловых переговоров – это еще раз косвенно подтверждает повышение самостоятельности и личной ответственности руководителей в их управленческой деятельности, отражает общую социальную тенденцию утверждения диалогических рыночных отношений.

Единственный вид деловых контактов, по которому наблюдается некоторое снижение значимости, – это организация коллективного принятия решения. Это может быть связано с уже отмеченным снижением количества обращения руководителей к подчиненным для решения деловых проблем и с уменьшением коллегиальности в принятии управленческих решений.

В ответах явно проявилась динамика увеличения интереса управленцев к знаниям о технике проведения деловых переговоров (прирост 27,1%), а также динамика снижения оценки значимости приема по личным вопросам и телефонного разговора. Треть управленцев в первом исследовании (33,3%) и почти половина во втором (46,9%) вообще не готовятся к деловым телефонным разговорам, что свидетельствует о явной недооценке ими этого важного и оперативного способа управленческих коммуникаций.

Относительно приема по личным вопросам, как уже отмечалось, наблюдается явная тенденция его игнорирования: постоянно готовятся к приему по личным вопросам только 12,3% опрошенных (снижение на 7,4%), готовятся не всегда 40,7% респондентов (прирост 21,6%), вообще не готовятся 46,9% руководителей (прирост 13,6%).

Следует отметить, что в современной практике управления на Западе практически отсутствует такая форма управленческой работы, как прием по личным вопросам. Вероятно, и в нашей стране постепенно происходит освобождение руководителя от необходимости решать определенные личные проблемы подчиненных. Эта задача перекладывается на другие службы (профсоюзную, кадровую). Кроме того,

переход на контрактную систему найма тоже способствует тому, что прием по личным вопросам, как форма управленческой работы, постепенно изживает себя, так как большинство видов выходов из проблемных ситуаций, связанных с выполнением должностных обязанностей, оговаривается в трудовом контракте, который подписывается как руководителем, так и наемным работником.

Предпочтения способов получения информации о текущих производственных делах также подверглись некоторым изменениям. Непосредственное общение с подчиненными на их рабочем месте по-прежнему является самым предпочтительным для руководителей – процент выборов практически не изменился. В то же время показателен значительный рост выборов такого вида непосредственного управленческого общения, как вызов подчиненного для устного доклада (+10,7%), а также рост выборов получения деловой информации на совещаниях (+6,5%). Руководители по-прежнему отдают предпочтение непосредственному управленческому общению, однако наблюдается динамика роста интереса к опосредованному деловому общению – в частности, к работе с письменными источниками (+14,2%).

Тенденция усиления авторитарности управленческого общения подтверждается и ответами на вопрос о том, кто принимает решение в конце проводимого руководителем совещания. Значительно возросло количество выборов позиции 1 (решение принимает руководитель после рассмотрения предложений коллектива) – на 22,8%, и значительно уменьшилось число выборов позиции 3 (решение принимает коллектив) – на 10,1%. Только 12,3% руководителей теперь отмечают, что в поиске и принятии управленческих решений активно участвует коллектив, подчиненные.

Наличие обратной связи в управленческом общении подтверждается ответами руководителей на вопросы, касающиеся критического отношения подчиненных к работе руководителя. Большая часть управленцев (87,4% в первом опросе и 79,6% во втором) признают, что подчиненные высказывают им критические замечания. Однако почти в два раза возросло число управленцев, отмечающих, что они не получают от подчиненных критических замечаний (прирост 9,3%). Это – тоже косвенное свидетельство более низкой обратной связи и нежелания (или боязни) критиковать руководство, что подтверждает рабочую гипотезу об ослаблении обратной связи.

Если говорить о содержательной стороне критики руководителей со стороны подчиненных, то в ходе первого опроса чаще всего отмечались руководителями такие сферы их деятельности, как контроль выполнения заданий (23,5%), распределение заданий (17,5%) и принятие решений. Результаты второго опроса показали, что чаще всего подвергаются критике сфера распределения заданий (+11,5%), контроль выполнения заданий (-3,1%) и стимулирование хорошей работы (+5,2%).

Как же управленцы воспринимают критические высказывания подчиненных об их работе? В результате сравнения ответов разных лет проявилась следующая динамика этой стороны управленческого общения: прежде всего, значительно снизилась количество выборов вариантов по позиции 1 (критические высказывания воспринимаются как желание подчиненных помочь в решении коллективной задачи) – на 25,4%. К сожалению, многие руководители уже не считают критику «снизу» конструктивной.

Большинство управленцев в своей профессиональной деятельности одновременно выполняют роли не только руководителей, но и подчиненных, поскольку они функционально включены в общую вертикаль управленческих взаимодействий. Интересные результаты получены о мнениях управленцев по поводу восприятия вышестоящими руководителями критических замечаний снизу – от нижестоящих руководителей.

Теперь менее трети опрошенных управленцев (-10%) считают, что руководство воспринимает их критику как стремление помочь в решении коллективной задачи. Однако есть

и положительная динамика: теперь всего 14,2% управленцев (-11,5%) считают, что их критические замечания вовсе не принимаются во внимание их руководством. Показательно значительное увеличение числа выборов варианта «затрудняюсь ответить» (+28,4%). Сегодня руководители затрудняются, не желают или боятся критиковать свое руководство, что может означать ужесточение вертикальных связей в иерархии управления и явное снижение интереса к мнению руководителей нижестоящей ступени.

Эмпирическое социологическое исследование культуры управленческого общения позволило сделать некоторые выводы о состоянии культуры управленческого общения в условиях транзитивного развития белорусского общества, а также о динамике культуры управленческого общения за первое постсоветское десятилетие.

Особое внимание было уделено изменениям в использовании социокультурных технологий, что позволило выявить некоторые закономерности в развитии культуры управленческого общения на современном этапе.

Технология обмена информацией в целом подвержена некоторой динамике. Возросла информированность управленцев в отношении правовых и психологических знаний, обеспечивающих эффективную управленческую деятельность, а уровень информации по остальным видам знаний не претерпел видимых изменений.

Использование технологий обратной связи в деловых коммуникациях уменьшилось, что отражает общие тенденции усиления монологичной составляющей управленческого мышления и проявления авторитарных элементов в управленческом поведении, которые обусловлены ростом администрирования как управленческой стратегии на уровне государства и, соответственно, преимущественным использованием технологий администрирования, иногда в ущерб другим технологиям (побуждения, обратной связи).

Использование технологий администрирования возросло, что объективно отражает повышение личной ответственности руководителей, рост внимания управленцев, прежде всего, к своим прямым функциям и обязанностям (выработке управленческих решений, разъяснению заданий подчиненным, контролю исполнения заданий).

Технологии побуждения используются руководителями недостаточно: они недооценивают личностную составляющую управленческого общения, личное мнение подчиненных по деловым вопросам, деловую активность подчиненных в ходе выработки управленческих решений, делегирование полномочий и ответственности в управленческой деятельности.

Таким образом, выявилась положительная динамика в оценке руководителями важности тех управленческих контактов, которые помогают организовывать, упорядочивать деловое поведение подчиненных, (предпочтение технологий администрирования) и отрицательная динамика в оценке управленцами тех видов деловых контактов, которые предполагают анализ и учет личностной составляющей делового поведения подчиненных (частичное игнорирование технологий побуждения).

Результаты замера оценки руководителями деловых отношений в своих коллективах показали следующее: проявилась положительная динамика в оценке деловых отношений, причем наблюдается уменьшение числа выборов руководителями позиций полного одобрения и увеличение числа выборов позиций частичной удовлетворенности отношениями со всеми выделенными контактными уровнями (с подчиненными, с руководством и с руководителями своего уровня). В целом же управленческие отношения как элемент общей культуры управления обеспечивают благоприятный фон для развития культуры управленческого общения.

Подводя итог, можем констатировать, что проведенные исследования и анализ их результатов доказали практическую значимость концепции культуры управленческого общения и возможность ее эффективного использования для прикладного изучения наличной культуры управленческого общения социологическими методами.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСКУССТВЕ XX ВЕКА

Чистякова Т.Л.

Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь

Развитие искусства, как у любого общественного явления, имеет очень сложный, противоречивый характер. Нас в данной работе будут интересовать трансформационные процессы в искусстве, которые связаны с его изобразительными (или неизобразительными) формами.

Со времени зарождения искусства внимание художника было направлено на изображение предметного мира. В теоретическом плане этой направленности соответствует теория мимесиса Аристотеля, но он никогда не понимал подражание как простое копирование. Мимесис у него связан не с внешними формами предмета, а с его сущностью, с передачей через единичное общего. Эта задача заставляет художника так или иначе видоизменять изображаемую реальность с помощью работы над эстетической формой ее передачи. Поэтому Аристотель, сравнивая поэзию и историческое сочинение, отдавал предпочтение первой, т.к. она изображает общее, в то время, как история изображает конкретное, единичное.

Впоследствии теория мимесиса в соединении с рационалистическим началом европейской культуры легла в основу различных форм реализма, от первобытного до наших дней. Долгое время жизнь служила для художника неиссякаемым источником вдохновения. А главное место в ней занимал человек.

Однако уже во второй половине XIX в. художник начинает переносить внимание на передачу своих впечатлений и ощущений. Наиболее ярко это проявилось в импрессионизме. Это направление еще не порывает с предметностью в искусстве, но сущностная сторона действительности уже не находится в центре внимания художника. Его больше занимает внешняя сторона предмета – цвет, игра света (например, многочисленные изображения Рязанского собора у К. Моне в разном освещении), передача световоздушного пространства и т.д. Именно через эти формальные стороны предметного мира художник передает свои впечатления.

Появившееся в конце XIX – XX вв. такие направления, как экспрессионизм и фовизм, решая свои художественные задачи, используют такой прием как деформация предметного мира, отказываются от передачи пространства, объема; в результате чего, картина снова становится двухмерной, но они еще не отказываются от изображения предмета (Э. Мунк, А. Матисс).

Решительный поворот к беспредметному, конфигуративному искусству начинается с появления футуризма и кубизма, с этого момента искусство переживает такую трансформацию формы, которая качественно меняет его цели.

Эти изменения нашли теоретические обоснования в работе Х. Ортеги-и-Гасета «Дегуманизация искусства». Стремясь противопоставить подлинное искусство массовой культуре, он утверждает, что искусство должно преследовать чисто эстетические задачи, а для этого оно должно освободиться от всего, что связано с жизнью человека, его страстями и стремлениями. Он считает, что традиционное, т.е. реалистическое искусство, заслуживает критики именно за чрезмерное присутствие в нем «человеческого» содержания, заслоняющее художественную сторону, которая собственно и составляет сущность искусства.

«Вовсе не само собой разумеется, что произведение искусства, как полагают академики, должно содержать «человеческое ядро, на которое музы наводят лоск. Это прежде всего значит сводить искусство к одной косметике.... Восприятие «живой

реальности и восприятие художественной формы несовместимы в принципе, так как требуют различной настройки нашего аппарата восприятия».

Отказываясь от отображения действительности, отказываясь от человека как главного предмета искусства, авангардизм XX в. стремится с помощью чистой формы передать не сам предмет, а идею как таковую. Анализируя искусство портрета, Ортега-и-Гасет задается вопросом: «А что, если бы, вместо того, чтобы пытаться нарисовать человека, художник решил нарисовать свою идею, свою схему этого человека?»² В этом случае искусство занимается субстантивированием идей, ставит их на место вещей, освобождает их от тождества с вещами и тем самым дегуманизирует идеи.

Переход от живых форм к их абстракции присущ искусству всегда, но присущ как часть, как момент художественного творчества. Это можно видеть в первобытном искусстве, использующем геометрические формы, которые являются стилизацией реальных предметов, или в искусстве средневековья, которое с помощью линии, цвета передает отвлеченные идеи, например, вертикаль готического храма или цвета иконы.

Но в авангардистском искусстве XX в. это стремление приобретает тотальный, основополагающий характер. Причем это не пустая «игра в блеф», не бездумное манипулирование формальными элементами искусств. Художник-авангардист XX в. видит в этом способ постижения сущности мира и даже способ усовершенствования социальных условий бытия человека.

По мнению В. Кандинского, искусство и природа, т.е. предметный мир никак друг с другом не связаны. Художники прошлого не принимали этого и создавали предметные произведения, воплощающие лишь внешность вещей, в то время как подлинное искусство должно идти в глубь вещей, раскрывая их душу. «Центр тяжести искусства лежит не в области «формальном», но исключительно во внутреннем стремлении (содержании), повелительно подчиняющем себе формальное... Не может быть совершенной формы без совершенного содержания: дух определяет материю, а не наоборот»³, - писал В. Кандинский.

Другой практик и теоретик абстрактного искусства П. Мондриан считал, что мир чувственных впечатлений, живая реальность является источником постоянных страданий человека, в нем все изменчиво, противоречиво, люди полностью подчиняют свою жизнь погоне за материальными целями, которых они часто добиваются за счет других. Избавит человека от власти такого мира может искусство, которое способно посредством чистых форм освободить отношения людей от власти материальности, от замкнутости человека в субъективный предметный мир, от погруженности в природные формы. С формальной точки зрения для П. Мондриана символом всего замкнутого, чувственного, субъективного является круг и вообще все кривые линии: «Все больше и больше, - говорит он, - я исключал все кривые пока мое произведение не осталось только в рамках вертикальных и горизонтальных линий, образующих перекрестия, отделенные и обособленные друг от друга. Вертикали и горизонталы являются выражением двух противоположных сил; это равновесие противоположностей существует везде и подчиняет себе все».⁴

Для того, чтобы как можно дальше уйти от «живых форм», от реальности, Мондриан отвергает перспективу и светотень и работает исключительно с плоскостями. То же самое происходит у него и с цветом, его живопись состоит из трех основных цветов – синего, красного и желтого и трех не основных – черного, белого и серого, которые он называет нецвета. Так же характеризует он архитектуру, рассматривая строительный материал как цвет, а пустое пространство как нецвет.

Теорию живописи Мондриана можно рассматривать как частный случай дегуманизации искусства, о которой говорит Ортега-и-Гасет. Чтобы избавить человека от

страстей и чувств; надо подчинить его жизнь абстрактной правильности математически выверенных геометрических форм. Чувственно-материальную жизнь, по его мнению, нужно избавить от криволинейности форм, порождающих чувственность и от непредсказуемости случайных поворотов, реорганизовав ее на конструктивности прямых линий и плоскостей с помощью искусства.

Иначе подходят к пониманию художественных форм сюрреализм. По видимости он изображает конкретные предметы и человека. Но это отнюдь не реализм. Философские идеи сюрреализм черпает у З. Фрейда и Ф. Ницше. По отношению к человеку сюрреализм обладает куда более разрушительной силой, чем абстракционизм или буддизм. Сюрреалисты и своим творчеством и своим поведением взрывают все существующие нормы и правила, все ценности традиционной культуры. Как бы споря с известным высказыванием Ф. Достоевского о том, что красота спасет мир, С. Дали создает статуэтку Венеры Милосской, точно повторяя классические формы. Но по торсу и бедрам Венеры он располагает ящички, которые можно выдвинуть, и тогда видно, что внутри пустота.

Сюрреалисты имели основание так относиться к ценностям предшествующей культуры, так как провозглашаемый ею гуманизм не уберег человечество от социальных катастроф; XX в. ярче других эпох показал, что там, где речь идет о власти, могуществе, деньгах, не считаются ни с ценностями культуры, ни с человеком.

Картина С. Дали «Предчувствие гражданской войны» в своих алогичных и в то же время ужасающе-реальных формах кричит людям о том, что в действительности скрывается для них за красивыми лозунгами и речами политиков; рвущихся к власти.

Но дальше разрушения, отрицания воинствующего нигилизма по отношению к традиционной культуре, сюрреалисты не идут. Обращаясь к человеку, они видят в нем лишь темные, разрушительные инстинкты; стремятся проникнуть в сумеречные тайны к его подсознанию. Для этого они используют фрейдовский принцип «свободных ассоциаций». Сюрреализм тоже стремится уйти от реальной жизни, считая его неистинной. Истина для него заключается в некоей мистической сверхреальности, которую можно постичь, обращаясь к сфере бессознательного, данного человеку в образах сна, галлюцинаций, пограничных состояниях между явью и бредом. Скрытую алогичную жизнь души сюрреалиста передает с помощью ассоциаций, часто приобретающих болезненную форму, и сложных метафор, рассчитанных на интуитивное постижение. Один из теоретиков сюрреализма А. Бремон писал об этой сверхреальности: «Сюрреализм представляет собой чистый психологический автоматизм, с помощью которого — словами, рисунком и любым другим способом — делается попытка выразить действительное движение мысли. Эта запись мышления вне всякого контроля разума и по ту сторону каких бы то ни было эстетических или моральных соображений. Сюрреализм основан на вере в высшую реальность определенных, до этого игнорировавшихся форм ассоциаций, во всемогущество сна, в нецеленаправленную игру мышления... Я верю в будущее соединения этих двух, с первого взгляда, столь противоречивых друг другу, состояний — сна и действительности в некую абсолютную реальность — сверхреальность»⁵.

Итак, можно сделать следующий вывод. Искусство XX в., стремясь избавиться от всего, что оно считало внехудожественным, внеэстетическим, отказывается от изображения реальности и от человека, не считая его больше предметом искусства, который заслуживает их внимания. Но в то же время они не хотели заниматься пустой игрой форм. С помощью беспредметности или алогичной предметности они намеревались раскрыть высший смысл бытия или его тайные глубины, т.е. и сами художники, и публика по-прежнему ожидали от искусства ответа на волнующие обще-

ство проблемы, тех или иных основополагающих истин. Но отдельно взятые направления или художники не могли решить такой задачи. Поэтому многочисленные стили быстро иссякают, художник начинает стремиться утвердить себя не только своими творческими возможностями, но эпатажем, разрушением ради разрушения, изобретательностью вместо творческой фантазии. Так возникают такие направления, как поп-арт, оп-арт, боди-арт, кинетическое искусство и другие, быстро сменяющие друг друга, как только интерес к ним угасает. Таким образом, дегуманизация искусства во второй половине XX в. приходит к своему логическому концу, перемещаясь постепенно к деструкции.

1. Самосознание европейской культуры XX века – М., 1991. С.243-244.
2. Самосознание европейской культуры XX века – М., 1991. С.252.
3. Цит. по Раппорт С.Х. Неизобразительные формы в декоративном искусстве – М., 1968. С.139.
4. Цит. по Модернизм. Анализ и критика основных направлений – М., 1969. С.97.
5. Цит. по Модернизм. Анализ и критика основных направлений – М., 1969. С.148-149.

KULTURA JAKO ISTOTNY CZYNNIK INTEGRACJI SĄSIEDZKICH NARODÓW SŁOWIAŃSKICH

Adam Sawicki

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Cechą charakterystyczną rozwoju dzisiejszej Europy, a również i świata jest dążenie do na różne sposoby rozumianej integracji całych społeczności i narodów. Powstają organizmy i instytucje o wymiarze ponadnarodowym, które starają się maksymalnie rozszerzyć swój zasięg oddziaływania, ale również narody i państwa, które pozostają poza ich zasięgiem dążą do tego, aby wejść w orbitę ich wpływów, a następnie stać się ich członkami. Charakterystycznymi przykładami może tu być rozszerzanie się w Europie zasięgu terytorialnego Unii Europejskiej czy NATO. Ma to w efekcie przynieść większą stabilność życia na kontynencie, wzrost dobrobytu i bezpieczeństwa. Zjawisko tak rozumianej integracji jest postrzegane jako naturalne i odczytuje się je również w kontekście światowych procesów globalizacyjnych. Przewaga podejścia uniwersalistycznego nad partykularnym wydaje się być czymś oczywistym i prawda ta traktowana jest jako wręcz aksjomat.

Rodzi się jednak pytanie, czy te procesy integracyjne nie mają wymiaru nadmiernie instytucjonalnego i czy nadmierny formalizm, wynikający z konieczności spełnienia warunków dostosowania się przez poszczególne, aspirujące do wstąpienia do tych organizacji, narody państwa nie rodzi niebezpieczeństwa osłabienia albo wręcz utraty kulturowej tożsamości. Korzyści ekonomiczne i cywilizacyjne wynikające z integracji, nie zawsze zresztą od razu widoczne, często przesłaniają wagę tego zagadnienia. Dlatego należy zachowywać rozwagę i warunki integracji poddawać ogólniejszej debacie.

Można powiedzieć, że kultura stanowi wartość najbardziej uniwersalną dla bytowania ludzkich zbiorowości. Jednak uniwersalizm kultury nie oznacza, że istnieje jeden, powszechnie obowiązujący jej typ. Uniwersalizm kultury to prymat wymiaru duchowego w życiu ludzi; niezależnie od tego, jakie obszary świata i nacje reprezentują. Swoistość istnienia człowieka wyraża się w tworzeniu kultury, jako tego obszaru, który wynosi go ponad przyrodniczą rzeczywistość. Człowiek żyje w świecie przyrodniczym, natomiast realizuje się w obszarze kultury. Kultura stanowi jakość duchową i metafizyczną, nadając ludzkiemu istnieniu sens i kierunek. Dialektyka istnienia w naturze i w kulturze powoduje, że proces

tworzenia wartości kultury jest nieustannym wysiłkiem zmagania się z tym, co im od strony natury zagraża. Człowiek i społeczeństwa istnieją w czasie i przestrzeni, w określonych układach materialnych i historycznych. Istniejące kultury natrafiają na opór tych warunków i muszą się z nimi zmagać. Można wskazać na liczne kultury, które należą do przeszłości (na przykład mezopotamska, egipska, klasyczna, bizantyjska), chociaż znamy, w mniejszym lub większym stopniu, ich wytwory. Kultury zachowują ciągłość przez tysiące lat, co nie oznacza, że są wieczne. Jednak samo dążenie do tworzenia i utrzymywania kultur jest procesem ciągłym. Co więcej, zachowują one swoją odrębność i odmienność. Samuel Huntington wyróżnia osiem współcześnie istniejących kultur (używa on określenia „cywilizacja”, która stanowi „największą jednostkę kulturową”): chińska, japońska, indyjska, islamską, zachodnią, prawosławną, latynoamerykańską, afrykańską. Zasadą podstawową wyznaczającą odrębność tych kultur jest typ wyznawanych w ich obrębie religii.

Tworzenie kultury jest czymś uniwersalnym, natomiast nie oznacza to, że istnieje coś takiego jak kultura uniwersalna. Prawdę tę należy mieć na względzie, gdy rozważa się realia współczesnego, globalizującego się świata i procesy integracyjne, jakie mają miejsce w Europie. Nie da się przejść do porządku dziennego nad wszystkimi odmiennościami kulturowymi, ponieważ prędzej czy później dadzą one znać o sobie. Widać to dobrze na przykładzie krajów słowiańskich, które przynależą do dwóch kultur: zachodniej i prawosławnej. Podział ten wynika z tego, że kultura zachodnia kształtowała się na bazie katolicyzmu i później również protestantyzmu, natomiast prawosławna była spadkobierczynią Bizancjum. Oczywiście odmienność tych kultur nie ma charakteru tak zasadniczego, jak na przykład relacja kultury zachodniej do świata islamu czy hinduizmu, ponieważ mamy tu do czynienia z tymi samymi korzeniami chrześcijańskimi. Tym niemniej historyczny rozwój świata zachodniego i prawosławnego przebiegał w inny sposób, co odcisnęło swoje piętno na kulturze tych części Europy. To zaś z kolei ma swój wpływ na stosunek do procesów integracyjnych. Jak zauważa Huntington: „Kraje, które poczyniły największe postępy w pozbywaniu się spadku po komunizmie i transformacji w kierunku demokratycznej polityki i gospodarki rynkowej, oddziela od tych, które tego nie dokonały 'linia rozgraniczająca katolicyzm i protestantyzm z jednej i prawosławie z drugiej strony'. [...] Polacy mówią, że są częścią Zachodu, odkąd w X wieku wybrali chrześcijaństwo obrządku łacińskiego, łacińskiego nie bizantyjskiego. Mieszkańcy wschodnioeuropejskich krajów prawosławnych mają dla odmiany ambiwalentny pogląd na dzisiejsze podkreślanie tej linii kulturowego podziału. Bułgarzy i Rumunii dostrzegają korzyści wynikające z przynależności do Zachodu i jego instytucji, ale utożsamiają się także ze swoją prawosławną tradycją. Bułgry zaś z bliskimi historycznymi związkami z Rosją i Bizancjum”³.

Faktem jest jednak, że niejako wbrew tej tradycyjnej linii podziału nastąpiło jednak wciągnięcie takich prawosławnych państw, jak Bułgaria, Rumunia, a znacznie wcześniej Grecja w orbitę wpływów Zachodu. W tym kierunku zdaje się też zmierzać Ukraina. Huntington wskazywał na różnego rodzaju osobliwości i odmienności polityki prowadzonej przez Grecję, w ramach struktur zachodnich, co miałoby potwierdzać tezę, o pewnej nieprzekraczalności barier kulturowych. Trudno prognozować, jak będzie przedstawiać się sytuacja z innymi krajami prawosławnymi w tych strukturach, tym niemniej odmienności mogą dać znać o sobie. Skłonność tych państw do integrowania się z Zachodem wynika z potrzeb bieżących, natury ekonomicznej i politycznej oraz militarnej, natomiast kontekst kulturowy często jest niedostatecznie postrzegany. Trzeba jednak zwrócić uwagę i na to, że relacja pomiędzy światem prawosławnym i zachodnim historycznie rzecz biorąc nie zawsze była jednoznaczna, czarno – biała. Huntington wyróżnia tak zwane kraje rozszczepione i kraje na rozdrożu. „[...]w kraju rozszczepionym główne grupy ludności, należące do dwóch lub więcej cywilizacji, mówią 'jesteśmy różnymi narodami i należymy

³ S. Huntington, *Zderzenie cywilizacji*, przeł. H. Jankowska, Warszawa 2003, s. 266-267

gdzie indziej! Działają tu siły odpychania, grupy, o których mowa, ciągną ku cywilizacjom innych krajów. Kraj na rozdrożu ma dla odmiany jedną dominującą kulturę, za której sprawą należy do określonej cywilizacji, ale jego przywódcy chcą, by znalazł się w obrębie innej. Ich hasło brzmi: "Jesteśmy jednym narodem i należymy do określonego miejsca, ale chcemy to miejsce zmienić. W odróżnieniu od ludności krajów rozszczępionych, mieszkańcy krajów na rozdrożu zgodni są co do tego, kim są, ale brak wśród nich jednomyślności, którą cywilizacja mają uważać za własną".⁴ Jako przykład słowiańskiego kraju rozszczępionego podaje Ukrainę dzielącą się na unicki i mówiący po ukraińsku zachód i rosyjskojęzyczny prawosławny wschód. Natomiast przykładem kraju na rozdrożu ma być Rosja, w której od czasów co najmniej Piotra I toczy się spór o to, czy jest ona częścią świata zachodniego, czy też jest centrum cywilizacji prawosławnej i euroazjatyckiej, co znajdowało swój wyraz w nieustannym sporze pomiędzy okcydentalistami i słowianofilami. Chociaż czynnikiem różnicującym kultury jest religia, to jednak pewien wpływ na ich sposób istnienia mają rządzący i intelektualne elity. Wyrastając ze swojej kultury mogą jednak w różny sposób postrzegać jej atrakcyjność, w porównaniu do innych kultur, zwłaszcza sąsiadujących.

Myślenie w kategoriach ekonomicznych i materialnych, które za sprawą Zachodu pojawiło się w wieku XVIII, narastało w wieku XIX, aby stać się dominującym w XX niewątpliwie przyczyniło się do zaburzenia tradycyjnych relacji między wielkimi kulturami, które były bardziej świadome swojej odrębności. Stąd bierze się zacieranie wyraźnych linii granicznych między nimi i proklamowany przez wielu triumf myślenia w kategoriach światowej globalizacji. Można powiedzieć, że kultura zachodnia, chociaż ukształtowana na bazie łacińskiego chrześcijaństwa, oderwała się od swoich religijnych i duchowych korzeni, zsekularyzowała się i swoimi sztandarowym hasłem uczyniła ideologię konsumpcjonizmu. Odrodzenia religijne dotyczy bardziej innych kręgów kulturowych, aniżeli kultury zachodniej. Ten zanik żywotnych sił duchowych Zachodu od już dość dawna jest postrzegany jako jego zmierzch. Religia i kultura Zachodu staje się coraz bardziej synkretyczna i niejednorodna. Zachód przestaje być atrakcyjny kulturowo dla innych kultur. Jak zauważa Huntington: "Przez parę wieków ludy z innych kręgów kulturowych zazdrościły społeczeństwu Zachodu rozkwitu gospodarczego, rozwoju technicznego, potęgi militarnej i spójności politycznej. Tajemnicy tych sukcesów upatrywano w zachodnich wartościach i instytucjach. [...] Teraz, kiedy nie są już słabe, lecz coraz bardziej rosną w siłę, nie wahają się krytykować tych samych wartości, którymi posługiwały się przedtem do obrony swoich interesów".⁵

Jak, uwzględniając powyżej przedstawiony stan rzeczy, można postrzegać przyszłość narodów słowiańskich? Czy pojęcie Słowiańszczyzny i wspólnoty słowiańskich narodów posiada w dzisiejszym świecie jakąś pozytywną treść? Jaki czynnik może w istotny sposób przyczynić się do integracji tych narodów?

Kulturowy podział Słowiańszczyzny, jeśli opowiadać się za koncepcją Huntingtona, ma charakter dość zasadniczy i historycznie ugruntowany. Z drugiej strony mamy do czynienia z globalizacją, która wytwarza pozorną wspólnotę państw i narodów, tworząc naskórkową tylko powszechną kulturę, opartą na wzorcach wywiedzionych z ideologii zachodniej demokracji, liberalizmu i myślenia ekonomicznego, bez pogłębionego wymiaru duchowego. Z kolei europejskie procesy integracyjne mają na względzie cele ekonomiczne i polityczne, nie prowadząc do faktycznego dialogu kultur narodów, będących członkami organizacji, w których dominuje głównie język biznesu i prawa.

Wydaje się, że integracja sąsiedzkich narodów słowiańskich jest możliwa głównie w ramach kultury. Niekoniecznie należy przyjmować perspektywę najszerszą, jak czyni to Huntington. Koncepcja najszerszych kręgów kulturowych, czyli odrębnych cywilizacji nie jest jedyną. Można bowiem odwołać się do pojęcia kultury, rozumianej jako pewna wy-

⁴ tamże, s.224

⁵ tamże, s.140

jęciowa jedność etniczna. Huntington traktując religie jako pewne osie organizujące cywilizacje światowe miał na myśli, jak się wydaje, tak zwane wielkie religie, które jednak pojawiły się w późniejszym już etapie ewolucji świadomości religijnej. Te wielkie religie, takie jak hinduizm, buddyzm, taoizm, chrześcijaństwo czy islam porządkowały w sposób bardziej zasadniczy duchowość człowieka, wprowadzały bardziej utrwalone formy ładu w jego odniesieniu się do wszechświata. Jednak kultury wcześniejsze były oparte głównie na zasadzie etnicznej, dopuszczającej większe bogactwo wierzeń religijnych przy jednoczesnym odróżnieniu „swoich” od „obcych” na podstawie zwyczaju i języka, które wyrażały jakby odrębną metafizykę istnienia poszczególnych grup etnicznych.

Słowianie, w tym znaczeniu, stanowią pewną odrębną całość, która jest bardziej pierwotna niż późniejsze całości kulturowe. Dlatego mogą dziś być wynawcami chrześcijaństwa bizantyjskiego czy łacińskiego, a nawet islamu (jak Bośniacy), a jednocześnie czuć jakąś podskorną, bardziej pierwotną więź. Można więc mówić o swoistej słowiańskiej metafizyce, która przejawia się choćby w podobieństwach języków słowiańskich czy osobliwościach mentalności. To samo można powiedzieć o ludach romańskich, germańskich, anglosaskich czy skandynawskich. Kultura Słowian niewątpliwie posiada swoje odrębne cechy i dlatego mimo upływu wieków potrafimy znaleźć wspólne korzenie. Istota słowiańskości jest może trudniejsza do nazwania, określenia, wyartykułowania, aniżeli przynależność do kultury zachodniej czy prawosławnej, ale jest intuicyjnie uchwytna. Dusza słowiańska, słowiańskie serce wyrażają bardziej archaiczne, źródłowe jakości istnienia, aniżeli to wszystko według czego później poszczególne narody słowiańskie się identyfikowały. Archetyp słowiańskości jest więc czymś w dalszym ciągu obowiązującym, choć być może nie zawsze do końca uświadomianym. Wskazanie słowiańskiego mitu nie jest zatem tworzeniem bytu pozomego, ale ma charakter poszukiwania rzeczywistości źródłowej. Tak jak większość ludzi odnajduje w trudnych momentach swojego życia poczucie stabilności, swoisty duchowy azyl, gdy powraca do lat swojego dzieciństwa i niedojrzałości, to również to samo dzieje się z wyrastającymi z jednego pnia etnicznego narodami.

Kultura oznacza pielęgnację początków i odnajdywanie się w tych początkach. Dlatego rzeczywista integracja narodów słowiańskich nie musi się dokonywać w pewnych z góry określonych ramach, nie musi mieć charakteru programowego. Wspólnota słowiańskiej kultury to obszar swobodnego spotkania. Podobnie jak w swoich początkach Słowianie w sposób swobodny określali się wobec żywiołu przyrody, przez jedność mowy, zwyczajów i mitologii tworząc swoją odrębność, tak samo i dzisiaj powinni mieć na względzie tę źródłową spójność. Swoistość etniczna wyraża się, mówiąc inaczej, bardziej poprzez charakterystyczną dla danego etosu poetyckość, mitologiczność, aniżeli prozaiczną twardość realiów. Dlatego nigdy nie da się do końca zracjonalizować. Projekty wielkiej wspólnoty słowiańskiej, w rodzaju tych, które snuli Adam Mickiewicz czy Włodzimierz Sołowiow nie są więc czczymi mrzonkami, ale wyrażają głębsze stany rzeczywistości. Nie przypadkiem wyrażane były przez ludzi obdarzonych szczególną poetycką czy metafizyczną wrażliwością.

Podstawową zatem szansą narodów słowiańskich tkwi w jedności ich kultury. Faktyczne uświadomienie tej jedności może zaowocować również zbliżeniem w innych, raczej bardziej materialnych, niż świadomościowych sferach. Ważne jest to, aby nie odwracać porządku rzeczy. Losy narodów wyznacza synteza czynnika prospektywnego i retrospektywnego. Chodzi o właściwe wyważenie proporcji w tej mierze. Zderzenie cywilizacji, o którym pisze Huntington, nie musi być prawdą nadmiernie absolutyzowaną. Możliwa jest bowiem sąsiedzkie współistnienie narodów, uwzględniające ich jedność etniczną, ponad podziałami wynikającymi ze współczesnych realiów epoki globalizacji. Fakt, że jedne spośród narodów słowiańskich należą, a inne nie należą do europejskich organizacji nie powinien przesądzać o charakterze relacji pomiędzy nimi. Odwoływanie się do przeszłości i jej poznawanie może przyczynić się do przełamania wielu barier, które powstały z racji czynników politycznych i ekonomicznych. Wymaga to jednak położenia większego nacisku na czynniki kulturowo – etniczne.

МИРОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ РЕГИОНА ЕВРОПЫ ЮНЕСКО.

Сергеева Ю.И.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
г. Минск, Беларусь

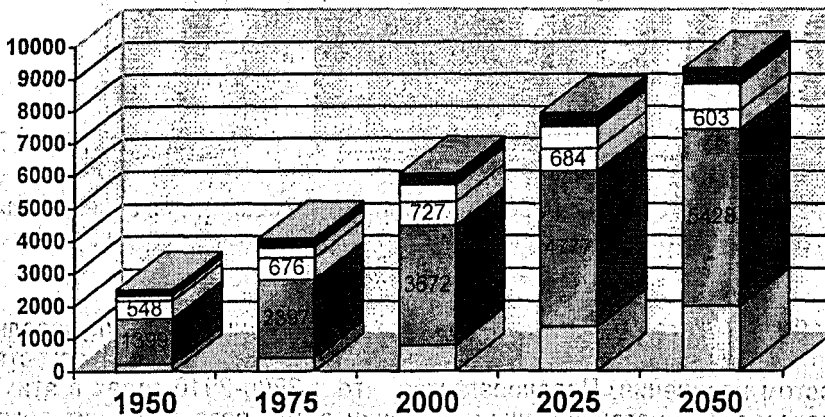
Рост численности населения планеты в XX веке не имеет аналогов в истории развития нашей цивилизации. За период с 1900 по 2000 год численность населения в мире возросла с 1.6 млрд. до 6.1 млрд. человек, т.е. примерно в 4 раза. 80 % такого увеличения приходится на период после 1950 года.

Резкое увеличение численности населения меняет наш мир, открывает огромные возможности и порождает новые проблемы для всех стран. Изменения мировой демографии, интересным образом отразились на таком аспекте культуры как высшее образование. Мониторинг изменений населения на планете, проводимых ООН на протяжении многих лет, дает интересный материал для анализа влияния демографии на академическую мобильность в области высшего образования в Регионе Европы ЮНЕСКО во второй половине XX – начале XXI века.

Регион Европы ЮНЕСКО включает 51 страну. Статистические данные ООН показывают, что во второй половине XX века численность населения Европы была сравнительно небольшой по отношению к численности населения в мире. В период после 1994 года доля населения Европы сократилась. (Диаграмма 1).

Диаграмма 1

ЧИСЛЕННОСТЬ МИРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗБИВКЕ ПО ОСНОВНЫМ РЕГИОНАМ (МЛН.), 1950-2050 ГОДЫ

■ Африка ■ Азия □ Европа □ Латинская Америка ■ Северная Америка □ Океания

Источник: Народонаселение, образование и развитие. Краткий доклад ООН, 2003г. С.8

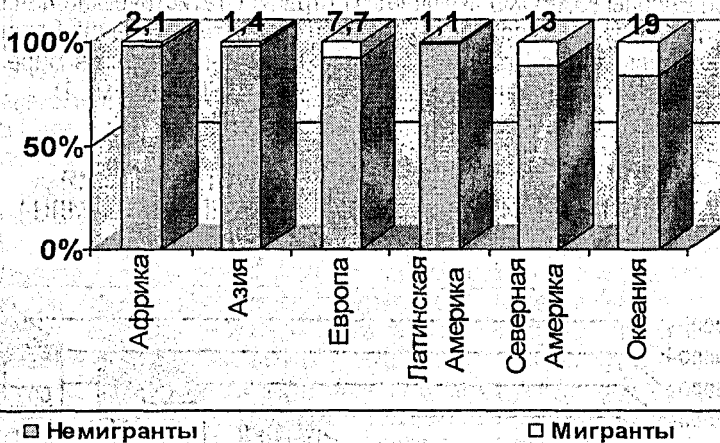
Население стран Европы постепенно уменьшается. К 2050 году прогнозируется уменьшение численности населения в 32 странах Европы. Наименьший показатель будет в Великобритании (0,8%); наибольший (46,1%) в Эстонии. В Белоруссии к 2050 году прогнозируют сокращение численности населения на 18,5 %, в России на 28,3%. [1, С.17.]

Процесс старения населения по данным ООН носит глобальный характер. К 1998 году изменение соотношения доли стариков и молодежи произошло в более развитых регионах. В 2000 году лица в возрасте 60 лет и старше в более развитых регионах составляли почти пятую часть населения. Если учесть и численный показатель населения, то можно сделать вывод, что Регион Европы ЮНЕСКО является менее населенным и имеет более высокий возрастной показатель (не берется во внимание плотность населения) [5,13.]

При проведении анализа народонаселения нельзя не учитывать миграционные процессы в мире. В последние годы международная миграция постоянно растет. Отмечается беспрецедентный рост международной миграции в страны Европы, Северной Америки, Австралии. (Диаграмма 5)

Диаграмма 5.

Доля мигрантов в численности населения по регионам мира. (В %).

Источник: Обзор и оценка прогресса, достигнутого в реализации целей и задач Программы действий Международной комиссии по народонаселению и развитию ООН. Доклад за 2004 год. С.5.

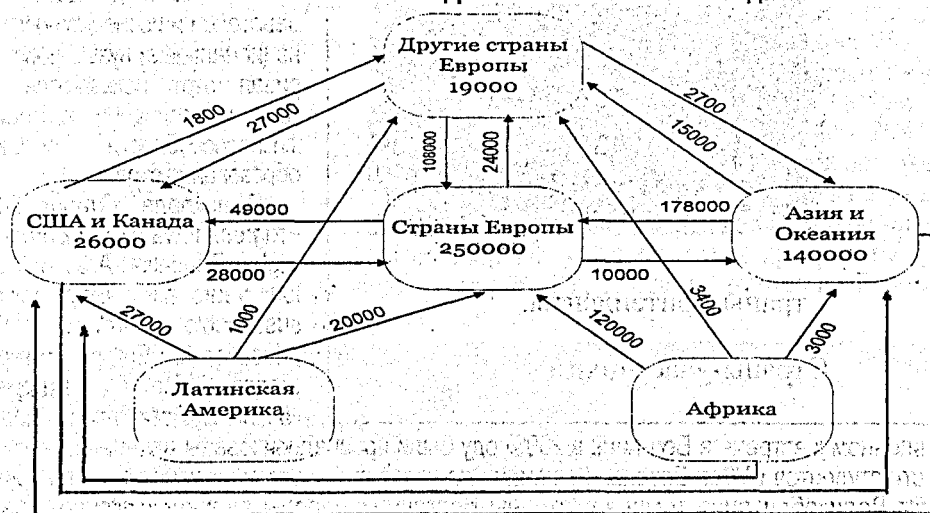
В 1990-2000 годах в более развитых странах чистая международная миграция способствовала приросту населения по сравнению с естественным приростом населения. Предполагается, что в 2000-2010 годах в этих регионах показатель чистой внешней миграции в три раза превысит показатель естественного прироста населения. [2, С. 5]

Существуют значительные различия между странами в том, что касается уровня образования мигрантов и немигрантов. В Соединенных Штатах и странах Западной Европы международные мигранты отличаются более низким уровнем образования по сравнению с местным населением. Что же касается стран иммиграции в Южной Европе, то международные мигранты, как правило, имеют более высокий уровень образования, чем представители коренного населения. [6, С.100.]

Увеличение числа иностранных студентов во многих странах свидетельствует об увеличении международной мобильности студентов. В основном международные студенты концентрируются в развитых странах. По состоянию на конец 90-х годов принимающих стран, в которых обучалось свыше 10000 иностранных студентов, в мире насчитывалось примерно 23. В 1999 году были зафиксированы следующие направления и количественный показатель мобильности студентов в мире (Рисунок 2).

Рисунок 2.

**НАПРАВЛЕНИЯ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ
МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В МИРЕ. 1999 год.**

Источник: Trends 2003 Progress towards the European Higher Education Area Bologna four years after: Steps toward sustainable reform of higher education in Europe A report prepared for the European University Association. С. 73.

Соединенные Штаты являются самой привлекательной страной для людей, желающих получить образование за границей; за ними следует Соединенное Королевство, Германия и Франция. Относительно большая доля иностранных студентов характерна для высшего образования в Австралии, Австрии, Бельгии, Ливане, Швейцарии.

Всего несколько десятилетий назад миграция с целью получения образования рассматривалась как возможность, которой могли воспользоваться преимущественно избранные представители элиты, которые отправлялись на учебу в государственных, а не в личных интересах. Однако в последнее время процесс миграции студентов, ставший более многосторонним, начал развиваться в ином контексте.

Создание единого европейского образовательного пространства и поднятие престижа европейской системы высшего образования является одним из основных направлений развития ЕС в ближайшее время. Демографические вызовы современности и процессы глобализации экономики и культуры поставили высшие учебные заведения в странах Региона Европы ЮНЕСКО перед необходимостью выработки новой стратегии своей жизне-деятельности. Страны Региона, несмотря на различные со-

Страны-участники Общеввропейского пространства высшего образования и исследований.

Страны-претенденты.

Страны-участники.

циально-экономические условия, заинтересованы в распространении качественного европейского высшего образования по всему миру.

Развитие академической мобильности в странах, подписавших «Болонские соглашения», предполагает значительное увеличение притока иностранных студентов, преподавателей и исследователей в национальные вузы, рассматривая этот показатель как один из основных критериев жизнеспособности высшего образования страны.

В докладе «Trends 2003 Progress towards the European Higher Education Area Bologna four years after: Steps toward sustainable reform of higher education in Europe A report prepared for the European University Association», подгото-

товленном к встрече в Берлине в 2003 году были проанализированы данные по мобильности студентов ВУЗов Европы. Как видно на карте, в Европе наибольшее число принимает Великобритания тогда как страны Восточной Европы являются экспортерами студентов в ВУЗы других стран. (Рисунок 3).

Рисунок 3

Сравнительный анализ академической мобильности в странах Европы.

Сравнительный баланс экспорта и импорта

Доминирует импорт

Источник: Trends 2003 Progress towards the European Higher Education Area Bologna four years after: Steps toward sustainable reform of higher education in Europe A report prepared for the European University Association. С. 32.

В настоящее время особое внимание обращается на человеческий фактор, будь то в интересах экономической целесообразности, государственной безопасности или феномен взаимопроникновения культур. Анализ национального состава студентов выявил преобладание в ВУЗах Региона Европы студентов из Европы. Студенты из Азии и Океании явно предпочитают США и Канаду, чем страны Европы, в качестве места обучения (63% и 37% соответственно). Напротив, жители Африки (75%) предпочитают обучение в Европе, и только 25% - в Северной Америке.

Большинство ВУЗов Европы (52% университеты и 46% другие ВУЗы) ориентируются на обслуживание национального рынка образования. 22% ВУЗов считают для себя приоритетом региональный или местный уровень обслуживания. (20% и 2% соответственно). Только 23% университетов ориентируются на международный рынок образовательных услуг. (7% - Европа, 16% иные страны мира). Иные категории ВУЗов высказались за региональный приоритет деятельности (10%) и около 5% - за международную деятельность. Прослеживается разница среди стран Европы в отношении ориентации на международный рынок. Так, в университетах Австрии на международный рынок ориентируются 25% учебных заведений; в Бельгии - 25%; во Франции - 29%; Германии - 31%; Голландии - 40%; Соединенном Королевстве - 52%. [3, 102] Следует заметить, что экономические и инженерные ВУЗы расценивают себя менее региональными учебными заведениями с более международной ориентацией деятельности (Рисунок 5). Рассматривая географические приоритеты деятельности ВУЗов Европы, выяснилось, что 92% ВУЗов ориентируются на Европейский союз, 62% упомянули Восточную Европу.

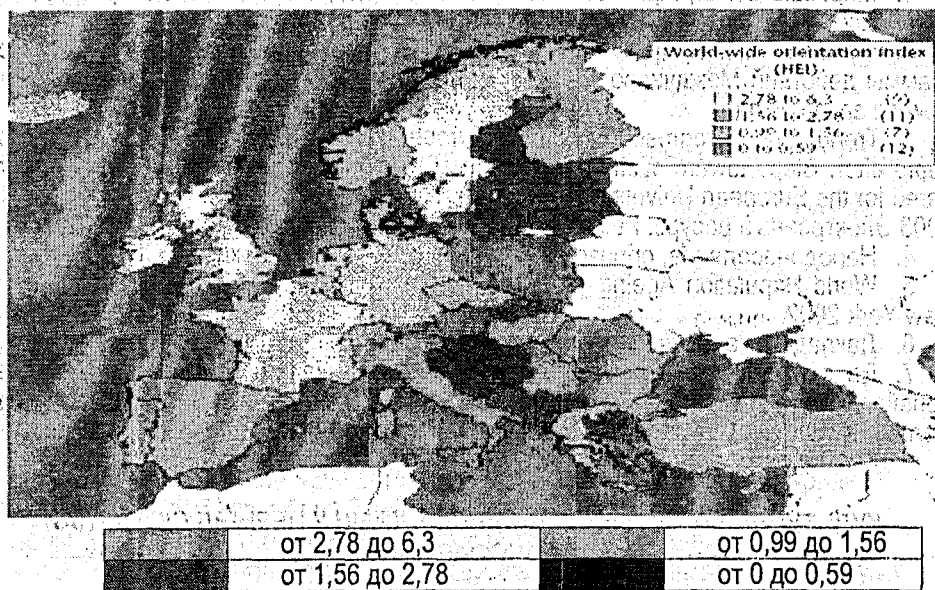

Рисунок 5

Примерный индекс ориентации на международную деятельность ВУЗов Европы.
(от 1 до 10 пунктов)

Источник: Trends 2003 Progress towards the European Higher Education Area Bologna four years after. Steps toward sustainable reform of higher education in Europe A report prepared for the European University Association. С. 102.

США и Канада стоят на 3 месте по привлекательности (57%). Азия упоминается в качестве приоритетной области деятельности в 46% университетов и 35% других ВУЗов Европы. Латинская Америка стоит на 5 месте после Азии в области приоритета для университетов и других ВУЗов (39% и 27% соответственно). Такие регионы как Африка (24%), Австралия (23%) и Арабские страны (16%) в качестве желаемых областей деятельности были упомянуты в менее чем 25% ответов. [3, с.84.]

Подводя итог, можно сказать, что развитию академической мобильности в условиях демографического спада в странах Региона Европы ЮНЕСКО придаётся все большее значение как одному из ключевых факторов национального развития. ВУЗы Европы ведут активную работу по привлечению иностранных студентов, постепенно расширяя области деятельности не только на Регион Европы ЮНЕСКО, но и на другие регионы мира. Болонский процесс призван вернуть Европе главенствующую роль в качестве объекта для зарубежных исследований, которая была отдана Соединенным Штатам Америки. В Болонской Декларации сказано: «Мы должны с особым вниманием контролировать повышение конкурентоспособности европейской системы высшего образования в мире. Жизнеспособность и эффективность любой цивилизации измеряются в действительности привлекательностью ее культурных ценностей, то есть степенью влияния на другие страны. Мы должны быть уверены, что европейская система высшего образования обладает в мире той степенью привлекательности, которая соответствует значимости наших выдающихся культурных и научных традиций» [7]

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировые демографические тенденции. Доклад Генерального секретаря ООН на 34 сессии Комиссии ООН по народонаселению и развитию. 26.04.2001
2. Обзор и оценка прогресса, достигнутого в реализации целей и задач Программы действий Международной комиссии по народонаселению и развитию ООН. Доклад за 2004 год.
3. Trends 2003 Progress towards the European Higher Education Area Bologna four years after: Steps toward sustainable reform of higher education in Europe A report prepared for the European University Association by Sybille Reichert and Christian Tauch July 2003 Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.unige.ch/eua>
4. Народонаселение, образование и развитие. Краткий доклад ООН, 2003г.
5. World Population Ageing 1950-2050. Population Division, DESA, United Nations. New York 2002.
6. Доклад аб чалавечым развіцці 2004. Мн., 2004.
7. Европейское пространство высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования, подписанное в Болонье 19 июня 1999. Интернет: Болонский процесс в России <http://www.bologna.mgimo.ru>

КУЛЬТУРНАЯ ПАЛІТЫКА СЛАВЯНСКІХ КРАІН У ПЕРЫЯД СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ

Крывашэй Д.А.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск, Беларусь

Змены, якія адбыліся ў славянскіх краінах у канцы 80-х – пачатку 90-х гадоў мінулага стагоддзя, закранулі ўсе бакі грамадскіх адносін: палітычную сістэму, эканамічную сферу, спосаб і ўзровень жыцця грамадзян, нацыянальныя адносіны, а таксама непасрэдна псіхалогію асобы. У такой сітуацыі была заканамернай і неабходнай трансфармацыя ў сферы культуры. Галіна культуры апынулася ў жорсткіх рамках рынкавых адносін, што

аказала істотны ўплыў на яе стан. Гвалтоўна паменшыліся бюджэтныя ўкладанні ў культуру. Большасць прынятых органамі ўлады нарматыўных актаў, якія рэгулявалі адносіны ў сферы культуры, насілі дэкларатыўны характар і не выконваліся. Рэзка пагоршылася матэрыяльнае становішча галіны ў цэлым а таксама творчых работнікаў. Культурныя ўстановы ў такіх умовах усё часцей былі вымушаны замяняць бясплатныя формы працы на платныя. У працэсе спажывання прапанаваных грамадству культурных даброт пераважалі хатнія формы. Як вынік гэтага, адбылося зніжэнне ўдзелу ў публічных культурных акцыях.

У самым асяродзі творчых работнікаў адбылася вострая дыферэнцыяцыя, падзел гэтай групы на прывілігаваную эліту і на барыкаючуюся ў нястачы астатнюю масу дзеячаў культуры. Неаднародная і сама культура. У яе складзе можна выдзяліць некалькі складаючых элементаў ці субкультур, менавіта: "постсавецкую", элітарную, ліберальна – інтэлігентскую, камерцыйную, масавую, крымінальную; сярод якіх пануючай з'яўлялася элітарная.

Прыватныя мецэнаты і спонсары толькі неістотна выканалі чаканні, якія на іх былі ўскладзены, і не маглі замяніць дзяржаву, якая адышла ад мецэнатства над культурай. Рынак аказаўся добрым рэгулюючым механізмам толькі ў адносінах некаторых культурных даброт і паслуг. Частка культурных устаноў была ліквідавана, а заробкі працуючых у тых, якія засталіся, былі блізкімі сацыяльнаму мінімуму. Развіццё культуры апынулася на парозе новай, не пазбегшай множнасці праблемаў, арганізацыйна – праўнай і эканамічнай сітуацыі. Менавіта ў такой сітуацыі з'явіліся грамадскія чаканні на ўмяшальніцтва дзяржавы ў сферу культуры, а палітычным адказам на яе сталі распрацаваныя ў розных формах і розным спосабам дакументы, якія ўтрымоўвалі асновы культурнай палітыкі дзяржавы.

Бум на фармальную выпрацоўку дакументаў па культурнай палітыцы прыпадае на другую палову 90-х. Хоць ён і не датычыць у роўнай ступені ўсіх славянскіх краін.

Больш поўнае ўяўленне аб асноўных праграмных дакументах славянскіх краін па культурнай палітыцы дае табліца 1.

Табліца 1. Асноўныя праграмныя дакументы па культурнай палітыцы славянскіх краін у перыяд трансфармацыі

Польшча	– 1991, кастрычнік – Закон аб арганізацыі і правядзенні культурнай дзейнасці – 1993 – урадавы дакумент "Культурная палітыка дзяржавы" – 1999 – "Напрамкі культурнай палітыкі ўрада"
Харватыя	– 1993 – Праграма культурнага развіцця рэспублікі
Украіна	– 1992 – Асновы заканадаўства аб культуры – 1997 – Канцэптуальныя кіруючыя прынцыпы выканаўчых улад адносна развіцця культуры – 2000 – Закон аб абароне культурнай спадчыны – 2004 – Закон "Канцэптуальныя асновы дзяржаўнай культурнай палітыкі Украіны на 2005 – 2007 гг."
Славенія	– 1992 – Стратэгічная праграма развіцця культурнай палітыкі
Расійская Федэрацыя	– 1992 – Закон "Асновы заканадаўства Расійскай Федэрацыі аб культуры" – 1993 – Федэральная праграма "Захаванне і развіццё культуры і мастацтва (1993 – 1995 гг.)" (выкананне працягнута да 1996 г.) – 1997 – Федэральная праграма "Развіццё і захаванне культуры і мастацтва Расійскай Федэрацыі (1997 – 1999 гг.)" – 2000 – Федэральная мэтавая праграма "Культура Расіі (2001 – 2005 гг.)"
Беларусь	– 1990 – Закон аб культуры – 2000 – Дзяржаўная праграма "Функцыянаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь (1999 – 2005)"

Як можна заўважыць, у табліцы адсутнічаюць звесткі па некаторых славянскіх краінах, што звязана альбо з адсутнасцю такога кшталту дакумента (Чэхія, Славакія), альбо адсутнасцю дадзеных (Сербія).

Агульны аналіз дакументаў па культурнай палітыцы славянскіх краін дазваляе вызначыць кіруючыя прынцыпы новай культурнай палітыкі, характэрныя для большасці краін, якія знаходзяцца ў стадыі трансфармацыі. Сярод асноўных:

- дэідэалагізацыя культуры і мастацтва;
- гарантыя культурнай дэмакратыі;
- пошук новых арыенціраў ў фінансаванні культуры і мастацтва;
- дэцэнтралізацыя, якая разглядаецца як перадача часткі паўнамоцтваў мясцовым органам улады;
- стварэнне новых заканадаўчых падставаў для развіцця сферы культуры ў новых умовах.

Найбольш папулярнымі ў дакументах па культурнай палітыцы становяцца словазлучэнні "дэмакратыя", "грамадзянская супольнасць", "культурная спадчына", "камерцыялізацыя культуры" і т.п. Напрыклад, у дакуменце польскага ўрада "Культурная палітыка дзяржавы" у 1993 г. было запісана, што "дзяржаўная культурная палітыка ў Польшчы павінна спрыяць развіццю дэмакратыі, грамадзянскай супольнасці, спрыяць творцам і культурным установам у знаходжанні ў эканамічнай сістэме, якая абапіраецца на рынковыя ўмовы, забяспечваць ахову найкаштоўнейшых культурных вартасцей, праводзіць і рэалізоўваць заканадаўчыя акты, якія спрыяюць новым формам дзейнасці". [1, 346 – 347]

Сярод славянскіх краінаў асобна стаіць Расія – краіна з федэратыўнай дзяржаўнай сістэмай. У ёй побач з федэральнымі праграмамі па развіццю культуры ў 90-я гады ў шэрагу суб'ектаў (у рэспубліках Алтай, Тува, Хакасія, Кастрамской, Ленінградскай, Омскай, Пермскай, Пскоўскай, Смаленскай, Цвярскай абласцях) былі распрацаваны тэрытарыяльныя праграмы культурнага развіцця.

Федэратыўны лад патрабуе вырашэння спецыфічных праблем. У Нацыянальным дакладзе па культуры стратэгічнымі мэтамі культурнай палітыкі дзяржавы на бліжэйшую перспектыву былі вызначаны:

□ захаванне культурнага патэнцыялу краіны, забеспячэнне пераемнасці развіцця расійскай культуры поруч з падтрымкай разнастайнасці культурнага жыцця, культурных інавацыяў;

□ забеспячэнне звязнасці культурнай прасторы, стварэнне ўмоваў для дыялогу субкультур у шматнацыянальнай дзяржаве;

□ фарміраванне каштоўнасцей, якія б забяспечвалі інтэграцыю розных сацыяльных і тэрытарыяльных групаў як грамадзян адзінай дзяржавы [2, 44-45].

Асноўныя накірункі культурнай палітыкі нашай дзяржавы былі сфармуляваны ў шэрагу заканадаўчых актаў. Гэта перш за ўсё Закон аб культуры. Ён распрацоўваўся і прымаўся яшчэ ў 1991 г. у БССР. Гэта быў першы закон аб культуры на ўсёй прасторы СССР. У законе адзначаецца, што палітыка дзяржавы ў галіне культуры заключаецца перш за ўсё ў стварэнні эканамічных і арганізацыйна-прававых умоў развіцця культуры, захаванні і забеспячэнні эфектыўнай дзейнасці яе прадпрыемстваў, арганізацый, устаноў, падрыхтоўцы і сацыяльнай абароне работнікаў культуры, дзеячаў мастацтва, у стымуляванні аматарскіх аб'яднанняў і самадзейнай народнай творчасці. [2, 11-23].

У прынятай у 2000 г. на Беларусі Дзяржаўнай праграме "Функцыяванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь (1999 – 2005)" дэкларуюцца мэты дзяржаўнай культурнай палітыкі:

1. Стварэнне умоў для ўдзелу ў культурным жыцці, доступу да культурнай спадчыны свайго народа.

2. Ахова нацыянальнай тоеснасці і непарыўнасці культурнага працэсу ў краіне, спрыянне яго адкрытасці знешнім уплывам.

3. Фарміраванне самасвядомай, патрыятычна арыентаванай асобы, якая паважае і ганарыцца сваёй гісторыяй і культурай, арыентуецца на нацыянальныя і агульначалавечыя каштоўнасці.

Для рашэння разнастайных праблем культурнай палітыкі, выпрацоўкі стратэгіі і аналізу актуальнага стану культуры ў посткамуністычных краінах былі створаны навукова-практычныя ўстановы. Напрыклад, у канцы 90-х гадоў ва Украіне быў заснаваны Цэнтр культуралагічных даследаванняў. Яго спецыялісты і практыкі выпрацавалі цэлую сістэму даследавання такога тыпу праблем, падрыхтавалі зборнік "Культурная палітыка Украіны". Асноўнае палажэнне – культурай не кіруюць, ёй толькі аказваюць падтрымку, функцыя дзяржавы – як можна хутчэй стварыць эфектыўныя метады падтрымкі. Інстытут культурнай палітыкі правёў даследаванне розных мадэляў падтрымкі культуры, якія існуюць у свеце. Украінцы больш схіляюцца да брытанскай мадэлі падтрымкі культуры: дзяржава выдзяляе пэўныя сродкі на сферу культуры, аднак не прымае ўдзел у падзеле гэтых сродкаў – гэтай справай займаюцца фонды, агенствы, творчыя саюзы на конкурснай аснове. Гэтая мадэль можа быць эфектыўнай, аднак перад усім пры ўмове развітага заканадаўства аб культуры.

Да пачатку XXI стагоддзя ў краіне, па меркаванню экспертаў, не быў створаны клімат максімальнай падтрымкі-мецэнацтва і спонсарства. Таму, прапановуемая брытанская мадэль не магла быць прынята.

Аднак для большасці посткамуністычных краін большай, чым выпрацоўка асноваў культурнай палітыкі, з'яўляецца іх рэалізацыя і нават спробы канкрэтызацыі.

Праблема фінансавання культуры, бадай, адна з самых галоўных. Напрыклад, у Балгарыі, была зроблена спроба супольнага фінансавання культуры цэнтральным бюджэтам і муніцыпалітэтамі. Аднак з-за пастаянных фінансавых праблем муніцыпалітэтам было цяжка дасягнуць узгодненых дзеянняў з Міністэрствам культуры. У Польшчы пайшлі далей па шляху дэцэнтралізацыі. У выніку праведзенай у 1999 г. адміністрацыйнай рэформы дзяржавы ў структуры фінансавання культуры з дзяржаўных сродкаў адбыліся агромныя змены. Тады быў створаны новы ўзровень самакіравання – паветы – якія былі размешчаны паміж ваяводствамі і гмінамі. У сувязі з такім значным пашырэннем дыяпазону ўлады самакіравання ў дзяржаўным сектары чакалася павелічэнне выдаткаў на культуру з боку органаў самакіравання. Аднак сёння можна гаварыць аб правале гэтых спадзяванняў. Адміністрацыйны падзел не прывёў да выраўноўвання эканамічных пазіцый асобных ваяводстваў. У эканамічна аслабленых ваяводствах, дзе адсутнічае буйная прамысловасць, культура не атрымала належнага фінансавання і ўстановы культуры па-ранейшаму знаходзяцца ва ўмовах выжывання.

З праблемай фінансавання культуры непасрэдна звязана пытанне аб ролі дзяржавы. У Славеніі эксперты пагаджаюцца на захаванне актыўнай ролі дзяржавы і адначасова ставяць пытанне аб функцыях, якія павінна выконвацца дзяржавай і якія могуць быць пакінуты для недзяржаўных аб'ектаў. Цяпер ў краіне дзяржава выконвае чатыры асноўныя функцыі: выпрацоўка палітыкі, кіраванне, фінансаванне, прадастаўленне культурных даброт. Эксперты гавораць аб тупіку цяперашняй палітыкі, які можна аднесці да канцэнтрацыі ўсіх пералічаных функцый у руках дзяржавы.

Выпрацоўка культурнай палітыкі, кіраванне а таксама фінансаванне ўстановаў культуры павінны застацца ў сферы адказнасці дзяржавы, таму што альтэрнатыўныя

крынцы іх прыбыткаў у посткамуністычную эпоху вельмі абмежаваныя. Перадача функцый прадастаўлення культурных даброт, хаця б часткова, некамерцыйнаму ці няўрадаваму сектару магло б дапамагчы стварыць і развіць канкурэнцыйнасць, селектыўнасць, празрыстасць і адказнасць устаноў культуры. Для таго, каб сістэма працавала, адзначаюць эксперты, ніводная ўстанова не можа захаваць права на дзяржаўныя сродкі. Усе ўстановы павінны будаваць сваё права на існаванне, дэманструючы вынікі. Аднак гэтаму сцэнарыю дзяржава магла б перайсці ад ролі "адміністратара" культуры да ролі "інвестара" ці "маючага паўнамоцтвы", пакуль застаўляючы за сабою важныя функцыі назіральніка. Гэта будзе спрыяць таму, што дзяржаўнае фінансаванне страціць палажэнне нормы і падзел фінансаў будзе больш палягаць на рынкавай сістэме прыняцця рашэння. Увага дзяржавы паступова пераарыентуецца з простага падзелу дзяржаўных сродкаў на ацэнку мэтай, якія пры дапамозе іх дасягаюцца. Дзяржава пакіне за сабою асноўную адказнасць за стварэнне спрыяльных умоваў для культурнай дзейнасці. Аднак да гэтай пары сітуацыя далей дэкларацыі не ідзе.

У неспрыяльных эканамічных умовах з'явілася неабходнасць у вызначэнні прыярытэтных сфер культуры, якім павінна аказвацца дзяржаўная дапамога. Цікава, што прыярытэтная галіна для адной краіны знаходзіцца на маргінесе ў другой. Напрыклад, кіно і чытанне ў Польшчы былі абвешчаны прыярытэтнымі сферамі, у той час як у Балгарыі кіно і літаратура не маюць ніякіх асобных дзяржаўных субсідый і іх фінансаванне адбываецца шляхам правядзення конкурсаў па праектах. У Харватыі ў лік прыярытэтаў аднесена ўкараненне інфармацыйных тэхналогій ў культуры. Польшчы ўрад у пошуках новых сродкаў для культуры стаў выкарыстоўваць фонды дзяржаўнай сістэмы латэрэй. Складаная культурная сітуацыя Сербіі, абумоўленая міжнароднай ізаляцыяй краіны ў другой палове 90-х гадоў, якая не дапускала ўстановы і асобных дзеячаў да ўдзелу ў еўрапейскай культурнай сетцы, прымусіла ўвесці ўнутранае эмбарга. Культурны абмен падтрымоўваўся толькі з некаторымі краінамі, такімі як Куба, Кітай, ці "духоўна блізкімі краінамі", такімі як Расія, Беларусь, Грузія, Армения і т.п. У гэты перыяд асобная ўвага надавалася пэўным культурным установам і праектам, звязаным з гісторыяй краіны ці з нацыянальнай ідэнтычнасцю (Музей генацыду і т.п.). У сакавіку 2004 г. новы міністр культуры Сербіі вызначыў новыя прыярытэты (афіцыйна не адобраныя парламентам Камітэтам па культуры), якія павінны былі быць уведзены ў 2005 г. Сярод іх: падтрымка развіцця і апека сербскай мовы; падтрымка выкарыстання кірылічнага алфавіта; ахова нацыянальнай культурнай спадчыны (галоўным чынам духоўнай і будаванай спадчыны). Прыярытэтным накірункам культурнай палітыкі Украіны ў пачатку XXI стагоддзя стала падтрымка культурнай разнастайнасці і культур нацыянальных меншасцей.

Праведзеныя экспертныя аналізы асноўных вынікаў рэалізацыі мэтай і задач культурнай палітыкі ў славянскіх краінах сведчаць аб недасягненні пастаўленых мэт. Сярод асноўных прычын неабходна назваць недахопы ў распрацоўцы агульнай культурнай мадэлі (часта не ўлічваліся мэты і памкненні розных рэгіёнаў і гарадоў); спадчына таталітарнага ізаляцыянізму, якая перашкаджала доступу да ўніверсальнай культурнай спадчыны і да гэтага часу ў некаторых краінах (асабліва Усходняй Еўропы) аказвае значнае ўздзеянне на працэсы, якія адбываюцца; неадэкватныя спосабы фінансавання і недахоп альтэрнатыўных шляхоў фінансавання культуры; адсутнасць добра распрацаванай сістэмы грамадскіх устаноў (кшталту Саветаў па культуры), якія б удзельнічалі ў размеркаванні сродкаў для культуры; няздольнасць устаноў культуры выконваць сучасныя патрабаванні, адсутнасць акрэсленых дзяржаўных гарантый у прадастаўленні культурных паслуг; слабасць няўрадавых і камерцыйных

установаў ў культурным сектары, што не дазваляе ім аказваць уплыў на палітычныя працэсы прыняцця рашэнняў.

Аб вялікай розніцы ў працэсах змен у вывучаемых краінах, аб тым, якія вялікія розніцы існуюць у іх тэмпе развіцця сведчыць той факт, што некаторыя даследчыкі ўжо гавораць аб якасна новай сітуацыі асобных краін. Напрыклад, К.Крыштофек заўважае, што "Польшча: паступова перастае быць трансфармацыйнай краінай, у якой палітычныя, эканамічныя, палітычна-сістэмныя, культурныя, прававыя нормы зыходзілі б з неабходнасці адыходу ад старой сістэмы, і становіцца посттрансфармацыйнай дзяржавай. Для культуры і культурнай палітыкі ў перспектыве бліжэйшага пяцігоддзя гэта азначае перанос акцэнтаў на стратэгічнае планаванне развіцця культуры ва ўмовах грамадства, у якім дзяржава (уряд і органы мясцовага самакіравання) з'яўляюцца толькі адным з ацораў "гульні за культуру" акрамя рынку і грамадзянскай супольнасці (рухі і грамадская ініцыятыва, аўтаномныя сеткі творцаў і дзеячаў культуры)". [3, 268]

ЛІТАРАТУРА

1. Ministerstwo kultury i sztuki w dokumentach: 1918 – 1998 / Instytut kultury. – Warszawa. – 1998. – S.346 – 347.
2. Культура і культурная палітыка в России / Отв. ред. А.И.Бутенко, К.Э.Разлогов. – М.: Российский общественный научный фонд, 2000. – 239 с.
3. Krzysztofek Kazimierz. Ewolucja założeń i programów polityki kulturalnej w Polsce // Kultura polska w dziekadlecie przemian (red.) T.Kostyrko, M.Czerwiński. – Instytut Kultury, Warszawa. – 1999. – S.259-268.

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ БЛЭК-МЕТАЛ И ПРОБЛЕМЫ УЛЬТРАПРАВОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Лысюк И.А.

Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

Развал Советского Союза: вкуче с падением его восточноевропейских сателлитов, а также интенсивно идущие процессы глобализации кардинально изменили регион Восточной Европы. Эти изменения выразились как в появлении новых государств на политической карте Европы, так и в существенной трансформации социально-политических, экономических и культурологических обстоятельств их бытия. Одним из результатов падения старого мира стало разрушение мировоззренческих основ жителей региона; коренившихся в коммунистической идеологии, которая доминировала в регионе на протяжении последних десятилетий. Вследствие этого среднестатистический житель Восточной Европы оказался в ценностно-идеологическом вакууме: коммунистические идеи и ценности подвергались интенсивной эрозии, а традиционные для европейца христианские ценности по-прежнему пребывали на периферии сознания. Подобная «ценностная катастрофа» послужила причиной возросшей активности различных экстремистских, чаще всего праворадикальных движений. Появившись в Западной Европе, они распространились в настоящее время на регион Восточной Европы, на такие страны как Польша, Россия, Украина, в определённой степени, и Беларусь.

В современных условиях одним их каналов ретрансляции праворадикальных настроений является, в частности, музыка. Связано это, в первую очередь, с цензурой и законодательными ограничениями, касающимися деятельности ультраправых по-

литических партий и движений. В Германии, например, где законодательство по отношению к подобным организациям наиболее строго, уголовная ответственность полагается даже за нацистское приветствие в общественном месте, не говоря уже о различных проявлениях межнациональной ненависти. В результате праворадикальные активисты оказываются лишенными доступа к общественным средствам массовой информации и иным подобным им источникам распространения своих идей. Музыка же является в таких условиях идеальным проводником соответствующих ценностей в массы. К тому же текстовое послание, не содержащее прямых призывов к насилию, облеченное в форму соответствующих музыкальных стилей, «на выходе» может выражать подобный призыв. Благодаря именно музыкальной форме, которая по своей сути является нейтральной, праворадикальные музыканты находят своего слушателя, в том числе и за пределами достаточно узких молодежных субкультур.

Обширная ультраправая музыкальная сцена существует и успешно развивается во многих странах Европы и Америки. Основными музыкальными стилями, пользующимися популярностью среди представителей ультраправых движений, являются *oil*, *RAC*, *dark folk*, *military industrial*, *heathen metal*, а также так называемый *national socialist black metal (NSBM)*. На последних двух хотелось бы остановиться подробнее.

В своей классической форме блэк-метал является одним из наиболее экстремальных музыкальных стилей, что находит выражение как в музыке, так и в текстах песен блэк-металлических групп. Как следует из определения, данному этому стилю в Интернет-энциклопедии «Википедия», блэк-метал «характеризуется крайне скоростными барабанными (70-500 уд/мин) и гитарными партиями. Звук гитар делается резким и высоким. Характерный прием игры: тремоло. Вокал обычно очень высокий (*screaming*), часто имеются вставки низкого "рычащего" вокала — *growling*. Бас-гитара и клавишные (редко) играют вспомогательную роль» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Black_metal). Однако существует еще одна, идеологическая, сторона блэк-металла, которая делает его отличным от иных стилей «металлической» музыки. Ненависть к христианству, сатанизм, оккультизм, поклонение древним богам дохристианской Европы, прославление языческих предков и их воинской доблести, ностальгия по давно минувшим временам — все эти темы являются краеугольным камнем идеологии стиля.

Представители первой и второй волн блэк-металла позиционировали свой стиль как исключительно аполитичный, сосредоточив свое основное внимание на воспевании зла и тьмы в различных их проявлениях. Хотя и тут не обошлось без некоторых исключений. Так, на обложке вышедшего в 1994 году альбома культовой норвежской блэк-метал группы *Darkthrone* "*Transylvanian Hunger*" красовалась недвусмысленная надпись "*Norsk Arisk Black Metal*" («Норвежский Арийский Блэк-Метал»), что вкупе с предшествовавшими выходу альбома расистскими откровениями лидера группы *Fenriz'a* послужило причиной скандала. Однако к середине 1990-х гг. на блэк-металлической сцене наметилась отчетливая тенденция к воспеванию национальной и расовой гордости, основанной на языческих дохристианских традициях. Несколько позже целый ряд групп начал адаптировать в своем творчестве символику и эстетику Третьего Рейха. К первым можно отнести следующие группы: *Graveland*, *Gontyna Kry* (Польша), *Nokturnal Mortum*, *Dub Buk*, *Astrofaes* (Украина), *Хвангур*, *Темнозорь* (Россия) и др. Часто такие группы используют в своей музыке фольклорные мелодии, а в оформлении своей продукции пользуются различными языческими символами. По сравнению с классическим блэк-металлом их музыка является более мелодичной, большая роль отводится клавишным и иногда даже народным инструментам. Наиболее заметными среди подобных групп являются *Aryan Blood* (Германия); *BlackSStorm*, *Kristallnacht* (Франция); *Command* (Бразилия); *Der Sturmer* (Греция) и др. Многие праворадикаль-

ные «металлические» группы успешно адаптируют в своем творчестве оба направления, что и неудивительно, учитывая языческую природу Третьего Рейха.

Особую роль в формировании идеологии современной сцены NSBM, а также праворадикальной музыкальной субкультуры играет лидер и единственный участник норвежской группы Burzum Varg Викернес, осужденный за убийство и поджоги церкви на длительное тюремное заключение. С момента появления Burzum на норвежской блэк-металлической сцене не только его взгляды эволюционировали и обрели ярко выраженную праворадикальную форму, но также и музыка претерпела значительные изменения, приняв облик dark ambient. Последние два своих альбома Varg Викернес написал, используя синтезатор, за решеткой, а потом сосредоточился исключительно на разработке идеологии германского языческого праворадикального движения. Для многих участников праворадикальной музыкальной субкультуры он является культовой личностью.

Во многом благодаря его стараниям во второй половине 1990-х годов была создана праворадикальная организация Allgermanische Heidnische Front (Всергерманский Языческий Фронт), сайт которой появился в Интернете (<http://www.heathenfront.org/>). Идеология Фронта оказала существенное влияние на формирование идеологического базиса праворадикальной музыкальной субкультуры. Примерно в то же самое время в Интернете открылся и сайт еще одной радикальной организации - The Pagan Front (<http://www.thepaganfront.com/>), объединившей музыкантов национал-социалистических блэк-метал групп и их поклонников.

Таким образом, из «металлической» субкультуры выделились два высокоидеологизированных субъекта - heathen metal и national socialist black metal (NSBM). Несмотря на некоторые музыкальные различия, оба направления имеют общую ценностно-идеологическую основу, что позволяет их представителям совместно трудиться «на общей ниве». Всего до начала 2005 года во всем мире нами была зафиксирована 491 «металлическая» группа, в той или иной мере использовавшая в своем творчестве праворадикальную идеологию в различных ее формах. Большинство из них играли heathen metal и national socialist black metal, но встречались также отдельные группы, игравшие ультраправый death и thrash metal. Часть из них, однако, по различным причинам прекратила свою деятельность. И в настоящее время нами были обнаружены 436 действующих праворадикальных «металлических» групп. Естественно, автор не претендует на абсолютную точность данной статистики, поскольку информация о праворадикальной сцене крайне скудна и малодоступна (о причинах см. ниже). Несомненно, тем не менее, что эта информация отражает общие тенденции развития сцены. Если говорить конкретно о странах, то лидером по количеству действующих ультраправых «металлических» групп (преимущественно NSBM и heathen metal) являются Германия (64, или 14,7% от общего количества); США (59, 13,5%); Россия (52, 11,9%); Франция (46, 10,5%); Польша (44, 10,1%); Канада (37, 8,5%); Бразилия (34, 7,8%).

Интересной и полезной для понимания процессов, происходящих внутри сцены и данной субкультуры, является следующая статистика. Начиная с 1995 года, нами было зафиксировано издание 1654 альбомов (сюда включены не только полноформатные альбомы, но также демо-ленты, записи на пластинках, совместные альбомы (т.н. сплиты) и иные студийные записи) праворадикальных «металлических» групп. Из года в год прослеживается четкая тенденция увеличения количества выпущенных альбомов - 134 (2000 г.), 174 (2001 г.), 221 (2002 г.), 256 (2003 г.), 318 (2004 г.). Из этого можно сделать вывод о росте сцены и расширении ее влияния на соответствующую субкультуру.

В последнее время отмечается все более активное сближение блэк-металлической сцены с другими праворадикальными музыкальными субкультурами.

В качестве примеров можно привести совместные альбомы польских групп Grave-land и Honor (heathen metal/NS heavy metal), польских и украинских Honor и Nokturnal Mortum (NSBM).

Тоталитарное послание NSBM идет вразрез с демократическими нормами современного общества. Более того, противопоставляется им. Участники музыкальных групп, следующие данному стилю, являются проповедниками ненависти по отношению к определенным расовым, этническим и социальным группам и выступают под конкретными политическими прокламациями. Их песни – призыв к действию, зачастую сопряженному с насилием. Как результат, участники праворадикальной музыкальной субкультуры, в особенности блэк-металлического ее крыла, периодически оказываются на скамье подсудимых. Чаще всего им инкриминируются преступления, связанные с разжиганием межнациональной розни и призывами к социальному и этническому насилию, что, учитывая тенденцию роста субкультуры национал-социалистического блэк-металла, свидетельствует в том, что демократическому обществу брошен серьезный вызов.

Опасной для общества тенденцией является также и то, что большинство поклонников тяжелой музыки и NSBM является молодыми людьми, которые оказываются восприимчивее к экстремистской идеологии, нежели старшее поколение.

В Беларусь тяжелая музыка пришла в начале 1990-х годов, когда здесь стали появляться первые группы. Самой старой и, наверное, самой известной белорусской «металлической» группой можно назвать гомельский Gods Tower, играющий в стиле паган-фолк-дум (год основания – 1989). На данный момент она уже распалась. В первой половине 1990-х годов на белорусской экстремальной сцене появились следующие достаточно известные группы: Arosgrhal (г. Речица, дэт-метал), Apsaxia (г. Орша, паган-блэк метал; позже HC-паган метал), Bleeding (г. Лида, дэт-метал), Ouhra (г. Гомель, паган-блэк метал), Pagan (г. Гродно, блэк-метал), Exhumator (г. Минск, дэт-метал). Все эти группы внесли существенный вклад в становление белорусской экстремальной сцены, задав ей общее направление. Можно утверждать, что с середины 90-х гг. XX в. наблюдается устойчивый рост последователей этого музыкального направления, чему во многом способствовало возросшее количество концертов, в том числе и с участием известных зарубежных групп, появление приемлемых условий для записи, некоторая финансовая стабилизация и расширение сети дистрибуции андерграундной продукции. Процесс роста и развития белорусского «металлического» андерграунда продолжается и по сей день, несмотря на негативное отношение к его представителям со стороны властей.

Данная тема является новой и малоизученной в современной политической и социальной науке, что отнюдь не свидетельствует о ее неактуальности. Рост праворадикальной музыкальной сцены и, в частности, NSBM, а также потенциальная опасность этой субкультуры для демократического общества требуют к себе пристального внимания. Однако на сегодняшний день ученые, заинтересованные в исследовании данной научной проблемы, сталкиваются с рядом объективных трудностей. Во-первых, это недостаток информации по теме, в частности, различных статистических материалов. Во-вторых, сложность для эмпирического исследования представляет закрытость музыкальной сцены и жесткая цензура по отношению к различным ее проявлениям, в частности, в Интернете, что ограничивает наблюдение за происходящими там процессами. Разрешение этих трудностей может поспособствовать более глубокому пониманию роли экстремальной музыки в праворадикальной пропаганде, осознанию мотивации субъектов сцены и причин роста экстремистских настроений среди молодежи в восточноевропейских государствах.

МЕТОДЫ РЕФЛЕКСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Бурко О.П.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В настоящее время происходит смена приоритетов и социальных ценностей — научно-технический прогресс все больше осознается как средство достижения такого уровня производства, который в наибольшей мере отвечает удовлетворению постоянно повышающихся потребностей человека, развитию духовного богатства личности, поэтому в учебном процессе необходимо постоянное совершенствование. Современная ситуация в подготовке специалистов требует коренного изменения стратегии и тактики обучения в вузе. Главными характеристиками выпускника любого образовательного учреждения являются его компетентность и мобильность. В этой связи акценты при изучении учебных дисциплин переносятся на сам процесс познания, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности самого студента. Успешность достижения этой цели зависит не только от того, что усваивается (содержание обучения), но и от того, как усваивается: индивидуально или коллективно, в авторитарных или гуманистических условиях, с опорой на внимание, восприятие, память или на весь личностный потенциал человека, с помощью репродуктивных или активных методов обучения.

Разработка и внедрение активных методов обучения представлена в разных областях научного знания и исследована многими педагогами и психологами, но недостаточно изучено использование активных методов обучения в условиях технического вуза.

В настоящее время большое распространение получили разнообразные активные методы подготовки специалистов для разных областей профессиональной деятельности [1; 2]. Специальная задача подготовки высококвалифицированных специалистов решается с помощью методов, объединяемых термином "активное социально-психологическое обучение".

Все методы активного социально-психологического обучения принято выделять в три блока:

1. Дискуссионные методы — к ним относятся групповая дискуссия, анализ ситуаций, разбор случаев из практики и др. В работах Ж. Пиаже было продемонстрировано, что благодаря механизму дискуссии человек отходит от эгоцентрического мышления и учится становиться на точку зрения другого. К. Левиним показано влияние групповых обсуждений и ситуативных факторов на изменение социальных установок (отношений).

2. Игровые методы — сюда включают дидактические, творческие, ролевые, деловые и контр-игры (трансактный метод осознания коммуникативного поведения).

3. Сенситивный тренинг, направленный на тренировку самопонимания, самоотношения, межличностной чувствительности и эмпатии к партнерам по взаимодействию.

Активные групповые методы обязаны своей разработкой экспериментальной психологии (А. Майер, В. Меде, Н. Трипплетт, В.М. Бехтерев, А.С. Макаренко, К.С. Станиславский, В.А. Сухомлинский и др.); а также обобщению разнообразного практического опыта различных видов взаимодействия людей. Следовательно, активное социально-психологическое обучение может рассматриваться как специфическое преломление идей формирующего эксперимента в специальной практике развития рефлексии. Оно представляет возможность комплексного изучения многих социально-

психологических феноменов с их процессуально-динамической стороны. Такой подход позволяет существенно обогатить научные представления и обеспечить переход от описательно-объяснительного уровня психологических знаний, не способных удовлетворить современные запросы практики, к знаниям действенно-преобразующего типа.

Жизненный и профессиональный опыт обучающихся, сформированность основных жизненных установок и ценностей, устоявшиеся способы мышления и поведения, играющие позитивную роль в осуществлении привычных функционально-ролевых обязанностей, выступают тормозящим фактором в процессе приобретения новых способов жизнедеятельности. Разрешение указанных противоречий связано с кардинальным изменением принципов обучения, включением рефлексии в учебный процесс, разработкой специальных методов подготовки специалистов, обеспечивающих формирование рефлексивного отношения к собственной деятельности.

"Способность объекта обучения к рефлексии и способность субъекта организовывать, стимулировать рефлексивный процесс обучаемого является неперенным условием успешности обучения" [3, 190].

Вопрос о развитии рефлексии встает в связи с тем, что стихийно формируемый ее уровень признается недостаточным, в литературе описание и разбор специальных методов развития рефлексии дается крайне редко.

Методы развития рефлексии выделяют на основе характера ситуаций, где она проявляется. В ситуациях, имеющих проблемно-конфликтное содержание, предлагаются методы повтора (Л.Н. Алексеева, А.З. Зак). В ситуациях взаимодействия предлагаются методы индивидуального консультирования, техники рефлексивной беседы, рефлексивные игры (Л.Н. Алексеева, П.В. Баранова, В.А. Лефевр; А.С. Спиваковская).

Рефлексию можно развивать и в ситуациях группового взаимодействия методами групповой дискуссии [4], рефлексивного сопровождения, методом рефлеинтервью или полилога, рефлексивно-игровыми методами [1; 5; 6].

К рефлексивно-игровым методам традиционно относятся: инновационные игры, организационно-деятельностные игры, организационно-мыслительные игры, организационно-обучающие игры. Наиболее полное развитие и описание указанные игровые методы обрели в работах Н.Г. Алексеева, О.С. Анисимова, В.В. Давыдова, Г.Г. Щедровицкого, П.Г. Щедровицкого и др.

Среди многообразных способов воздействия, которые можно использовать с целью развития рефлексий, обращают на себе внимание методы активного психологического обучения и, в частности распространяющиеся в настоящее время тренинги [8; 9 и др.]. Наиболее эффективным методом развития рефлексии в общении является социально-психологический тренинг. В исследованиях Е.В. Лушпаевой показана специфическая чувствительность составляющих рефлексии в общении различным видам тренинга [10].

Первые группы тренинга (Т-группы) были основаны в 1946 году Куртом Левиним и его коллегами в США, заметившими, что участники групп получают пользу от анализа собственных групповых переживаний. Т-группа прежде всего является обучающей лабораторией, которая фокусирует свое внимание на апробировании новых видов поведения в безопасном окружении.

Важным элементом Т-групп является обратная связь. В атмосфере взаимной заботы и доверия она позволяет членам группы контролировать и исправлять неадекватное поведение. Еще один важный элемент — это экспериментирование в группе. Он основан на активном поиске новых стратегий и видов поведения во время групповых занятий. Члены группы обучаются не только с помощью обратной связи, но и учатся

использовать опыт, производить исследования и анализировать переживания в ситуациях, когда они могут получать ясную и точную обратную связь об уместности и эффективности их поведения [11].

Важнейшим условием работы Т-групп является сосредоточение внимания на принципе "здесь и теперь". Это значит, что погружение в повествование и личные воспоминания не представляют ценности, если не сопровождаются выражением чувств и не соотносятся с текущим взаимодействием членов группы. Внимание к непосредственному опыту и вовлечение в него – это то "горючее", которое подогревает группу, поддерживает в ней "кипение" [12]. Т-группа помогает участникам развивать специфические коммуникативные умения, такие как описание поведения, коммуникация чувств, активное слушание, конфронтация.

Впоследствии Т-группа как метод практической работы с людьми получил широкое распространение.

Сам термин "социально-психологический тренинг" (СПТ), имеющий в нашей стране большое значение, ввел в понятийный аппарат психологии М. Форверг, разработавший программы по подготовке руководителей разного уровня и разных профессий. Говоря о СПТ, М. Форверг связывает его обучающую ценность со способностью человека лучше усваивать динамические процессы, особенно при условии личного участия в них [13].

В самом широком смысле под СПТ обычно понимают "специальные формы обучения знаниям и отдельным умениям в сфере общения, а также формы соответствующей их коррекции" [12, 109].

Любая групповая работа имеет более высокий потенциал для решения сложных проблем, чем индивидуальная. Она ориентирована на помощь участникам в выявлении своих ограничений и их преодолении, в раскрытии новых возможностей, резервов, способностей; их активизации и развитии. Результаты работы группы превышают простую сумму результатов работы её отдельных членов.

Группы тренинга в своем развитии проходят ряд стадий. Согласно теории межличностных отношений Уильяма Шутца, выделяются три стадии группового процесса: включение, контроль, привязанность.

Н. Келман предложил свой анализ группового процесса. Он рассматривает группу как ситуацию группового влияния, характеризуемую процессами податливости, идентификации и присвоения [14].

Групповой процесс включает в себя четыре фазы. В первой (ориентация и зависимость) участники группы стремятся высказаться о своих проблемах и своем самочувствии, они требуют предоставления информации, ждут от тренера указаний. Во второй фазе происходит борьба за положение лидера, за место в структуре группы, обостряются внутригрупповые конфликты, четко выявляется распределение ролей. Главная тема – обсуждение реальной ситуации в группе, проявление эмоций, конфронтация взглядов и позиций отдельного участника с оценками других членов группы. В третьей фазе наблюдается усиление групповой сплоченности, снимается напряженность, уменьшается количество и интенсивность конфликтов, в группе происходит консолидация норм и общих ценностей. Главной темой становится обсуждение себя и других, углубленное представление индивидуальных личных проблем, раздумья о характере и сути процессов и изменений, происходящих у отдельных участников и группы в целом. В четвертой фазе группа становится рабочим коллективом, участники исполняют функциональные роли, оптимальные для выполнения отдельных заданий [15].

Большую роль в развитии личности играют факторы групповой динамики. Её определяют:

- цели, задачи и нормы группы, их формирование и изменение, влияние на членов группы;
- структура лидерства в группе, возникающие в ней проблемы руководства, зависимости и соперничества;
- соотношение так называемых "групповых ролей" (роли "лидера", "эксперта" и т.д.);
- сплоченность группы;
- групповое напряжение, проявление внутригрупповой враждебности и антипатии;
- актуализация прежнего эмоционального опыта и стереотипов межличностных отношений во взаимодействии с отдельными членами группы;
- формирование подгрупп, их отношение к группе в целом и влияние на её функционирование [8;9].

Активное социально-психологическое обучение обеспечивает актуализацию рефлексии и содержательное наполнение рефлексивного плана сознания, что позволяет рассматривать его как метод организованного развития рефлексии. Динамика рефлексии в процессе активного социально-психологического обучения характеризуется повышением адекватности рефлексивных представлений участников группы о других и о себе, углублением уровня анализа ситуаций межличностного взаимодействия, появлением новых, нестандартных способов решения проблемно-конфликтных ситуаций общения. Процесс развития рефлексии может осуществляться исключительно в совместной деятельности с другими людьми, в условиях тех реальных групп, в которых существует личность. Группа тренинга выступает как "лаборатория", в которой каждый участник получает возможность осознать актуальный уровень развития своей рефлексии и необходимость его дальнейшего совершенствования.

Таким образом, методы рефлексивного обучения призваны не только обеспечить учащихся определенной системой знаний по различным дисциплинам, но и оснастить их продуктивными умениями самостоятельно применять; приобретать и вырабатывать научные знания в будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов О.С. Развивающие игры и игротехника. - Новгород: Б.и., 1989. - 176с.
2. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. - М.: Высшая школа, 1991. - 204 с.
3. Герчикова В.В. Организация рефлексивных процессов в Вузе // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. - Новосибирск: Наука, Сибирское отд-е, 1987. - 235 с.
4. Зинченко В.П. Организация рефлексии в процессах коллективного решения проблем // Рефлексия в науке и обучении. Тезисы докладов и сообщений. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. - С. 204-206.
5. Деркач А.А., Семёнов И.Н., Степанов С.Ю. Психологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. - М.: Изд-во РАГС, 1998. - 250с.
6. Ситников А.П. Акмеологический тренинг: Теория. Методика. Психотехнологии. - М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. - 428 с.

7. Кузнецов С.В., Семенов И.Н. Рефлексивно-акмеологические аспекты развития профессионального мастерства / Рефлексия, образование и интеллектуальные инновации. - Новосибирск: Изд-во ИГУ, 1995. - С: 124-136.
8. Захаров В.П., Кухарева Л.В., Хрящева В.Ю., Гайда В.Л. Активные методы в подготовке студентов-психологов // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - С: 78-79.
9. Игры, обучение, тренинг, досуг / Под ред. В.В Петрусинского. - М.: Б.и., 1994. - 135с.
10. Лушпаева Е.В. Развитие рефлексии в общении средствами социально-психологического тренинга: Дис. ... канд. психол. наук. - М., 1989. - 224 с.
11. Рудестам К. Групповая психотерапия. - М.: Прогресс, 1993. - 368 с.
12. Петровская Л.А. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - 168 с.
13. Форверг М., Альберг Т. Характеристика социально-психологического тренинга поведения // Психол. журн. - 1984. - Т. 5. - № 4. - С. 57-64.
14. Роберт М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. - М.: Прогресс, 1988. - 255с.
15. Групповая психотерапия / Под ред. Б.Д. Карвасарского, С. Ледера. - М.: Медицина, 1990. - 384 с.

СТВАРЭННЕ ЗАКАНАДАЎЧАЙ БАЗЫ ДЛЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ ЯК АСПЕКТ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ (1991-2005 гг.)

Панко В.М.

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

Культурная палітыка з'яўляецца сістэмай юрыдычна-прававых, эканамічных, сацыяльна-палітычных, арганізацыйных мерапрыемстваў, якія накіраваны на фарміраванне пажаданай для грамадства і асобы культурнай сітуацыі. Мерапрыемствы культурнай палітыкі рэалізуюцца праз бюджэт, заканадаўства, кантроль, кадры, наданне ільгот і т.п. Дзяржава падтрымлівае дзейнасць культурных устаноў, фінансава, выступае гарантам, заказчыкам і спонсарам. Прафесійнае мастацтва патрабуе ўвагі з боку дзяржавы, якая выражаецца ў фінансавай падтрымцы і стварэнні заканадаўчай базы, неабходнай для свабоднага развіцця. У 1985-2000 гг. дзяржава з'яўлялася асноўным фундатарам і спонсарам развіцця прафесійнага мастацтва ў Беларусі, актыўным арганізатарам культурных мерапрыемстваў. Дзяржаўны бюджэт розных узроўняў быў асноўнай крыніцай фінансавання прафесійнага мастацтва. Сваю палітыку ў гэтай галіне дзяржава ажыццяўляла праз дзейнасць Міністэрства культуры, якое ўпраўляла мастацкімі дзяржаўнымі ўстановамі ў краіне, утрымлівала ўстановы мастацкай адукацыі, супрацоўнічала з творчымі саюзамі.

У сяр. 80-х гг. XX ст. дзяржава была адзіным правадніком культурнай палітыкі. Сфера культуры ўспрымалася як адна з галін гаспадаркі БССР, таму ў кіраванні ёю дзяржава дабівалася планавання дзейнасці прафесійных устаноў культуры. Партыйныя органы БССР поўнацэнна кантралявалі развіццё прафесійнага беларускага мастацтва. Савецкая сістэма ўпраўлення гэтай сферай не спрыяла развіццю нацыянальных асаблівасцей мастацтва, стрымлівала натуральныя працэсы ў культуры. Нагляд за зместам і формай твораў мастацтва пазбаўляў

творчых асобаў права на свабоднае выражэнне сваіх замыслаў. Кантроль з'яўляўся адной з галоўных функцый у дзейнасці мастацкіх саветаў, якія ажыццяўлялі нагляд за рэпертуарам творчых калектываў, сачылі за тым, каб прафесійнае мастацтва адлюстроўвала прынцыпы камуністычнай ідэалогіі. Вызначальную ролю ў падборы музычных і драматычных твораў для творчых калектываў адыгрывала міністэрства культуры. Сваеасабліваю манополію на стварэнне музычных твораў мелі члены Саюза кампазітараў. У цэлым фінансаванне прафесійнага мастацтва знаходзілася на высокім узроўні, праводзіліся шматлікія гастролі, выставы і ішнія мерапрыемствы.

У гады перабудовы дзяржаўная культурная палітыка вызначалася з агульнасаветскага цэнтра і кантралявалася партыйнымі органамі. Нягледзячы на працэсы дэмакратызацыі, гэтая палітыка была заснавана на саветскай ідэалогіі і дакладна вызначана. На хвалі агульнай дэмакратызацыі ўсіх сфер жыцця СССР адбывалася ломка сістэмы ідэалагічнага ўціску на установы культуры і творчых работнікаў, якія выконвалі ролю правадніка прынцыпаў саветскай ідэалогіі. Эканамічныя цяжкасці прывялі да скарачэння ўстаноў культуры. Пагоршылася матэрыяльна-тэхнічнае забеспячэнне сферы прафесійнага мастацтва. Перыяд перабудовы стаў пераломным момантам у развіцці беларускай культуры, значна ўзрасла яе роля ў грамадскім і палітычным жыцці рэспублікі. Дэмакратыя стварала магчымасць свабоднага карыстання беларускай культурнай спадчынай, ужывання і павышэння статуса беларускай мовы. Адным з элементаў дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да прафесійнага мастацтва з'явілася падтрымка творчай моладзі.

З атрыманнем незалежнасці пачаўся працэс рэарганізацыі сістэмы ўпраўлення культурай, губіліся культурныя сувязі з краінамі былога сацыялістычнага лагера і рэспублікамі СССР. Культурная палітыка беларускай дзяржавы пачала змяняцца, што садзейнічала захаванню і распаўсюджванню нацыянальных традыцый і культурнай спадчыны. Змяніўся падыход да дзяржаўнага заказу на твор мастацтва, які стаў сістэмай выдачы грантаў на стварэнне мастацкіх твораў. Адбываўся актыўны працэс стварэння і знікнення прафесійных творчых калектываў, некаторыя з іх атрымалі статус дзяржаўных, іншыя існавалі з падтрымкай спонсарскіх сродкаў. Творчыя саюзы аддзяліліся ад дзяржавы; паступова яны станавіліся незалежнымі партнёрамі дзяржаўнай улады. Прафесійныя калектывы сталі актыўнымі ініцыятарамі і арганізатарамі правядзення культурных акцый: фестываляў, пленэраў і г.д. Палітыка характаравалася нявызначанасцю і адлюстроўвала стан агульнай разгубленасці ў грамадстве. Фінансавы крызіс адсунуў праблему падтрымкі прафесійнай мастацкай культуры на другі план. Палажэнне закона "Аб культуры", згодна якому фінансаванне гэтай сферы павінна было складаць 3 % бюджэтных сродкаў дзяржавы, не выконвалася. Значна ўзрасло значэнне мясцовых улад і прадпрыемстваў у фінансаванні галіны, што спрыяла ажыўленню культурнага жыцця правінцыі.

Гэтая сітуацыя пачала яркава змяняцца ў сяр. 90-х гг. XX ст., калі на дзяржаўным узроўні была асэнсавана неабходнасць паслядоўнай падтрымкі мастацтва і вылучэння прыярытэтных накірункаў развіцця сферы прафесійнага мастацтва. Дзяржава распрацоўвала і ажыццяўляла шматлікія праграмы па культурнаму развіццю рэгіёнаў і краіны ў цэлым. Фарміравалася юрыдычная база для рэгламентацыі ўзаемаадносін паміж дзяржавай і сферай культуры. Другая палова 90-х гг. XX ст. стала перыядам актывізацыі дзейнасці беларускай дзяржавы ў дачыненні культуры, палепшыўся стан фінансавання прафесійнага мастацтва. Аднак у даследуемы перыяд не сфарміраваўся механізм садзейнічання спонсарскай дзейнасці прадпрыемстваў і арганізацый, які б спрыяў укладанню недзяржаўных сродкаў у развіццё мастацкай сферы.

На працягу даследуемага перыяда дзяржаўныя органы кіравання сферай культуры і мастацтва змянілі свае адносіны да нацыянальных элементаў у прафесійнай мастацкай культуры. Дзейнасць міністэрства культуры, як дзяржаўнага органа, было кіравана на развіццё гістарычнага жанру ва ўсіх відах мастацтва, прапаганду мінулага краіны. Гэта адлюстравалася ва ўстаноўцы помнікаў гістарычным асобам і падзеям на Беларусі, адкрыцці новых музеяў, пераарыентацыі старых экспазіцый, рэстаўрацыі помнікаў старажытнай архітэктуры, пастаноўцы нацыянальных п'ес на сценах беларускіх тэатраў. Дзяржава стымулявала стварэнне высокамастацкіх твораў праз арганізацыю дзяржаўнага конкурсу, фестываляў і інш., папулярызавала творы беларускіх аўтараў сярод насельніцтва і за межамі Беларусі. Станаўленне незалежнасці стала стымулам для развіцця беларускага мастацтва, якое атрымала моцны духоўны штуршок, пачало засвойваць новыя тэмы, звярнулася да хрысціянскіх і нацыянальных каштоўнасцей. Павялічылася доля беларускамоўных спектакляў, некаторыя з тэатраў працавалі выключна на беларускай мове.

За перыяд існавання незалежнай Беларусі дзяржавай было прынята некалькі законаў і нарматыўных актаў у галіне культуры і мастацтва. Сярод іх самыя важныя законы "Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны" (1992), "Аб бібліятэчнай справе ў Рэспубліцы Беларусь" (1995), "Аб аўтарскім праве і сумежных правах" (1996), "Аб музеях і музейных фондах Рэспублікі Беларусь" (1996), "Аб далучэнні Рэспублікі Беларусь да Бернскай канвенцыі аб ахове дзяржаўных і мастацкіх твораў" (1997), "Аб народным мастацтве, народных промыслах (рамёствах) у Рэспубліцы Беларусь" (1999), "Аб творчых саюзах і творчых работніках" (1999) і інш. Гэтыя законы рэгламентавалі адносіны паміж дзяржавай і творчымі работнікамі, якія аб'яднаны ў творчыя саюзы.

Супрацоўніцтва з творчымі саюзамі і арганізацыямі з'яўлялася адным з важнейшых накірункаў дзяржаўнай палітыкі ў галіне прафесійнага мастацтва. У 1994 г. на тэрыторыі Беларусі дзейнічалі наступныя творчыя грамадскія арганізацыі: Канфедэрацыя творчых саюзаў, Саюз тэатральных дзеячаў, Саюз мастакоў, Саюз кампазітараў, Саюз музычных дзеячаў, Саюз кінематаграфістаў, Саюз архітэктараў, Саюз дызайнераў [2, с. 109]. Прафесійна-творчыя аб'яднанні займаліся сацыяльна-прававой абаронай сваіх членаў; правядзеннем акцый, якія садзейнічалі развіццю нацыянальнага мастацтва, захаванню традыцый, пашырэнню замежных сувязей. Творчыя саюзы паступова пераўтвараліся ў пасрэдніка паміж уладай і творчай асобай. Яны мелі права пашыраць спектр сваёй дзейнасці, займацца выдавецтвам, арганізацыяй выстаў, пленэраў, канферэнцый і г.д. У пачатку XXI ст. на тэрыторыі Беларусі дзейнічала 13 творчых саюзаў, членамі якіх з'яўлялася каля 8 тыс. чалавек. [4, с. 60]

У 1992 г. дзяржава адабрала ў творчых саюзаў ільготу НДС і вызваленне ад падатка на прыбытак. На зездах прафесійных творчых работнікаў, якія праходзілі пасля гэтай падзеі, выказвалася пажаданне, каб гэтая ільгота была вернута, было прапанавана дзяржаве ўзяць на сябе аплату творчых майстэрняў мастакоў. Статус творчых саюзаў і іх членаў у новых палітычных і эканамічных умовах не быў вызначаны, існавала неабходнасць прыняцця адпаведнага закона.

З 1995 г. даволі актыўна абмяркоўвалася пытанне закона «Аб творчых саюзах», які б дазволіў рэгламентаваць дзейнасць творчага саюза, рэгуляваць адносіны паміж трыма бакамі: творчай асобай, саюзам і дзяржавай. Адным з важных палажэнняў закона павінна было стаць вызваленне творчага саюза ад падаткаў, што на думку распрацоўшчыкаў пасадзейнічала б умацаванню матэрыяльнай базы і спрыяць развіццю культуры і мастацтва.

Гэтае пытанне разглядалася на калегіі Міністэрства культуры і друку 11 снежня 1995 г., калі быў ухвалены праект закона і было вырашана прапанаваць яго з дапрацоўкамі ў Кабінет Міністраў РБ. У абгрунтаванні гэтага рашэння гаварылася,

што сучаснае эканамічнае становішча разбуральна дзейнічае на каштоўнасныя арыентацыі творчых работнікаў, якія аказаліся безабароннымі перад камерцыялізацыяй культуры. Існуе яркая неабходнасць стварыць умовы свабоднай творчасці. Саюзы творчых работнікаў Беларусі знаходзяцца ў цяжкім стане. І хаця яны павінны абараняць інтарэсы сваіх членаў, што на самай справе мала што могуць зрабіць у гэтым накірунку, таму што «самі знаходзяцца ў крытычным стане і нават на грані вымушанай самаліквідацыі з-за слабой прававой, сацыяльнай і эканамічнай абароны з боку дзяржавы ва ўмовах станаўлення рыначных адносін». [3, арк. 96-99]

Закон "Аб творчых саюзах і творчых работніках", які быў прыняты толькі 16 снежня 1999 г., у поўнай меры не апраўдаў чаканняў, якія на яго ўскладаліся. Гэты дакумент меў дэкларатыўны характар, і, каб ён пачаў рэальна дзейнічаць, неабходна распрацаваць сістэму нарматыўных актаў. [1, с. 58-70] Закон не праланоўваў ніякіх канкрэтных ільгот у падаткаабкладанні. Зніжэнне платы за камунальныя паслугі, электраэнергію і арэнду памяшканняў, прадугледжваў Указ Прэзідэнта РБ ад 29 красавіка 1997 г. "Аб мерах па дзяржаўнай падтрымцы творчых саюзаў". [5, с. 17] У 2001 г. указам Прэзідэнта ад 9 ліпеня творчыя саюзы Беларусі былі вызвалены ад выплаты падаткаў на прыбытак і на дабаўленую вартасць. У каментарыі да гэтага ўказа сцвярджалася, што "грамадскія аб'яднанні творчых работнікаў не ўваходзяць у дзяржаўныя структуры", аднак "ажыццяўляюць работу дзяржаўнай важнасці". [195, с.2].

Вельмі мала на Беларусі існуе прыватных устаноў культуры. Сярод найбольш жыццяздольных можна лічыць прыватны тэатр у Гомелі. Гомельскі незалежны тэатр адкрыўся 13 кастрычніка 1992 г. і існаваў на сродкі прадпрыемальніка Рыгора Філіпа. Тэатр перажыў фінансавы крызіс і перыяд нестабільнасці пасля трагічнай гібелі фундатара, аднак працягваў сваё існаванне пад апекай яго сястры Г. Шофман. [6, с. 95]

Яўныя недахопы ў законодаўстве не даюць магчымасці існаваць такой форме тэатра, не гледзячы на тое, што праблема існуе даўна і патрабуе свайго вырашэння. Асабліва адчуваюць цяжкасці тыя установы, якія дзейнічаюць на грані мастацтва і камерцыі. У першую чаргу гэта мастацкія галерэі і недзяржаўныя тэатральна-канцэртныя установы.

Фарміраванне мастацкага рынку на Беларусі праходзіць вельмі павольна і марудна. Гэта можна растлумачыць невялікімі попытамі твораў мастацтва ў насельніцтва, нават пры ўмовах, што яны каштуюць у некалькі разоў танней, чым у краінах Еўропы. Аднак мастацкі рынак развіваўся б інтэнсіўней у выпадку развіцця турызму на Беларусі. Для замежных турыстаў творы мастацтва могуць стаць добрым сувенірам. Адсутнасць заканадаўчай базы не дазваляе фарміравацца мастацкаму рынку Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Аб творчых саюзах і творчых работніках. Закон Рэспублікі Беларусь // Веды Рэспублікі Беларусь. — № 36, 1999. — Мінск, 2000. — С. 58—70.
2. Афіцыйны сайт Міністэрства культуры і друку РБ. Ф. 974, воп. 1, спр. 3.
3. Афіцыйны сайт Міністэрства культуры і друку РБ. Ф. 974, воп. 1, спр. 46.
4. Беларусь: выбар пути. Нацыянальны адзінства і развіццё. 2000. — Мінск: «Тарпей прінціпінг-хаўс», 2001. — 121 с.
5. Краткий комментарий к закону «О творческих союзах и творческих работниках» // Вестн. молодёж. научн. общ.—ва. — 2000. — № 4. — С. 12—18.
6. Тэатры Беларусі. — Мінск: Тэатральная творчасць, 1998. — 135 с.
7. Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 374 "Аб вызваленні асацыяцыі грамадскіх аб'яднанняў "Беларуская канфедэрацыя творчых саюзаў" і творчых саюзаў Рэспублікі Беларусь ад выплаты падаткаў на прыбытак і дабаўленую вартасць" // Культура — 2001. — 14—20 ліп. — С. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

І. СІСТЭМНАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ І ІНТЭГРАЦЫЯ ГРАМАДСТВА І ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫ, САЦЫЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТЫ	3
СЛАВЯНСКИЙ МИР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ <i>Яскевич Я.С.</i>	3
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ И РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ ПО СОЗДАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ <i>Гиль С.В.</i>	8
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ <i>Крусь П.П.</i>	10
PARTICIPATING IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION IN THEORY AND PRACTICE A HUMAN-RIGHTS-ORIENTED DIDACTICAL CONCEPT FOR ENTERING INTERDISCIPLINARY AND INTERCULTURAL EXCHANGE AND COOPERATION <i>Hans Walz</i>	14
ЛИЧНОСТНЫЙ СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА <i>Смягликова М.В.</i>	23
НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ» <i>Лапина С.В.</i>	30
ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ <i>С.Н. Зайцева</i>	33
НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА <i>Медиченко Л.Е.</i>	37
О ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕНТРА И ФЕНОМЕНЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ <i>Снытко Н.И.</i>	40
ECONOMICAL AND CULTURAL VALUES <i>Valdas PRUSKUS</i>	44
MEDIALNE MANIPULACJE ŻYCIA GLOBALNEGO <i>Acewicz Mirosław</i>	48
ФУНКЦИЯ ЭТНОСА В СИСТЕМЕ ЕДИНЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА <i>Ионас Сребалюс</i>	53
METODY ROZWIĄZYWANIA SPORÓW <i>Marcin Szczepański</i>	57
KONCEPCJA PRACY W UJĘCIU JANA PAWŁA II <i>J. Zalejski</i>	61
ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: СМЕНА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ <i>Титаренко Л.Г.</i>	64

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РАЦИОНАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ <i>Винокурова С.П.</i>	69
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ <i>Цепанев С. П.</i>	74
СОВРЕМЕННОСТЬ И КРИЗИС СОЦИАЛЬНОСТИ <i>Варич В.Н.</i>	79
II ТРАНСФОРМАЦЫЯ І ІНТЭГРАЦЫЯ ГРАМАДСТВА, ГІСТАРЫЧНЫ ВОПЫТ І СУЧАСНАСЦЬ	82
ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ В XIX в. <i>Ковалёва Н.Н.</i>	82
ZARYS EWOLUCJI POLITYKI NARODOWEJ ZSRR I FEDERACJI ROSYJSKIEJ W LATACH 1917 – 1999 <i>Bartłomiej Garczyk</i>	85
ИНТЕГРАЦИЯ БАЛТИЙСКИХ СТРАН В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ <i>Виталия Кецёртве</i>	90
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-39 гг.) <i>В.С.Мисюк</i>	95
БЕЛАРУСЬ, РОССИЯ, УКРАИНА: СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ (ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА) <i>Лысюк А.И.</i>	99
OBRAZY UNII EUROPEJSKIEJ, WIZERUNKI INTEGRACJI POLSKI Z EUROPA PRZEDSTAWIANE PRZEZ MEDIA MNIejszościowe <i>Urszula Klimczuk</i>	103
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА <i>Акинчиц И.И.</i>	107
РОЛЬ МОТИВАЦИОННОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ <i>Куш А.Л.</i>	111
СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА <i>Лопина И.А.</i>	115
АНОМИЯ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ <i>Кавецкий С. Т.</i>	119
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ НА ПУТИ К СВОБОДЕ СОВЕСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ <i>Алейникова С.М.</i>	123
ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА <i>Винокурова И.В.</i>	126
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	

<i>Червинская И.А.</i>	132
ЭТИКА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	
<i>Мацевич М.Я., Мацевич И.Я.</i>	134
WYBRANE PROBLEMY POLSKO-BIAŁORUSKIEJ WYMIANY TOWAROWEJ NA PRZYKŁADZIE PRZEDSIĘBIORSTW WOJEWÓDZTWA PODLASKIEGO	
<i>Anna Edyta Grabska</i>	140
EFFECT OF GLOBALISATION ON WORK PRACTICES IN A WORKPLACE	
<i>Marie Hines</i>	145
AKTYWNOŚĆ ZAWODOWA KOBIEC A PRZEOBRĄZENIA MODELU RODZINY W POLSCE	
<i>Ewa Sadowska</i>	149
"INTERNATIONAL EXCHANGES DURING THE EARLY MODERN AGE: SILK, TRADE AND TRAVEL IN THE BALTIC COUNTRIES"	
<i>Elio Brancaforte</i>	155
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, КОНВЕРГЕНЦИЯ ИДЕЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ЕРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ	
<i>Даля Эйдукене</i>	159
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	
<i>Ширяева Л.А.</i>	162
III. АДУКАЦЫЯ, МОЛАДЗЬ І КУЛЬТУРА ВА УМОВАХ СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ ГРАМАДСТВА	166
THE EDUCATIONAL FACTORS, WHICH SUPPORT SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN THE PROCESS OF SYSTEM TRANSFORMATION	
<i>Tadeusz Kowalewski</i>	166
ЧЕРТЫ ОТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ СФЕРЫ РАЗВИТИЯ В ШКОЛАХ ЛИТВЫ	
<i>Вилия Гринцявичене</i>	169
SYLWETKA ABSOLWENTA SZKOŁY WYSZEJ W EPOCIE WIEDZY	
<i>Alina Borowska</i>	174
СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВА	
<i>Шебанова И.А.</i>	177
ИНТЕГРАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Грибова И.Г., Ракицкая В.Г</i>	181
AKCJA OPIEKI MIĘDZYSZKOLNEJ	
<i>Andrzej Smolarczyk</i>	184
MŁODZI BADACZE KRAJÓW POSTSOWIECKICH WOBEC TRANSFORMACJI SPOŁECZEŃSTW W EUROPEJSKIEJ INTEGRACJI	
<i>Zofia Tomczonek</i>	191
СТУДЭНТЫ ПОЛЬШЧЫ І БЕЛАРУСІ: УЯЎЛЕННІ АБ КАШТОЎНАСЦЯХ	
<i>Грыбай Г.М.</i>	195

МАРГИНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ПЕРЕЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ <i>Коклюхин В.В., Крюков В.М.</i>	200
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ <i>Скакун Е.В.</i>	206
ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 80-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XIX ВЕКА <i>Восович С.М.</i>	211
REFLEKSJE SOCJOLOGA O WSPÓLCZESNYCH ZMIANACH W TURYSTYCE MŁODZIEŻOWEJ W POLSCE <i>Ewa Mucha-Szajek</i>	216
КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) <i>Цыбульская Н.В.</i>	221
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСКУССТВЕ XX ВЕКА <i>Чистякова Т.Л.</i>	226
KULTURA JAKO ISTOTNY CZYNNIK INTEGRACJI SĄSIEDZKICH NARODÓW SŁOWIAŃSKICH <i>Adam Sawicki</i>	229
МИРОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ РЕГИОНА ЕВРОПЫ ЮНЕСКО <i>Сергеева Ю.И.</i>	233
КУЛЬТУРНАЯ ПАЛІТЫКА СЛАВЯНСКІХ КРАЇН У ПЕРЫЯД СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ <i>Крывашэй Д.А.</i>	238
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ БЛЭК-МЕТАЛ И ПРОБЛЕМЫ УЛЬТРАПРАВОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ <i>Лысюк И.А.</i>	243
МЕТОДЫ РЕФЛЕКСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ <i>Бурко О.П.</i>	247
СТВАРЭННЕ ЗАКАНАДАЎЧАЙ БАЗЫ ДЛЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ ЯК АСПЕКТ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ (1991-2005 гг.) <i>Папко В.М.</i>	251

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Сборник научных трудов кафедр социально-
гуманитарных наук

Выпуск II

ISBN 985-493-016-5

9 789854 930169

Ответственный за выпуск **Грибов Г.М.**
Редактор **Строкач Т.В.**
Компьютерная верстка **Боровикова Е.А.**
Корректор **Никитчик Е.В.**

Лицензия № 02330/0133017 от 30.04.2004 г.

Подписано в печать 14.06.2005 г.

Формат 70x90 1/16. Бумага «Снегурочка». Гарнитура Arial Narrow. Усл. печ. л. 20,31.

Уч.-изд. л. 16,25. Зак. № 660. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».

Лицензия № 02330/0148711 от 30.04. 2004 г.

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.